

Перекрёстки N 1-2 / 2009

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ

Европейский гуманитарный университет
Центр перспективных научных исследований и образования (CASE), проект «Социальные трансформации в Пограничье: Беларусь, Украина, Молдова»

Перекрестки № 1–2/2009
Журнал исследований восточноевропейского Пограничья
ISSN 1822-5136

Редакционная коллегия:
Светлана Наумова (главный редактор) (Минск)
Павел Терешкович (Минск)
Татьяна Журженко (Харьков)
Людмила Кожокари (Кишинев)

Научный совет:
Анатолий Михайлов (Беларусь), доктор филос. наук
Ярослав Грицак (Украина), доктор ист. наук
Виржилию Бырлэдяну (Молдова), доктор ист. наук
Геннадий Саганович (Беларусь), кандидат ист. наук
Димитру Молдован (Молдова), доктор экон. наук

Журнал выходит с 2001 г.
Периодичность: ежеквартально
Адрес редакции и издателя:
Европейский гуманитарный университет
Tauro str. 12, LT-01108
Vilnius Lithuania
E-mail: publish@ehu.lt

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 300 экз.
Отпечатано: «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius

Авторы статей несут ответственность за предоставленную в статьях точку зрения.

На обложке использован фрагмент картины «Портрет скульптора Оскара Мещанинова».

ЕГУ выражает глубокую признательность за помощь и финансовую поддержку проекта Корпорации Карнеги, Нью-Йорк.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Григорий Миненков

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ5

Дмитрий Шевелёв

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ УКРАИНЫ,
МОЛДОВЫ И БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ 1990–2000-х гг.21

Андрей Степанов

ЧЕРНОБЫЛЬ, ЭКОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА: СОЦИАЛЬНАЯ
МОБИЛИЗАЦИЯ В БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ 1990-х гг.87

Сергей Богдан

БССР И БЕЛАРУСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ 101

Анатолий Трофимчик

ОППОЗИЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И АНТИСОВЕТСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ШКОЛАХ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР.
МЕРЫ ПО ИХ ЛИКВИДАЦИИ (РЕПРЕССИИ) 134

Анатолий Трофимчик

СОВЕТСКАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛЫ
В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР В 1939–1941 гг. 171

Татьяна Володина

ИСТОРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ
ПОГРАНИЧЬЯ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО
ОКРУГА В 1860-е гг. 212

Мисиюк В.С.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЦЕРКОВЬ В ПОЛЕССКОМ
ВОЕВОДСТВЕ (1921–1939 гг.) 222

Галина Сандуца

К ВОПРОСУ ОБ УКРАИНСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ 233

Виталий Кириченко

ОБРАЗЫ РОССИИ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ
ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ В. ЮЩЕНКО И ПРЕЗИДЕНТА
БЕЛАРУСИ А. ЛУКАШЕНКО (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)..... 244

Оксана Довгополова

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ГЕНДЕРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ
(ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ПРОЕКТА В 1990-е гг.)..... 265

РЕЦЕНЗИИ

Оксана Довгополова

РОЛЬ ДРУГОГО В ФОРМИРОВАНИИ СОБСТВЕННОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ..... 278

НАШИ АВТОРЫ 283

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

Политика идентичности вместе с новыми социальными движениями вышла на передний план как теоретического анализа, так и различного рода социальных практик в последней трети XX столетия. В своем развитии политика идентичности на Западе прошла через несколько этапов, начиная с ажиотажного увлечения ею и вплоть до ее резкой критики в 1990 г., в частности со стороны постфеминизма, за эссенциалистские и реификаторские тенденции. Вместе с падением коммунизма и распадом Советского Союза к политике идентичности, особенно в ее национальном и гендерном измерении, стали активно обращаться и в постсоветском пространстве. Различные группы попытались активно использовать практики, характерные для западных стран, вместе с их концептуальными конструкциями и языками. При этом обнаружилась серия трудностей и проблем, в чем-то повторявших особенности ранних этапов политики идентичности, но большей частью связанных с некритическим заимствованием западных моделей без учета локальных социально-культурных контекстов. Тем самым представляется необходимым дальнейшее углубление теоретического анализа политики идентичности с учетом постсоветских реалий.

В данной статье обозначенная проблема рассматривается в трех аспектах: взгляд современной социальной теории на истоки и суть политики идентичности; анализ некоторых приложений политики идентичности в постсоветском пространстве, включая Беларусь; предварительное прояснение гендерных измерений политики идентичности, актуальных для постсоветских контекстов¹. Понятно, что рассматриваемая в статье тема предельно обширна и многомерна и

требует серии исследований, в том числе эмпирического характера, с использованием различного рода качественных и количественных методов. Соответственно предлагаемый текст выступает скорее в форме теоретического введения в проблематику, включая ее гендерное измерение.

С самого своего начала политика идентичности была направлена на такую организацию политического действия, которая позволяла бы выявлять и легитимизировать прежде подавленные голоса различных социальных групп. Стоит заметить в этой связи, что во многом истоки политики идентичности связаны с феминистским движением; более того, эволюция ее в существенной мере совпадала с эволюцией самого феминизма. В центре политики идентичности явно или неявно всегда находится нарратив различия. Политика идентичности, как она первоначально формировалась в мультикультурном пространстве, концентрируясь прежде всего на проблематике расы, класса и гендера, явно или неявно стремилась к внутренней гомогенизации конкретных сообществ, но этот процесс опирался на утверждение различия с другими сообществами. В то же время нужно видеть, что, как отмечает Т. Гитлин, политика идентичности есть нечто большее, чем выражение совокупности особых мыслей и чувств, переживаемых и выражаемых конкретными индивидами и группами. Это – паттерн принадлежности, поиск комфорта, стремление к такому сообществу, в котором чувство принадлежности является одновременно и защитой, и нападением, способом преодоления исключения и умолчания. Не случайно, что здесь мы часто сталкиваемся с натурализацией и реификацией идентичностей, с идеей, что социальные группы обладают сущностной идентичностью. Анатомия может превращаться в судьбу. В итоге «распространение политики идентичности приводит к повороту внутрь, мрачной и герметичной бравате, которая принимает идеологическую форму параноидального, прикрытого жаргоном, постмодернистского группового мышления, мании преследования и стилизованной маргинальности»². В этом выражается тот факт, что идентичности создаются не в лабораториях или аудиториях, но конструируются в конкретных социальных практиках, что и делает как сами эти практики, так и знание о них политическими, так как они всегда являются взаимодействием смыслов, которые мы вкладываем в социальные действия. Разумеется, при этом ставится под сомнение автономия и устойчивость любой особой идентичности, претендующей на определение и интерпретацию существования субъекта³.

Именно поэтому политика идентичности выявляет существенно новое измерение проблемного поля социальной теории. И прежде всего, как отмечают М. Сомерс и Г. Гибсон, речь идет о возможности построения жизнеспособных социологических концепций деятельности, которые не прибегали бы к внешнему принуждению для объяснения действия, «отклоняющегося» от «универсальных» предпосылок и концептов, сформировавших традиционные теоретические дискурсы. Поиск подобных объяснений неминуемо ведет к сомнениям

в универсализме модернистской социальной онтологии, поскольку последняя возможна только в случае игнорирования того, что, например, женщины и иные «другие» обладают своими голосами. Обнаруживается, что якобы универсальный социальный актор классической социологии на самом деле является крайне партикулярным, а именно – это западный белый образованный мужчина, говорящий от имени всеобщего. Соответственно, теоретический ответ должен не только выявить социально конкретный характер «всеобщего» современного социального актора, но и предложить альтернативу, которая была бы в состоянии преобразовать отвергаемую «инаковость» в по-новому разработанный идеал самости и нормативного социального действия⁴.

Отсюда становится очевидным, почему мы говорим именно о политике. Дело в том, что стремления, охватываемые «политикой идентичности», являются коллективными и публичными, а не только индивидуальными и приватными. Это – борьба, борьба теоретическая и социально-политическая, а не просто объединение в группы по интересам, борьба, связанная с разрушением прежних легитимаций и поиском признания и легитимности, а иногда и власти, а не только возможностей для самовыражения и автономии. Политика идентичности является политикой и потому, что она включает отрицание или замену тех идентичностей, которые другие, часто в форме различного рода ярлыков, хотели бы навязать от имени «всеобщего» борющимся за признание индивидам. Ярким выражением этого является теоретическое и проективное переосмысление в последние десятилетия расовой, гендерной и сексуальной идентичностей. А это означает, что разговор о политике идентичности есть разговор о направлениях и перспективах развития демократии. Хотя сама по себе политика идентичности имеет демократические истоки и интенции, настаивая на предоставлении голосов подчиненным, она может вести (и ведет) к недемократическим социальным установлениям и практикам, как это часто, например, бывает с политиками национальной идентичности. Наглядным в этом плане является пример 30% депутатов-женщин в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь. Казалось бы, совершенно демократическая политика идентичности. В действительности же мы знаем, что реально это не имеет никакого отношения к демократии. Тем более что женщинам в этом случае представляется возможность разыгрывать сугубо мужские роли и следовать нормам патриархального сознания.

Итак, очевидна проблема: возможна ли в целом демократическая политика идентичности и если да, то в каком смысле? Как могут быть купированы ее очевидные недемократические тенденции?

Чтобы выявить смысл современной политики идентичности, нужно обратиться к самому пониманию политики и политического, а также к тому, как конструируется субъект политической идентичности в ситуации «смерти» классического рационального субъекта. Я буду опираться в данном случае на кон-

цепцию политического и радикальной демократии в позднем современном обществе Шанталь Муфф. В частности, весьма важным является для нас тезис Муфф о том, что «социальный агент конституируется набором “субъективных позиций”, которые никогда не могут быть зафиксированы в закрытой системе различий. Он конституируется разнообразием дискурсов, в рамках которых имеют место не некие необходимые отношения, но постоянное движение переопределения и замещения»⁵. А это значит, что в проблемном поле политики идентичности мы неминуемо вступаем в сферу столкновения принципов конструктивизма и эссенциализма.

Представляется, что для нашей темы весьма важным является различие, которое, пользуясь языком М. Хайдеггера, Муфф проводит между политикой как «онтическим» уровнем и политическим как «онтологическим» уровнем. По словам Муфф, «это значит, что онтическое относится к множеству практик конвенциональной политики, а онтологическое касается самого способа, которым происходит символическое установление общества»⁶. Иными словами, на первом уровне имеет место совершенно конструктивистская деятельность по формированию и реализации различных политик идентичности, в то время как на втором им приписываются некие символические универсалии.

И как раз применительно к политике идентичности, особенно на ранних стадиях ее развития (а в Беларуси мы имеем именно такую стадию), часто имеет место смешивание этих уровней. И тогда конвенциональные практики, связанные с решением ситуативных проблем, начинают приобретать онтологический статус. Идентичность становится способом решения проблем не своих, а других групп и сообществ, которые якобы имеют «неправильную», например, национальную или сексуальную идентичность. Иными словами, политика идентичности идеологизируется. В то же время нельзя отрицать наличия онтологических оснований политики идентичности. Конечно, мы имеем в виду постметафизические онтологии, дискурсивные онтологии, но они, тем не менее, играют важную роль в обосновании конкретной политики. Скажем, политика идентичности в гендерном измерении определяется тем, как видится онтология гендера. Например, под видом «заботы о женщинах» речь на самом деле может идти об элементарном социальном равноправии при фактическом сведении функции женщины исключительно к материнству, как то мы имеем в Беларуси. Такая дискурсивная онтология гендера, принимая вид традиционной онтологии, становится тем самым основой сексистски ориентированной колонизации жизненного мира женщины, не оставляя ей иного выбора.

Иными словами, речь должна идти о способности мыслить действительно политически, ведя разговор об идентичности. Но что это значит? Муфф полагает, что зачастую мы не способны мыслить политически в силу господства либерального типа мышления. Очевидно, что Муфф имеет в виду западные реалии. Но в каком-то смысле это относится и к постсоветскому пространству,

когда широко на идеологическом рынке предлагается сугубо либеральный дискурс, но принимающий предельно абстрактные, не связанные с локальными особенностями формы, в то время как мы имеем ситуацию реальной борьбы в различных измерениях.

Проблема тем самым состоит в том, как анализировать и репрезентировать политику идентичности. Действительно, согласимся с Муфф, либерализм с этим в значительной мере не справляется, поскольку исходит из презумпции исключительно рационального индивида и возможности консенсуса. Можно сказать так: либеральный подход важен как принцип в форме признания возможности и неизбежности различных решений, особенно в нынешней ситуации социальной неопределенности, но он не действует в качестве работающего механизма применительно к политике идентичности, поскольку последняя неизбежно включает не столько консенсус, сколько антагонизм. Очевидно, что здесь не работает сугубо инструментальная рациональность, ибо с инструментальной точки зрения притязания тех или иных групп могут выглядеть совершенно странными, особенно если это меньшинства. Конечно, более адекватным механизмом может быть принцип коммуникативной рациональности, делиберативный подход, где основную роль играют моральные принципы. Однако реальность такова, что там, где имеет место конфликт интересов, далеко не всегда работают принципы морали. Или по крайней мере сталкиваются различные моральные принципы. Муфф справедливо отмечает, что в обоих случаях игнорируется то, что она называет страстью, т.е. аффективным измерением, являющимся «центральной моделью коллективной идентификации, без чего невозможно понять конструирование политических идентичностей. Политические идентичности – это всегда коллективные идентичности, и это еще одна причина того, почему либерализм с его методологическим индивидуализмом не способен осмыслить своеобразие политического. В политике мы всегда имеем дело с “нами”, противопоставляемыми “им”, и... именно поэтому устранение антагонизма невозможно»⁷.

Такой акцент на коллективных идентичностях предельно важен, поскольку взаимодействие между ними и задает особенности конкретной политики идентичности. В то же время концептом коллективной идентичности нужно пользоваться предельно осторожно, избегая всякого рода органицистских аналогий, столь характерных для классической социальной теории, начиная с К. Маркса и Г. Спенсера. Не следует забывать, что коллективные субъекты представляют собой в значительной мере неустойчивые совокупности, эмпирическая реальность и идентичность которых в конечном счете зависит от *идентификаций* со стороны личностей, формирующих этот коллектив. Индивиды могут быть «элементами» различных коллективов, они, в принципе, могут входить в них и выходить из них в любое время. Сошлемся на определение, предлагаемое исследователем коллективной идентичности Ю. Асманом: «Мы рассматриваем *коллектив* или *мы-идентичность* как образ самого себя, конструируемый коллективом,

образ, с которым идентифицируют себя члены коллектива. Коллективная идентичность есть вопрос об *идентификации* участвующих в коллективе индивидов. Она существует не “сама по себе”, а только в той степени, в какой ее признают индивиды. Она является сильной или слабой в той степени, в какой она живет в мышлении и действиях членов группы и может мотивировать их мысли и действия»⁸.

Таким образом, коллективные идентичности представляют собой конструкции, обозначающие не что иное, как *общность*, которая еще должна конкретно проявиться в практическом отношении к себе и миру. Они выражают достижение определенного согласия между индивидами. Не стоит только предполагать исключительно сознательный или рациональный характер подобных соглашений. Скорее, речь должна идти о молчаливом знании, которое структурирует, и направляет мысли, чувства и действия членов коллектива. Коллективные идентичности являются коммуникативными конструктами, *дискурсивными фактами*, которые очень важно эмпирически правильно интерпретировать. Если интерпретация оказывается ошибочной, то возникает опасность манипулирования коллективами, когда игнорируются различия между индивидами и происходит их насильственная *гомогенизация*.

Для ухода от возможностей эссенциалистских интерпретаций политики идентичности, реализующей устремления якобы гомогенных коллективов или культурных сообществ, существенно, на мой взгляд, опираться на предлагаемое А. Мелуччи понимание коллективной идентичности как совокупности практик реализации конкретных социальных действий. При этом коллективное действие вовсе не является продуктом неких естественных сил или железных законов истории, как и верований и репрезентаций акторов. Согласно Мелуччи, коллективное действие необходимо рассматривать как конструкт, создаваемый в контексте сложных процессов взаимодействия и культурных изменений, а именно как «совокупность социальных практик, (а) одновременно охватывающих определенное количество индивидов или групп, (б) выражающих сходные морфологические характеристики в определенном времени и пространстве, (в) предполагающих социальное поле отношений и (г) способность включенных в эту деятельность людей наделять смыслом то, что они делают»⁹.

Иными словами, от нас требуется совершенно конкретный анализ коллективных действий во всей их процессуальности с учетом того, что каждое такое действие является системой разнонаправленных актов, в которых и задаются, и постоянно перенастраиваются те или иные смыслы коллективных идентичностей, объединяющихся в движении индивидов и соответствующих политических практик. Исходя из этого Мелуччи называет «коллективной идентичностью» процесс “конструирования” системы действия. Коллективная идентичность есть интерактивный и совместный процесс определения, осуществляемый некоторым количеством индивидов (или групп – на более сложном уровне) и свя-

занный с ориентациями их действия и полем возможностей и ограничений, в котором такое действие происходит»¹⁰. При этом нужно учитывать следующее: коллективная идентичность как процесс включает *когнитивные определения*, связанные с целями, средствами и полем действия, и тем самым отсылает к сети *активных отношений* между акторами, которые взаимодействуют, вступают в коммуникацию, влияют друг на друга, договариваются и принимают решения; коллективная идентичность никогда не является законченной калькуляцией по принципу «затраты – выгоды», она всегда мобилизует эмоции. Соответственно коллективная идентичность особенно четко выявляет реляционный характер всякой идентичности, ее укорененность в реальных социальных практиках, тот факт, что она не «вещь», но всегда отношение. Сказанное позволяет нам особенно оценить значение следующего вывода Мелуччи: «Коллективная идентичность есть процесс обучения, который ведет к формированию и поддержанию единого эмпирического актора, которого мы можем назвать “социальным движением”. Поскольку этот процесс проходит через разные стадии, коллективный актор развивает способность разрешать проблемы, поставленные средой, и становится все более независимым и автономным в своей способности действовать в рамках той структуры отношений, в которую он включен. Процесс коллективной идентичности есть, таким образом, и способность создавать новые определения, интегрируя прошлое и возникающие элементы настоящего в единство и непрерывность коллективного актора»¹¹. Представляется, что именно в этом процессе социального обучения различных партикулярных идентичностей и задаются постоянно движущиеся горизонты политики идентичности, позволяющие разрешать неразрешимый парадокс демократии. Как раз такой процесс обучения является предельно насущным для политик идентичности в постсоветском пространстве.

Таким образом, очевидно, что политика идентичности не исключает антагонизма, напротив, она даже его предполагает. Любая ситуация отношений «мы» и «они», т.е. отношений идентичности, может стать локусом антагонизма. Основная проблема в том, как соединить разнонаправленные интересы в рамках демократического плюрализма, купировав недемократическую направленность политики идентичности. Скажем, в Беларуси мы имеем две крайние формы политики идентичности: с одной стороны, так называемая «идеология белорусской государственности», с другой – чисто националистический проект, сводящий национальное измерение исключительно к языковому измерению и следованию неким изначальным национальным традициям. Очевиден недемократический характер обоих проектов, поскольку в обоих случаях предполагается не включение, а исключение тех или иных социальных групп. Но столь же очевидно, что оба проекта имеют определенные объективные основания и единую цель – конструирование независимой Беларуси. Как разрешать подобный антагонизм?

Здесь мы должны учитывать то, что американский философ Г. Стейтон называет «конститутивной изнанкой» – концепт, предложенный им для обозначения множества тем, развиваемых Ж. Деррида (дополнение, след, различание). Смысл концепта в том, что идентичность всегда предполагает установление различия, причем это различие часто конструируется на основе иерархии, например, между черным и белым, мужчиной и женщиной и т.д. Различие есть основа практик идентификации, и собственно именно оно, отмечает Муфф, превращает идентичность в политику, ибо политика и есть отграничение «нас» от «них» и далеко не всегда в дружественном режиме. Конечно, эта граница может прикрываться элементами уважения, признания и т.д., и здесь как раз и важен дискурс либерализма. Но она может проводиться и «шершавым языком плаката» с жестким определением «друзей» и «врагов», «правильного» и «неправильного» и т.д. Именно так строится, например, политика идентичности белорусской власти, впрочем, и оппозиционная политика идентичности тоже. Иными словами, всякая политика идентичности чревата антагонизмом, особенно когда «они» воспринимаются как угроза «нашей» идентичности. По словам Муфф, «антагонизм – это постоянно существующая возможность, где политическое принадлежит нашему онтологическому состоянию, и когда мы размышляем о задаче демократической политики, об этом не следует забывать»¹².

Здесь, сошлемся на Э. Лакло, совершенно очевидно отсутствие каких-либо универсалий, которые могут быть приняты всеми как «истинные» в результате рациональной дискуссии. Но этим, подчеркивает Лакло, как раз и задается возможность демократии: демократия возможна именно вследствие отсутствия общезначимого, которое всегда будет предметом обсуждения, борьбы, выбора¹³. Если есть некая «истина» для всех, то зачем тогда демократия? Именно такова, напомним, логика коммунизма, да и любой иной тоталитарной идеологии и практики.

На что ориентирована политика идентичности? Тривиально напоминать, что всякое социальное устройство репрезентирует себя как некий порядок, упорядоченность, исходящую из дискурсивно устанавливаемых, но часто выдаваемых за безусловные онтологических оснований этого порядка. Увлеченность «порядком» и его гегемонистским утверждением особенно характерно для авторитарных социальных устройств. Соответственно всякие посягательства на установившийся порядок рассматриваются как нарушение бытийных оснований существования данного социума. Но что в действительности выражает порядок? По словам Муфф, «социальное представляет собой область седиментированных практик, т.е. практик, которые скрывают первоначальные акты своего случайного политического установления и которые считаются само собой разумеющимися, содержащими в себе свою основу. Седиментированные социальные практики представляют собой конститутивную часть всякого возможного общества, так как невозможно поставить под вопрос все социальные

связи одновременно»¹⁴. Иными словами, социальное есть утвердившееся политическое, т.е. результат некоторой совокупности прежних действий. Это значит, что такое социальное всегда может быть подвергнуто сомнению, как бы оно ни претендовало на свою онтологическую безусловность. Предельно ярко это проявляется именно в гендерных отношениях, где иерархия мужского и женского традиционно представляется в качестве естественной, закономерной и т.п. И тогда гендерная политика оказывается сугубо мужской политикой «дарования» чего-то женщинам, как то имеет место в той же Беларуси с ее типично сексистским дискурсом политической власти. Достаточно вспомнить бигборды на улицах белорусских городов с их, по существу, сексистскими и патриархатными репрезентациями гендерных ролей. Самое печальное, что подобные правила игры принимаются и самими женщинами, т.е. они оказываются не субъектами, а объектами определенной политики идентичности.

Политика идентичности, собственно, тогда и появляется, когда утвердившиеся социальные практики подвергаются сомнению и обнаруживается их условность и сомнительность. В действительности всякий социальный порядок является временным и непрочным. Граница между социальным и политическим нестабильна и требует постоянного смещения и пересмотра социальными агентами. Борьба за признание подрывает социальный порядок, но при этом группа, борющаяся за такое признание, и сама, как правило, стремится утвердить гегемонистский проект. Именно потому ранняя политика идентичности критикуется за склонность к эссенциализму и гегемонизму. Идентичность никогда не является готовой. Исходя из «конститутивной изнанки» конституирование «нас» зависит от того, как мы представляем «их». Соответственно задача демократической политики идентичности состоит в том, чтобы купировать потенциальный антагонизм, заложенный в политике идентичности, а не усиливать его.

Муфф интерпретирует эту практику купирования как перевод антагонизма в агонизм. Если в первом случае мы имеем ситуацию врагов, у которых нет общего рационального пространства для разрешения конфликтов, то во втором конфликт сохраняется, но при этом стороны признают оправданность и легитимность позиций друг друга. Они по разные стороны баррикад, но они не враги в прямом смысле слова, ибо воспринимают себя в качестве принадлежащих к одному политическому пространству. Здесь сталкиваются различные гегемонистские проекты, но конфронтация регулируется демократическими процедурами. По словам Муфф, «агонистическая концепция демократии признает случайный характер гегемонистских политико-экономических артикуляций, которые определяют специфическую конфигурацию общества в данный момент. Это непрочные и прагматичные конструкции, которые могут быть разартикулированы и трансформированы в результате агонистической борьбы между сторонами»¹⁵. Анализ политики идентичности – это анализ конкретных

форм жизни индивидов, что делает само понимание проблемы конкретным и ситуативным. И одновременно это выявление различных проектов, претендующих на гегемонию, притязаний на господство различных означающих. Не будем забывать, что политика всегда пристрастна.

Очевидно, что особого внимания от нас требуют сами практики реализации политики идентичности – вопрос, предельно актуальный для постсоветского пространства. Скажем, гендерная политика идентичности принимает в Беларуси фактически сугубо насильственный характер. С одной стороны, в патриархатном духе и женщинам, и мужчинам навязываются прежние социальные роли, когда, скажем, женщина превращается исключительно в «возвышенный биологический объект» – машину для рождения и выращивания детей. Но, с другой стороны, женщина утверждается властью исключительно как сексуальный объект, символически насилуется (вспомним «замызганных француженок» и пр.). Такая политика идентичности строится на логике исключения. Из конструируемых «женщин» исключается масса реальных женщин, как, впрочем, и из мужчин тоже. «Новые патриархатные общества» явно не готовы к восприятию структуры неконтролируемой женской самодостаточности как самодостаточности «другого»¹⁶.

Проблема в том, что политика идентичности в постсоветском пространстве, в том числе со стороны женских организаций и движений, осуществляется в духе классического рационализма, т.е. представлений о прозрачности социальных отношений, которые нужно только правильно выстроить. Отсюда постоянные апелляции к власти, которая должна помочь, решить и т.д. Не учитывается описанный Муфф контингентный характер социальных и политических установлений, что требует проведения *своей* политики, а не традиционного стремления занять место у власти и оттуда уже решать «женские проблемы». Пока этого не произойдет, политика идентичности останется местом или полем манипуляций власти в ее собственных интересах, а женщины так и будут оставаться исключительно матерями и верными подругами.

Сказанное требует от нас вновь обратиться к теоретическим измерениям политики идентичности и соответствующим дискуссиям вокруг нее. Следует иметь в виду, что значительная часть исследователей настороженно относится и к самому концепту идентичности, и к политике идентичности. И эту настороженность необходимо принимать со всей серьезностью, особенно в постсоветских контекстах, отнюдь не блещущих наличием демократической политической культуры. Типичным примером упомянутой настороженности является статья С. Хекман «За пределами идентичности: феминизм, идентичность и политика идентичности»¹⁷. Статья посвящена критике теории идентичности, предложенной Дж. Батлер и рядом других феминистских теоретиков политики идентичности, а также критическому анализу политики идентичности как таковой. Хекман, в частности, полагает, что отрицание Батлер модернистского субъекта

не является обоснованным. Исходя из теории так называемых объектных или предметных отношений, Хекман противопоставляет идее Батлер концепт субъекта как «безосновного основания» (ungrounded ground), занимающего промежуточное положение между постмодерным и модерным субъектом. Что касается политики идентичности, автор полагает, что вместо заселения политической сферы многочисленными идентичностями следует вообще удалить идентичность из этой сферы. Заметим, что последнее пожелание интересно и теоретически привлекательно. Но возможно ли такое удаление практически? Не станет ли это просто иной политикой идентичности?

Напомним, что политика идентичности была выдвинута в качестве орудия разрешения тех проблем, с которыми женщины сталкивались в политической сфере. При этом феминизм первой волны, делая акцент на равенстве мужчин и женщин, стремился ввести женщин в универсальную категорию «граждан». Однако обнаружение феминизмом второй волны того, что эта категория по сути является маскулинной, разрушило данную стратегию. Правда, решение проблемы, предложенное второй волной, когда подчеркивались различия между мужчинами и женщинами и феминистская политика определялась на языке универсальной категории «женщин», было столь же некорректным, поскольку данная категория скрывала гегемонию белых гетеросексуальных женщин среднего класса, отодвигавших других женщин на обочину феминистской политики.

Заметим, что такая же логика характерна для развития любой политики идентичности. Если мы рассмотрим национальную политику идентичности, то обнаружим, что при прокламируемом равенстве наций обычно фиксируется некий эссенциальный признак, скажем, язык, и соответственно все, не владеющие данным языком, даже если они граждане данного государства, оказываются людьми второго сорта, у них отрицается субъектность. Иными словами, недемократическим образом реализуется принцип гегемонии, когда контингентные факторы объявляются эссенциальными и онтологическими. Или в случае политики идентичности, связанной с сексуальными меньшинствами, может официально прокламироваться равенство и прочее, но на уровне политического истеблишмента, как то имеет место в Беларуси, будут утверждаться этакий мачизм и гомофобия.

Если вернуться к феминизму, то обнаружение подобных тенденций побудило к пересмотру ранней политики идентичности посредством предложения иных дискурсивных стратегий конструирования идентичностей, а именно таких, которые преодолевали бы гомогенизирующие тренды как феминизма, так и иных социальных движений. Потребность в таких стратегиях, заметим, стала особенно насущной в ситуации взрыва националистических настроений в 1990-е гг.

Особая роль в решении обозначенной проблемы принадлежит концепции идентичности, разработанной Дж. Батлер в «Гендерном беспокойстве» и после-

дующих ее работах. Как известно, Батлер предложила заменить представление об устойчивой, эссенциальной идентичности пониманием идентичности как такого феномена, который конституируется колеблющимися и флюидными дискурсивными силами. Иными словами, полагает Батлер, «нет никакой гендерной идентичности за пределами проявлений гендера», у гендерно организованного тела «отсутствует онтологический статус вне различных актов, которые конституируют его реальность»¹⁸. Батлер стремится построить «генеалогию гендера», выявляющую контингентные акты, конституирующие представление о естественной необходимости: эссенциальный субъект модернистского дискурса и психоаналитической теории замещается «неэссенциальной женщиной», идентичность которой перформативно конституируется самими «выражениями», обозначаемыми в качестве ее результатов. Такая идентичность, как представляется, устраняет все проблемы, созданные модернистской идентичностью «женщины», от которых не ушел феминизм первой и второй волны. Отсюда очевидны основания критики Батлер политики идентичности, которая скрывает механизмы, утверждающие подчинение женщин. Важно понять, что сама категория «женщина» формируется структурами власти, а соответствующая политика идентичности скрывает политические, дискурсивные источники вымышленного ядра гендерной идентичности. Деконструируя политику идентичности, мы сможем обнаружить политический смысл самого языка, которым артикулируется идентичность, противопоставляя ему стратегию коллажа, формирующую гендерное беспокойство и подрывающую эссенциалистские конструкции гендера¹⁹.

Как может феминизм сопротивляться этому? Или, на языке книги, как нам следует формировать гендерное беспокойство? Ответ Батлер: не «делать» гендер так, как, предполагается, он сделан. Исходная формулировка этой стратегии выражается в идее Батлер о том, что если гендер утверждается в многообразных формах, то в таких же многообразных формах он может быть и разрушен. Такие разрушения, надеется Батлер, будут обнаруживать контингентность гендерно устроенной идентичности и, следовательно, ее уязвимость. Эта несколько туманная идея раскрывается в конце «Гендерного беспокойства» как стратегия коллажа. Способом реализации данной стратегии, как показывает Батлер в последующих своих работах, является так называемая «квир-политика».

Способствовал ли такой подход решению проблем, порождаемых политикой идентичности? Многие полагают, что нет, поскольку Батлер зашла слишком далеко в усилиях дестабилизировать эссенциалистски репрезентируемую идентичность, а феминизм так и не смог отказаться от традиционной политики идентичности. Вернемся в этой связи к статье Хекман. Автор считает: нынешняя политика идентичности зашла в тупик, что является результатом двух фундаментальных проблем. Во-первых, выдвинутая Батлер теория идентичности, которая составляет фундамент феминистской критики политики идентичности,

потеряла среднее звено между модернистским и постмодернистским субъектом, сведя субъекта к фикции, фантазии, игре. Однако, отмечает Хекман, у идентичности может и должно быть выявлено устойчивое основание, которое автор называет «безосновным основанием». Во-вторых, увлечение политикой идентичности лишь усиливает акценты на различиях, обостряя противостояние групп, а потому стоит вообще отказаться от подобной политики, иными словами, от выведения проблематики идентичности на политический уровень²⁰.

Действительно, концепция Батлер стала основой критики политики идентичности в 1990-е гг. Но при этом сама эта идея такой политики осталась весьма сильной. Хекман полагает, что причина не в самой политике идентичности, а в проблематичности лежащего в ее основе концепта идентичности. Наиболее критикуемой частью политики идентичности является тот момент, что она неизбежно предполагает устойчивую идентичность и тем самым сохраняет все опасности, связанные с модернистским эссенциалистским субъектом. У этой критики есть ироническая сторона. Политика идентичности отражает то, как изменяются и реконструируются идентичности в различных социальных условиях. Ранняя политика идентичности рассматривала саму себя в качестве проблематизации связи между идентичностью и политикой. Тем не менее в реальной политике идентичности сконструированность идентичностей отрицается. Как только политическое движение начинает опираться на идентичность, оно становится основой новой «политической истины», выражаемой движением. Политика идентичности не учитывает индивидуальных различий, как и не принимает во внимание текучий и конструктивистский характер идентичностей. Скорее, она закрепляет идентичности в новых измерениях²¹.

Отметим, что одновременно с Батлер с резкой критикой тенденции политики идентичности к фиксации идентичностей выступил У. Конноли в книге «Идентичность/Различие» (1991). Центральным аргументом Конноли является следующее утверждение: «Идентичность для своего существования нуждается в различии, и она переводит различие в друговость с тем, чтобы обезопасить собственную определенность». В итоге мы имеем парадокс: мы не можем ни защищать идентичность, ни расстаться с нею. Мы не можем расстаться с идеей, что «моя идентичность скорее есть то, что я есть и как меня признают, чем то, что я изменяю, чего хочу или с чем соглашаюсь. Это сжатая самость, из которой проистекают выбор, желание и согласие. Без такой сжатости эти действия невозможны; при ее наличии они признаются моими». В то же время эту идею невозможно и защищать, поскольку и индивидуальная, и коллективная идентичности неизбежно определяют себя как правильные, превращая различие в друговость, а последнюю – в козла отпущения²².

Иными словами, мы имеем в результате политики идентичности и внутреннее, и внешнее закрепление идентичностей. Внутренне это означает, что члены определенной группы создают некий идеал идентичности, который

должен приниматься всеми представителями группы. Внешне – это склонность к утверждению доминирующих политических групп как формально, так и неформально (женское голосование, голосование этнических групп или групп сексуальных меньшинств и т.п.). Идентичность, конструируемая как точка сопротивления, реифицируется и фиксируется, освобождаясь от двойственности, текучести и индивидуальности. Она превращается в средство, с помощью которого власть скорее расширяется, чем ограничивается. Иными словами, мы имеем противоречие: с одной стороны, политика идентичности проводится под лозунгом гибких и текучих идентичностей, с другой – ее результатом становятся фиксированные идентичности.

Выход из дилеммы модернистского/постмодернистского субъекта, полагает Хекман, – субъект с различного рода основаниями, субъект с ядром, которое конституируется скорее реляционным опытом, чем абсолютной универсальной сущностью. Подобно постмодернизму, здесь утверждается, что самость является продуктом социальных, дискурсивных и реляционных сил. Но в отличие от него подчеркивается, что такая самость, возникающая в ранние годы жизни индивида, необходима для здоровой субъективности, формируя ее согласованность. И тогда понятно стремление политики идентичности к фиксированным идентичностям.

Политика идентичности оказалась полезной в том смысле, что она высветила фальшивость идеи универсального гражданства, характерной для либеральной идеологии, показав, что такого универсального субъекта нет. На передний план вышел другой концепт субъекта – реляционного субъекта, конституированного социальными/культурными влияниями его/ее особой ситуации. И это, по мнению Хекман, требует иной стратегии: политики вне идентичности, т.е. полного выведения требования идентичности за пределы политики. Опыт политики идентичности свидетельствует, что нет плодотворного пути описать идентичность на политическом языке: такое действие неизбежно ведет к фиксированным идентичностям, ибо любая дефиниция неизбежно устраняет различия внутри конструируемой категории. Вместо требования политического признания множества идентичностей следует требовать, чтобы политические институты избегали наделять преимуществами на основе особых идентичностей. Именно это делала либеральная модернистская политика, поддерживая идентичность белого состоятельного мужчины. Нужно двигаться к политике идентификации, когда те или иные акторы действуют в целях решения конкретных политических задач без фиксирования идентичностей. В строгом смысле слова, женское движение выступает не за идентичность, а за идентификацию. Такая постполитика идентичности не навязывает другим особую идентичность и не требует наличия особых идентичностей у политических акторов²³.

Я столь подробно остановился на критике политики идентичности в совершенно практических целях. Возможно, в западных реалиях политика идентичности и исчерпала себя. Однако вряд ли мы можем то же самое сказать относительно постсоветского пространства. В то же время мы должны учитывать западный опыт, чтобы понять генеалогию постсоветской политики идентичности, которая является именно постсоветской, т.е. практически включающей все властные и прочие советские практики, начиная с патриархатного понимания отношений между полами. В результате мы, скажем, имеем не гендерную политику идентичности, а все ту же борьбу за равноправие, организованную по правилам модернистского субъекта, когда женщины продолжают бороться за выполнение мужских ролей. То же самое очевидно и в политике национальной идентичности: стремление одну властную структуру заменить другой властной структурой на основе эссенциалистски и даже примордиально обосновываемых идентичностей. Очевидно, что это стремление к утверждению фиксированных идентичностей.

Иными словами, мы имеем ситуацию парадокса: постсоветское пространство не может отказаться от политики идентичности, ибо оно структурируется именно ею, но в то же время данная политика оказывается предельно опасной для утверждения демократии и автономного субъекта. Наглядно проявляются те особенности власти, о которых пишет М. Фуко. Власть имеет диалогическую природу (господство/подчинение) и проявляет себя как эффект исторически сложившихся культурных практик, чья конфигурация (вспомним Муфф) целиком зависит от случайного совпадения особенностей людей, событий, процессов, языковых традиций. И основная проблема в том, как перейти от дискурсивного к нормативному анализу отношений власти между идентичностями, поскольку только в этом случае мы сможем понять истоки и проявления неравенства дискурсов и тенденции борьбы за гегемонию. Это значит, что политика идентичности требует иных дискурсивных языков, дискурсивного анализа сопротивления. Постсоветская женщина пока еще говорит на советском мужском политическом языке. Отсюда отсутствие женщины именно как женщины в политическом пространстве. И это делает политику идентичности неизбежной, даже если с ней придет и множество других проблем. Следовательно, нужно быть готовыми к их современному решению.

Примечания

- ¹ Данный текст во многом является продолжением другой работы автора; см.: Миненков Г. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // Политические исследования. № 6. М., 2005.
- ² Gitlin T. From Universality to Difference: Notes of the Fragmentation of the Idea of the Left // Calhoun C. (ed.). Social Theory and the Politics of Identity. Oxford: Blackwell, 1994. P. 156.

- ³ Scott J.W. Multiculturalism and Politics of Identity // Rajchman J. (ed.). The Identity in Question. New York: Routledge. P. 8.
- ⁴ Somers M.R. and Gibson G. D. Reclaiming the Epistemological “Other”: Narrative and the Social Constitution of Identity // Calhoun C. (ed.). Social Theory and the Politics of Identity. Oxford: Blackwell, 1994. P. 53–54.
- ⁵ Mouffe C. Democratic Politics and the Question of Identity // Rajchman J. (ed.). The Identity in Question. New York: Routledge, 1995. P. 33.
- ⁶ Муфф Ш. Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений // “Создавая мыслящие миры”: Международная конференция по философии, политике и эстетической теории. Москва, 17–18 ноября 2006 г. (http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/)
- ⁷ Муфф, 2006, цит. соч.
- ⁸ Цит. по: Straub J. Personal and Collective Identity: A Conceptual Analysis // Friese H. (ed.). Identities: Time, Difference, and Boundary. New York: Berghahn Books, 2002. P. 70.
- ⁹ Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996. P. 20.
- ¹⁰ Ibid. P. 70.
- ¹¹ Ibid. P. 75.
- ¹² Муфф, 2006, цит. соч.
- ¹³ См. подр.: Laclau E. Universalism, Particularism and the Question of Identity // Rajchman J. (ed.). The Identity in Question. New York: Routledge, 1995.
- ¹⁴ Муфф, 2006, цит. соч.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См. подр.: Жеребкина И. Двойная ловушка демократии: постсоветский феминизм между универсализмом и локализацией // Гендерные исследования. ХЦГИ. 1999. № 2.
- ¹⁷ Hekman S. Beyond Identity: Feminism, Identity and Identity Politics // Feminist Theory. 2000. Vol. 1 (3).
- ¹⁸ Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York: Routledge, 1990. P. 25, 136.
- ¹⁹ Ibid. P. 147.
- ²⁰ Hekman. Op.cit. P. 290–291.
- ²¹ Ibid. P. 294.
- ²² Connolly W. Identity/Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991. P. 64.
- ²³ Hekman. Op.cit. P. 302.

Дмитрий Шевелёв

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ УКРАИНЫ, МОЛДОВЫ И БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ 1990–2000-х гг.

Еврейские общины Украины, Молдовы и Беларуси: параметры описания

Большая часть территории, которую составляют нынешние Украина, Молдова и Беларусь, ранее входила в черту еврейской оседлости Российской империи. Имеет смысл напомнить, что в границы еврейской оседлости на рубеже XIX–XX вв. входили Гродненская, Минская, Ковенская, Витебская, Виленская, Херсонская, Волынская, Бессарабская, Киевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Екатеринославская, Черниговская губернии, а также десять губерний Царства Польского.

Всего в Российской империи, согласно данным переписи населения 1897 г., проживало 5215805 иудеев [Статистика еврейского населения, 1909, с. 35], из них в непольских губерниях черты оседлости:

Губернии	Количество иудеев
Бессарабская	228528
Виленская	204686
Гродненская	280489
Витебская	175629
Ковенская	212666
Минская	345015
Могилевская	203946
Черниговская	114452
Киевская	433728
Подольская	370612
Полтавская	110944
Харьковская	13664
Екатеринославская	101088
Таврическая	60752
Херсонская	339910

Источник: Общій свод, 1905.

Без Ковенской и Виленской губерний – это 53,3% еврейского населения Российской империи.

В СССР в 1989 г. евреи составляли 0,5% всего населения (1449 тыс. чел.). Данные по переписи населения СССР, проводившейся тогда, можно представить следующим образом¹:

	Всего населения, чел.	Евреев, чел.	Евреев горских, чел.	Евреев грузинских, чел.	Евреев среднеазиатских, чел.	Всего еврейского населения, чел.	Процент еврейского насел.
СССР	285742511	1378344	18513	16054	36152	1449063	0,5
УССР	51452034	486326	136	56	110	486628	1
БССР	10151806	111883	73	4	15	111979	1,1
Молд. ССР	4335360	65672	89	33	5	65799	1,5

Ниже автор будет использовать данные переписей населения, проведенных в конце 1990–2000-х гг.

Согласно официальным данным переписи населения Республики Беларусь 1999 г. (имеются на веб-сайте белорусского министерства статистики – <http://belstat.gov.by>), еврейское население в стране составляло 27810 чел. (0,3% десятиmillionного населения). Всеукраинская перепись населения 2001 г. дала такие результаты: из общего количества населения 48547 тыс. чел. в Украине проживало 103,6 тыс. евреев (0,2%) [<http://www.ukrcensus.gov.ua>]. Имеющиеся данные по переписи населения Молдовы 2004 г. (без Приднестровья) показывают, что общее количество проживавших в стране на тот момент составляло 3383 тыс. чел., при этом евреями себя назвали всего 3608 чел. (0,11%) (данные имеются на сайте Национального бюро статистики Республики Молдова: <http://www.statistica.md>).

В том же 2004 г. прошла перепись населения в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике (ПМР). Интересно, что точные данные находятся в закрытом доступе. По имеющимся итогам переписи, на левом берегу Днестра проживало в то время 555347 чел. (сообщение ИА «Свободная Молдова» от 20.06.2006 г.: <http://freemd.info/news/993.html>). Точное количество тех, кто назвал себя евреями, неизвестно. Еврейские организации в 2005 г. утверждали, что в ПМР проживает от 3 до 4 тыс. евреев [Еврейская община Молдовы, 2005, с. 303]. Данные еврейских организаций преувеличены. Видимо, реальное количество оставшихся на Левобережье Днестра евреев составляет менее 1,5 тыс. чел. (0,3%).

Исследователи оспаривают количественные данные переписей. Этому посвящены специальные работы [см.: Зисельс, 2003]. Собственно, существует несколько способов понимания того, кто является евреем. Один из них логично назвать «заявительным принципом»: еврей тот, кто считает себя таковым (и уж тем более перед властью). Второй будет назван «строгим принципом»: еврей есть

тот, у кого мать еврейка². Однако подробнее на принципах определения еврейства останавливаться нет необходимости. Следует указать еще раз, что еврейскими организациями предоставляются иные количественные данные, которые весьма отличаются от результатов переписей. В Украине, по заявлению еврейских институций, на данный момент проживают от 200 до 400 тыс. евреев (0,4–0,8%) [Еврейская община Украины, 2008, с. 418], в Молдове – около 15 тыс. (0,38%) и около 2 тыс. на левом берегу Днестра (данные 2008 г.) [Еврейская община Молдовы, 2008, с. 385], в Беларуси – от 50 до 70 тыс. (0,5–0,7%). Однако имеет смысл вновь оговориться, что ниже автор будет оперировать данными официальных переписей, прежде всего потому, что там используется «заявительный принцип» национальности, который следует считать более объективным.

Хабадские проповедники в Украине, небольшой городок в Черновицкой области (фото автора)

При всех различиях в количественных данных, приводимых в источниках, Украина сейчас – одна из тех немногих стран, где еврейская жизнь весьма заметна: в Киеве можно увидеть идущего по городу религиозного еврея, в провинциальном городке – хабадских проповедников, разъезжающих на велосипедах; здесь свободно ставят сукку³.

Еврейская жизнь в Украине кажется гораздо насыщенней, чем даже в соседней России, по крайней мере на взгляд обывателя. Но в России государство вмешивается в расстановку сил внутри еврейской общины, в то время как в Беларуси, Украине и Молдове власти предпочитают не влезать во внутриобщинные отношения. Это весьма существенное обстоятельство, которое характеризует изменения, происходившие с еврейскими общинами трех государств на рубеже 1990–2000-х гг.

Таким образом, указанный демографический фактор, активная еврейская жизнь в этом регионе, которая наиболее заметна в Украине, а также наличие того общего для указанных стран обстоятельства, что власть там не вмешивается в дела общины, позволяют говорить об актуальности заявленной темы исследования.

Историография вопроса

Исследований, посвященных становлению еврейских общин в Украине, Молдове и Беларуси крайне немного. Большинство из существующих работ рассматривают положение еврейской общины Украины. При этом постсоветское еврейство Молдовы не изучается: известен только обзор, написанный В. Брутером [Брутер, 2002]. Работ о еврейской общине Беларуси также крайне мало [Zajka, 1993; Рубинчик, 2002; Шевелёв, 2008]. К тому же, в отношении белорусской ситуации авторы, основываясь на тенденциозно поданных фактах, делают не всегда верные выводы [Антисемитизм, 2005; Антисемитизм, 2008].

Вообще, имеющаяся на данный момент совокупность работ представляется возможным разделить на две группы: во-первых, исследования, написанные «старшим поколением» авторов – либо бывшими участниками подпольного еврейского движения в СССР (М.А. Членов, И.С. Зисельс), либо израильскими исследователями (З. Ханин), и, во-вторых, работы «младшего поколения» исследователей – обычно тех, кто работает в области еврейских исследований примерно с середины 1990-х гг. (В. Лихачев, С. Чарный, Ю. Корогодский, Д. Шевелёв). При этом следует отметить, что выводы и оценки, представленные авторами двух указанных групп, – достаточно взвешены и корректны и во многом дополняют друг друга. Исследования одной группы авторов отличаются от другой тем вниманием, которое уделяется различным аспектам вопроса.

Работы первой группы, излагающие взгляды «старшего поколения» исследователей, рассматривают демографические проблемы и возрождение еврейской жизни в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [Zajka, 1993; Ханин, 2001; Куповецкий, 2001; Зисельс, 2003]. Здесь представлены выводы либо специалистов, знающих еврейскую жизнь изнутри (И.С. Зисельс, М.А. Членов), либо тех, для кого восточноевропейское еврейство давно является предметом научных исследований (З. Ханин).

Вторая группа работ излагает выводы «молодого поколения» авторов и касается периода второй половины 1990-х – середины 2000-х гг. Эти авторы непосредственно занимаются еврейскими исследованиями и либо связаны с еврейской жизнью, либо занимаются наукой и преподаванием профессионально. Необходимо еще раз оговориться, что представленное разделение довольно условно, а выводы исследователей дополняют друг друга.

Повторимся, что имеются некоторые моменты, которые позволяют говорить о необходимости дальнейшего исследования заявленной проблемы. Во-первых,

собственно работ, посвященных исследованию еврейских общин в указанных странах немного, а имеющиеся исследования описывают, главным образом, ситуацию в Украине. Во-вторых, исследований, посвященных молдавскому или белорусскому еврейству в постсоветский период крайне мало. В-третьих, нередко в источниках белорусский материал подается несколько тенденциозно.

Характеристика источниковой базы исследования

Автор счел возможным применить типо-видовую классификацию источников, условно разделив их на несколько групп:

- 1) законодательные акты, статистические материалы, иные документы органов власти;
- 2) материалы делопроизводства общинных учреждений – как опубликованные, так и имеющиеся на веб-сайтах общинных институций;
- 3) периодическая печать, в том числе Интернет-версии еврейских газет на русском языке;
- 4) материалы еврейского самиздата Беларуси 2000-х гг. – газеты «*Анахну кан*» («*Мы тут*») и «*Мы яшчэ тут!*» («*Мы еще здесь!*»);
- 5) воспоминания и дневниковые записи;
- 6) материалы Антисионистского комитета советской общественности конца 1980-х гг. и аналитические материалы Евроазиатского еврейского конгресса (ЕАЕК).

Законодательные акты имеются в официальных базах данных законодательств: Украины – <http://portal.rada.gov.ua/> и Молдовы – <http://lex.justice.md/>

Статистические данные отражены как в сборниках, отражающих итоги переписей населения [Статистика еврейского населения, 1909; Общий свод, 1905], так и на веб-сайтах – Всеукраинской переписи населения 2001 г. (<http://www.ukrcensus.gov.ua/>), министерства статистики и анализа Беларуси (<http://belstat.gov.by/>), Национального бюро статистики Республики Молдова (<http://www.statistica.md/>).

Официальные заявления общинных учреждений опубликованы как в средствах массовой информации, в том числе в печатных изданиях, которые выпускает сама община, так и на веб-сайтах общинных учреждений.

Из белорусских изданий, принадлежащих еврейской общине, следует выделить газету Союза белорусских еврейских объединений и общин (СБЕОО) «*Авив*» («*Весна*») и газету «*Берега*» – орган Иудейского религиозного объединения в Республике Беларусь. Необходимо также отметить белорусские издания, выходившие усилиями одного человека – В. Рубинчика, – газеты, которые, возможно, возрождали традиции советского еврейского самиздата: «*Анахну кан*» («*Мы тут*») и «*Мы яшчэ тут!*» («*Мы еще здесь!*»). Представленная в них информация частично являет собой критический взгляд на деятельность об-

щинных учреждений, поскольку, понятно, в общинных изданиях критические отзывы малоприемлемы, да и качество тех изданий оставляет желать лучшего. (Такая критическая оценка, например, в Украине возможна благодаря большому количеству еврейских периодических изданий, принадлежащих разным институциям, которые часто между собой не только конкурируют, но и враждуют.)

Украинские и молдавские общинные издания отчасти доступны в Интернете: газета «Хадашот» («Новости») имеется на сайте Ваада Украины (<http://www.vaadua.org>), газета «Еврейское местечко» на сайте фонда «Дор ле-дор» (<http://www.dorledor.info>).

По прошествии двадцати лет организованной еврейской жизни в постсоветских государствах начинает появляться литература мемуарного характера. В этой связи есть смысл отметить имеющиеся в Интернете отрывки из дневниковых записей, автор которых р. Шолом Дов-Бер Левин, один из тех, кто основывал хабадское движение в бывшем СССР.

В 1989–1990 гг. выходили сборники Антисионистского комитета советской общественности (АКСО) «Перестройка и еврейский вопрос» [Перестройка..., 1990; Перестройка..., 1991]. В них содержались и мнение руководства СССР, и статьи, перепечатанные из советской и израильской прессы; публиковались документы. Все материалы сборников обсуждали состояние еврейской общины в Советском Союзе на рубеже 1980-х – 1990-х гг. и советско-израильские отношения.

Материалы о жизни общин в 2000-х гг., обзоры о состоянии антисемитизма имеются на веб-сайте Евроазиатского еврейского конгресса (<http://www.eajc.org>) и публикуются с 2003 г. в «Евроазиатском еврейском ежегоднике» (ЕЕЕ).

Целью данной работы послужил сравнительный анализ процессов, которые происходили в еврейских общинах Украины, Молдовы и Беларуси на рубеже 1990–2000-х гг. Автор решил дать характеристику таким процессам по двум показателям: отношения общины с властью и отношения внутри общины.

Автор данной работы прекрасно понимает, что некоторые его утверждения, изложенные ниже, могут показаться спорными. Однако следует сразу оговориться, что это всего лишь попытка объяснения нескольких аспектов существования постсоветских еврейских общин⁴.

Еврейские организации в постсоветский период

Становление легальных еврейских организаций в позднем СССР относится к 1988–1999 гг. В июне 1988 г. в Украине был создан Черновицкий фонд сохранения еврейского кладбища (в августе того же года переименован в Черновицкий еврейский общественно-культурный фонд). Поскольку инициатива создания подобной организации исходила «снизу», особого доверия к этой институции власти не испытывали.

При местных отделениях Фонда культуры СССР в 1988 г. в Киеве и Минске были учреждены Общества еврейской культуры⁵. В 1989 г. подобная организация была создана в Кишиневе (Постановление Правительства Молдавской ССР № 6 от 05.01.1990 г.). Не исключено также, что Общества еврейской культуры в союзных республиках создавались на базе местных отделений Антисионистского комитета советской общественности [Перестройка, 1991, с.10]. В 1989 г. еврейские организации вошли в состав Ваада⁶ СССР.

В первой половине 1990-х гг. те организации, которые входили в общесоюзный Ваад, приобрели формальную самостоятельность, а общины стали разделяться на светские и религиозные. Такая структура еврейских организаций сохраняется до настоящего времени.

Стоит сразу оговорить употребление термина «еврейская община». Под ним понимается общность граждан государства, которые идентифицируют себя как евреи; такая общность имеет представительские институты – объединения, которые представляют ее перед властью. Такое толкование понятия «еврейская община» противоречит иному пониманию термина: община должна иметь не представительские структуры, а органы самоуправления. Такие общины существуют на Западе. Там община нанимает раввина, оплачивая его работу из собственных средств. На них же содержатся иные учреждения – например, хедер, иешива. В случае необходимости решения каких-либо проблем с властью, которые община не может решить самостоятельно, она обращается в местное или национальное объединение общин. Руководство таких объединений избираемо. Такие объединения (или федерации) обладают не только представительскими, но и управленческими, лobbистскими и посредническими функциями. Крупные частные пожертвования являются вспомогательным источником существования общины [см.: Лихачев, 2008, с. 115].

В постсоветских государствах – наоборот. Представительские органы, а также общинные центры, библиотеки, школы, синагоги существуют, главным образом, на пожертвования зарубежных организаций – американских и израильских: Американского еврейского объединенного распределительного комитета (АЕОРК), больше известного как «Джойнт», организации «Claims Conference», фонда «Ор Авнер»⁷ и еще нескольких благотворительных институций. Так происходит в Беларуси. В Украине сейчас около половины средств на существование общины поступает от иностранных фондов и около половины – от частных лиц. В Молдове с начала 2000-х гг. к финансированию общинных проектов присоединились частные лица. Некоторая часть средств на финансирование общинной жизни поступает от государства. (В данном случае сложно говорить, в каком соотношении находятся источники финансирования.)

Такой способ существования общины – зависимость от иностранных денежных средств – позволяет некоторым авторам (например, В. Лихачеву, В. Рубинчику, Я. Гутману) утверждать, что в постсоветских государствах еврейской

общины не существует [Лихачев, 2008, с. 114–115; АК, 2002, № 11; МЯТ, 2008, № 38, с. 2].

В описываемых странах во всех еврейских объединениях довольно велика роль их лидеров, во многом сами объединения складывались под лидеров и без них имеют весьма сомнительные перспективы существования. Во всяком случае, в Беларуси и Украине.

Лишь в Украине общины на местах – в Одессе, Днепропетровске, Харькове, Донецке – самостоятельны и независимы от союзов, существующих в центре, поскольку обладают достаточным источником финансирования и поддержки со стороны крупных предпринимателей еврейского происхождения [Лихачев, 2008, с. 108, 110]. Следует повториться, что этот фактор только в Украине играет значительную роль в функционировании общинных институтов. По мнению экспертов, молдавские бизнесмены едва ли хотели связывать собственные интересы с интересами еврейской общины [Брутер, 2002], по крайней мере до начала 2000-х гг. Нежелание предпринимателей иметь дела с еврейской общиной характерно и для Беларуси до настоящего времени, в том числе по политическим причинам [МЯТ, 2008, № 37, с. 1, № 41, с. 1].

Украинский исследователь Ю. Корогодский склонен считать, что структура постсоветских еврейских общин во многом напоминает политическую структуру собственных государств. Более того, ситуация в общине напрямую зависит от состояния власти в этих государствах: в Украине наличие большого количества еврейских объединений и их разобщенность – следствие отсутствия какого-либо вмешательства в дела общины и политического безвластия в стране; в Беларуси – наличие небольшого количества еврейских союзов, слабость общинных структур и полная зависимость их от власти и иностранной помощи; в Молдове – национально-культурная автономия, слабая включенность общины во властные структуры, большая зависимость от иностранной помощи (но, думается, меньшая, чем в Беларуси).

Еврейские объединения Украины. Согласно некоторым данным, в 2008 г. в Украине было зарегистрировано 288 еврейских организаций и 290 иудейских общин. Наблюдатели также называют около 100 еврейских благотворительных учреждений⁸. В стране действуют 7 светских общинных объединений. Останавливаться подробно на каждом не имеет смысла: эксперты недавно описывали их деятельность [Лихачев, 2008].

В качестве наиболее авторитетной можно назвать Ассоциацию еврейских организаций и общин (Ваад Украины), объединяющую, по данным специалистов, 266 [Лихачев, 2008, с. 102] или 265 еврейских организации [<http://www.vaadua.org/>]. Ваад Украины входит в состав Евроазиатского еврейского конгресса (ЕАЕК)⁹ – объединения еврейских союзов, учрежденного в 2002 г. и заменившего отчасти, Ваад СССР. Во многом влияние Ваада Украины связан с деятельностью его руководителя И.С. Зисельса¹⁰, бывшего активиста еврейского движения в

СССР в 1970-х – 1980 гг. В период «оранжевой революции» 2004–2005 гг. И.С. Зисельс и его организация взяли сторону В.А. Ющенко, о чем будет сказано ниже. После победы «оранжевых» связи лидера Ваада с властью, кажется, укрепились.

Основным конкурентом Ваада Украины можно считать Всеукраинский еврейский конгресс (ВЕК), созданный в 1997 г. бизнесменом В.З. Рабиновичем¹¹, планировавшим учредить структуру, которая объединяла бы многие еврейские организации. Создание ВЕК связывают с попыткой В.З. Рабиновича вернуть свой статус и имидж после тюремного заключения в 1984–1991 гг. [Корогодский, 2008]. В 1999 г. этот же бизнесмен встал во главе Всеукраинского союза еврейских общественных организаций «Объединенная еврейская община Украины» (ОЕОУ) [Лихачев, 2008, с. 104]. В октябре 2008 г. В.З. Рабинович отошел от руководства ОЕОУ, а объединение возглавил бизнесмен И.В. Коломойский¹², известный по финансовой поддержке Днепропетровской еврейской общины. Анализируя изменения в руководстве ОЕОУ, В. Лихачев указывал на то, что выступление нового лидера объединения на съезде напоминало речь, подготовленную для старого его руководителя – В.З. Рабиновича [Лихачев, 2008, с. 104]. Избрание И.В. Коломойского Ю. Корогодский связывал тогда с попыткой олигарха сохранить собственный капитал и бизнес в случае возможных изменений в правящей верхушке Украины в 2009–2010 гг.

В 1999 г. в качестве альтернативы ВЕК была основана Еврейская конфедерация Украины (ЕКУ). Как указывают наблюдатели, ЕКУ не проявляет активной деятельности.

Малым влиянием в стране и общине, по мнению экспертов, обладает Еврейский фонд Украины (ЕФУ), основанный бизнесменом А.Б. Фельдманом¹³. В феврале 2008 г. А.Б. Фельдман покинул ЕФУ и основал Украинский еврейский комитет (УЕК), о деятельности которого будет сказано ниже.

С 1992 г. действует Еврейский совет Украины (ЕСУ), преобразованный из Республиканского общества еврейской культуры. Возглавляет ЕСУ И.И. Левитас. Как отмечают все наблюдатели, Совет полностью лоялен властям, существует на выделяемые государством средства и активной работы не ведет.

Три объединения претендуют на то, чтобы осуществлять контроль за религиозными общинами: Объединение иудейских религиозных организаций Украины (ОИРОУ), Всеукраинский конгресс иудейских религиозных общин (ВКИРО) и Федерация еврейских общин Украины (ФЕОУ), причем все три союза – хасидские. Указанные объединения связаны со светскими организациями: ОИРОУ сейчас имеет тесные контакты с Еврейским фондом Украины (ЕФУ), ВКИРО – с ВЕК, ФЕОУ – с ОЕОУ.

Еврейские организации Молдовы. В Молдове действуют два светских объединения – Ассоциация еврейских общин и организаций Республики Молдова, созданная в 1997 г., и Еврейский конгресс Молдовы, учрежденный в 2003 г. О последнем будет сказано ниже в разделе, посвященном лоббизму.

О деятельности религиозных организаций Молдовы известно мало. Весьма активна Еврейская община Кишинева и Молдовы Хабад-Любавичи [<http://www.kishinev.org>].

С 1994 г. в стране действует Федерация еврейских общин в Республике Молдова, которая до 1995 г. именовалась Федерацией еврейских религиозных общин (Постановление Правительства Республики Молдова № 406 от 09.06.1994 г.). Исследователи эту организацию не упоминают. Союз объединяет последователей движения Хабад.

Кроме того, развивает деятельность Союз мессианских еврейских общин в Республике Молдова, о котором известно крайне мало (Постановление Правительства Республики Молдова № 822 от 01.09.1997 г.).

Еврейские организации Беларуси. В настоящее время белорусские еврейские общины объединены в четыре союза. Об этом подробно писалось [Еврейская община Белоруссии, 2008], в том числе автором данной работы [Шевелёв, 2008]. Имеет смысл только напомнить, что светские общины и организации входят в состав Союза белорусских еврейских объединений и общин (СБЕОО), учрежденного в 1991 г. Религиозных союзов три: Иудейское религиозное объединение в Республике Беларусь (ИРО), основанное в 1993 г. и состоящее из литвацких¹⁴ общин, Объединение иудейских религиозных общин в Республике Беларусь (ОИРО), включающее последователей движения Хабад, а также Религиозное объединение общин прогрессивного иудаизма в Беларуси; весьма активно действовала зарегистрированная в 1993 г. в США Всемирная ассоциация белорусских евреев (ВАБЕ).

Отношения между властью и еврейской общиной

«Оранжевая революция» в Украине и еврейская община

«Триумфальное шествие» бархатных («цветных») революций по постсоветским территориям началось с «Революции роз» в Грузии в 2003 г., а затем дошло до Украины в 2004–2005 гг. и Кыргызстана – в 2005 г. Государственные перевороты по аналогичным сценариям ожидалось тогда в Молдове, Беларуси, Узбекистане, Таджикистане.

Из описываемых в работе государств «цветная революция» победила только в Украине, и, что интересно, некоторую роль в победе оппозиции, очевидно, сыграла поддержка части лидеров еврейской общиной.

Не останавливаясь на историографических дебатах вокруг «оранжевой революции» в Украине¹⁵, автор данной работы считает необходимым представить собственную точку зрения, сформированную и аналитическими работами, и наблюдением за украинскими событиями.

В отношении «цветной революции» в Украине некоторые авторы сочли возможным употреблять также термин «Фронда»¹⁶, поскольку наблюдаются определенные черты сходства двух исторических явлений.

Во-первых, и французская Фронда, и цветная революция в Украине являлись в значительной степени борьбой между различными группировками политической элиты. Все, кто вел борьбу за власть в Украине в 2004 г., работали ранее с президентом Л.Д. Кучмой: В.А. Ющенко занимал должность премьер-министра в 1999–2001 гг., В.Ф. Янукович – тот же пост в 2002–2005 гг., а Ю.В. Тимошенко была вице-премьером в правительстве В.А. Ющенко в 1999–2000 гг. Их

Киев. Один из двух памятников «оранжевой революции» 2004–2005 гг. на Контрактовой площади, поставлен в июле 2005 г., в сентябре 2008 г. разобран (фото автора)

борьба носила отчасти характер личной вражды, а отчасти являлась борьбой за интересы финансово-олигархических групп, которых представляли политики. Так, В.Ф. Янукович, как указывают источники, представлял интересы Р.Л. Ахметова и, частично, В.М. Пинчука¹⁷. В качестве тех, кто стоял за В.А. Ющенко, называют В.А. Гайдука и С.А. Таруту¹⁸.

Во-вторых, интересно отметить, что в обоих случаях наблюдался резкий переход из одного лагеря в другой. Так, эксперты отмечали, что многие крупные бизнесмены поддерживали одновременно обе стороны: основатель и глава Еврейского фонда Украины А.Б. Фельдман до второго тура выборов президента Украины – 22 ноября 2004 г. – поддерживал В.Ф. Януковича (см.: Заява Конгрессу національних громад України 15.09.2004 г.), а с победой

«Фронды» перешел на сторону «оранжевых».

В-третьих, и в период «Фронды», и во время «оранжевой революции» борьба между политическими элитами велась с привлечением народных масс. И «белоголубые» и «оранжевые» сумели обеспечить выступления в свою поддержку,

хотя, безусловно, на стороне «оранжевых» была наиболее политически активная часть населения в столице.

В-четвертых, в обоих случаях была высокая степень участия иностранных сил. И если «фрондеры» обеспечили себе поддержку Испании, то «оранжевыми» силами руководили США.

В-пятых, историки, описывающие события XVII в., отмечали большое разочарование в народе после событий Фронды. Простые украинцы, поддержавшие «оранжевых», были не столько за самого В.А. Ющенко, сколько за изменения «депрессивного»¹⁹ политического строя Украины. В итоге сейчас заметно разочарование безвластием в Украине, наступившим после победы «революционеров» в 2005 г.

В период «украинской “Фронды”» 2004–2005 гг. основная масса евреев – граждан Украины – была склонна поддерживать В.Ф. Януковича [Плетинский, 2004]. Однако нельзя также отрицать, что иногда община принимала в расчет галахический принцип «Дина дэ-мальхута дина» («Закон государства – закон»), призывающий евреев следовать законам того государства, где они проживают. На этот принцип ссылались руководители еврейской общины Украины во время событий 2004–2005 гг.

Сообщество еврейских бизнесменов и общественных деятелей раскололось: И.М. Левитас и Г.М. Суркис²⁰ поддерживали В.Ф. Януковича, И.С. Зисельс, М.А. Фишбейн²¹, Э.И. Гурвиц²², Е.А. Червоненко²³ – В.А. Ющенко [см.: Заява Конгрессу національних громад України 15.09.2004 г., Фишбейн]. А. Б. Фельдман, что уже упоминалось выше, по крайней мере до второго тура голосования придерживался партии власти, а затем перешел в стан «оранжевых». В общем же покровители общины предпочитали не афишировать собственные связи с той или иной стороной.

Одним из тех, кто безоговорочно поддержал В.А. Ющенко, был председатель Ваада Украины И.С. Зисельс. Такая позиция не может не вызывать уважения, поскольку на тот момент шансы «оранжевых» на победу были слишком высоки. Уже в период активного противостояния – с 22 ноября 2004 г. – на сторону В.А. Ющенко стали переходить другие лидеры еврейской общины.

Киевская синагога Бродского, принадлежащая Всеукраинскому конгрессу иудейских религиозных общин, с раввином из движения Хабад, объявила о бесплатной выдаче продуктов, горячих напитков и одежды стоящим в пикетах на Площади независимости (*Майдан незалежності*). И хотя в синагоге заявляли, что выдают одежду всем, кто в том нуждается, «независимо от политических пристрастий», было понятно, что это касалось «оранжевых», потому что на «майдане» стояли исключительно они [См.: Киевская синагога кормит и одевает митингующих, 2004].

5 декабря к собравшимся на «майдане» сторонникам В.А. Ющенко обратились представители церкви и религиозных объединений. Хотя в речах не-

которых из них и не звучала прямая поддержка В.А. Ющенко, однако уже само их появление в лагере на площади означало переход духовенства на сторону «оранжевых».

Весьма интересна речь, с которой обратился к «майдану» главный раввин общин прогрессивного иудаизма. Автор работы осмелится привести данное обращение полностью, сохраняя стиль и язык документа.

«Шалом Алейхем тобі, Україно! Шалом Алейхем тобі, майдани України від сходу і до заходу, від півдня і до півночі!

Господь Бог, творець всього, створив людину як свого помічника для того, щоб збудувати суспільство, в якому не буде війн, а буде панувати милосердя та справедливість. Для того, щоб збудувати таке суспільство і виправити цей світ, ми повинні починати з себе. Як це робити, Цар Давид написав у своєму Псалмі 15.

1. Господи, хто може перебувати в наметі твоему? Хто мешкати може на твоїй святій горі? – 2. Той, хто в невинності ходить, і праведність чинить, і правду говорить у серці своїм. 3. Хто не обмовляє своїм язиком і злого не чинить для друга свого, і ближнього свого не зневажає!.. 4. Хто зневажає недостойних, а богобоязних він шанує; присягає, для себе хоча б і на зло – цього дотримується; 5. Той, хто не дає свого срібла на лихву та не бере хабарів, той не засудить невинного.

Хто чинить таке – непорушній у вірі навіки!

У кожного з нас є деякі з цих рис. Але ми маємо багато чому вчитися для того, щоб виправити себе, зробити нашу країну і весь світ кращим.

Адонай, Адонай, Ель рахум ве ханун! Боже милостивий та милосердний, через народ моєї Батьківщини, України, я звертаюсь до Тебе з молитвою за Україну, яку я виголошу російською мовою.

МОЛИТВА ОБ УКРАИНЕ

Господи, Ты творец всего сущего, творец мира, добра и справедливости! Храни же Украину по великому милосердию Твоему и прости над ней покров мира Твоего и сохрани целостность нашей страны. Господи, просвети светом истины Твоей весь народ Украины, а также ее президента, кандидатов в президенты, членов ее правительства, судей и народных избранников; награди их мудростью, дабы шли они путем справедливости, свободы и правды.

Господи, избавь нас всех от ненависти, вражды, зависти и злобы. Научи нас уважать позицию и мнение других. Утверди, Господи, в сердцах наших любовь и братство, человеколюбие и мир. Пусть сбудутся вскоре слова пророка Твоего: “отныне не поднимет народ на народ меч, и им больше не придется учиться воевать”.

И скажем: Аминь!»

Интересно обратить внимание на интерпретацию псалма, которую приводит А. Духовный, чтобы подчеркнуть собственную поддержку митингующих: «Господи! Кто может пребывать в палатке твоей? Кто может жить на святой горе твоей?». Этот же стих из псалма звучит в русском переводе так: «Господи! Кто может пребывать в жилище Твоем? Кто может обитать на святой горе Твоей?» (Пс.14(15):1)²⁴.

Недвусмысленную поддержку В.А. Ющенко высказали рав Яков Дов Блаих, главный раввин Объединения иудейских религиозных организаций Украины, а также рав Азриэль Хайкин, главный раввин Федерации еврейских общин Украины²⁵.

Таким образом, после первого тура президентских выборов в Украине 21 ноября 2004 г. и с усилением противостояния в конце ноября – начале декабря 2004 г., которое демонстрировало лишь слабость действовавшей тогда власти, на сторону В.А. Ющенко, показывавшего усиление собственных позиций, переходили лидеры еврейской общины – и светские, и духовные, – а также ее покровители, крупные бизнесмены.

Определенную роль в оказанной еврейской общиной поддержке «оранжевым» сыграла принципиальная позиция руководителя Ваада Украины И.С. Зисельса. Победа «оранжевых» в конечном счете должна была означать создание для еврейской общины со стороны новой власти максимально комфортных условий существования. Тогда можно было прогнозировать лоббирование интересов еврейской общины и Израиля внутри украинских властных структур. Но хотя связи между властью – В.А. Ющенко – и представителями еврейской общины – И.С. Зисельсом и Ваадом Украины, Е.А. Червоненко и Еврейской конфедерацией Украины – в 2005–2008 гг., скорее всего, укрепились, борьба внутри самой, некогда единой «оранжевой» коалиции, нейтрализовала все усилия, предпринятые еврейскими лидерами в период «Фронды». Как отмечает в этой связи В. Лихачев, каждое крыло коалиции предпочитало работать с собственными еврейскими лидерами – В.А. Ющенко и «Наша Украина»²⁶ с И.С. Зисельсом, Блок Юлии Тимошенко²⁷ – с А.Б. Фельдманом [Лихачев, 2008, с. 112], что для политической элиты весьма логично.

«Цветная революция» прогнозировалась и в Беларуси в марте 2006 г.²⁸. Не останавливаясь подробно на событиях, связанных с президентскими выборами в марте 2006 г. – это, что не входит в задачи данной работы – хотелось бы отметить следующее: отсутствие «революционной ситуации» в стране, крайняя разобщенность и слабость оппозиции, готовность властей к намечавшемуся выступлению оппозиции, и заинтересованность основных игроков в регионе – ЕС, Польша, США и Россия – в сохранении политического status quo в Беларуси, а, следовательно, и малое финансирование попытки переворота привело к поражению оппозиции.

Еврейская община сохраняла лояльность властям, хотя некоторые действия последних – например, разрушение бывшей синагоги в Минске на ул. Димитрова, д. 3, в 2001 г. [см.: Рубинчик, 2002, с. 76–80], попытка сохранения нейтралитета в тяжбах между общинными лидерами и предприятием «Православная книга» по поводу ее антисемитских изданий, самая известная из которых «Война по законам подлости» (Минск, 1999), и т.д. – могли ухудшить сложившиеся отношения между властями и общиной.

Малочисленность еврейской общины Беларуси, отсутствие сильных независимых лидеров, в том числе из бизнес-кругов, а также отсутствие у нынешних лидеров общины каких-либо политических пристрастий сделали общину абсолютно незначимой в расстановке политических сил в стране.

Сценарий развития событий наподобие украинской «Фронды» предсказывался некоторыми специалистами накануне парламентских выборов в Молдове в 2005 г. При этом «цветной» символикой пользовались оба оппозиционных коммунистическому режиму движения: Христианско-демократическая народная партия²⁹ Ю. Рошки – «оранжевой», а сторонники Блока «Демократическая Молдова» – «желтой». Шансы последнего во главе с бывшим мэром Кишинева С. Урекьяном³⁰ оценивались весьма высоко. По результатам выборов 6 марта 2005 г. Партия коммунистов Республики Молдова получила 45,98% голосов избирателей и 56 мандатов в парламенте, «Демократическая Молдова» – 28,53% и 34 мандата, Христианско-демократическая народная партия – 9,07% и 11 мандатов³¹.

Поскольку, во-первых, итоги выборов были признаны международными наблюдателями, во-вторых, количественные данные не позволяли оппозиции настаивать на возможности подтасовки результатов голосования и, в-третьих, все внешние игроки – США, ЕС, Россия, Румыния – на тот момент по разным причинам, анализировать которые не входит в задачи данной работы, – были заинтересованы в сохранении *status quo* в Молдове, бархатная революция в стране не состоялась. Нельзя исключать и то, что накануне голосования, 6 марта 2005 г., президент В. Воронин и С. Урекьян смогли договориться по части вопросов, которые вызывали разногласия.

Еврейская община все время предпочитала сохранять лояльность властям, даже в короткий период нахождения фронтистов в правительстве (1990–1991 гг.), поскольку, во-первых, была малочисленной и едва ли способной на активное политическое представительство, во-вторых, не поддерживала идеи юнионистов, и, в-третьих, власти, за исключением короткого периода в начале 1990-х гг., старались соблюдать права национальных меньшинств, в том числе еврейского населения, оговорив это в законодательстве (см.: Указ Президента Республики Молдова № 161 от 12.08.1991 г.; Постановление Правительства Республики Молдова № 682 от 09.12.1991 г.).

Академическая иудаика между государством и еврейской общиной

Под «академической иудаикой» понимаются исследования по истории, языкам и культуре еврейского народа, что ведутся в рамках специальных исследовательских учреждений – как государственных, находящихся в структуре академий наук или университетов, так и негосударственных. Ниже в этом же значении будет использоваться термин «еврейская наука». Автор данной работы уже высказывался о состоянии иудаики в Беларуси и отдельных отраслей востоковедных исследований в постсоветских государствах в рамках общей дискуссии, посвященной опыту еврейских исследований на рубеже XX–XXI вв. [Шавялёў, 2003; Шевелёв, 2007; МЯТ, 2008, № 38, с. 2; см. также: Лихачев, Федорчук, 2004; Чарный, 2004; Корогодский, 2004; Эпштейн, 2007]. Вместе с тем имеет смысл уточнить отдельные аспекты, поскольку исследования в аспекте иудаики представляются довольно специфической областью соприкосновения интересов государства и еврейской общины.

Наличие исследовательского подразделения в Академии наук предполагает присутствие заказа со стороны государства на изучение еврейской истории и культуры. Таким образом, государство заинтересовано в финансировании таких исследований, которые одновременно относятся и к теоретическим, и к практическим областям гуманитарного знания: они дополняют и корректируют понимание обществом прошлого, в то же время рекомендации подобных структур могут использоваться для проведения государством грамотной и обоснованной национальной политики.

Имеет смысл напомнить, что еврейское население в Украине составляет 0,2%, в Беларуси – 0,3%, Молдове – 0,11%. При таких количественных показателях академические институты, занимающиеся еврейскими исследованиями, самой еврейской общиной востребованы мало. Но и в Украине, и в Молдове государственная поддержка еврейской науки – наличие внутри академий наук специальных подразделений – связана с имеющимися проблемами в области межнациональных отношений. Мало того, наличие таких исследовательских центров становится и для Украины, и для Молдовы свидетельством сохранения уважительного отношения к национальным меньшинствам, что частично является дополнительным аргументом, защищающим позицию этих стран перед европейскими институтами.

Еврейские исследования могут вестись и негосударственными институтами, существующими, понятны, на деньги спонсоров. Обычно такие структуры выполняют конъюнктурный заказ (чаще это – изучение холокоста). Оба вида указанных учреждений – и государственные, и негосударственные – не всегда работают эффективно.

Из Государственных академических учреждений в Украине, связанных с еврейской наукой, следует отметить Центр еврейской истории и культуры и Центр изучения истории холокоста, оба – в Институте политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса Национальной академии наук Украины (НАНУ). Первый был создан в январе 1992 г. (Центр – с 2002 г., до этого – отдел). В марте 2002 г. был учрежден Центр изучения истории холокоста, включенный в структуру Института. Центр возглавляет А.Е. Подольский.

К негосударственным учреждениям относится Киевский институт иудаики (КИИ), созданный в 1994 г. при Вааде Украины³². Как любое негосударственное учреждение, Институт иудаики в Киеве был более мобильным и стремился отвечать и состоянию еврейских исследований, и запросам исследователей. С самого начала деятельности руководство КИИ пыталось создать имидж элитного учреждения и, кажется, иногда преуспевало в этом. Думается, именно КИИ как негосударственная структура по сравнению со структурами государственными добился определенных результатов в развитии еврейских исследований в Украине.

Среди явных достижений КИИ можно выделить несколько. Во-первых, попытку создания обобщающей работы по истории украинского еврейства «Нариси з історії та культури євреїв України» («Очерки истории и культуры евреев Украины») [Нариси, 2005]. Во-вторых, сбор архивов и коллекций. В КИИ созданы архивы украинских еврейских писателей, художников, деятелей науки и культуры. Так, коллекция личных документов еврейских писателей насчитывает более 1 тыс. ед. хр. и является одним из самых ценных собраний КИИ³³. Интерес также представляет коллекция старых почтовых открыток, фотографий, грампластинок, плакатов и листовок еврейских политических партий начала XX в. Последняя была начата собранием, переданным в Институт иудаики р. Яковом Довом Блайхом [Институт иудаики..., 2003]. В-третьих, важно отметить издательскую деятельность КИИ. Совместно с издательством «Дух и літера» КИИ выпустил многие ценные научные работы и сборники документов. В-четвертых, как одно из достижений КИИ необходимо назвать постоянно проводимые международные научные конференции, которые однозначно позиционировались организаторами как некое элитное собрание единомышленников.

Понятно, что относительно свободное владение и распоряжение средствами давало возможность руководству Института иудаики соответствовать образу солидного исследовательского центра, не зависящего от государства, развиваться и в конечном счете получать определенные результаты исследовательской работы в виде уже перечисленных достижений, а никак не в виде кипы бумаг, состоящих из соответствующим образом сложенных фраз и титулов.

Неповоротливость государственных научных структур была связана с недостаточным финансированием науки в Украине, а также с общим кризисом как гуманитарной науки в постсоветских государствах, так и вообще украин-

ской академической науки, призванной отвечать за координацию научных исследований в стране. Большая часть проблем гуманитарной отрасли знания в Украине, в том числе и Национальной академии наук, по мнению как украинских, так и зарубежных ученых, связана с отсутствием молодых кадров в академической управленческой элите, слабым притоком в науку молодого поколения, коррумпированностью профессорско-преподавательского состава и старой академической элиты, а также «утечкой мозгов»³⁴.

Впрочем, сама гуманитарная отрасль научных исследований в постсоветских государствах находится в эдакой постмодернистской ситуации, когда при стечении перечисленных факторов система в принципе функционировать не может, но действует вопреки всему³⁵.

С 1992 г. по настоящее время (2009 г.) еврейская наука в Беларуси не была представлена ни одним исследовательским центром – как государственным, так и частным – и развивалась исключительно усилиями немногих исследователей. Все попытки создания научно-координационных институций оказались безуспешными: научно-просветительский центр им. С. Дубнова существовал исключительно на бумаге³⁶, а структуры, созданные под патронажем Союза белорусских еврейских организаций и общин, действовали как любительские общества, да и изначально не ставили целью объединить исследователей, работающих в области еврейской науки³⁷.

В 1920–1930 гг. сперва в Институте белорусской культуры, а затем в структуре Белорусской Академии наук существовал еврейский отдел, который занимался исследованиями по истории белорусско-литовского еврейства, литературе и языку идиш. Об исследованиях, что велись в Белорусской ССР, было широко известно, а полученные результаты высоко оцениваются специалистами [Об этом подробнее см.: Гринбаум, 1994; Герасимова, 1996]. Затем еврейские исследования в БССР прекращаются до начала 1990-х гг. В этой области известны, очевидно, работы Г.М. Лившица, изданные в 1957–1981 гг., которые лишь поддерживали советскую академическую традицию³⁸.

Воссоздание в настоящий момент при Академии наук структуры, подобной еврейскому сектору АН БССР 1929–1930 гг., едва ли кажется целесообразным вследствие не востребоваемости таких исследований самой общиной, а также отсутствия кадров. Актуальным на сегодняшний день представляется создание в структуре Национальной академии наук Беларуси научного подразделения, которое занималось бы историей и культурой национальных меньшинств в Беларуси. Такое подразделение могло бы определенным образом вырабатывать грамотную национальную политику, как это и должно быть. Однако подобное предложение автора данной работы, уже озвученное ранее [Шавялёў, Чарнавіцкая канферэнцыя, 2008], осталось без внимания.

Тем не менее отсутствие структуры, способной координировать еврейские исследования в Беларуси, кажется тем фактором, который лишь способствовал

достижениям белорусов в данной области [см. подробнее: Шавялёў, 2003]. Белорусское государство никоим образом не вмешивается в область еврейских исследований, поскольку та не затрагивает никаких идеологических основ власти. Поэтому исследователи не ограничены ни в выборе тем, ни в отборе гипотез, дефиниций либо же методологических оснований собственных исследований³⁹.

Кажется, вполне стройной конструкцией еврейской науки обладает Молдова, где в структуру Академии наук входил отдел истории и культуры евреев Молдовы, менявший научные институты, в подчинении которых он находился, в результате реформ в организации науки в республике: до 1999 г. еврейский отдел находился в составе Института национальных меньшинств, до 2006 г. – Института межэтнических исследований, сейчас – это группа этнологии евреев в Институте культурного наследия Академии наук Молдовы⁴⁰.

Однако, суть исследований от этого не менялась - изучение бессарабского еврейства, что вместе с остальными народами населяло губернию и сейчас живет в Республике Молдова. Соответственно, исследованиями по истории, культуре и языку иных этносов занимаются соседние академические подразделения. Все это совпадает с государственной политикой по отношению к национальным меньшинствам. Государству необходимо было сформулировать грамотную национальную политику – и оно не пренебрегло советами академических подразделений, чтобы в конечном итоге создать атмосферу терпимости в стране, хлебнувшей гражданской войны в 1990–1992 гг.

Мобильность руководства академического подразделения и его включенность во властные и общинные структуры в стране давали еврейскому отделу необходимую свободу действий: например, ученые самостоятельно работали с зарубежными партнерами, консультировали сотрудников государственных органов и т.д. При таких условиях создавать в Молдове отдельную негосударственную структуру, связанную с еврейской наукой, не было необходимости. Именно поддержка и заинтересованность со стороны государства и отсутствие дублирующих научных структур позволяют заявить автору этой работы о стройной конструкции еврейских исследований в Молдове. Президент Республики Молдова П. Лучинский указом № 400 от 16.12.1997 г. учредил Комиссию по межнациональным отношениям при президенте «в целях оказания помощи в реализации политики в области межнациональных отношений и обеспечения права всех граждан на сохранение и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности» [цит. по тексту, приведенному на веб-сайте Бюро межэтнических отношений Республики Молдова: <http://www.bri.gov.md>]. В состав Комиссии был включен Я.М. Копанский⁴¹, возглавлявший тогда еврейский отдел в Академии наук Молдовы. Я.М. Копанский принадлежал к старшему поколению исследователей, которые сформировали молдавскую постсоветскую иудаику, так же как К.Л. Жигня⁴² и Р.Я. Клейман⁴³. Заинтересованность государства в изучении истории и культуры народов, населяющих Молдову, сыграла,

думается, значительную роль в успехах академической иудаики. Таким образом, поддержка со стороны государства и отсутствие дублирующих друг друга научных структур позволяют заявить автору этой работы о стройной конструкции еврейских исследований в Молдове.

К очевидным достижениям молдавских постсоветских еврейских исследований можно отнести: во-первых, включение научной институции в систему отношений между властью и обществом таким образом, что власть испытывает потребность в выводах, формулируемых учеными; во-вторых, появление значительных исследований и публикаций источников [Копанский, 1994; Кишиневский погром, 2000; Копанский, 2002; Оклик, 2003].

Молдавское государство не склонно каким-либо образом ограничивать исследователей в выборе тем, партнеров, источников финансирования проектов. Единственный фактор, который явно не способствует развитию, в том числе и еврейских, исследований в Молдове, – это нежелание молодых идти в науку. Однако последнее обстоятельство является общей чертой постсоветских государств⁴⁴.

Изучение холокоста как показатель отношений между еврейской общиной и государством

Отношение к холокосту можно назвать индикатором отношений между властью и еврейской общиной. Обе стороны используют упоминания катастрофы европейского еврейства как козырь в игре, которую ведут либо между собой, либо само государство – в отношениях с соседями.

Имеет смысл напомнить, что холокостом в исторической литературе называют уничтожение нацистами и их пособниками европейского еврейства в 1933–1945 гг. В публицистике и квазинаучных сочинениях, скорее под влиянием тенденции к политической корректности, к термину «холокост» стали применять расширенное толкование, подразумевая под ним также уничтожение цыган, других народов, а иногда и лиц нетрадиционной ориентации. Необходимо сразу оговориться, что автор статьи не приемлет постмодернистских тенденций дать дополнительные толкования означенному понятию и придерживается исключительно первого определения, которое считает единственно возможным⁴⁵.

Историки Украины изначально довольно благосклонно отнеслись к исследованиям по истории холокоста. Но если на рубеже 1980–1990-х гг. это и воспринималось как восстановление памяти погибших в Великой Отечественной войне и являлось одним из способов возобновления еврейской жизни в СССР, то к середине 1990-х гг. многими историками-профессионалами и чиновниками, в том числе работающими в сфере образования, это стало восприниматься как способ добывания прибавки к жалованью.

Количественные данные, которые приводят исследователи по еврейскому населению, погибшему на территории Украины, значительно разнятся: от 900 тыс. до 2 млн чел. Наиболее близка к истине, по-видимому, оценка количества погибших в Украине в 1,5 млн чел. – данные, которые приводит А.И. Круглов⁴⁶.

*Кишинев. Памятник на ул. Иерусалимской погибшим
в Кишиневском гетто. Скульптор – Н.М. Эпельбаум, создан
в 1990–1991 гг. (фото автора)*

Понятно, что имеются две основные проблемы в подсчете данных: во-первых, проблема границ 1939–1946 гг. – тот или иной исследователь может включать или не включать отдельную территорию в состав рассматриваемой им зоны; во-вторых, политическая проблема – тому или иному автору выгодно либо преувеличивать, либо преуменьшать количество жертв катастрофы исходя из политических пристрастий.

В Украине действует Центр изучения истории холокоста, формально находящийся в структуре Института политических и этнонациональных исследований НАНУ, который уже упоминался. Фактически же Центр действует как независимая структура, пользующаяся авторитетом в исследовательских кругах.

В 2002–2003 гг. Центр издавал бюллетень «Голокост і сучасність» («Холокост и современность»), с 2005 г. выходит журнал «Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі» («Холокост и современность. Исследования в Украине и мире») и с 2007 г. – бюллетень «Уроки голокосту» («Уроки холокоста»)⁴⁷.

В Украине с приходом к власти «оранжевых» – после 2005 г. – можно наблюдать аспект, весьма отличный от остальных государств описываемого региона:

холокост пытаются превратить в составную часть государственной идеологии Украины, сравнивая его с голодомором⁴⁸.

Так, выступая в 2005 г. на международном форуме «Let my people live» («Жизнь народу моему») ⁴⁹, президент Украины В.А. Ющенко заявил: «Я – сын украинской земли, на которой произошли самые страшные трагедии XX века: Голодомор и Холокост, забравшие жизни 15 млн чел. Украина помнит, какую угрозу несут нетерпимость, насилие, агрессия»⁵⁰.

16–17 апреля 2008 г. в израильских городах Бат-Яме и Иерусалиме прошли мемориальные мероприятия в память о жертвах голодомора, о чем сообщила на следующий день информационная служба *Newsru.co.il*. Портал цитировал тогда слова министра культуры Украины: «Холокост и голодомор – очень близкие темы. Государство Израиль было создано, чтобы трагедия еврейского народа не повторилась. Еврейский народ помнит свою историю. Украинцы учатся этому у евреев, вспоминая события 1932–1933 гг.». А финансировать возведение в Иерусалиме памятника жертвам голодомора должен был А.Б. Фельдман (сообщение *Newsru.co.il* от 4.05.2007 г.).

Сравнение холокоста и голодомора, что пыталась навязать украинская «оранжевая» политическая элита, было принято израильским истеблишментом всерьез: 16 января 2007 г. *Newsru.co.il* проинформировала о встрече председателя партии «Ликуд» Б. Нетаньяху⁵¹ с находившейся тогда с визитом в Израиле Ю.В. Тимошенко. Если доверять сообщениям информационного агентства, то израильский политик некоторое время изучал связанную с голодомором литературу, а во время беседы заявил: «Геноцид украинского народа был не чем иным, как проявлением внутреннего экстремизма со стороны диктатора, а угроза президента Ирана Махмуда Ахмадинежада стереть Израиль с лица земли тоже является экстремизмом диктатора, но на этот раз внешнего».

Тезис о признании голодомора геноцидом украинского народа был закреплён и в законодательстве – ст. 1 Закона «О Голодоморе 1932–1933 гг. в Украине» от 28 ноября 2006 г. В ст. 2 означенного закона также сказано: «Публичное отрицание Голодомора 1932–1933 гг. в Украине признается надругательством над памятью миллионов жертв Голодомора, принижением достоинства украинского народа и является противозаконным».

В 2006 г. в Украине был учреждён Институт национальной памяти, действующий как центральный орган исполнительной власти, на который возлагалось идеологическое обеспечение внутренней и внешней политики Украины. В задачи Института входило:

- 1) «привлечение внимания обществ к собственной истории, распространение объективной информации о ней в Украине и мире;
- 2) реализация государственной политики и координация деятельности в сфере восстановления и сбережения национальной памяти украинского народа;

3) обеспечение всестороннего изучения этапов борьбы за восстановление государственности Украины в XX веке, исторического прошлого украинского народа, в том числе всех форм репрессий;

4) осуществление комплекса мер по увековечению памяти жертв голодоморов и политических репрессий, участников национально-освободительной борьбы» (Постановление Кабинета министров Украины № 764 от 31.05.2006 г.).

Институт национальной памяти в идеале должен напоминать аналогичный польский институт⁵². Оба наделялись функциями исполнительной власти; оба организовывали сбор и хранение документов и информации, а также исследовательскую работу по заявленным темам.

Однако в отличие от польского аналога украинское учреждение не смогло пока наладить собственную архивную работу, а его структура представляется менее продуманной (см.: Постановва Кабінету міністрів України від 5 липня 2006 р. №927). Единственное пока заметное направление работы Украинского института национальной памяти – выступление в украинских средствах массовой информации.

Интересно отметить, что история холокоста вполне укладывается в заданное поле деятельности указанного учреждения. Так, среди задач института в Положении о нем называется «обеспечение изучения истории проживания на территории Украины других коренных народов и национальных меньшинств и их интеграции в украинское общество» (п. 3 Положения об Украинском институте). Кроме того, на институт возлагается разработка предложений по государственной политике в отношении «оценки голодоморов и всех форм политических репрессий, иных преступлений против украинской нации и национальных меньшинств в XX веке, сопротивления тоталитарным режимам» (п. 4.1 Положения).

Из сказанного можно сделать вывод, что нынешние власти Украины представляют пример, когда холокост становится составной частью государственной идеологии при полной поддержке и содействии научных кругов и еврейской общины⁵³.

В Молдове история холокоста послужила дополнительной темой в числе актуальных проблем политического и идеологического противоборства между центристскими и прорумынски настроенными силами.

Автору этой статьи известно о двух работах, посвященных истории холокоста на территории Бессарабии: И.Э. Левита⁵⁴ «Холокост в Бессарабии» (1999) и С.М. Назарии «Холокост: Страницы истории (на территории Молдовы и в прилегающих областях Украины, 1941–1944)» (2005) [Назария, 2005]. Похоже, что сейчас в Молдове исследованиями холокоста занимается только один специалист – Д. Думитру. И это при том, что коммунисты поощряют и исследования по данной теме, и введение ее в учебный процесс. О ситуации, связанной с попытками преподавания истории холокоста в Молдове, повествует та же Д. Думитру в работе «В лабиринте политизации: преподавание Холокоста в школах Респу-

блики Молдова». Из всего сообщества молдавских историков исследовательница выделяет группу «прорумынски» настроенных – тех, кто «ориентируется» на ««румьинскую» версию молдавской истории и культуры; таких, по ее мнению, большинство. При этом они, как оговаривается Д. Думитру, не являются «сторонниками присоединения Молдовы к Румынии» [Думитру, 2008, с. 28].

Автор данной работы наоборот склонен рассматривать «прорумынских» историков как сторонников объединения Молдовы с Румынией. Но следует выделить и другую часть гуманитариев – «прорусски» ориентированных, которые, в свою очередь, не являются сторонниками присоединения Молдовы к России. Такая идея едва ли рассматривается всерьез кем-то из рационально и трезво мыслящих политиков и специалистов. В случае с «прорусски» настроенными специалистами речь может идти о построении такой концепции истории, которая бы не идентифицировала молдаван с румынами. Более того, автор статьи склонен считать, что «прорусски» ориентированных не столько меньшинство, сколько они менее активны в политике.

Попытку проводить «государственническую» (т.е. молдавскую) линию в преподавании истории коммунисты предприняли сразу же после прихода к власти в 2001 г., однако она провалилась. Имеет смысл напомнить, что Постановление Правительства Республики Молдова №180 от 15 февраля 2002 г. предполагало замену курса «История румын» на курс «История Молдовы» с 1 сентября 2002 г. Было решено также ввести в обязательное обучение в школах русский язык. Однако под давлением унионистов во главе с Христианско-демократической народной партией и ее лидером Ю. Рошка, собравших в феврале – марте 2002 г. несколько десятков тысяч сторонников на митинги протеста, такое решение правительства было отменено [Независимая Молдова, 01.03.2002]. Русский язык в школах вводился по желанию родителей, а курс «История румын» остался в качестве учебной дисциплины. Именно эта уступка унионистам затем ставилась в вину коммунистам, в том числе и накануне парламентских выборов 2009 г.

О холокосте, по крайней мере до начала 2000-х гг., авторы молдавских учебников по истории предпочитали умалчивать. Примерно до конца 1990-х гг. это зависело, прежде всего, от подобной же позиции историков Румынии [Думитру, 2008, с. 28–29]. Однако изменение отношения последних и к исследованию, и к преподаванию истории холокоста, связанное со вступлением страны в Европейский Союз (Румыния вступила в ЕС с 1 января 2007 г.), никоим образом не повлияло на позиции «прорумынских» историков из Молдовы. Они так же, как и их коллеги из ультранационалистических кругов по ту сторону Прута, видели в детальном изучении периода режима маршала Антонеску угрозу «единению румын».

В свою очередь власти Молдовы после 2001 г. поощряли введение в учебные программы темы холокоста по двум причинам. Во-первых, они стремились сломать идеологическую установку на «румьинскую идентификацию», которая была сформирована в «докоммунистический» период 1990–2001 гг., и заме-

нить ее установкой на «молдавскую идентичность». Во-вторых, продвижение и изучения, и исследования указанной темы отвечало требованиям европейских институций и, как следствие, интересам внешней политики Республики Молдова.

Так, Совет Европы (СЕ) преподаванию истории уделяет большое внимание. Этому вопросу посвящены и специальные встречи министров образования, и заседания Парламентской Ассамблеи и Комитета министров; существуют отдельные региональные образовательные проекты для государств, присоединившихся к Совету Европы в 1990-х гг.

Известны рекомендации Комитета министров СЕ, касающиеся преподавания истории «Рекомендации Комитета министров государствам-участникам относительно преподавания истории в Европе XXI века» (*Rec(2001)15*).

Одной из целей обучения истории должно стать «укрепление доверия и терпимости внутри государств и в отношениях между ними». Холокост занимает в этих рекомендациях особое место. Так, согласно рекомендациям, в образовании должны быть приняты все меры, «чтобы избежать повторения или отрицания ужасающих событий... [XX века], а именно холокоста, геноцида и иных преступлений против человечности...». Среди таких мер предусматривается выделение в учебном процессе в школе одного дня, посвященного памяти жертв холокоста и предупреждению преступлений против человечности: выработка мероприятий Совета Европы в области образования и предоставление их Специальной группе по международному сотрудничеству в сфере просвещения, памяти и изучения холокоста (п. 6 Приложения к Рекомендациям).

Вот как описывается уничтожение еврейского населения Бессарабии в ныне используемых дидактических материалах по «Истории румын» (издание 2005 г.):

«Еврейское население, обвиненное в сотрудничестве с большевистским режимом, было изолировано в ряде гетто (в основном в определенной части городов), а затем и в большом количестве депортировано в лагеря за Днестром. Депортации подверглась и часть цыган. В лагеря были заключены и отдельные представители других национальностей, обвиненные в сотрудничестве с советскими властями.

Это был акт геноцида, получивший впоследствии в странах, захваченных нацистами, название «холокост», ознаменовавший уничтожение тысяч евреев» [Шишкану, 2005, с. 316]⁵⁵.

Точных количественных данных о евреях, погибших в Бессарабии в 1941–1944 гг., не имеется. Примерные оценки разнятся от 270 тыс. до 600 тыс. чел. По-видимому, соответствующие реальности данные – 300–350 тыс. чел.

Интересно отметить, что повествования о многих эпизодах еврейской катастрофы вполне укладываются в идеологические установки Израиля конца

1940-х–1950-е гг.: евреи покорно шли на смерть, «как бараны на бойню». Ниже приводится отрывок из воспоминаний Р. Я. Удлера⁵⁶:

«[Одесса, 23 октября 1941 г.]. Утром 23 октября мы, мальчишки, собрались в подъезде, некоторые стали выходить на улицу, чтобы узнать, что делается в городе. ...Мы приоткрыли калитку и выглянули на улицу. На углу улицы, буквально через два дома от нас, был вкопан столб с перекладиной, на которой были прикреплены четыре веревки. Мы догадались, что это какое-то страшное сооружение, но что именно, не могли себе представить. Рядом стоял румынский часовой. По улице К. Маркса со стороны вокзала под охраной солдат медленно двигалась цепочка из 20–25 человек.

Видно было, что до этого они подвергались жестоким истязаниям. Одежда на них была изодрана, лица в синяках и крови. Некоторые были босые или в носках, без головных уборов. Когда они поравнялись с нашей калиткой, мы увидели их пустые, бездумные глаза. Они не смотрели ни вперед, ни по сторонам. Видимо, они знали, что их ждет. На углу улицы, откуда они шли, уже висели четверо, среди них были знакомые или близкие им люди. Узнав о человеческой жестокости, они смирились со своей судьбой...

У виселицы цепочка остановилась. Офицеры, часовой и конвирсы [Опечатка. Надо: конвоиры. – Д.Ш.] о чем-то говорили, закурили. Потом что-то приказали первому обреченному. Тот подошел поближе к этому сооружению, поставил табуретку, которую нес с собой, влез на нее, надел сам себе на шею петлю и спокойно, тихо ждал. Румынский офицер что-то приказал следующему в цепочке... Тот покорно подошел и выбил ногой табуретку. Несколько резких конвульсий – и несчастный утих. Убийцы что-то сказали друг другу, подождали несколько минут и велели второму обреченному сделать то же самое. И этот отрешенно, как будто речь шла не о его жизни, просунул голову в петлю. Он ничего не сказал, ничего не просил, только стоял и ждал. По команде третий выбил из-под ног табуретку, и через несколько мгновений он висел недвижимый» [цит. по: Стати, 2003, с. 368–369].

Оценка количества еврейского населения, погибшего на территории Беларуси в 1941–1944 гг., разнится от 377 тыс. до 811 тыс. чел. По-видимому, количество погибших целесообразнее оценить в 500 тыс. чел⁵⁷.

Имеет смысл напомнить, что власти Беларуси мало интересовались еврейскими делами. Холокост ими справедливо рассматривался как часть политики геноцида, проводившейся немецко-фашистскими оккупантами, в то же время уникальность катастрофы европейского еврейства никогда официально не отрицалась. Изучение истории холокоста в течение анализируемого периода находилось в контексте общей политики на репрезентацию событий Великой Отечественной войны, которая с начала 2000-х гг. стала рассматриваться как составляющая идеологии белорусского государства.

Однако с начала 2000-х гг. белорусских исследований по истории холокоста, которые можно было бы назвать актуальными, новыми и значительными, не появилось⁵⁸. Возможно, это связано с общим упадком исторической науки с середины 1980-х гг., а также с усилением господствующего ныне официального («охранительного») направления в белорусской историографии, которое избрало основной темой разработку вопросов, связанных с Великой Отечественной войной, увязав их с государственной идеологией. Стремление исследователей этого направления иногда обойти сюжеты, связанные с еврейской катастрофой, приводят к несправедливым упрекам в адрес белорусских властей со стороны международных еврейских организаций о «замалчивании истории евреев Беларуси и трагедии Холокоста» [например: Антисемитизм, 2008, с. 294].

В начале 2000-х гг. на базе СБЕОО стал действовать Республиканский фонд «Холокост»⁵⁹. Фонд был учрежден при содействии Министерства образования, Министерства иностранных дел и Государственного комитета по делам религий и национальностей Беларуси. В задачи институции входили: увековечение памяти жертв геноцида еврейского народа, изучение истории холокоста, еврейского сопротивления и вклада евреев в победу, публикация, сбор и хранение документов, создание и поддержка научных исследований и преподавания в указанной области, содействие в присвоении звания «Праведник народов мира» [<http://www.meod.by>]. Деятельности фонда власти на первых порах пытались содействовать, а затем попросту не мешали. Не исключено, что Минск отчасти рассматривал поддержку в учреждении фонда «Холокост» в начале 2000-х гг. в качестве доказательства европейским организациям «цивилизованности» Беларуси и стремления следовать в русле общеевропейской политики толерантности и политической корректности. В то же время белорусские власти, думается, искренне помогали общине во всех мероприятиях, особенно после форума в Освенциме 2005 г.⁶⁰, поскольку рассматривали холокост как часть немецко-фашистского геноцида; последний же был частью истории Великой Отечественной войны, а значит, и частью государственной идеологии.

Белорусский фонд «Холокост» действовал в связке с Музеем истории и культуры евреев Беларуси, образованным при общине, тем более что и фондом, и музеем руководила И.П. Герасимова. На самом деле, и поисковая, и исследовательская, и отчасти просветительская работа и в фонде, и в музее сосредоточилась в руках нескольких человек: самого руководителя, сотрудницы музея В. Русаковой, а также десятка волонтеров. Фонд выступал организатором некоторых выставок, семинаров «Уроки холокоста» для лидеров общин из провинции и учителей истории средних и воскресных еврейских школ.

Подытоживая сказанное, необходимо еще раз отметить, что Беларусь была единственной страной из трех рассматриваемых, где холокост не использовался в качестве средства давления как государства на общину, так и, наоборот, еврейской общины на властные структуры.

Таким образом, в изучаемом регионе власти всех трех государств – и Украины, и Молдовы, и Беларуси – используют тему холокоста в качестве подтверждения приверженности европейским идеалам и ценностям. Только в Молдове публичное обсуждение событий, связанных с уничтожением еврейства в годы его катастрофы, вызывает неприятие влиятельной и политически активной части историков, которые по политическим, карьерным либо личным соображениям находятся в оппозиции режиму коммунистов. Как исследование истории холокоста, так и вынесение этого вопроса на общественное обсуждение в Молдове и интеллектуалами, и коммунистической властью в 2000-х гг. увязывалось с конструированием национальной идентичности. Только в Украине пришедшие в 2005 г. к власти «оранжевые» попытались сделать холокост частью национальной идеологии, сравнивая его с голодомором. Власти же Беларуси не привязывают период еврейской катастрофы к идеологии, предоставляя специалистам самим решать проблемы исследовательского и просветительского плана.

Антисемитизм и обвинения в антисемитизме в игре власти с общиной

Анализируя отношения между еврейской общиной и властью во всех постсоветских государствах, можно заметить существенную деталь: власть не инспирирует антисемитские акции. Они могут проводиться экстремистскими движениями – как крайне левыми, так и крайне правыми – в постсоветском политическом спектре, а также маргинальными слоями населения или подростками; однако власть всегда оставляет антисемитизм «про запас» – как способ отвлечь внимание от внутренних проблем. В то же время еврейские организации благополучно используют обвинения власти в антисемитизме в качестве мощного средства давления на нее. Иногда деятели некоторых общинных институций маркируют то или иное событие как «антисемитская акция», делая себе таким образом рекламу.

Не имеет смысла подробно рассматривать антисемитские акции: они ежегодно фиксируются экспертами Евроазиатского еврейского конгресса⁶¹. Видится целесообразным лишь рассмотрение отличительных характеристик данного вопроса с точки зрения отношений между властями и общиной.

Необходимо заметить, что грань между антисемитизмом и юдофобией нечеткая. Да и сами понятия можно трактовать как угодно. Иногда появление антисемитизма относят ко второй половине XIX в., когда к традиционной христианской юдофобии стали добавлять расовую теорию; иногда говорят об антисемитизме с древнейших времен. Кажется, один из лучших трудов по истории антисемитских воззрений написан французским исследователем Л. Поляковым и переведен на русский язык [Поляков, 1997–1998]. Следует также добавить, что аналитики ЕАЕК понятие «юдофобия» используют не часто.

Эксперты, наблюдающие за юдофобией и антисемитскими тенденциями в постсоветских государствах, отмечают некоторые черты, присущие данному явлению в исследуемый период.

Во-первых, юдофобия и антисемитизм занимают не первое место в перечне ксенофобских настроений в постсоветских государствах.

Во-вторых, отмечается довольно противоречивая тенденция: с одной стороны, антисемитизм согласно советской политической практике превращается в антисионизм⁶² и принимается многими сторонами как элемент политической игры; с другой стороны, ассоциируясь с советским прошлым, обвинения в антисемитизме используются с целью скомпрометировать оппонентов из левой части политического расклада сил (коммунисты, социалисты), чьи воззрения связаны с идеализацией советского наследия.

В-третьих, права национальных меньшинств и свобода вероисповедания зафиксированы в законодательствах соответствующих государств, а разжигание межнациональной розни относится к категории уголовных преступлений. Что касается норм права, то наблюдается как несоблюдение уже имеющихся, так и существование весьма противоречивых норм: так, непонятно, как совместить право на свободу вероисповедания и запрет на пропаганду религиозной исключительности.

В-четвертых, западная ориентация большинства правящих элит постсоветских государств накладывает обязательства по борьбе с антисемитизмом. Отсутствие юдофобской политики выступает своеобразным «тестом» на демократию и соблюдение прав человека.

В-пятых, в постсоветских государствах общество, наблюдающее за ближневосточным конфликтом, склонно поддерживать Израиль. Это также, по мнению аналитиков ЕАЕК, является одним из факторов, определяющих ситуацию с антисемитизмом на постсоветской территории [Антисемитизм, 2003, с. 223–225].

Автор данной работы попытается добавить некоторые положения к уже изложенным выше тезисам экспертов ЕАЕК.

Можно говорить о двух методиках, позволяющих представить уровень и характер юдофобских настроений в обществе. Это шкала социальной дистанции Богардуса и мониторинг средств массовой информации. Оба исследования проводятся с начала 1990-х гг. в Украине. В Беларуси подобные работы не велись, о применении таких методик в Молдове автору работы неизвестно.

Исследованиями с применением «шкалы Богардуса» занимались украинские социологи под руководством Н.В. Паниной. Выводы по ним уже излагались [Головаха, Панина, 2006; Кириченко, 2005].

Индекс дистанции по отношению к евреям из максимального числа 7, согласно данным экспертов, составил:

Год	1992	1994	1996	1998	1999	2000	2001	2002	2004	2005	2007
Индекс дистанции	4,2	3,8	3,8	3,9	3,8	3,9	3,9	5,1	5,1	5,0	4,6

Источники: Головаха, Панина, 2006; данные по 2007 г. приводит В. Лихачев [Антисемитизм, 2008, с. 311].

Анализируя уровень юдофобских настроений в Украине, социологи пришли к следующим выводам:

Во-первых, в 2002 г. заметно повышение «дистанцированности» по отношению к евреям, которое наблюдается до 2005 г. Специалисты связывают это как с существованием в обществе неопределенной «национально-гражданской идентификации» вообще, так и с кризисом власти и низким уровнем жизни большинства населения в частности [Головаха, Панина, 2006].

Во-вторых, отмечается зависимость «фобий» друг от друга: неприязнь в обществе к какой-либо группе населения повышает ненависть к другой [Кириченко, 2005].

В-третьих, уровень антисемитизма значительно выше в западных областях Украины (ему подвержены 60% взрослого населения), в центральных районах склонны к антисемитизму 50%, в восточных – 39, в южных – 43%. Высокий уровень юдофобских настроений характерен для жителей сельской местности.

В-четвертых, достаточно высокий уровень ксенофобии вообще и юдофобии в частности наблюдается у молодежи (от 18 до 29 лет) [Головаха, Панина, 2006].

Уже указывалось, что антисемитские настроения в обществе занимают не первое место в перечне ксенофобских тенденций в постсоветских государствах. Это же касается и исследуемого региона. Такая ситуация сохранялась в течение всего исследуемого периода – 1990–2000-х гг. Самый высокий уровень ненависти во всех трех странах отмечается к неграм и кавказцам; высока степень ромафобии⁶³ и полонофобии⁶⁴; присутствует и русофобия, хотя ее уровень невысок (в Украине от 1,9 до 3,1 баллов по «шкале Богардуса»). С середины 1990-х гг. к изложенному списку «страхов» следует, очевидно, добавить и исламофобию.

Вторая методика – фиксация антисемитских публикаций в прессе. В Украине этим занимается В. Миндлин. Приводятся следующие количественные данные по антисемитским публикациям в центральных изданиях Украины:

Год	Количество публикаций
1992–1993	Около 300
1994–1996	Около 200
1997	150
1998	260
1999	Более 200
2000	150

2001	Более 100
2002	179
2003	258
2004	379
2005	661
2006	676
2007	542

Данные мониторинга В. Миндлина см.: Антисемитизм, 2003, с. 247; Антисемитизм, 2005, с. 259; Антисемитизм, 2008, с. 309–310.

Юдофобия и антисемитизм в течение всего исследуемого периода явились своеобразным элементом политической игры, ведущейся между властью, ее политическими оппонентами и общиной. Власти было выгодно сохранять антисемитизм как «громоотвод»⁶⁵: в малых дозах через него можно было гасить недовольство черни. Община в свою очередь использовала антисемитские «выходки» экстремистов для активизации собственной деятельности: борьба с антисемитизмом стала одним из основных направлений деятельности еврейских организаций. В то же время видится, что на рубеже 1990–2000-х гг. еврейские объединения стали активно использовать обвинения в антисемитизме как способ давления на власть. Во всяком случае такая ситуация характерна для Украины и Беларуси.

Антисемитские акции и юдофобские настроения в описываемом регионе основываются на «традициях» Российской империи – «Протоколах сионских мудрецов» и черносотенных лозунгах, – к которым теперь добавляются неонацистские и панславянские идеи. (В центральноазиатских государствах иная ситуация, однако это не является предметом исследования в данной работе.)

Все антисемитские акции обычно укладываются в несколько категорий:

- 1) нацистские и неонацистские граффити (по уголовному законодательству – хулиганство);
- 2) вандализм – надругательство над могилами (например, ст. 297 УК Украины, ст. 222 УК РМ) или порча памятников культуры (ст. 298 УК Украины, ст. 221 УК РМ);
- 3) «идеологически мотивированное насилие по отношению к евреям» (термин В. Лихачева) [Антисемитизм, 2003, с. 235] – нанесение телесных повреждений;
- 4) пропаганда расовой нетерпимости – категорию преступлений, именуемых в уголовном праве Украины и Молдовы «геноцидом» (например, ст. 442 УК Украины, ст. 135 УК РМ).

Антисемитские акции чаще всего устраиваются неонацистскими или ультранационалистическими группами, иногда с участием маргинализованных слоев населения. Как было указано выше, все такие акции относятся к определенным

видам уголовных преступлений. Еврейские и правозащитные организации часто обвиняют органы правопорядка в бездействии – ставят в упрек невозможность отыскать подозреваемых, имея в виду наиболее часто встречающиеся виды преступных деяний: вандализм и порчу памятников. Однако вести расследование по этим категориям преступлений довольно сложно. В таких случаях обвинения властей в бездействии и попустительстве антисемитам, озвучиваемые активистами еврейских организаций, едва ли обоснованны. Более того, подобные обвинения могут использоваться некоторыми активистами еврейских организаций для откровенного давления на власть и повышения значимости собственной персоны или структуры⁶⁶.

Примером давления на власть, предпринимаемого еврейской общиной, может служить ситуация, связанная с закрытием в Беларуси в 2004 г. Международного гуманитарного института (МГИ) – «единственного высшего учебного заведения, где работала кафедра иудаики, а студенты изучали историю еврейского народа и еврейской цивилизации, библейский и современный еврейский языки, основы иудаизма, проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений в контексте мировой истории (sic! – Д.Ш.)» [Антисемитизм, 2005, с. 242].

МГИ был открыт в 1999 г. и задумывался как высшее учебное заведение с преподаванием еврейских дисциплин. После его закрытия лидеры еврейских институций, привлекая международные организации, высказали резкий протест, обвинив белорусские власти в антисемитизме. Точно не известно, по каким причинам было решено закрыть учебное заведение. Среди причин, однако, не назывались недостатки в учебном процессе. Хотя он в том учебном заведении был построен довольно сомнительно: некоторые лекционные занятия проводились людьми без ученой степени, а иногда и без соответствующей подготовки, набор дисциплин выстраивался произвольно, в основе подготовки специалистов находилась специальность «Культурология». Мало того, по некоторым сведениям, представители Иерусалимского университета спустя несколько лет после открытия этого вуза отказались работать с его руководством. МГИ было решено присоединить к факультету международных отношений Белорусского государственного университета, и набор студентов на специальность продолжился. Впрочем, автор работы уже высказывался по поводу закрытия МГИ [см.: Шевелёв, 2008; МЯТ, 2008, №38, с. 2].

В Украине и Молдове отмечены случаи насилия с антисемитской мотивировкой. В последнее время такого рода преступления фиксируются в Украине ежегодно. Известно также об одном случае насилия в Тирасполе в 2000(?) г., что в исследуемом регионе встречается крайне редко⁶⁷.

Антисемитская пропаганда характерна для всего постсоветского периода. Власти, как уже указывалось, отчасти выгодно наличие юдофобских настроений в обществе, что позволяет ей, пусть в ничтожной мере, «занять» часть населения.

Кроме того, антисемитская пропаганда и издание юдофобской литературы хорошо оплачиваются заказчиком и пользуются спросом у населения, в особенности в условиях экономических и политических потрясений и нестабильности власти. Всем этим объясняется как невозможность ликвидировать структуры, ведущие антисемитскую пропаганду, так и «застревание» дел по таким видам преступлений в судебных инстанциях.

В Украине одним из наиболее известных заказчиков антисемитской пропаганды является Межрегиональная академия управления персоналом (МАУП) – негосударственный вуз страны. Участвовать в юдофобской истерии МАУП начала с 2002 г. [Антисемитизм, 2003, с. 247]. Наблюдатели связывают это с установлением контактов руководства академии с ближневосточными государствами [Антисемитизм, 2003, с. 248–249]. Имеет смысл напомнить, что именно с 2002 г. эксперты отмечают количественный рост антисемитских публикаций. Случай с МАУП описан в литературе, широко обсуждался на международных конференциях по еврейским исследованиям, поэтому автор не видит смысла останавливаться на подробном изложении фактов из деятельности академии. (Об антисемитской пропаганде в Украине в первой половине 1990-х гг. см.: Найман, 1998.)

В Украине эксперты причисляют к антисемитским также некоторые партии русской ориентации – например, Партию славянского единства Украины, – а также ультранационалистические вроде объединения «Державна самостійність України», организации украинских националистов в Украине, которые были весьма активны в 1990-х гг., хотя автору работы об этом известно не много [подробнее см.: Антисемитизм, 2003, с. 250; Найман, 1998].

На протяжении всего описываемого периода в Беларуси заказчиком антисемитских материалов выступают некоторые круги черносотенной ориентации, связанные с Белорусским экзархатом Русской православной церкви, в том числе близкие к президенту А. Г. Лукашенко деятели – Э.М. Скобелев⁶⁸, С.И. Костян⁶⁹ [Антисемитизм, 2008, с. 295].

В этой связи показателен случай с издательством «Православная инициатива», основанным в 1996 г., среди учредителей которого была Минская епархия Белорусской православной церкви. Некоторые издания «Православной инициативы» вызвали претензии еврейских организаций, предъявленные в судебном порядке⁷⁰. Постоянные скандалы, в том числе судебные иски, поданные на указанное издательство, вызвали недовольство иерархов Белорусской православной церкви, которая, как полагают, в декабре 2005 г. вышла из состава учредителей предприятия⁷¹. С 2006 г. издательство зарегистрировано под новым названием – «Христианская инициатива».

Можно говорить и о сохранении антисемитских настроений в части консервативно-католических кругов в Беларуси. Однако автору данной работы об этом известно крайне мало.

В Молдове в антисемитской пропаганде заинтересованы, скорее, румынские националисты. Уже упоминалось о противостоянии «прорумынских» историков с властью, связанном с попытками коммунистического руководства страны в 2001–2008 гг. ввести в образовательную систему преподавание сюжетов из истории холокоста в Бессарабии. Эксперты упоминают также распространявшуюся в 2007 г. в Кишиневе книгу антисемитской направленности «Красная неделя: 28 июня – 3 июля 1940 года, или Бессарабия и евреи», автором которой является румынский писатель П. Гомы⁷² [Антисемитизм, 2008, с. 298–299].

Кажется, из трех описываемых государств только в Молдове власти больше всего не заинтересованы в сохранении антисемитских настроений в обществе в силу уже отмеченных выше факторов – европейской направленности внутренней и внешней политики, а также желания предотвратить сценарий гражданской войны 1990–1992 гг.

Украина – единственная страна в регионе, в которой юдофобия и антисемитизм стали элементами политической игры (аналогичная ситуация в Российской Федерации): те или иные партии и движения используют антисемитские лозунги и идеи. Эксперты отмечают постоянный всплеск антисемитской пропаганды перед парламентскими и президентскими выборами. Ярким примером политической игры с применением юдофобской пропаганды стали президентские выборы в Украине 2004 г. Лидеры националистов встали на сторону В.А. Ющенко. Известность приобрели высказывания депутата Верховной Рады Украины от фракции «Наша Украина» О. Тягнибока⁷³. В апреле 2004 г., выступая на митинге, устроенном на могиле Клима Савура, командира Украинской повстанческой армии в Ивано-Франковске, О. Тягнибок заявил:

«Они не боялись, как и мы сейчас не должны бояться, они повесили на шею автомат, и пошли в те леса, они готовились и боролись с москалями, боролись с немцами, боролись с жидовьём, с другой нечистью, которая хотела забрать у нас наше украинское государство... Нужно наконец-то отдать Украину украинцам. И эти молодые люди, и вы, седовласые, – вот это есть та смесь, которой больше всего боится “москальско-жидовская мафия”, что правит сегодня в Украине» [цит.по: «Українська правда», 22.07.2004 г.].

За эту речь О. Тягнибок был исключен из депутатской фракции «Наша Украина», но решение прокуратуры Ивано-Франковской области о возбуждении уголовного дела против политика было отменено в судебном порядке [Антисемитизм, 2005, с. 255, 257]. Необходимо добавить, что 16 марта 2003 г. «Українська правда» сообщила, что на выборах в Тернопольскую областную раду партия О. Тягнибока «Свобода» набрала более 33% голосов избирателей и заняла примерно половину мест в областном органе власти.

Таким образом, мнение, которое высказывали эксперты – в том числе украинские наблюдатели из ЕАЕК, – о маргинальности экстремистских лидеров вроде О. Тягнибока, оказалось неправильным. В условиях экономического кризиса и постоянной борьбы за власть внутри «оранжевых» и между «оранжевыми» и Партией регионов В.Ф. Януковича приход к власти экстремистов весьма возможен⁷⁴.

Таким образом, в исследуемом регионе в отношении антисемитизма можно наблюдать перечисленные ниже тенденции.

Во-первых, власть аккуратно пользуется антисемитскими настроениями части общества для снятия недовольства самой властью. Часть общества, имеющая юдофобские предрассудки, подвержена влиянию разных кругов, которые выступают заказчиками антисемитской пропаганды: в Украине и Беларуси – часть православных черносотенной ориентации и консервативно-католические круги, в Украине также часть националистических политических группировок; к ним можно добавить также связанных с арабскими странами деятелей государственного управления, образования, науки; в Молдове – это румынские националистические круги.

Во-вторых, в Украине юдофобия является частью внутривнутриполитических процессов. Аналогичные процессы можно наблюдать и в Российской Федерации.

В-третьих, можно наблюдать случаи, когда лидеры еврейской общины умело пользуются просчетами и ошибками власти, обвиняя последнюю в антисемитизме и таким образом оказывая на нее давление.

Лоббизм в системе отношений между властью и еврейской общиной (попытка оценки лоббистских возможностей)

Под лоббизмом далее понимается взаимодействие негосударственных структур и групп давления с органами государственного управления с целью продвижения интересов определенной части населения. К подобным структурам относятся бизнес-ассоциации, негосударственные научно-исследовательские организации, общественные объединения; иногда к лоббистским структурам относят депутатские группы и политические партии⁷⁵. Далее необходимо условиться, что под «лоббистскими возможностями» понимается совокупность связей с властными структурами, которыми обладают субъекты лоббирования.

Во многих постсоветских государствах довольно велика роль олигархической верхушки. Крупный бизнес был связан с властными структурами постоянно, в течение всего описываемого периода после распада СССР. В 1990–2000-х гг. бизнесмены брали на себя функции представления интересов еврейской общины перед властью, создавая представительские структуры еврейской общины, а также лоббистские организации для продвижения, прежде

всего, собственных интересов, и уж затем – интересов еврейской общины. Так было в России и Украине.

Оценивая возможности лоббистской деятельности, автор данной работы на основе анализа доступного материала, а также личных наблюдений может выделить следующие субъекты лоббистской деятельности в еврейской общине Украины до «оранжевой «Фронды»» 2004–2005 гг.: это Ваад Украины, возглавляемый И.С. Зисельсом, и Всеукраинский еврейский конгресс (ВЕК), основанный В.З. Рабиновичем.

После революции 2004–2005 гг., кажется, ослабели позиции ВЕК, и к субъектам лоббизма добавился Украинский еврейский комитет, учрежденный А.Б. Фельдманом.

Политические аналитики разделяют властные структуры, в которых осуществляется лоббирование, на четыре категории: президент и его администрация, правительство, парламент, судебные органы [Толстых, 2007, с. 30–31]. В Украине, таким образом, среди правительственных учреждений, где может осуществляться лоббирование, следует назвать Государственный комитет по национальностям и религии, а также Институт национальной памяти.

Думается, лоббистскими возможностями в отношении всех объектов обладает только Ваад Украины; влияние остальных перечисленных организаций, возможно, сказывается только на деятельности парламента и правительства.

Бизнесмены предпочитают представлять интересы еврейской общины перед властью по двум причинам: обычно расходы на благотворительные цели – помощь общине – позволяют уменьшать сумму выплачиваемых налогов; в то же время можно смело утверждать, что часть бизнесменов еврейского происхождения помогает общине и «по зову крови».

Однако связи лоббирующих структур с объектами лоббирования в Украине после «Фронды» 2004–2005 гг. по ряду причин мало укрепились. Во-первых, вследствие кризиса власти, вызванного личным соперничеством лидеров «оранжевых» – В.А. Ющенко и Ю.В. Тимошенко, – что естественным образом сказалоь на работе всех ветвей власти в Украине; в таких случаях сложно пользоваться правовыми методами (а неправовые методы в социально-политическом лоббировании не используются⁷⁶).

Во-вторых, каждый лидер борющихся за власть группировок внутри «оранжевых» предпочитает поддерживать «собственных» еврейских лидеров и связанные с ними структуры: В.А. Ющенко и «Наша Украина» – Ваад Украины и И.С. Зисельса, Ю.В. Тимошенко и БЮТ – А.Б. Фельдмана и Еврейский фонд Украины (до начала 2008 г.), а с 2008 г. – Украинский еврейский комитет [Лихачев, 2008, с. 112].

В-третьих, соперничество между представительскими еврейскими объединениями приводит к нечеткой формулировке и различному толкованию интересов общины, соответственно власти становится неудобной работа со мно-

жеством объединений. В результате власть отбирает «удобные» ей структуры, которые, возможно, плохо ориентируются в тех самых интересах общины. Примером последней наблюдатели называют Еврейский совет Украины, возглавляемый И.И. Левитасом.

Одним из наиболее влиятельных в Украине еврейских лидеров можно назвать И.С. Зисельса. Во многом организация представительства еврейской общины перед властями в начале 1990-х гг. – это заслуга созданного И.С. Зисельсом Ваада Украины.

В качестве одного из последних примеров лоббистской деятельности, а также согласованности действий власти и Ваада Украины можно назвать прошедшую в Украине в августе 2008 г. международную конференцию, посвященную 100-летию Черновицкой идишистской конференции 1908 г.⁷⁷ Автору этой работы выпала честь участвовать в конференции 2008 г., о научной стороне которой уже писалось [Шавялëў, 2008]. Такие юбилейные конференции уже проводились в Черновцах в 1928, 1993 и 1998 гг. Автор осмелится высказаться о политической составляющей форума.

Конференция попыталась продемонстрировать, что нынешний украинский политический истеблишмент оказывает поддержку еврейской общине. Мало того, Ваад Украины, представляющий наиболее политически активную часть еврейской общины, как один из организаторов конференции полностью солидарен с политической элитой Украины. Символично, что на торжественном открытии конференции 18 августа 2008 г. ее участникам было предложено почтить минутой молчания «память погибших на Кавказе» (интересно, что о недавнем наводнении в Украине и Молдове тогда даже не упоминалось).

Здесь необходимо заметить, что в августе 2008 г. Евроазиатским еврейским конгрессом была организована помощь беженцам из зоны конфликта на Южном Кавказе. Комиссию по гуманитарной помощи ЕАЕК возглавил И.С. Зисельс. Помощь ЕАЕК, как утверждает сам объединением, получили более 250 чел. [Еврейская община Грузии, 2008, с. 373].

Однако такого рода заявления на открытии международного научного форума трудно было не расценить как солидарность руководства Ваада с «оранжевой» политической элитой, выступившей против России в «пятидневной» российско-грузинской войне 2008 г.⁷⁸ Например, в документе пресс-службы Министерства иностранных дел Украины в связи с заявлением, распространенным Партией регионов в Верховной Раде, сказано: «Российское руководство... фактически осуществило насильственные действия против Грузии – суверенного государства – члена ООН». Таким образом, Киев возложил на Москву ответственность за нарушение международного права и обострение грузино-осетинского конфликта.

Можно отметить также некоторые детали, характеризующие тесное сотрудничество окружения В.А. Юценко и Ваада Украины. Приветствие участникам

конференции направил мэр г. Черновцы Н. Федорук, глава Черновицкой областной администрации В. Кулиш, депутат Верховной Рады от БЮТ П. Гасюк, а первый день заседания проходил в «Украинском доме», где располагаются штаб-квартира местных отделений Народного руха Украины⁷⁹ и движения «Наша Украина».

Итак, можно утверждать, что Ваад Украины обладает некоторыми лоббистскими возможностями.

Еще одной подобной лоббистской структурой может стать Украинский еврейский комитет (УЕК), учрежденный в 2008 г. Пока о его возможностях говорить довольно сложно. Громкой акцией, которой УЕК заявил о себе, стало его выступление против распространенного Службой безопасности Украины (СБУ) «Списка лиц, причастных к организации и проведению Голодомора 1932–1933 годов в Украине» (доступен на веб-сайте СБУ – <http://www.sbu.gov.ua/>). УЕК настаивал, что публикация этого списка возлагает вину за голодомор на евреев и латышей. Комитет также отмечал, что в списке присутствуют неточности, в то же время, по мнению организации, документ не называет «истинных виновников Голодомора» (сообщение ИА *Regnum.ru* от 28.07.2008 г.: <http://www.regnum.ru/news/1032978.html>).

Спустя некоторое время представители УЕК заявили, что «опубликованные... СБУ списки виновных в Голодоморе составлялись без ведома главы спецслужбы Валентина Наливайченко», решив, по-видимому, не ссориться с руководством СБУ. При этом А.Б. Фельдман справедливо утверждал, что обнародование такого документа показывает «глубокий непрофессионализм, царящий сегодня в этом ведомстве» (сообщение ИА «Новый регион» от 29.07.2008 г.: <http://www.nr2.ru/kiev/188644.html>). О других действиях УЕК пока неизвестно.

У еврейской общины Молдовы имеются две структуры, претендующие на выполнение лоббистских функций, – Еврейский конгресс Республики Молдова и Благотворительный фонд «Дор ле-Дор» («От поколения к поколению»).

Еврейский конгресс Молдовы (ЕКМ) был создан в июне 2003 г. молдавскими еврейскими предпринимателями [Еврейская община Молдовы, 2008, с. 385]. Эта структура входит в ЕАЕК, что свидетельствует об определенном лоббистском влиянии ЕКМ как внутри страны, так и вне ее.

Среди нынешних руководителей еврейской общины Молдовы называют бизнесменов А. Билинкиса и А. Пинчевского⁸⁰. А. Билинкис с июня 2006 г. руководит ЕКМ, а с июня 2007 г. возглавляет совместно с А. Пинчевским Ассоциацию еврейских общин и организаций Молдовы. По-видимому, создание в 2007 г. единой дирекции АЕООРМ и ЕКМ усилило лоббистские возможности молдавской общины [Еврейская община Молдовы, 2008, с. 385].

Еще одной структурой, которая может выполнять лоббистские функции, является Благотворительный фонд «Дор ле-Дор». Фонд основан в 2003 г., как

указано на его веб-сайте, «некоторыми еврейскими бизнесменами». Фонд, вероятно, достаточно близок к израильскому политику молдавского происхождения А. Либерману – министру иностранных дел в правительстве Б. Нетаньяху с 2009 г.⁸¹. Однако сам фонд настойчиво позиционирует себя как «благотворительную» и «неполитическую» организацию [<http://www.dorledor.info/>].

Известно, что до 2006 г. в кишиневское еврейское кладбище фондом было вложено 200 тыс. дол. Осенью 2006 г., уступая давлению кишиневской мэрии (исполнял обязанности мэра тогда Василе Урсу), «Дор ле-Дор» перестал досматривать это кладбище. Однако, по каким причинам это произошло, не сообщается [Еврейская община Молдовы, 2008, с. 385–386].

В отличие от лоббистских структур в Украине, которые формируются олигархами, в Молдове подобного не наблюдается, прежде всего из-за отсутствия крупного бизнеса молдавского происхождения. На эту особенность указывает социолог В. Брутер [Брутер, 2002?].

Впрочем, одним из олигархов еврейского происхождения, вхожим в кабинеты молдавских властей как до 2001 г., так и после, называют гражданина Швейцарии Б.И. Бирнштейна⁸². Президент М. Снегур упоминал Б.И. Бирнштейна как человека, связавшего его с А.В. Руцким⁸³ и В.П. Баранниковым⁸⁴, которые в марте – июле 1999 г. выступили посредниками при подписании Соглашения о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в приднестровском регионе Республики Молдова (21.07.1992 г.) [Снегур – Волков, 2007, с. 165–166]. Однако какие-либо сведения об официальных связях Б.И. Бирнштейна с молдавской еврейской общиной отсутствуют.

В. Брутер также обращает внимание на роль партий в молдавской политике, указывая в качестве образца лоббистской структуры еврейской общины Демократическую партию Румынии. Ее руководители создавались не политически слабой еврейской общиной Румынии, а еврейскими деловыми кругами вне страны [Брутер, 2002?].

Однако создание подобной политической партии в Молдове на данный момент вряд ли возможно, прежде всего из-за больших затрат, необходимых для финансирования данного проекта. К тому же интересы каких-либо деловых кругов вне Молдовы не ущемляются руководством государства и разрешаются без вмешательства в функционирование парламентских механизмов.

Интересы Израиля в Молдове – как политические, так и деловые – позволяют решать действующие в молдавском парламенте и кнессете группы дружбы и общинные институции.

Таким образом, можно говорить о том, что еврейские организации Молдовы пока в малой степени владеют лоббистскими возможностями. Однако указанные выше факторы – расширение деятельности ЕКМ и создание объединенного руководства Ассоциации еврейских организаций Молдовы и ЕКМ, – по

всей видимости, в дальнейшем скажутся на усилении лоббистской деятельности еврейской общины Молдовы.

Еврейские организации Беларуси не опекаются крупным частным бизнесом. Это мешает и вести лоббистскую деятельность, и формировать общинные институты. Именно поэтому еврейские структуры Беларуси персонифицированы, как ни в какой другой стране из анализируемых. Таким образом, деятельность организации замыкается на одной-двух персонах. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что лоббистскими полномочиями в еврейских делах в Беларуси обладают не организации, а люди.

Самым влиятельным человеком в общине, без сомнения, является глава СБЕОО Л.М. Левин⁸⁵, обладающий выходом на властные структуры. Л.М. Левин руководит объединением с момента его основания в 1991 г.

Можно утверждать, что контактами с властями руководитель СБЕОО пользуется крайне редко. Такая позиция вызывает критику некоторых представителей общины – как видится, критику не всегда справедливую.

У остальных лидеров общины, особенно из конкурирующих объединений ИРО и ОИРО, возможности выхода на властные структуры, кажется, весьма ограничены.

Следует, однако, заметить, что у ОИРО в конце 2007 г. наметились перспективы сближения с властью. Многими средствами массовой информации цитировался фрагмент выступления Президента А.Г. Лукашенко на пресс-конференции для российских журналистов 12 октября 2007 г. Эти высказывания были расценены как антисемитские⁸⁶. Необходимо отметить, что реакция СБЕОО была довольно мягкой:

«Этот факт [высказывания президента страны] вызвал недоумение и беспокойство у представителей еврейской общины Беларуси. Никогда прежде никто из руководителей высокого ранга не давал повода усомниться в том, что белорусское население нашей республики толерантно относится к согражданам, представляющим разные национальности республики. Это в полной мере относится и к еврейской общине» (Пресс-релиз Союза белорусских еврейских объединений и общин [октябрь 2007 г.]).

25–27 октября 2007 г. в Минске состоялась международная конференция «Диалог христианства и ислама в условиях глобализации», на которую были приглашены представители еврейской общины. 26 октября 2007 г. с делегатами конференции встретился Президент Беларуси. В репортажах об этом мероприятии ничего не говорилось о присутствии там представителей СБЕОО и ИРО – показывали лишь руководителей ОИРО. Из этого факта можно заключить, что, возможно, намечалась поддержка властью конкурирующего объединения, связанного с движением Хабад. Можно также говорить о частичной потере неко-

торых связей СБЕОО с властными структурами, а именно с окружением президента Беларуси в 2007–2008 гг.

Последующие события – серия публикаций и выступлений в белорусских средствах массовой информации о благоприятной национальной политике в стране и истории межнациональных контактов в Беларуси, государственная поддержка проведения мемориальных дней, посвященных уничтожению Минского гетто, 20–23 октября 2008 г., благоприятное освещение некоторых событий еврейской и израильской истории на белорусском телевидении – показали восстановление потерянных СБЕОО контактов с властью.

Конфликты внутри еврейских общин

Конфликтов внутри общин в 1990–2000-х гг. было довольно много. Да и, наверное, вся постсоветская история еврейских общин состоит из внутренних конфликтов. Описать все, очевидно, еще не настало время. Описать отдельные также пока не представляется возможным вследствие недостатка источников. Собственно, при всех различиях в характере конфликтов, будь то в светской части общины, или внутри религиозной ее части, или между религиозной и светской, цели у них были самыми банальными – была борьба за власть между лидерами, за влияние в общине, а также борьба за источники доходов.

Автор счел целесообразным остановиться пока только на одном – борьбе за титул главного раввина и соперничестве между представителями традиционного литовского раввинистического иудаизма и хабадскими хасидами за влияние в общинах⁸⁷.

Конфликт за должность главного раввина и борьба между митнагдим и хасидим

Вражда между *митнагдим* и *хасидим* имеет давнюю историю: она начинается в конце XVIII – начале XIX в.; притихла она исключительно под влиянием общей угрозы, которую ортодоксы видели в Хаскале. Противники выступали друг против друга с памфлетами, *митнагдим* предавали хасидов *херему*⁸⁸, обе стороны писали доносы властям.

Собственно, за исключением херема, остальные способы борьбы между соперниками сохраняются и сейчас: стороны обмениваются едкими замечаниями в средствах массовой информации, пытаются перетянуть властные структуры на свою сторону.

Многие наблюдатели, анализируя ситуацию в постсоветских общинах, склонны не придавать значения этому конфликту, и именно поэтому автор работы счел необходимым рассмотреть его подробнее. Хотя, естественно, сводить

конфликт в общине к одной лишь религиозной борьбе между *митнагдим* и *хасидей хабад*⁸⁹ было бы неверным.

На хабадском веб-сайте, поддерживаемом на русском языке [<http://www.chassidus.ru>], имеются воспоминания «Объединение хасидов Хабада (Агудас Хасидей Хабад) в странах СНГ: Создание, история, деятельность, трудности», автор которых р. Шолом Дов-Бер Левин – один из участников становления организаций Хабад в постсоветских государствах. Текст на сайте датирован 2000 г.

Активная деятельность Хабада в России начинается с 1991 г. [р. Левин, 2000]. И если в России и Беларуси ситуация вокруг поста главного раввина была однозначной: два главных раввина – один от *митнагдим*, один от хабадников, то в Украине – три главных раввина – от хасидских же объединений.

Сегодня главный раввин должен представлять перед властями интересы некоторой группы религиозной части общины. По некоторым сведениям, подобное звание присваивалось в Вавилонии в VI–XI вв. до н.э. До Нового времени получение этого звания являлось признанием авторитета в области законоучения. Должность главного раввина в качестве представительской появляется со времен реформ Наполеона 1800-х гг. Собственно, существование ее в таком виде – имперская традиция: в 1836–1837 гг. в Османской империи была учреждена должность *хахамбаши* (главный или верховный раввин)⁹⁰, с 1845 г. верховным раввином Британской империи именовался раввин Большой лондонской синагоги. Во многих западноевропейских государствах такого поста не существует.

В 1987 г. на съезде еврейских общин СССР главным раввином страны был избран А.С. Шаевич – раввин Московской хоральной синагоги. (За раввином Московской хоральной синагоги в СССР тогда признавался авторитет в религиозных вопросах.)

Должность главного раввина России появилась в 1993 г. на съезде Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России (КЕРООР). На этот пост был избран тот же А.С. Шаевич. В 2000 г. при поддержке окружения В.В. Путина был избран второй главный раввин – Б. Лазар – от Федерации еврейских общин России (ФЕОР), которая в основном включала последователей Хабада. ФЕОР была создана в 1999 г., а в 1998 г. учреждена Федерация еврейских общин СНГ (ФЕО СНГ). За всеми этими объединениями стоял Л. Леваев.

Избрание второго главного раввина означало признание деятельности и усилий Хабада. По-видимому, появление второго главного раввина в России в 2000 г. дискредитировало представительские функции этой должности, в том числе и в остальных постсоветских государствах.

Объединение иудейских религиозных организаций Украины возглавляет Яков Дов Блайх – последователь карлинстолинского хасидизма⁹¹. Раввин Блайх получил титул главного раввина Киева и Украины в 1990 г. [<http://ru.wikipedia.org>], по другим источникам – в 1991 г. [Лихачев, 2008, с. 106] или 1992 г. [Поппер,

2006]. В Украину он приехал в январе 1990 г. и принял единственную тогда в Киеве синагогу на Подоле.

С 2000 г., после избрания Б. Лазара главным раввином России, ФЕО СНГ включилась в активную борьбу за влияние в постсоветских общинах. В 2003 г., как указывает В. Лихачев, Федерация еврейских общин Украины стала инициатором избрания на съезде раввинов на пост главного раввина Украины Азриэля Хайкина. В. Лихачев называет раввина Хайкина «наиболее легитимным претендентом» на такой титул, поскольку его избрание состоялось именно на раввинском съезде [Лихачев, 2008, с. 107].

Согласно источникам ФЕОР, Лазара поддерживала Партия регионов В.Ф. Януковича, поэтому избрание р. Хайкина, за которым стоял как ФЕОР, так и ФЕОУ, главным раввином было воспринято политической элитой Украины весьма сдержанно [Левитина, 28.12.2004].

В 2005 г. по инициативе Всеукраинского еврейского конгресса был избран еще один – третий – главный раввин Украины Моше-Реувен Асман – раввин Киевской «синагоги Бродского». Это, как указывали источники, вызвало недовольство остальных хабадников. Хабадские раввины возмутились, поскольку р. Асман находится во враждебных отношениях с руководством ФЕО СНГ. Причины конфликта р. Асмана с Л. Леваевым и р. Лазаром, как можно сделать вывод из разрозненных источников, заключались в том, что р. Асман перестал зависеть от финансирования со стороны ФЕО СНГ и нашел новый источник для воплощения в жизнь собственных инициатив. Таким источником стал, по-видимому, ВЕК В.З. Рабиновича. К тому же р. Асман в отличие от большинства хабадников учился не в США, а в Израиле, начав когда-то с подпольной иешивы в Ленинграде [Поппер, 2006]. Необходимо отметить, что р. Асман оказал президенту Ющенко неоценимые услуги, содействуя американо-украинским торговым переговорам.

Реально, по оценкам экспертов, во ВКИРО входят примерно 15 общин (для сравнения в конкурирующий ФЕОУ – 178, а в ОИРОУ – 62) [Лихачев, 2008, с. 106]. Но Асману пока удается противостоять натиску ФЕО СНГ.

Наблюдатели называют еще несколько влиятельных украинских раввинов на периферии, которые могли бы претендовать на пост главного раввина, но едва ли они согласятся на эту должность, поскольку обладают как авторитетом у себя в провинции, так и влиянием на принятие решений в столице. Наблюдатели относят к таким, например, днепропетровского раввина Шмуэля Каминецкого.

Вполне возможно, что избрание И.В. Коломойского лидером ОЕОУ, о чем уже говорилось, а также президентские выборы в Украине в 2009 г. изменят расстановку сил в ее еврейской общине.

Ситуация с главными раввинами в Беларуси по сравнению с украинской выглядит гораздо проще и в чем-то аналогична российской. В Беларуси действуют два главных раввина – от ИРО, в состав которой входят общины литваков, и от ОИРО, включающих общины последователей Хабада. И если особой борьбы

между *митнагдим* и хабадниками не наблюдалось, то была борьба внутри хабадского объединения.

9 января 2005 г. на съезде ОИРО было объявлено о замене предыдущего руководства объединения – Э.Ф. Парижа и главного раввина Иосифа Глузмана. Новым председателем стал В.Н. Малинкин [<http://www.religare.ru/print14454.htm> 10.02.2005 г.]. Действительным поводом к смещению старого руководства ОИРО называют его переговоры с лидерами ЕАЕК о включении общин, входящих в объединение, в состав ЕАЕК [Левитина, 2004] в ответ на сокращение ФЕО СНГ финансирования важных общинных программ. Со стороны ОИРО это выглядело как бунт: за открытый переход к конкурентам – светскому объединению, связанному с *митнагдим* и реформистами после неудач с назначением хабадников на посты главных раввинов в Литве и Грузии в 2004 г.⁹², – следовало наказать. В итоге после встречи лидеров ОИРО и ЕАЕК последовала отставка Э.Ф. Парижа и р. Грузмана.

Весьма своеобразную позицию заняли белорусские власти. Ни Э.Ф. Париж, ни р. Грузман не согласились с решением съезда ОИРО. Комитет по делам религий и национальностей Беларуси однозначно занял сторону нового руководства объединения.

Информационными агентствами цитировалась фраза из письма, переданного председателем Государственного комитета по делам религий С. Буко бывшему руководителю ОИРО: «В случае неисполнения Вами требований действующего законодательства, связанного со сложением полномочий руководителя юридического лица, Объединение иудейских религиозных общин в Республике Беларусь вправе разрешить сложившуюся ситуацию в установленном порядке» [цит. по: сообщение *Religare.ru* за 10.02.2005 г.].

Но, что самое интересное, после этого власти стали затягивать утверждение кандидатуры главного раввина из ОИРО. На этот пост объединением был избран р. Цви Каплан. 5 мая 2006 г. ОИРО обратилась в Комитет по делам религий и национальностей с просьбой об утверждении р. Каплана главным раввином Беларуси и Минска. Официальным обоснованием задержки с одобрением новой кандидатуры стала ликвидация самого Государственного комитета (Указ Президента Республики Беларусь № 289 от 05.05.2006 г.). Возможно, это была одна из причин, поскольку Положение об Уполномоченном по делам религий и национальностей появилось только в июле 2006 г. (Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 891 от 15 июля 2006 г. «Об утверждении Положения об Уполномоченном по делам религий и национальностей и его аппарате»).

Однако по заявлению В.Н. Малинкина органы прокуратуры прислали в ОИРО уведомление о том, что они располагали жалобой неких лиц о совершении р. Капланом «противоправных действий» на территории Беларуси [сообщение *Afn.by* от 09.06.2006 г.: <http://www.afn.by/news/i/78520>]. 17 июля того же года прокуратура якобы поставила В.Н. Малинкина в известность, что в действиях р. Ка-

плана «не было найдено состава преступления». 3 августа ОИРО вновь обратилась в соответствующие органы Беларуси и, как утверждал лидер хабадского объединения, из отдела по делам религий и национальностей Минского областного исполнительного комитета пришло новое уведомление о жалобе граждан на деятельность р. Каплана.

В итоге между сентябрем и декабрем 2006 г. – точной даты источники не называют – р. Каплан все-таки был утвержден на должность главного раввина Беларуси от ОИРО.

Известно, что р. Каплан родился в г. Мозыре, учился в Израиле, в 1998 или 1999 г. вернулся раввином в Беларусь, а затем уехал в Киев организатором там иешивы, связанной с «синагогой Бродского». Широко известен случай о нападении на эту синагогу 13 апреля 2002 г. Тогда р. Каплан был избит (сообщение «СН-Столичные новости». 2002. №14).

Нельзя сказать определенно, какое «обращение граждан» о «противоправной деятельности» раввина имелось в производстве в прокуратуре и существовало ли оно вообще. Трудно указать также причины, которые привели к задержке утверждения главного раввина Беларуси от ОИРО в 2006 г. Точно можно утверждать только, что в 2008–2009 гг. власти явно тяготели к посланцам движения Хабад, хотя, возможно, слабо представляя отличия Хабада от остальных течений в хасидизме или от иудаизма *митнагдим*, поскольку политическая элита Беларуси была весьма заинтересована в связях с Л. Леваевым. Однако строительство минской синагоги на ул. Кропоткина, по некоторым сведениям, вновь заморожено. Исходя из этого следует предположить, что белорусские власти по какой-то причине с Л. Леваевым не договорились.

Преувеличивать теперешнее противостояние между *митнагдим* и хабадниками, а также внутри Хабада в постсоветских государствах не стоит, но и недооценивать его также нельзя. Проповедники Хабада приобрели за последние несколько десятилетий навыки американских протестантских священников и успешно их применяют. Это отмечают и противники движения, и сторонние наблюдатели. В конечном счете в современном мире теологические дискуссии иной раз скрываются за финансовыми интересами. Как довольно метко выразился упомянутый выше р. Блайх, «Хабад «приходит с такими большими деньгами, что есть только очень немногие, кто может противостоять им»» [цит. по: Поппер, 04.12.2006].

Еврейское культурное возрождение или его иллюзия? (Вместо заключения)

Стоит напомнить, что, по официальным данным переписей, в 2001 г. в Украине еврейское население составляло 103,6 тыс. чел. (0,2%), в Молдове – 3,6 тыс. (0,11%), в Беларуси – 27,8 тыс. чел. (0,3%). Если же брать количественные

данные, которые приводятся еврейскими организациями, то в Украине еврейское население составляет сейчас от 200 до 400 тыс. чел. (0,4–0,8%), в Молдове – 13 тыс. (0,38%), около 2 тыс. – в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике (0,36% от населения ПМР) и в Беларуси – от 50 до 70 тыс. (0,5–0,7%).

Автор данной работы для оценки итогов и перспектив еврейского культурного возрождения в рассматриваемом регионе предлагает принять несколько показателей: еврейскую религиозную жизнь, еврейское начальное и среднее образование и издания на еврейском языке, на котором говорили на этой территории, – на идише.

В источниках не приводятся точные количественные данные о действующих на сегодняшний день синагогах в очерченном регионе. Наиболее точными, очевидно, остаются сведения, приведенные д-ром М. Бейзером в издании «Наше наследство: Синагоги СНГ в прошлом и настоящем» (М., 2002).

Итак, М. Бейзер приводит данные по действовавшим в СССР в 1952 г. синагогам: всего – 133, из них в УССР было 40, в Молдавской ССР – 11, в БССР – 2 [Бейзер, 2002, с. 42]. На начало 2000-х гг. как действующих синагог, так и зданий бывших синагог, возвращенных еврейским общинам, насчитывалось: в Украине – 49, в Молдове – 10 (из них три в ПМР – две в Тирасполе и одна в Бендерах), в Беларуси – 9 [Бейзер, 2002, с. 170–173]. (Однако не все из находящихся в распоряжении общин зданий бывших синагог сейчас используются для отправления культа; многие приспособлены под общинные центры)⁹³.

23 декабря 2007 г. белорусское «Общенациональное телевидение» сообщило об окончании строительства минской синагоги по адресу ул. Кропоткина, 22, осуществленное на средства фонда «Ор Авнер» [http://www.ont.by/news/our_news/0022922]. Здесь следует отметить значительный вклад последователей Хабада в возрождение в 1990–2000-х гг. еврейской жизни вообще и религиозной в частности.

Хотя точными количественными данными автор работы не располагает, можно с уверенностью утверждать, что большинство действующих синагог сейчас находятся в ведении посланников движения Хабад. Понятно, что если синагоги есть, значит, они собирают *миньян*⁹⁴. Думается, большинству «прихожан» все равно, идти ли в синагогу, где раввин хасид или *митнагид* – если, конечно, он не посещал синагогу в 1970–1980-е гг. И, кажется, именно посланники Хабад и настойчивостью, и личным примером привели людей в синагогу во второй половине 1990–2000-х гг.

Назвать количество верующих иудеев тоже не представляется возможным. Поскольку доступные итоги переписей – украинской 2001 г. и белорусской 1999 г. – не содержат сведений о вероисповедании, а молдавской 2004 г. хотя и содержат, однако количество исповедующих иудаизм не называется. Автор решил, что хоть как-то отражать реальное количество постоянно приходящих в синагогу смогут такие данные: в Украине и Беларуси это те, кто «назвал родным

языком язык своей национальности» (идиш). В Украине это около 3 тыс. чел., в Беларуси – 1,5 тыс. чел.; думается, постоянно посещают синагогу в Молдове примерно 1 тыс. человек.

Наблюдатели приводят следующие данные по еврейским учебным заведениям в Украине: 37 средних и 60 воскресных школ, 11 детских садов, 8 иешив; имеются также гимназии фонда «Орах Хаим»⁹⁵ и лицеев ОРТ⁹⁶, точное количество которых не называется. При этом большинство еврейских средних школ Украины финансировались до осени 2008 г. фондом «Ор Авнер» [Еврейская община Украины, 2008, с. 424–425].

Автор намеренно опускает перечень высших учебных заведений, которые, как считается, дают еврейское образование, поскольку сфера применения специалистов, выпускников этих заведений, довольно узкая, а уровень знаний не всегда отвечает требованиям даже государственных стандартов⁹⁷. Хотя необходимо оговориться, что Украина располагает самым большим в постсоветских странах количеством высших учебных заведений, связанных с иудаикой.

В Молдове действуют два лицея, один хабадский детский сад, женский педагогический колледж [Еврейская община Молдовы, 2008, с. 304].

В Беларуси работают 19 еврейских воскресных школ, 5 детских садов, 3 школы «Ор Авнер», Лаудер-Шнеор-колледж, одна гимназия, еврейские классы при средней школе в Минске, одна школа-интернат, митнагдинская иешива.

Во всех рассматриваемых государствах выходят общинные периодические издания на русском языке: в Украине их около 30, в Беларуси – 5, в Молдове – 3.

На идише сегодня говорят очень мало. Имеет смысл повториться, что, по данным переписей, в Беларуси 5,4% евреев назвали родным языком «язык своей национальности» (т.е. идиш), в Украине – 3,1%. Это соответственно 1,5 тыс. и около 3 тыс. чел. По Молдове данных у автора нет. Думается, это примерно 1 тыс. чел. Итак, в какой-то степени несколько тысяч человек во всех трех странах понимают идиш. Казалось бы, исходя из такого количества носителей языка прогнозы должны быть оптимистичными.

В настоящее время творчество на идише продолжает осуществляться в Молдове: с 1990 г. выходит радиопередача «Идиш лэбн» («Еврейская жизнь»), которую ведет С.М. Бенгельсдорф⁹⁸; в 2000, 2003 и 2007 гг. в Кишиневе вышли сборники произведений И.И. Шрайбмана⁹⁹.

Радиопередача на идише выходит и в Черновцах – с 1991 г., ежемесячно, в течение получаса. Однако теперь в Украине на идише не пишет никто. Последним из украинских старейшин литературы на идише называют Григория Исааковича Полянкера (1911–1997).

До недавнего времени можно было предполагать, что в Беларуси культура на идише обречена на гибель. Однако в 2004 г., перед самой смертью, Г.Л. Релес¹⁰⁰ – один из последних классиков еврейской литературы – издал книгу воспоминаний на идише «Еврейские советские писатели Белоруссии», а в 2008 г. в Минске

вышел идиш-белорусский словарь, составленный А. Аструхом [Астравух, 2008]. Издания книг на идише в Молдове и Беларуси дают некоторую долю уверенности в том, что определенные перспективы развития у еврейской культуры есть.

Итак, во всех трех странах количество синагог постепенно увеличивается, хотя численность их посетителей едва ли будет увеличиваться в обозримом будущем; мало того, оно, очевидно, будет уменьшаться. В Украине, Молдове и Беларуси выходят еврейские периодические издания на русском языке – т.е. на языке, который используют евреи в повседневной жизни и который понятен окружающему населению. Так еврейская периодика решает просветительскую проблему. Вместе с тем резко сокращается численность знающих и понимающих идиш – еврейский язык этих территорий – бывших губерний черты оседлости. Идиш изучается мало (в основном это любительские курсы) и мало же пропагандируется общинами Беларуси и Украины. В итоге как часть еврейской культуры исчезает безвозвратно. Хотя появление уже в 2000-х гг. в Беларуси и Молдове книг на идише говорит, по крайней мере, о скромных попытках эту ситуацию изменить. Шансы здесь у евреев Беларуси и Молдовы чуть большие, нежели у евреев Украины.

В. Лихачев в часто цитируемой здесь статье о еврейской общине Украины писал о том, что еврейское возрождение в Украине состоялось [Лихачев, 2008, с. 99]. Вслед за ним можно смело заявить, что еврейское возрождение состоялось во всех постсоветских государствах, в том числе в трех рассматриваемых. Теперь можно с определенной долей уверенности прогнозировать некоторые тенденции в развитии еврейской жизни в указанных государствах.

В Украине еврейская жизнь будет иметь перспективы, пока крупные бизнесмены будут ее поддерживать (имеет смысл напомнить, что около половины средств, идущих на украинскую еврейскую общину, выделяется олигархами). В Беларуси еврейская община существует исключительно на пожертвования зарубежных спонсоров. Такой способ существования имеет мало шансов в будущем. Молдова кажется сейчас той страной, где имеется определенный баланс в функционировании еврейской жизни: в деятельности общинных институтов заинтересованы молдавские бизнесмены, которые стали частично их финансировать, при этом государство создало условия для существования общины в рамках национально-культурной автономии.

Вместе с тем еврейская жизнь будет действительно еврейской только тогда, когда община сохранит исчезающую культуру в описываемом регионе – культуру на идише: в Молдове и Беларуси это пока еще возможно, в Украине, кажется, уже нет.

Примечания

- ¹ Показатель «Всего еврейского населения» получается суммированием количественных данных по евреям (ашкеназам), горским, грузинским и среднеазиатским евреям; в расчет не принимаются данные по караимам. Такой методикой, в принципе, и пользуются специалисты [см.: Куповецкий, 2001].
- ² Различные толкования еврейства см.: Еврей – кто он, 2007.
- ³ Сукка – шалаш, ритуальное жилище, воздвигаемое в праздник Суккот.
- ⁴ Данное исследование выполнено по проекту *Center for Advanced Studies and Education (CASE)*. Автор особо благодарит за помощь своих коллег и друзей: Ю. Корогодского за дельные советы и замечания в отношении украинской ситуации, г-жу Ю. Оленеву за привезенные из г. Беер-Шевы копии некоторых материалов, которые она делала в декабре 2008 г. под ракетными обстрелами хамасовцев, а также молдавских коллег – д-ра хаб. В. П. Степанова и г-жу О. Сивак из Еврейской библиотеки им. И. Мангера за прием, оказанный во время командировки в Кишинев в ноябре 2008 г.
- ⁵ Создание Минского общества еврейской культуры иногда ошибочно датируют 1989 г. [см., например: Еврейская община Белоруссии, 2008, с. 360].
- ⁶ Ваад – на ивр. «комитет», «комиссия».
- ⁷ Фонд «Ор Авнер» – благотворительный фонд в поддержку движения ХАБАД, созданный бизнесменом Л. Леваевым в 1992–1993 гг. в память об отце р. Авнере Леваеве. Хабад – аббревиатура трех ивритских слов – «мудрость» («*хохма*»), «понимание» («*бина*»), «знание» («*да'ат*») – течение в хасидизме, основателем которого считается р. Шнеур Залман из Ляд, оформилось в конце XVIII – начале XIX в. Центром деятельности последователей Хабад до первой мировой войны была Белоруссия, постепенно активность ХАБАД переместилась в США.
- ⁸ Евроазиатский еврейский конгресс создан в 2001 г. как представительский орган еврейских общин государств бывшего СССР в сношениях с другими международными еврейскими организациями [см.: Членов, 2003; <http://www.eajc.org/>].
- ⁹ Зисельс Иосиф Соломонович, род. в 1946 г. в Ташкенте, – один из наиболее влиятельных и авторитетных еврейских лидеров на территории бывшего Советского Союза, участник диссидентского движения в СССР в 1970 – 1980-х гг., участник создания в 1988 г. Черновицкого фонда сохранения еврейского кладбища, в 1989 г. – Ваада СССР, ныне – председатель Ваада Украины, исполнительный вице-президент Еврейской конфедерации Украины, председатель Генерального Совета ЕАЕК.
- ¹⁰ Рабинович Вадим Зиновьевич, род. в 1953 г. в Харькове, – украинский бизнесмен, считался приближенным президента Л.М. Кравчука, создатель Торгово-промышленной палаты «Украина – Израиль», основатель холдинга *R.C. Group*, в 2000 г. создал медиа-компанию *Media International Group*, обвинялся в поставках оружия движению «Талибан» и чеченским боевикам [см.: <http://www.compromat.ru/>].
- ¹¹ Коломойский Игорь Валерьевич – крупный бизнесмен, гражданин Израиля, постоянно проживает в Швейцарии, создатель финансово-промышленной организации «Приват», в рейтинге журнала «Корреспондент» самых богатых украинцев 2006 г. находился на третьем месте (состояние 2,8 млрд дол.), по некоторым данным поддерживал «оранжевых» [см.: <http://file.liga.net/>].
- ¹² Фельдман Александр Борисович, род. в 1960 г. в Харькове, – украинский бизнесмен, создатель АО «Концерн АВЭК и Ко». Политическую деятельность начал с 2002 г., до «оранжевой революции» поддерживал Партию регионов, с июня 2005 г. – член фракции «Блок

Юлии Тимошенко» (БЮТ), в 1997 г. основал Благотворительный фонд «АВЭЖ», ныне – Международный благотворительный фонд Александра Фельдмана [см.: <http://file.liga.net/> <http://www.feldman.org.ua/>].

¹³ Литваки – литовское еврейство, или белорусско-литовское еврейство, – евреи, проживавшие на территории Великого княжества Литовского; в религиозном смысле – последователи раввинистического иудаизма.

¹⁴ Это, понятно, тема отдельного исследования. Имеет смысл обратить внимание на сборник, составленный украинским политологом М. Погребинским и посвященный «оранжевой революции» 2004–2005 гг. в Украине. Сборник приводит как полярные точки зрения на проблему, так и документы [см.: Оранжевая революция. 2005].

¹⁵ Фронда – движение против абсолютизма во Франции в 1648–1653 гг. Автору этих строк идею об «украинской Фронде» подсказал украинский историк и журналист Ю. Корогодский, возможно употреблявший это понятие вслед за своими коллегами журналистами.

¹⁶ Ахметов Ринат Леонидович – один из крупнейших украинских бизнесменов, уроженец г. Донецка, контролирует финансово-промышленную группу *System Capital Management*. Пинчук Виктор Михайлович – основатель инвестиционно-консалтинговой группы *EastOne*, зять президента Л.Д. Кучмы, член Попечительского совета еврейской общины Днепропетровска, вице-президент Еврейского конгресса Украины. Обоих называют в качестве тех, кто стоит за В.Ф. Януковичем и Партией регионов Украины.

¹⁷ Гайдук Виталий Анатольевич и Тарута Сергей Алексеевич – крупные украинские бизнесмены, создатели корпорации «Индустриальный союз Донбасса».

¹⁸ Эпитет «депрессивный» автор работы заимствует из статьи В.А. Никонова в уже упомянутом сборнике «Оранжевая революция: версии, хроника, документы», хотя тот относит данный эпитет к Западной Украине.

¹⁹ Суркис Григорий Михайлович – род. в 1949 г. в Одессе, бизнесмен, политик, в 1993–1998 гг. – президент промышленно-финансового концерна «Славутич», в 1998–2006 гг. – народный депутат Украины, с 2000 г. – президент Федерации футбола Украины.

²⁰ Фишбеин Моисей Абрамович – род. в 1946 г. в г. Черновцы, украинский еврейский поэт и переводчик, жил в Израиле, Германии, с начала 2000-х гг. живет в Украине, член союза писателей Украины.

²¹ Гурвиц Эдуард Иосифович – род. в 1948 г. в г. Могилев-Подольский, в 1994–1998 г. и с 2006 г. – мэр г. Одессы, в 1998 г. – депутат парламента от движения «Наша Украина».

²² Червоненко Евгений Альфредович – род. в 1959 г. в г. Днепропетровске, бизнесмен, в 2000–2001 гг. – председатель Государственного агентства по управлению государственным материальным резервом, основатель и руководитель концерна «Орлан», в 2004–2005 гг. – начальник охраны В.А. Ющенко, один из основателей в 1999 г. Еврейской конфедерации Украины.

²³ В обоих случаях курсив мой. – Д.Ш.

²⁴ Обращения духовных лидеров еврейской общины были размещены на сайте Ваада Украины: <http://www.vaada.org/>

²⁵ «Наша Украина» – политическое движение, объединившее сторонников В.А. Ющенко, создано в январе – феврале 2002 г.; в марте 2005 г. создан Народный союз «Наша Украина» (НСНУ); в 2007 г. на основе НСНУ учрежден политический блок «Наша Украина – народная самооборона». Веб-сайт движения: <http://www.razom.org.ua/>

²⁶ Блок Юлии Тимошенко (БЮТ) – объединение сторонников Ю.В. Тимошенко, создан в 2002 г. Веб-сайт движения: <http://www.byut.com.ua/>

- ²⁷ Очевидно, единственная удачная попытка изложить хронику неудавшейся «революции» представлена в сборнике «Застаемяся! Сакавік 2006: Прыватнае і агульнае» (Вильнюс, 2007) [Застаемяся! 2007].
- ²⁸ Христианско-демократическая народная партия (ХДНП) – молдавская правая политическая партия унионистской ориентации (т.е. выступающая за объединение с Румынией), создана в 1999 г.; ранее называлась: Христианско-демократический народный фронт Молдовы (до 1999 г.) и Народный фронт Молдовы (1989–1992/1993 гг.).
- ²⁹ Урекян Серафим Александрович, род. в 1950 г. – молдавский политик, в 1994–2005 гг. – мэр (примар) Кишинева, с 2003 г. – сопредседатель Альянса «Наша Молдова», с 2004 г. – лидер избирательного блока «Демократическая Молдова; позиционирует себя как противник правящего коммунистического режима.
- ³⁰ Данные приведены по: <http://www.alegeri2005.md>
- ³¹ В интервью директора Киевского института иудаики Л.К. Финберга «Институт иудаики: штрихи к портрету 2003 года» газете «Хадашот» (<http://www.vaadua.org/Hadasot/Had12/07.htm>) датой учреждения Киевского института иудаики ошибочно назван 1990 г. [Институт иудаики, 2003].
- ³² Например, в архиве КИИ хранятся бумаги И.Ш. Фаликмана, Л.М. Квитко, Н.И. Забары, Н. Кона и др. Фаликман Ихил Шмулевич (1911–1977) – еврейский советский писатель, автор рассказов, очерков, романов, участник Великой Отечественной войны, член редколлегии журнала «Советиш Геймланд» («Советская Родина»). На рус. яз. изданы: сб. рассказов «Горькое семя» (М., 1964), роман «Обреченные берут оружие» (М., 1959), роман «Огонь и пепел» (М., 1977), сборник повестей и рассказов «Семья человеческая» (Киев, 1975), роман «Черный ветер» (М., 1974) и др. Квитко Лев Моисеевич (1890–1952) – еврейский поэт, писал на идише, член Еврейского антифашистского комитета, участвовал в издании газеты «Эйникайт» («Единство»), репрессирован, расстрелян. Сборники переводов стихотворений издавались в 1948, 1956, 1964, 1978, 1990 гг. Забара Натан Ильич (1908–1975) – украинский еврейский писатель, писал на идише, в 1951–1956 гг. находился в заключении, считается одним из первых нелегальных преподавателей иврита в Киеве. Переводы на русский язык: рассказ «Два сына» (Киев, 1939), роман «Отец» (М., 1961), сборник романов (М., 1968). Герц-Кон Нафтали (Якуб Серф) – еврейский поэт, род. в 1910 г. близ Черновца, до последнего времени о Н. Коне писали мало; одна из последних статей о нем опубликована К. Ауэрбах в журнале «Polin» [Auerbach, 2008].
- ³³ О кризисе академической отрасли в Украине высказывались зарубежные ученые в двух статьях журнала «Nature» за 9 марта 2006 г. [Nature, 2006, p. 128, 132-133]; автору этой работы о положении дел в украинской науке рассказывали его украинские коллеги. Об общем кризисе гуманитарной науки в позднесоветский и постсоветский период автор этой работы уже высказывался [см., например: Шевелев, 2007].
- ³⁴ Дефиницией «постмодернистская ситуация» автор обязан Ю. Корогодскому. В описываемом контексте кажется довольно интересной и показательной история создания османистического семинара в Институте востоковедения им. А.Е. Крымского НАНУ [Галенко, Дрига, 1997].
- ³⁵ Хотя наименование «Научно-просветительский центр Семена Дубнова» и значилось на нескольких изданиях [см., например: Дубновские чтения, 2001].
- ³⁶ По этому поводу см. статью автора этих строк «Развагі аб стане іудаікі на Беларусі» («Размышления о состоянии иудаики на Беларуси») в еврейском самиздате «Мы яшчэ тут!», 2008 г., № 38.

- ³⁷ О Г.М. Лившице подробнее см.: Ботвинник, 1994.
- ³⁸ Возможно, обратной стороной такой свободы стало появление квазинаучных работ – работ, которые лишь имитируют научное исследование.
- ³⁹ Некоторыми сведениями по истории еврейского отдела в Академии наук Молдовы автор этих строк обязан его нынешнему руководителю д-ру И. Шиховой. Об этнической составляющей молдавской науки см. подробнее: Степанов, 2006; Степанов, 2007.
- ⁴⁰ Копанский Яков Михайлович (1930–2006) – молдавский историк, автор трудов по истории Молдовы, международных отношений, считается одним из основоположников еврейских исследований в Молдове, доктор исторических наук (1978), в 2005 г. за трудовые заслуги перед страной награжден Орденом *Gloria Muncii* (Указ Президента Республики Молдова № 2285 от 28.03.2005 г.). О нем см.: Шпитальник, 2000, с. 158-159.
- ⁴¹ Жигня Клара Леонидовна (род. в 1945 г.) – историк, филолог, переводчик, доктор исторических наук (1978 г.), труды по истории международных отношений, Кишиневскому погрому 1903 г., истории сионизма. См.: Шпитальник, 2000, с. 158.
- ⁴² Клейман Рита Яковлевна (1947–2008) – филолог, литературовед, один из признанных исследователей творчества Ф.М. Достоевского, некоторое время возглавляла еврейский отдел в Академии наук Молдовы, а также Союз еврейских организаций Кишинева. См.: Шпитальник, 2000, с. 45-46.
- ⁴³ Хотя в Молдове, как автор может судить из личных наблюдений, дело сдвинулось с мертвой точки, должно пройти несколько лет, чтобы молодое поколение исследователей заняло определенную нишу в науке.
- ⁴⁴ Исследований по холокосту очень много. Для ознакомления с некоторыми аспектами проблемы имеет смысл обратиться к работам израильских исследователей И. Гутмана, И. Арада, Ш. Холяевского, Д. Романовского, Д. Михмана, И. Бауэра и др. О работах белорусских, украинских и молдавских авторов сказано ниже.
- ⁴⁵ Автор работы обязан этими количественными данными Ю. Корогодскому. Для ознакомления с украинскими аспектами проблемы имеет смысл обратить внимание на работы А.И. Круглова, А.Е. Подольского, С.Я. Елисаветского, Ф.Л. Левитаса, а также М. Тяглого.
- ⁴⁶ См. веб-сайт украинского Центра изучения истории холокоста: <http://www.holocaust.kiev.ua>
- ⁴⁷ Голодомор – термин, появившийся в украинской позднесоветской и постсоветской историографии и затем закрепившийся в западной литературе, обозначающий голод в Украине 1932–1933 гг., возникший, по мнению современных украинских историков, в результате спланированных действий советской власти против украинского народа. Голодомор официальными историками рассматривается как геноцид или даже этноцид. В теперешней версии истории Украины существует также тезис о голодоморах – голоде в Украине в результате спланированных акций в 1921–1922, 1932–1933 и 1946–1947 гг. Понятно, что качественное исследование вопроса о голоде, который имел место в основных сельскохозяйственных районах СССР – в Украине, Белоруссии, России и Казахстане – в начале 1930-х гг. вследствие неграмотной аграрной политики большевиков, в том числе раскулачивания, невозможно в условиях признанной официально иной версии, противоречащей исторической правде. Должно пройти время, чтобы этот вопрос перестал что-то значить для государственной идеологии. Попытки спорить с тезисами «официальных историографов» могут расцениваться как вторжение русского «великодержавного шовинизма».

- ⁴⁸ 26–27 января 2005 г. в польском музее «Аушвиц-Биркенау» состоялись мемориальные мероприятия, посвященные 60-летию освобождения узников концентрационного лагеря Освенцим, в их числе международный форум «Let my people live» («Жизнь народу моему»).
- ⁴⁹ Слова В.А. Ющенко цитируются по статье Ш. Бримана «Украина и Холокост: оранжевый взгляд на черное прошлое» (<http://www.jew.spb.ru/ami/A354/A354-031.html>). Этот же отрывок в приведенном «Евроазиатском еврейском ежегоднике» за 5765 год (2004–2005 гг.) тексте речи президента Ющенко на международном форуме звучит по-другому: «Я – сын украинской земли, на которой произошли самые страшные трагедии XX века – Голодомор и Холокост. Украинцы помнят, какую угрозу несут нетерпимость, насилие, агрессия» [Текст выступления Президента Украины, 2005, с. 32].
- ⁵⁰ Нетаньяху, Беньямин, род. в 1949 г. в Иерусалиме – один из ведущих правых политиков Израиля, в 1984–1988 гг. – посол в США, в политику пришел с конца 1980-х гг.; в 2009 г. вновь возглавил правительство после выборов в Кнессет [см.: Кармель, 2001, с. 809–813].
- ⁵¹ Польский аналог – Институт национальной памяти – Комиссия по обвинению в преступлениях против польского народа. Был создан 18 декабря 1998 г. решением парламента; начал действовать 1 июля 2000 г. См.: <http://ipn.gov.pl>
- ⁵² Собственно, упомянутый А.Е. Подольский в статье, опубликованной в последнем выпуске ЕЕЕ пытается доказать обратное: холокост, по его мнению, не признается некоторыми историками как часть национальной украинской истории [см.: Подольский, 2008]. Определенно, такая тенденция существует, как и противоположная ей – изложенная выше. И, кажется, последняя доминирует.
- ⁵³ Левит Изяслав Эликович, род. в 1922 г. – историк, доктор исторических наук (1983), труды по истории Молдовы, Румынии, истории евреев Бессарабии, известно, что в 1994 г. уехал в США. См.: Шпитальник, 2000, с. 159–160.
- ⁵⁴ Стиль и пунктуация оригинала сохранены.
- ⁵⁵ Удлер Рубин (Рувим?) Яковлевич, род. в 1925 г. – молдавский лингвист, доктор филологических наук, с 1956 г. – сотрудник Молдавского отделения АН СССР, с 1992 г. в США. О нем см.: Шпитальник, 2000. С. 177–178.
- ⁵⁶ Последними данными автор обязан Е.С. Розенблату.
- ⁵⁷ Следует обратить внимание на работы белорусских исследователей: М.Б. Ботвинника, И.Э. Еленской, Е.С. Розенблата, Р.А. Черноглазовой [см., например: Трагедия евреев Белоруссии, 1995; Розенблат, Еленская, 1997; Judenfrei! 1999; Ботвинник, 2000; История Холокоста, 2001]. На рубеже 1990–2000-х гг. белорусские исследователи стали много публиковаться за рубежом. Сейчас в Беларуси встречается достаточное количество псевдонаучных опусов по истории холокоста.
- ⁵⁸ Еврейской общиной называется 1999 г. как дата учреждения Республиканского фонда «Холокост». Это неверные сведения. В уже упомянутом издании библиографического указателя «История Холокоста на территории Беларуси» 2001 г. [История Холокоста, 2001], которое составлялось руководителем белорусского Фонда «Холокост» И.П. Герасимовой, в качестве выпускающей издание структуры назывался «Научно-просветительский центр истории евреев Беларуси и Холокоста им. С. Дубнова».
- ⁵⁹ От Беларуси присутствовала делегация во главе с Председателем Совета Республики Национального собрания Беларуси Г.Н. Новицким.
- ⁶⁰ Обзор антисемитских акций в постсоветских государствах с 2003 г. публикуются в «Евроазиатском еврейском ежегоднике».

- ⁶¹ Думается, что все-таки необходимо различать понятия «антисемитизм» и «антисионизм», поскольку то, что выше было названо «советской политической практикой», было не всегда столь простым и однозначным, как это фиксируется в современных исследованиях. Это, кажется, предмет отдельного исследования, время для которого еще не наступило.
- ⁶² Ромафобия – ненависть к цыганам, употребляется также термин «цыганофобия».
- ⁶³ Полонофобия – предвзятое отношение к полякам и Польше, употребляется также термин «антиполонизм».
- ⁶⁴ Эпитет И. В. Сталина. См.: Сталин, 1951.
- ⁶⁵ Можно привести пример из деятельности еврейских общинных структур в Беларуси. Так, в докладе о состоянии антисемитизма в постсоветских государствах за 2007–2008 гг., опубликованном в «Евразийском еврейском ежегоднике» в 2008 г., в разделе «Беларусь», автором которого является один из руководителей СБЕОО и активист Объединения советов в защиту евреев бывшего СССР, сказано: «Поражает позиция органов внутренних дел и прокуратуры, не возбудивших (или не доведших до суда) за последние 20 лет ни одного дела по вандализму на еврейских кладбищах, по осквернению мемориалов памяти жертв нацизма и сталинизма, по изданию и распространению антисемитской литературы» [Антисемитизм, 2008, с. 296]. Однако уголовные дела возбуждались: в том же издании в аналитическом обзоре общинной жизни за 5767 год указано, что 15 ноября 2006 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 341 УК РБ по факту осквернения мемориала «Яма» в Минске (11–12.11.2006 г.) [Шевелёв, 2008, с. 124]. Имеет смысл еще раз подчеркнуть, что такого рода преступления раскрываются редко, а проведение следствия затруднено. Вообще же, осквернение памятников на еврейских кладбищах отмечается ежегодно в каждой из стран описываемого региона.
- ⁶⁶ В докладе Евразийского еврейского конгресса о состоянии антисемитизма 2003 г. указано, что неизвестные напали на работника еврейского кладбища и вырезали ему на спине «звезду Давида» [Антисемитизм, 2003, с. 233].
- ⁶⁷ Скобелев Эдуард Мартинович – род. в 1935 г., политический деятель, писатель, пишет на русском языке, активный сторонник А.Г. Лукашенко, открыто выражает юдофобскую позицию.
- ⁶⁸ Костян Сергей Иванович – род. в 1941 г., политик, писатель, деятель панславянского движения 1990–2000-х гг., депутат Верховного Совета Республики Беларусь XIII созыва, депутат Палаты представителей Национального собрания Беларуси трех созывов (1996–2008).
- ⁶⁹ Одно из известных дел – тяжба о запрете книги «Война по законам подлости» (Минск, 1999). Нельзя, однако, отрицать, что судебные разбирательства и запрет на продажу тех или иных изданий лишь подогревал интерес публики к такого рода литературе.
- ⁷⁰ Газета «Народная воля» за 12 июля 2006 г. (№112–113) приводит отрывки из «Пастырского увещевания» генеральному директору ЗАО «Христианская инициатива». Автор осмелится привести текст документа в том виде, как он опубликован в газете: «В конце 90-х годов, когда Минская епархия Белорусской православной церкви и гражданин Чертович образовали ЗАО «Православная инициатива», одной из главнейших задач было утоление потребности православных общин в богослужебной и просветительской литературе, церковной утвари и многих иных предметах религиозного назначения. Надежды, которые возлагались на вновь учрежденное общество, постепенно стали оправдываться, ибо магазин «Православная книга» становился хорошо известным не только

в церковной, но и в светской среде... Впрочем, первые успехи не были свободны от признаков, которые указывали на опасность возникновения негативных процессов в деятельности общества. Постепенно на прилавки стали поступать издания сомнительного содержания, которые отражали взгляды группировок раскольнического толка, тенденциозная периодика с явной националистической направленностью. В определенной степени это можно было объяснить недостаточной осведомленностью руководителя ЗАО в тонкостях внутрицерковных и общественно-политических процессов или энтузиазмом, который не всегда различал «ложку дегтя» и спешил добавить ее к общей трапезе.

Известно, что православная церковь декларирует и стремится строго соблюдать принцип неучастия в политике, – политике, которая по природе своей является определением форм, задач и содержания деятельности государства. Тем более неприемлемым церковь считает для себя вовлечение в идеологические противостояния с внутренними или внешними силами. В собственных изданиях на церковную тематику Вы стали помещать уже не только информацию о магазине «Православная книга», но рекламу самого себя, своих политических взглядов и идеологических пристрастий.

Так, в 1999 году, без консультаций с Минским епархиальным управлением и без благословения Священноначалия Вы издали книгу «Война по законам подлости», в которой самым вульгарным образом попытались совместить неособолевистские взгляды на политические процессы в современном обществе, грубый антисемитизм и христианскую фразеологию. Наряду с известными, но извращенно интерпретируемыми историческими фактами, сборник содержал также и весьма одиозные материалы, нередко почерпнутые из чуждых Церкви источников. Книга была издана под грифом «Православной инициативы», а это создавало в обществе впечатление, что такова позиция всей Белорусской православной церкви. Сегодня не остается сомнений в том, что Вы намеренно и вполне осознанно сделали этот провокационный шаг, а видимость Вашего последующего сожаления о негативных последствиях этого предприятия была лишь отвлекающим маневром...

Площадка магазина «Православная книга» стала превращаться в территорию закулисных маневров Генерального директора ЗАО с громким, но уже не соответствующим своей сути названием. Магазин стал местом распространения одиозной информации раскольнического, националистического и антисемитского характера. Торговая точка под вывеской «Православная книга» по прежнему претендовала на статус «культурно-просветительского центра», тогда как просвещение здесь больше заменялось банальной вербовкой антисемитски настроенных сторонников, а содержание собственной печатной продукции ЗАО становилось все труднее совместить с Православием...

Ваши последние действия свидетельствуют, что Вы забыли о своих многократных покаяниях, которые подчас коленопреклоненно приносили Патриаршему Экзарху за вред, причиненный Белорусской православной церкви в результате Вашей постоянной провокационной деятельности.

Вы окончательно решили не исполнять своих многократных обещаний по исправлению положения дел в ЗАО, которые в последние годы особенно отличались постоянным нарушением его устава.

Вы забыли, наконец, о своей ответственности за пролитую Вами в состоянии алкогольного опьянения кровь человека, когда Минская епархия, в которую сегодня Вы бросаете камни, стремилась облегчить Вашу участь.

Такое полномасштабное забвение подтверждает, что Ваша церковность не превзошла личной амбициозности, а покаянное сокрушение было для Вас личиной, необходимой для дальнейших удовлетворений Ваших прихотей.

Ваша возмутительная издательская деятельность 2004–2005 годов достигла апогея, когда Вы предприняли выход в свет объемной книги “Приговор убивающим Россию”. Оказалось, что после почти десятилетнего пребывания в церковном лоне Вы предпочли вернуться в состояние религиозного невежества и глухоты в отношении к голосу совести. Изданием этой книги Вы проявили свое принципиальное непонимание природы, задач и миссии Церкви Христовой и заняли вредоносную позицию псевдохристианского кликушества. Таковы впечатления от этого сборника, – таков же и духовный диагноз Вашего нынешнего образа мыслей и способа действий. Впрочем, раздвоение Ваших взглядов уже давно вызывает недоумение, поскольку ни для кого не секрет, что Ваши ближайшие родственники проживают в Израиле – в государстве, которое Вы столь рьяно критикуете.

Выйдя из состава ЗАО “Православная инициатива”, Минская епархия Белорусской православной церкви свидетельствует свою непричастность к Вашим личным инициативам и их последствиям. Прислушайтесь, Владимир Владимирович, к словам Евангелия Христова и к увещанию нашему, которое мы направляем Вам, скорбя о заблуждениях Вашей души и о производимом Вами соблазне в церковной и светской среде...».

Ответ В.В. Чистовича был поразителен: «...Я не знаю, какую расовую вражду мы разжигаем, против кого? Если против евреев, то некоторые ко мне сами приходили, благодарили... Ну как я мог против евреев выступить, когда у меня три еврейки работают в штате и дочка старшая замужем за евреем! И я буду против евреев? Против жидов – да, вполне возможно, что там жида, иудеи, сионисты – они, как говорится, в одном клубке...» [цит. по: «Народная воля», 12.07.2006 г. (№ 112-113), с. 2].

⁷¹ Гома Паул – род. 1935 г. в Бессарабии, в 1944 г. оказался в Трансильвании, диссидент, с 1977 г. живет во Франции [<http://www.cartier.md/>].

⁷² Тягнибок Олег Ярославович, род. в 1968 г. в г. Львове – украинский политик националистической ориентации, с 2004 г. возглавляет Всеукраинское объединение «Свобода». Персональный сайт: <http://www.tiahnybok.info/> Сайт ВО «Свобода»: <http://www.svoboda.org.ua/>

⁷³ Не знаю, говорит ли кто-нибудь о «Веймарской Украине», но параллели иной раз напрашиваются. – Д.Ш.

⁷⁴ Об определении «лоббизма» и лоббистской деятельности в России см. подробнее: Толстых, 2007. Ниже в работе использована классификация лоббизма, принятая в указанной работе П.А. Толстых.

⁷⁵ См. классификацию лоббирования по методам: Толстых, 2007, с. 32–33.

⁷⁶ Черновицкая конференция по языку идиш проходила с 30 августа по 3 сентября 1908 г. в Черновцах (Австро-Венгрия). Конференция собрала более 70 делегатов – видных еврейских общественных деятелей, писателей, поэтов. Конференция провозгласила идиш «одним из национальных языков» еврейского народа. Считается, что Черновицкая конференция 1908 г. повлияла на создание и становление еврейской науки на идиш.

⁷⁷ Позиция руководства Украины отражена в заявлениях Министерства иностранных дел Украины за август 2008 г. Они находятся на веб-сайте министерства – <http://www.mfa.gov.ua>. Эти документы очень сложно точно датировать, поскольку дата появления в них не указана.

- ⁷⁸ Народный рух Украины – политическое движение, созданное в сентябре 1989 г., до 1990 г. называлось «Народный рух Украины за перестройку». Веб-сайт движения: <http://www.nru.org.ua/>
- ⁷⁹ Об А. Билинкисе сведений крайне мало. Пинчевский Александр Александрович, род. в 1956 г. – молдавский дипломат, бизнесмен, владелец холдинга *Elita 5*, в сентябре 2007 г. награжден Орденом *Gloria Muncii*.
- ⁸⁰ Либерман Авиغدор, род. в 1958 г. в Кишиневе – израильский политик, один из основателей «русской» партии «Наш дом – Израиль» [подробнее см.: Кармель, 2001, с. 587].
- ⁸¹ Бирнштейн Борис Иосифович – считается соратником российских бизнесменов и финансистов Б.А. Березовского и В.А. Гусинского, в начале 1990-х гг. – основатель и руководитель фирмы «Сеабеко», пользовался покровительством президента Л.Д. Кучмы, при содействии которого основал предприятие «АГУкрaina», украинский и молдавский инвестор, сейчас – гражданин Швейцарии, его считают владельцем молдавских газет – «Кишиневские новости» и «Деловая газета».
- ⁸² Руцкой Александр Владимирович, род. в 1947 г. – российский военный, политический деятель, в 1991–1993 гг. – вице-президент Российской Федерации и близкий соратник Б.Н. Ельцина.
- ⁸³ Баранников Виктор Павлович (1940–1995) – сотрудник, а затем руководитель органов милиции СССР и России, в 1992–1993 гг. – министр безопасности Российской Федерации.
- ⁸⁴ Левин Леонид Менделевич, род. в 1936 г. – советский и белорусский архитектор, Заслуженный архитектор БССР (1988 г.), один из авторов многих архитектурных проектов в БССР и СССР, в т.ч. мемориальных комплексов «Хатынь», комплекса «Солдатское поле» в Волгограде (1976–1980) и т.д.
- ⁸⁵ Автор намеренно опускает эти неоднократно цитировавшиеся слова из речи президента Лукашенко.
- ⁸⁶ Хасидизм – течение в иудаизме мистического характера, возникшее в Восточной Европе в 1730-х гг., относится к ортодоксальному направлению. Хасидим – ивр., мн. число слова «хасид». Митнагдим – «оппоненты», «противники» (ивр.), последователи традиционного литовского направления в иудаизме, выступавшие против хасидизма. Наибольшего обострения конфликт между *митнагдим* и *хасидим* пришелся на конец XVIII – начало XIX в. Ортодоксальный иудаизм – название, применяемое для обозначения тех течений в иудаизме, адепты которых считают себя единственными хранителями еврейской традиции. Как совокупность взглядов ортодоксальный иудаизм сформировался в первой половине XIX в. в качестве реакции на реформизм и секуляризацию; в описываемом в статье контексте объединяет *митнагдим* и *хасидим*.
- ⁸⁷ Херем – исключительная форма наказания, применявшаяся в еврейских общинах – отлучение от общины.
- ⁸⁸ Хасидей хабад (ивр.) – хабадские хасиды.
- ⁸⁹ Это лишь одна из датировок, встречаются и иные.
- ⁹⁰ Карлинстолинский хасидизм – направление в хасидизме, названное по месту проживания основателей династии цаддиков – лидеров хасидской общины – в Карлине, близ Пинска, и в Столине; возникло во второй четверти XVIII в.
- ⁹¹ Известно, что в 2004 г. ФЕО СНГ попыталась поставить преданных людей из Хабада на посты главных раввинов – р. Ш. Б. Кринского в Литве и р. А. Михелашвили в Грузии. В июле 2004 г. лидеры ЕАЕК провели переговоры с руководством Литвы, а в октябре того

же года – с президентом М. Саакашвили. В результате попытки, предпринятые Л. Леваевым и р. Лазаром завершились неудачно.

⁹² 23 декабря 2007 г. белорусское «Общенациональное телевидение» сообщило об окончании строительства минской синагоги по адресу ул. Кропоткина, 22, осуществленное на средства Фонда «Ор Авнер» [http://www.ont.by/news/our_news/0022922].

⁹³ Так, веб-сайты и Интернет-страницы называют от 4 до 6 действующих в настоящее время в Беларуси синагог.

⁹⁴ Минимальное количество в 10 человек, определенное для совместного совершения молитвы.

⁹⁵ Фонд «Орах Хаим» – благотворительный фонд, основанный в 1990 г., возглавляет который р. Яков Дов Блайх, действует при киевской синагоге на Подоле.

⁹⁶ ОРТ – Общество ремесленного труда, позднее – Общество распространения труда, всемирная еврейская филантропическая организация, первоначально основано в 1880 г. в Санкт-Петербурге.

⁹⁷ Впрочем, о вузах с преподаванием иудаики автор уже высказывался. См.: Шевелёв, 2007.

⁹⁸ Бенгельсдорф Серго (Сергей) Моисеевич, род. в 1937 г. в Биробиджане – музыкант, искусствовед, заслуженный деятель искусств Молдовы (1996), знаток идиша и еврейского фольклора [см.: Шпитальник, 2000, с. 96-97].

⁹⁹ Шрайбман Ихил Ицикович (1913–2005) – еврейский писатель, член Союза писателей СССР с 1940 г., член редколлегий журналов – советского «Советиш геймланд» («Советская Родина») и российского «Ди идише гас» («Еврейская улица»). И.И. Шрайбман, по справедливому замечанию русской «Википедии» являлся «последним идишистским литератором Молдовы». В Кишиневе в 2000 г. вышел сборник его произведений «Ецирэ ун либэ» («Творение и любовь»), в 2003 г. – «Зибн йор мит зибн хадошим» («Семь лет с семью месяцами»), в 2007 г. – «Клэйн ун гройс» («Малое и большое») [<http://ru.wikipedia.org> Еврейская община Молдовы, 2008, с. 387].

¹⁰⁰ Релес Гирш (Григорий Львович, 1913–2004) – еврейский поэт, писал на идише и русском языке, его произведения в разное время печатали газеты «Эйникайт» (Москва), «Фолкштимэ» (Варшава), журнал «Советиш Геймланд». Сборники его стихотворений на идише выходили в Минске в 1939 и 1941 гг.

Библиография

Законодательные акты, статистические материалы, документы органов власти

Документы, доступные на веб-сайте Верховной Рады Украины (<http://portal.rada.gov.ua/>)

Постанова Кабінету міністрів України № 764 від 31 травня 2006 р. «Про утворення Українського інституту Національної пам'яті».

Постанова Кабінету міністрів України № 927 від 5 липня 2006 р. «Про затвердження Положення про Український інститут Національної пам'яті».

Закон України № 376-V від 28 листопада 2006 р. «Про Голодомор 1932-1933 років в Україні».

Документы, доступные в базе данных молдавского законодательства (<http://lex.justice.md>)

Постановление Правительства Молдавской ССР № 6 от 05.01.1990 г. «О регистрации Устава Общества еврейской культуры в Молдавской ССР».

Указ Президента Республики Молдова № 161 от 12.08.1991 г. «О мерах по обеспечению развития еврейской национальной культуры и удовлетворению социальных нужд еврейского населения Республики Молдова».

Постановление Правительства Республики Молдова № 682 от 09.12.1991 г. «О претворении в жизнь Указа Президента Республики Молдова от 12 августа 1991 г. «О мерах по обеспечению развития еврейской национальной культуры и удовлетворению социальных нужд еврейского населения Республики Молдова»».

Постановление Правительства Республики Молдова № 406 от 09.06.1994 г. «Об утверждении Устава Федерации еврейских (религиозных) общин в Республике Молдова».

Постановление Правительства Республики Молдова № 805 от 05.12.1995 г. «Об утверждении изменений в Уставе Федерации еврейских (религиозных) общин в Республике Молдова».

Постановление Правительства Республики Молдова № 822 от 01.09.1997 г. «Об утверждении Устава Союза мессианских еврейских общин в Республике Молдова».

Постановление Правительства Республики Молдова № 1044 от 03.10.2001 г. «Об утверждении изменений и дополнений, которые вносятся в Устав Федерации еврейских общин в Республике Молдова».

Постановление Правительства Республики Молдова № 180 от 15.02.2002 г. «О введении курса «История Молдовы» как учебной дисциплины в учебных заведениях» с 1 сентября 2002 г.».

Документы, доступные на веб-сайте Бюро межэтнических отношений Республики Молдова (<http://www.bri.gov.md/>)

Указ Президента Республики Молдова № 400 от 25.12.1997 г. «Об образовании Комиссии по межнациональным отношениям».

Указ Президента Республики Молдова № 2285 от 28.03.2005 г. «О награждении господина Якова Копанского орденом Gloria Muncii».

Законодательные акты Республики Беларусь

Указ Президента Республики Беларусь № 289 от 05.05.2006 г. «О структуре Правительства Республики Беларусь» // <http://www.levonevski.net/pravo/razdell/num7/1d7567.html>

Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 891 от 15.07.2006 г. «Об утверждении Положения об Уполномоченном по делам религий и национальностей и его аппарате» // <http://kulichki.com/zak2007/bz04/dcm04519.htm>

Доступно в базе данных на веб-сайте Совета Европы (<http://coe.int/>)

Recommendation Rec(2001)15 of the Committee of Ministers to member states on history teaching in twenty-first-century Europe.

Отдельные документы

Сталин И.В. Об антисемитизме: Ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки // Сталин И.В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 28.

Текст выступления Президента Украины Виктора Ющенко на международном форуме «Let My People Live» («Жизнь народу моему»), посвященном 60-летию освобождения концлагеря Освенцим // ЕЕЕ 5765 (2004/2005). Киев: Дух и літера, 2005. С. 31–32.

Статистические материалы

Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: Ч. 1 / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. xxii+268+89 с.

Статистика еврейского населения: Распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г. / Сост. Б.Д. Бруцкус. СПб., 1909. viii+62 с. (Еврейское Колонизационное Общество. Статистико-экономические очерки и исследования. Вып. III).

Материалы делопроизводства общинных учреждений

Материалы веб-сайта Ваада Украины (<http://www.vaadua.org/>):

Заява конгрессу національних громад України 15.09.2004 г.

Киевская синагога кормит и одевает митингующих.

Плетинский В. Предчувствие третьего пути: [Интервью с И. Зисельсом]. [Записано между 31.10 и 21.11.2004 г.].

Фішбейн М. До євреїв України.

Пресс-релиз Союза белорусских еврейских объединений и общин [октябрь 2007 г.] // Авив. № 7–9 (сентябрь–ноябрь). С. 2. Минск, 2007.

Периодическая печать

«Еврейское местечко». Электронная версия на веб-сайте Благотворительного фонда «Дор ле-дор»: <http://www.dorledor.info/>

«Независимая Молдова». Электронная версия: <http://www.nm.md/>

«Українська правда». Электронная версия: <http://www.pravda.com.ua/>

«Хадашот». Веб-сайт Ваада Украины (<http://www.vaadua.org/>).

Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество» (<http://www.demoscope.ru/>).

Отдельные материалы

Институт иудаики: штрихи к портрету 2003 года»: [Интервью Т. Литовченко с директором Киевского Института иудаики Л. Финбергом]: <http://www.vaadua.org/Hadasot/Had12/07.htm>

Карпенко И. Откровенный рассказ рава Каплана // Лехаим. 2006. № 11 [<http://www.lechaim.ru/ARHIV/175/VZR/m04.htm>]

Кириченко И. Ксенофобия: испытание чужим: [Материал из еженедельника «Зеркало недели»] // Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2005. №215-216. (26.09-9.10). <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0215/gazeta09.php>

Корогодський Ю. Навіщо Коломойському єврейство? // <http://www.4post.com.ua> за 21.10.2008 г.

Левитина А. Слабые звенья ФЕОР. [28.12.2004] // http://www.compromat.ru/page_16041.htm

Поппер Н. Хабад против Хабада: дуэль раввинов на Украине // http://jn.com.ua/community/chabad_0412.html

[Editorial]. Slow train coming: Reform of Ukraine's archaic research system is needed sooner rather than later // «Nature». Vol.440. 9 March 2006. P. 128.

Quirin Schiermeier. Ukraine scientists grow impatient for change // «Nature». Vol.440. 9 March 2006. P. 132-133.

Материалы еврейского самиздата Беларуси

Анахну кан (Мы тут): Незалежная яўрэйская газета. 2002. № 0–11.

Мы яшчэ тут!: Беларуска-яўрэйскі бюлетэнь. 2003–2009 (№ 1–42).

Воспоминания, дневниковые записи

Mircea Snegur – Эдуард Волков: Откровенные диалоги: (Краткая версия). Chişinău: Fundația “Draghiştea”, 2007. XVI, 852 с.

Левин Ш.Д.-Б. Объединение хасидов Хабада (Агудас Хасидей Хабад) в странах СНГ: Создание, история, деятельность, трудности. [2000] // Доступен на: <http://www.chassidus.ru/>

Материалы АКСО, аналитические материалы ЕАЕК

Перестройка и еврейский вопрос: Вып. 3 / Антисионистский комитет советской общественности. М., 1990. 160 с.

Перестройка и еврейский вопрос: Вып. 4 / Антисионистский комитет советской общественности. М., 1991. 176 с.

Антисемитизм на постсоветском пространстве: обзор [за 2003 г.] // ЕЕЕ 2003. Киев: Дух і літера, 2003. С. 223–252.

Антисемитизм на постсоветском пространстве (2004–2005 гг.), обзор // ЕЕЕ 5765 (2004/2005). Киев: Дух і літера, 2005. С. 241–267.

Антисемитизм на постсоветском пространстве: обзор (2007–2008 годы) // ЕЕЕ 5768 (2007/2008). М., 2008. С. 294–318.

Еврейская община Украины: [Обзор за 2007-2008 гг.] // ЕЕЕ 5768 (2007/2008). М., 2008. С. 416–426.

Еврейская община Грузии: [Обзор за 2007-2008 гг.] // ЕЕЕ 5768 (2007/2008). М., 2008. С. 369–375.

Еврейская община Молдовы: [Обзор за 2007-2008 гг.] // ЕЕЕ 5768 (2007/2008). М., 2008. С. 384–392.

Еврейская община Молдовы: [Обзор за 2004-2005 гг.] // ЕЕЕ 5765 (2004/2005). М., 2008. С. 303–306.

Еврейская община Белоруссии: [Обзор за 2007-2008 гг.] // ЕЕЕ 5768 (2007/2008). М., 2008. С. 358–368.

Отдельные публикации источников

Трагедия евреев Белоруссии (1941–1944): Сб. материалов и документов / Сост. Р. Черноглазова, А. Лейзеров. Минск, 1995. 362 с.

Judenfrei! Свободно от евреев! История минского гетто в документах / Сост. Р.А. Черноглазова. Минск: Асобны дах, 1999. 395 с.

Кишиневский погром 1903 года: Сб. документов и материалов / АН Респ. Молд. Ин-т межэтнич. исслед.; Нац. архив Респ. Молд. Кишинэу: Ruxanda, 2000. 524 с.

Еврей – кто он? Национальное и религиозное определение еврейства в прецедентах постановлений Верховного Суда Израиля / Сост. адвокат З. Фарбер; пер. с ивр. С. Гойзмана. М.: Мосты культуры – Иерусалим: Гешарим, 2007. 511 с.

Застаемя! Сакавік 2006: Прыватнае і агульнае. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007. 284 с. (Кнігарня “Нашай нівы”).

Шишкану И. [Раздел «Новейшая история». Глава 1. § 8: Румыния и Бессарабия в годы Второй Мировой войны] // История румын с древнейших времен до наших дней: Дидактические материалы. Изд. 2-е, доп. Кишинэу: Civitas, 2005. С. 312–317.

Исследования

Бейзер М. Наше наследство: Синагоги СНГ в прошлом и настоящем: [Альбом]. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2002. 176 с.

Ботвинник М.Б. Г.М. Лившиц; Историографический очерк. Минск: Навука і тэхніка, 1994. 192 с.

Ботвинник М.Б. Памятники геноцида евреев Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2000. 326 с.

Брутер В. Перспективы еврейской общины Молдовы. Социально-политический аспект // Веб-сайт Международного института гуманитарно-политических исследований. [2002?]: http://www.igpi.ru/monitoring/jewish_world/investigations/1084459783.html

Галенко О., Дрига І. Османістичний семінар в Інституті сходознавства ім. А. Кримського НАН України // Східний світ. 1997. № 1–2. Київ, 2000. С. 223–227.

Герасимова И.П. К истории еврейского отдела Института белорусской культуры (Инбелкультга) и еврейского сектора Белорусской Академии Наук в 20–30-х годах // Вестник еврейского университета в Москве. М., Иерусалим. 1996. № 2 (12). С. 144–167.

Головаха Е.И., Панина Н.В. Национальная толерантность и идентичность в Украине: опыт применения шкалы социальной дистанции в мониторинговом социологическом исследовании // Социологический журнал. 2006. №3–4. [Электронная версия статьи: <http://sj.obliq.ru/article/648?print=yes>]

Гринбаум А. А. Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе, 1918–1953: [Пер. с англ.] // Евреи в России. Историографические очерки: вторая половина XIX века – XX век / Еврейский ун-т в Москве. М.; Иерусалим: Гешарим, 1994. С. 3–168.

Дубновские чтения: Материалы Первой Международной научной конференции «Наследие Семена Дубнова и изучение истории евреев в странах СНГ и Балтии», посвященный 140-летию со дня рождения ученого (г. Могилев, 17–19 октября 2000 г.): Сб. ст. / Науч.-просвет. центр Семена Дубнова; сост.-ред.: И.П. Герасимова, Г.И. Рутман. Минск: Четыре четверти, 2001. 167 с.

Думитру Д. В лабиринте политизации: преподавание Холокоста в школах Республики Молдова // Голокост і сучасність. 2008. № 1. С. 27–38.

Зисельс И. Динамика численности еврейского населения Украины // Евроазиатский еврейский ежегодник – 2003 / Евроазиатский еврейский конгресс. М., 2003. С. 109–128.

Идыш – беларускі слоўнік / Уклад. А. Астравух. Мінск: Медисонт, 2008. 928 с.
История Холокоста на территории Беларуси: Библиографический указатель / Сост. И.П. Герасимова, С.М. Паперная. Витебск, 2001. 104 с.

Копанский Я.М. Благотворительные организации евреев Бессарабии в межвоенный период, 1918–1940 гг. / АН Респ. Молд. Ин-т межэтнич. исслед. Кишинэу: Понтос, 2002. 499 с.

Копанский Я.М. Джойнт в Бессарабии: Страницы истории. Кишинэу: Лига, 1994. 124 с.

Корогодский Ю. Изучение Израиля на постсоветском пространстве // Евреи Евразии. 2004. № 3 [Электронная версия на: <http://www.eajc.org/>]

Куповецкий М.С. Евреи бывшего Советского Союза: их количество и расселение по миру // Десять років єврейського національного відродження в пострадянських країнах: Досвід, проблеми, перспективи: Матеріали конференції 28–30 серпня 2000 р. / Інститут юдаїки; Національна б-ка України ім. В. І. Вернадського. Київ, 2001. С. 97–109.

Лихачев В., Федорчук А. Высшее образование в области иудаики на постсоветском пространстве // Евреи Евразии. 2004. № 1. С. 42–48.

Лихачев В. Еврейская община Украины – 5768 (2007–2008): Двадцать лет возрождения // Евроазиатский еврейский ежегодник – 5768 (2007/2008) / Евроазиатский еврейский конгресс. М., 2008. С. 98–118.

Нариси з історії та культури євреїв України / Упорядн. та ред. Л. Фінберг, В. Любченко. Київ: Дух і літера, 2005. 440 с.

Назария С. М. Холокост: Страницы истории (на территории Молдовы и в прилегающих областях Украины, 1941–1944) / Гос. ин-т междунар. отношений Респ. Молд.; Асоц. евреев Молдовы – быв. узников фашистских гетто и концлагерей; Слав. ун-т Респ. Молд. Кишинэу, 2005. 304 с.

Найман А. Юдофобия современных антиукраинских сил в Украине / О-во «Еврейское наследие». М., 1998. 47 с.

Оклик через жизнь: К столетию Кишиневского погрома. Тель-Авив: Иврус, 2003. 288 с.

Оранжевая революция: версии, хроника, документы / Сост.: М. Погребинский. Киев: Оптима, 2005. 416 с.

Подольский А. Е. Украинское общество и память о Холокосте: попытка анализа некоторых аспектов // ЕЕЕ 5768 (2007/2008). М., 2008. С. 164–176.

Поляков Л. История антисемитизма / Пер. с фр. М.: Гешарим, 1997–1998.

Розенблат Е.С., Еленская И.Э. Пинские евреи, 1939–1944 гг. / Брестский гос. ун-т. Брест, 1997. 308 с.

Рубинчик В. П. Критические заметки о «еврейской жизни» в постсоветской Белоруссии // Диаспоры. М., 2002. № 4. С. 53–86.

Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. 480 с.

Степанов В.П. Развитие этногосударственного законодательства в Республике Молдова (1989–2005 гг.) и деятельность государственных учреждений в деле защиты прав и свобод национальных меньшинств (на примере украинского населения) // «Revista de etnologie și culturologie» («Журнал этнологии и культурологии») / АНМ. Ин-т культурного наследия. Кишинэу, 2006. № 1. С. 8–109.

Степанов В. П. Украинцы Республики Молдова: Влияние этногосударственного законодательства, госучреждений и ведомств, этнокультурной среды на сохранение и развитие идентичности. Очерки трансформационного периода (1989–2005). Кишинэу, 2007. 713 с.

Толстых П. А. GR: Практикум по лоббизму в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 379 с.

Ханін З. Основні течії у житті сучасної єврейської громади в Україні // Десять років єврейського національного відродження в пострадянських країнах: Досвід, проблеми, перспективи: Матеріали конференції 28-30 серпня 2000 р. / Інститут юдаїки; Національна б-ка України ім. В. І. Вернадського. Київ, 2001. С. 38–45.

Чарный С. Позднесоветская и постсоветская иудаика // Материалы Одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике: Ч. 2 / Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах “Сэфер”; Ин-т славяноведения РАН. М., 2004. С. 133–162.

Членов М.А. Евроазиатский еврейский конгресс – политический портрет // ЕЕЕ 2003. Киев, 2003. С. 22–39.

Шавялёў З. Агляд развіцця яўрэйскіх даследванняў у Беларусі на мяжы ХХ–ХХІ ст. // Беларускі гістарычны агляд. Менск, 2003. Т.10. Сшыткі 1–2. С. 188–200.

Шавялёў Дзм. Чарнавіцкая канферэнцыя па мове ідыш [жнівень, 2008 г.] // Веды. 2008. № 37 (15 сентября). С. 5.

Шевелёв Д.Л. Израилеведение и палестиноведение в современной России (к вопросу о дефинициях и состоянии отраслей) // «Восток. Афро-азиатские общества: история и современность» («Oriens»). М., 2007. № 5. С. 216–220.

Шевелёв Д.Л. Еврейская община Беларуси в 5767 году // Евроазиатский еврейский ежегодник – 5768 (2007/2008). М.: Паллад, 2008. С. 119–127.

Шпитальник С. Евреи Молдовы: Деятельность евреев в культуре, науке, экономике Молдовы в ХХ веке / Biblioteca municipală “Bogdan Petriceicu Hașdeu”; Еврейская библиотека им. И. Мангера; Американский еврейский объедин. распределит. комитет. Кишинев, 2000. 310 с.

Эпштейн А. Изучение Израиля в России (1991–2006): достижения и проблемы // Восток (Oriens). 2007. № 2. С. 167–170.

Auerbach K. The fate of a Yiddish poet in Communist Eastern Europe: Naftali Hertz Kon in Poland: 1959–1965 // Polin, [2008], 21. P. 243–264.

Zajka V. Jewish life in Belarus during the past decade // East European Jewish Affairs. 1993. Vol. 23. No. 1. P. 21–31.

Кармель А. Всё политическое: Лексикон израильской политики (*ha-kol po-liti: Leksikon ha-politika ha-yisra'elit*): [Ч. 1-2]. Ганей-Авив: Лод, 2001. 1203 с.

Веб-сайты

Благотворительный фонд «Дор ле-Дор»: <http://www.dorledor.info/>
Блок Юлии Тимошенко: <http://www.byut.com.ua/>
Бюро межэтнических отношений Республики Молдова: <http://www.bri.gov.md/>
Всеукраинское объединение «Свобода»: <http://www.svoboda.org.ua/>
Всеукраинская перепись населения 2001 г.: <http://www.ukrcensus.gov.ua/>
Евроазиатский еврейский конгресс: <http://www.eajc.org/>
ИА «Свободная Молдова»: <http://freemd.info/>
Институт национальной памяти – Комиссии по обвинению в преступлениях против польского народа: <http://ipn.gov.pl/>
Министерство иностранных дел Украины: <http://www.mfa.gov.ua/>
Министерство статистики и анализа Республики Беларусь: <http://belstat.gov.by/>
Минский еврейский общинный дом: <http://www.meod.by/>
Народный Рух Украины: <http://www.nru.org.ua/>
Блок «Наша Украина – Народная самооборона»: <http://www.razom.org.ua/>
Персональный сайт О. Тягнибока: <http://www.tiahnybok.info/>
Персональный сайт А. Б. Фельдмана: <http://www.feldman.org.ua/>
Служба безопасности Украины: <http://www.sbu.gov.ua/>
Украинский центр изучения истории Холокоста: <http://www.holocaust.kiev.ua/>
Федерация еврейских общин России: <http://www.feor.ru/>
Федерация еврейских общин СНГ: <http://russian.fjc.ru/>
Хабадская еврейская община Кишинева и Молдовы: <http://www.kishinev.org/>
Справочные порталы, сайты и страницы:
<http://www.compromat.ru/>
<http://file.liga.net/>
<http://www.cartier.md/>
<http://ru.wikipwdia.org/>

Список использованных сокращений

АК – «Анахну кан» («Мы тут»);
АКСО – Антисионистский комитет советской общественности.
ЕАЕК – Евроазиатский еврейский конгресс.
ЕЕЕ – «Евроазиатский еврейский ежегодник»: Издание Евроазиатского еврейского конгресса.
ИА – информационное агентство.
МЯТ – «Мы яшчэ тут».
р. – рав – раввин.

ЧЕРНОБЫЛЬ, ЭКОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА: СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ 1990-х гг.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. для Беларуси, как и для всех новых независимых государств, – период неоднозначный и противоречивый. Советское наследие Беларуси среди прочего предполагало и набор нерешенных проблем, справиться с которыми предстояло одновременно с построением «государства-нации» и собственной политической системы. Более или менее завершенные очертания последняя приняла только к середине 1990-х гг. с введением и окончательным оформлением института президентства в его нынешнем виде, что и определило политические процессы в стране на десятилетие(-я). Между тем за фасадом крупных политических событий первой половины 1990-х гг. как бы отошел на второй план ряд социально значимых проблем: ухудшение социальных условий, последствия катастрофы на ЧАЭС, состояние экологии. В ситуации нарастания социальной напряженности, с одной стороны, и плюрализации политического пространства – с другой, стало возможным формирование некоторых элементов гражданского общества, в частности первых институтов социальной и гражданской мобилизации. В данном случае речь идет не столько о политических или околополитических структурах, сколько о тех общественных организациях, которые в данный период пытались разрешить «социально значимые» проблемы, а также закрепиться в еще не устоявшейся политической системе.

Появление общественных организаций как новых акторов, участников политического процесса, было связано, прежде всего, с надеждами на процесс демократических преобразований начала 1990-х гг., который начался практи-

чески во всех бывших советских республиках. Этот период для Беларуси был обозначен рядом значительных политических трансформаций: образование политических партий, общественных объединений, появление национальной и независимой прессы. В этих условиях многочисленные общественные организации и движения начали претендовать на участие в политическом процессе. В 1994 г. согласно **реестру республиканского Министерства юстиции в Беларуси** насчитывалось около 630 зарегистрированных общественных организаций. Общественные организации принимали разнообразные формы: фонды, ассоциации, общины, клубы, союзы, благотворительные организации, центры, федерации, общества, комитеты, товарищества, объединения и движения. Их деятельность также затрагивала разнообразные аспекты социальной жизни и категории населения: детские, организации инвалидов, организации ветеранов, молодежные, правозащитные, экологические¹, черныбыльские и иностранные организации.

Однако появлению и развитию общественных организаций в Беларуси предшествовал процесс их закрепления не только в повседневной социальной системе, но и в еще не трансформировавшейся политической системе. Исследования, направленные на выявление источника появления общественных организаций в бывших советских республиках, концентрируются на различных аспектах, но приходят к единому знаменателю: в советский период имело место формирование определенных «общественных» практик, которые привели к быстрому развитию общественного сектора после обретения независимости². В данном случае речь идет как о роли «самодеятельных организаций», так и о роли «айвороментального активизма».

Необходимо отметить, что появление предшественников современных общественных организаций в Беларуси приходится на советский период, когда они определялись как «самодеятельные организации»³. Такие организации представляли собой на деле вызов централизованной государственной системе и стали первыми признаками нарастания социального действия и гражданского сопротивления. Поэтому со стороны действующих властей они воспринимались неоднозначно: с одной стороны, как «чуждые элементы», которые могут привести к разрастанию национальных движений⁴, с другой – как элементы процесса реформирования советской системы⁵. Таким образом, «самодеятельные организации» появляются как промежуточные и переходные формы, с одной стороны, не вписывающиеся в политическую структуру, но, с другой, отвечающие определенным социальным изменениям, а также идеям процесса «перестройки». Вот их официально признанное назначение той поры: «Общественные самодеятельные объединения создаются под контролем государства в соответствии с целями коммунистического строительства для осуществления социалистического плюрализма мнений при учете авангардной роли КПСС. Они функционируют как организационные формы активности советских

граждан, выражающие их многообразные интересы и потребности, участвуют в процедурах принятия управленческих решений в рамках, определенных действующим законодательством, по согласованию с органами государственной власти и управления, самостоятельно проводят либо участвуют в проводимых мероприятиях»⁶. В Беларуси к таким «самодеятельным организациям», ориентированным в основном на молодую аудиторию, можно отнести следующие объединения и клубы, которые к 1994 г. насчитывали по разным подсчетам 3,5 тыс. человек: «Талака», «Тутэйшыя», «Паходня», «Современник», «Узгор’е», «Маладзік»⁷.

В советский период практика социальной мобилизации населения в Беларуси не была столь распространенной, как в некоторых других советских республиках. Это касается и экологического движения. О.Л. Денисюк отмечает, например, что в СССР в конце 1988 г. наблюдался определенный кризис организованных форм движения, обозначенный поиском и переходом к новым формам, с учетом роли и значения структуры организации. Именно в этот период происходит завершение развития общественного движения с появлением самодеятельных организаций партийного типа и народных фронтов. Денисюк также выделяет в качестве фактора формирования общественного сектора преемственность форм гражданского сопротивления, которые выражались в разные периоды в различных способах проявления и выражения политической воли и социального интереса. Автор утверждает, что «неформалы» 1980-х гг. – это последователи «шестидесятников» и диссидентов: «Можно определить единую нить культурно-исторической и общественно-политической преемственности от “врагов народа” сталинского периода (за исключением невинно оклеветанных граждан) к “шестидесятникам” от них – к диссидентам 70-х и начала 1980-х гг., далее – к “неформалам” второй половины 1980-х и начала 1990-х, и, наконец, – к демократам 1990-х годов»⁸.

Чернобыльские и экологические организации: группы и движение?

Говоря о развитии экологического движения в СССР, нужно привести его периодизацию, предложенную Шубиным, одним из составителей сборника «Экологические организации на территории бывшего СССР» (до 1992 г.), который, определяя исторические параметры появления и развития экологического движения, выделяет следующие периоды: институционализированный период экологического движения (ориентировочно 1958–1982 гг.); петиционный (ориентировочно 1982–1989 гг.); популистский (1989–1991 гг.) и альтернативистский период. Стараясь на примере экологических организаций очертить путь становления общественных движений в советский период, Шубин основывается на разных критериях периодизации, где речь идет, скорее, о различных характери-

стиках экологического движения в разные исторические периоды. Характерная черта экологических организаций в период с 1958 до 1982 г. – их «встроенность в структуры официальных общественных организаций», а в следующий период с 1982 по 1989 г. основной характеристикой экологических организаций становится их самостоятельность и обращенность к власти. Петиционный период обозначается изменением характера экологического движения, а именно политизацией экологических организаций и использованием экологических идей в борьбе за политическую власть. Альтернативистский период можно охарактеризовать как период изменений, который привел к тому, что экологическое движение обозначило свое место в новых политических системах.

Появление экологического движения и его организаций почти во всех странах бывшего СССР можно объяснить существованием советских практик «айвароментального активизма», близкого к антиядерным практикам в западных странах. Таким образом, формирование экологического гражданского сектора происходит между влиянием форм индивидуального или группового активизма и форм социального движения. Согласно некоторым исследованиям⁹ во второй половине 1980-х гг. появляются так называемые «группы публичного интереса», выражающие некоторый общий интерес и способные принимать участие в формировании и принятии политических решений. Так, исследователи в СССР понимали новую роль айвароментальных групп, которые, зародившись еще в советский период, в начале политических трансформаций, с 1988 г., претендовали на место в определении энергетической политики: «В прошлом айвароментальные дискуссии являлись приоритетной задачей научной и интеллектуальной элиты, сейчас же обычные люди могли присоединиться к движению по защите окружающей среды. Коллективное действие, в которое они были вовлечены, было абсолютно невиданным для советской системы, равным счетом как его вмешательство в процесс принятия политического решения»¹⁰. Бабкок связывает развитие айвароментальных групп, прежде всего, с политическими трансформациями позднего советского режима. При этом формы «экологического протеста», «общественные движения» или «публичные группы интересов» зависели от степени трансформации политической системы. Так, например, в эпоху Брежнева экологический протест развивался «в форме социальных движений»¹¹, состоявших из лидеров, имеющих возможности устанавливать коммуникацию друг с другом через академическую и медийную среду». А в период перестройки, начала реформирования политической системы, речь уже идет не о социальном или общественном движении, а о феномене «айвароментального активизма», где на передний план выходят публичные группы интересов. Например, Бабкок на основании проведенного исследования¹² показал, что «советские айвароментальные группы» играли значительную роль в начале демократизации, однако так и не смогли закрепиться в политическом процессе новой политической системы. Согласно Бабкок, можно выделить две фазы по-

литической активности айвароментальных групп: для первой фазы характерны глубокие верования участников «айвароментальных групп» в то, что они реально смогут участвовать в политическом процессе и осуществлять функцию посредничества между местными властями и общественным мнением, «между правильной информацией и правильным решением». Однако энергетический сектор представлял собой сложную и комплексную сферу политики и область принятия политических решений, что привело во второй фазе к определенному переосмыслению группами того, что собой представляют политические институты и политический процесс, и, как следствие, – к разочарованию в реформах Горбачева.

С другой стороны, нужно отметить, что ни авария на ЧАЭС, ни оглашение ее реальных последствий не послужили тем фактором, который определил развитие антиядерного движения в постсоветских странах. После катастрофы на ЧАЭС, а именно после того, как в большинстве западных стран появилась первая более или менее объективная информация, произошел подъем антиядерного движения, хотя в упомянутых странах этот тип движения существовал уже ранее. А в странах бывшего СССР в начале 1990-х антиядерная тематика стала, скорее, составной частью антикоммунистического движения: «обман», «преступления» и «ответственность» замещали тему опасности атомной энергетики. Такая тематика стала скорее приоритетной задачей ученых, нежели деятельности общественных движений¹³. Это связано и с тем, что в советский период отдельные антиядерные протестные практики так и не смогли объединиться в социальное движение: «антиядерное движение не смогло создать предпосылки для формирования в СССР единого движения, ни в борьбе против атомной энергетики, ни в борьбе за охрану окружающей среды»¹⁴. Так и не успев оформиться, антиядерное движение уступило свое место на формирующемся публичном пространстве экологическому движению и чернобыльским организациям.

Необходимость преодоления последствий катастрофы на ЧАЭС привела к появлению и созданию организаций нового типа: организаций помощи, благотворительных фондов, организаций психологической поддержки и др. Однако вопрос заключается в том, откуда и как начали появляться и создаваться эти организации, на основе каких социальных практик и можно ли их считать социальными движениями или обособленными действиями акторов общественного сектора?

Необходимо отметить, что в советский период не было таких организаций, поэтому не было и опыта их функционирования. Начиная с 1991 г. в Беларуси появляются общественные организации, так или иначе связанные с участием в преодолении последствий катастрофы на ЧАЭС. К 1994 г. их уже насчитывалось около 40. Этот период был наиболее благоприятен для появления таких общественных организаций: раскрытие правды о Чернобыле, слабая политическая и экономическая система, развитие внешних связей, повышенный интерес за-

падных стран и ослабленный государственный контроль. Некоторые авторы склоняются к убеждению, что развитие этих организаций (формирование сектора черновыльских общественных организаций) было в большей степени связано с ролью внешних акторов (иностранных фондов и организаций), которые не хотели сотрудничать с органами власти и поддерживали развитие деятельности неправительственных организаций (НПО): «Стремление советских властей умалить масштаб последствий Чернобыльской катастрофы привело к тому, что многочисленные зарубежные инициативы демонстрировали желание сотрудничать исключительно с НПО с тем, чтобы оказывать помощь непосредственно пострадавшим лицам»¹⁵.

Между тем новые общественные организации, обладающие существенным финансовым ресурсом¹⁶, решали определенную часть проблем, с которыми государственные институты не могли справиться. Все это привело к определенному разделению задач по преодолению последствий катастрофы на ЧАЭС между правительством и общественными организациями. «Государство взяло на себя эвакуацию населения из зараженных районов, обеспечение людей новым жильем, выплату социальных пособий пострадавшим и финансирование кампаний для привлечения внимания мирового сообщества к этой проблеме. 12% государственного бюджета расходуется на эти цели через Государственный фонд Чернобыля, который финансируется за счет 12% налога, выплачиваемого частными и юридическими лицами. Но задача реабилитации пострадавших легла на плечи общественных организаций»¹⁷. Деятельность черновыльских организаций концентрировалась вокруг следующих направлений: организация оздоровительных поездок за границу, помощь поставками одежды и продовольствия, медицинская помощь.

Однако опыт деятельности экологических и черновыльских организаций в начале 1990-х гг. позволяет разделять и различать темы «экологии» и «Чернобыля». Тема «экологии» в начале 1990-х гг. во многих общественных организациях отделяется от «Чернобыля», который стал строго определенной сферой выражения как протестного мнения (против государства, антикоммунизм), так и оказания различного вида помощи определенным группам населения. Однако эта тема в разных организациях понимается по-разному: улучшение экологической ситуации, экологически чистая Беларусь и т.д. Как правило, организации, позиционирующие себя как черновыльские, заявляли об этом в самом названии, используя не только однокоренные и схожие по смыслу слова, но и слова, которые ассоциируются с последствиями катастрофы на ЧАЭС: «26 апреля», «Чернобыль», «Эхо Чернобыля», «131-й йод Чернобыля», «дети Чернобыля», «Отклик», «Прыпяць», «Знич», «Щит Чернобыля», «Жизнь переселенцев». Многие организации, образованные до начала черновыльской мобилизации, были затем преобразованы в черновыльские, переориентировав свою деятельность. Говоря об экологическом движении, нужно сказать о том, что в период 1990-х гг. речь

и шла о слабом и неразвитом экологическом движении в Беларуси, оно, скорее, представляло собой «неоформленную сеть активистов»¹⁸.

К социологии общественных движений: некоторые характеристики чернобыльских организаций

При определении роли и места чернобыльских организаций в формирующейся социальной и политической системе Беларуси основным становится вопрос о том, смогли ли чернобыльские организации стать общественным движением, институтом социальной мобилизации белорусского гражданского общества. В социальных и политических науках анализ общественных движений и организаций занимает особое место, так как связан с изучением основополагающей составляющей современного общества. Теории, объясняющие причины возникновения и развития общественных движений, можно условно разделить на две группы¹⁹: теории коллективного поведения и теории мобилизации ресурсов. Эти теории помогают выявить причины и объяснить появление социальных и общественных движений на фоне определенных социально-экономических условий. Первая группа теорий делает акцент на том, что общественные движения возникают там, где реализация частных интересов становится практически невозможной без привлечения остальных членов общества или группы. В данном случае речь идет о работах исследователей как раскрывающих рациональное поведение индивидов, так и признающих в качестве основного фактора, определяющего их поведение, фактор «относительной (релятивной) фрустрации»²⁰. Вторая группа теорий направлена на объяснение социальной мобилизации через факторы структуры и организации, а именно: взаимосвязь социальной мобилизации и возможностей непосредственно самих агентов. Названные теории отводят значительное место факторам ресурсов²¹.

В теоретической литературе даются разнообразные определения общественных движений. Что касается общего определения, то следует сказать, что общественные движения – это совокупность практик коллективного действия. А если говорить об узком значении термина «общественные движения», то здесь нужно уточнять характеристики данного коллективного действия. Во-первых, это целенаправленные действия, что позволяет говорить о том, что участники общественного движения не могут достичь определенной цели в индивидуальном порядке. Во-вторых, общественное движение предполагает некоторую готовность его участников на свершение коллективного действия вместе и сообща. В-третьих, если речь идет о цели общественного движения, то нужно говорить о его протестном характере, иначе говоря, – против кого оно направлено: против директора завода, загрязняющего окружающую среду, против чиновника или политического института, тормозящего принятие или исполнение того или иного политического решения. Данная характеристика позволяет го-

ворить о практиках идентификации того или иного социального движения, а именно о способе идентификации по отношению к тому, против кого действие данного движения направлено. Следующая значительная характеристика общественного движения – это его политизированный характер: каково бы ни было целеполагание общественного движения, его действия всегда будут касаться политической сферы (соблюдение того или иного закона, действия тех или иных публичных лиц, нормативное закрепление и т.д.).

Следующей характеристикой социального движения является тип его действий. Репертуар действий представляет собой определенный набор форм и способов выражения воли и достижения цели, как способов влияния, так и способов протеста. Согласно Шарлю Тилли, основоположнику данного термина, речь идет о формах институционализации действий социальных и общественных движений: «конкретные люди не собираются вместе, чтобы произвести коллективное действие. Они собираются, чтобы направить петицию в парламент, организовать кампанию телефонных звонков, протестовать перед зданием мэрии или организовать забастовку»²². Другими словами, действие общественных движений определено набором форм протеста, участия и влияния, исторически и нормативно обусловленных. В основу данного понятийного инструмента заложена простая логическая схема: акторы социальной мобилизации определяют характер своих протестных действий не столько по отношению к цели, сколько по отношению к средствам, которые находятся или могут находиться в их распоряжении²³. Логика действий общественного движения выражается не только в том, что «нам надо сделать», а и в том, что «мы можем сделать». Поэтому профсоюзные движения, например, располагают для реализации своих интересов (защита прав работников) определенным набором средств – от переговоров с работодателями до проведения забастовки. И в данном случае речь идет об институционализированном и организованном протестном действии, где структура или организация во многом определяет характер действий. Массовые протестные действия в пригороде Парижа и других городах Франции могут служить качественно противоположным примером, но основанным на той же логике: неорганизованные действия ведут в большей степени к использованию определенного набора протестных действий. В данном случае отсутствие организации и структуры тоже определяет выбор протестных форм: от «тусовок» в кварталах до сжигания машин.

Пытаясь применить некоторые теории социальных движений к примеру чернобыльских организаций с целью определения их места и значения в формировании политической и социальной системы в начале 1990-х гг., можно выделить следующие качественные характеристики: стратегии чернобыльских организаций, социальные и политические ресурсы, политизация «Чернобыля», влияние на политический процесс.

Если говорить о стратегиях чернобыльских общественных организаций, то необходимо отметить, что к середине 1990-х гг. чернобыльские организации перешли к тактикам «грамотных экономических агентов»: от стратегий сотрудничества и кооперации (попытка создать в октябре 1991 г. координационный комитет чернобыльских фондов и организаций) к стратегиям соперничества и конкуренции. В результате из общественного сектора чернобыльских инициатив была создана настоящая конкурентная среда, где соперничало множество агентов в борьбе за привлечение ресурсов, чаще всего иностранных. При этом попытки объединения, наоборот, привели к раздроблению данного сектора: «Попытки создать координационный комитет были. Наоборот, многие союзы и организации дробятся в самостоятельные, ибо не могут поделить власть, а значит, деньги»²⁴. В чернобыльском общественном секторе сложилась определенная социальная сеть из разнообразных организаций и объединений, действующих в одном поле, практически с одними и теми же социальными группами и знающих друг друга²⁵. Одной из особенностей чернобыльских организаций следует считать, что успешность той или иной организации во многом зависела от привлеченных социальных ресурсов, а именно социальных контактов ее лидеров и участников. Иначе говоря, социальный и профессиональный опыт участников во многом определял успешность организации: доступ одних организаций к определенным ресурсам отличал их от других организаций и определял их место в общественном секторе.

«Чернобыль» по своему смыслу и значению из острой социальной проблемы начал постепенно трансформироваться в «бренд» или коммерческий проект. И очень небольшое количество общественных организаций продолжало использовать его как реальный источник решения определенных социальных проблем. По этой причине произошло разделение чернобыльских организаций и «чисто» экологических, не использовавших чернобыльскую тематику и старавшихся сместить акценты на формирование у населения Беларуси экологического сознания.

Нужно также отметить роль политических партий, благодаря которым произошло политизирование и разделение «экологической идеи» и «чернобыльской тематики». Экологические партии Беларуси, например Белорусская экологическая партия и Партия зеленых, не упоминают в своих программных документах даже слова «Чернобыль», в связи с чем можно говорить о том, что тема «Чернобыль» стала привилегированной для крупных политических партий, претендующих на власть и место в политической системе. Влияние тех политических партий²⁶, которые совсем не упоминают ни о «Чернобыле», ни об экологии, в политической жизни Беларуси середины 1990-х гг. было незначительно. Поэтому политические партии стараются использовать максимально выгодно и чернобыльскую и экологическую тематику, если не говорить о том, что «Чернобыль» – это в большей степени тема БНФ. Даже коммунистическая партия

в своей программе упоминает о «Чернобыле», хотя проблема «ответственности коммунистических чиновников за сокрытие правды о «Чернобыле»» должна была заставить белорусских коммунистов отказаться от использования этой темы. Тем более что чернобыльское политическое движение и чернобыльские организации появлялись на фоне антикоммунистического движения на постсоветском пространстве.

Говоря о чернобыльских организациях, необходимо отметить, что их практики во многом определяются социальными представлениями об окружающей среде. Можно согласиться с тем, что «видение окружающей среды основано не на систематическом анализе ее состояния, а на том представлении о ней, которое производится многочисленными движениями и средствами массовой информации»²⁷. Чем сильнее воздействие человека на окружающую среду, тем выше к ней внимание, тем больше количество экологических движений и их сторонников, тем больше катастроф и внимания средств информации. Здесь важной становится роль, которую выполняют многочисленные социальные движения, а именно: не только выражают социальный интерес и решают определенные задачи, но и формируют представления как о существующей социальной действительности, так и о социальной структуре общества. В данном случае общественные движения приобретают некоторые функции социальных институтов. Чернобыльские общественные организации формировали и решали комплекс задач, связанных с преодолением последствий катастрофы, но, кроме того, формировали у населения определенные представления о том, что такое «Запад» и «гуманитарная помощь», кто такие «ликвидаторы» и «переселенцы».

Катастрофа на ЧАЭС оказала сильное воздействие на общественное мнение новых независимых государств: пробудила некоторую гражданскую активность, а именно желание помогать и участвовать в ликвидации последствий²⁸, что подразумевает личную ангажированность в социальный и политический процесс. Таким образом, «Чернобыль» стал пространством выражения гражданских амбиций, накопленных за советский период, пространством выражения не только тревоги за собственную безопасность, но и недовольства и недоверия к государству и политическим институтам власти: «понятие «Чернобыля» стало мощным катализирующим фактором для выражения социальных и политических реакций»²⁹.

Чернобыльские организации представляют собой организации нового типа, что в теоретической литературе обозначено как «новые социальные движения». Совокупность чернобыльских организаций – это показатель новых социальных движений в постсоветских государствах. Чернобыльские организации отличаются от простых общественных объединений тем, что их деятельность направлена не только на решение определенных социальных проблем, но и на выражение общих ценностей: от гражданских до христианских.

Чернобыльские и экологические организации охватывали достаточно большую часть населения и большую часть гражданской активности. Они в какой-то степени «перетягивали» социальные ресурсы у политических партий или отвлекали часть населения от политических действий до тех пор, пока последние не начали активно использовать символическое значение «Чернобыля», понимая, что речь идет о значительной части населения: «заботиться о Чернобыле – это быть политически активным и сознательным гражданином». Знать и думать о «Чернобыле» и участвовать в деятельности чернобыльской организации приравнялось практически к актам «гражданского неповиновения»³⁰.

Следует также отметить, что в данный период (начало 1990-х гг.) деятельность некоторых чернобыльских организаций была направлена на работу с органами власти. Многие активисты отмечали, что в этот период работать с органами власти было значительно проще, чем в начале 2000-х гг. В советский период также находились возможности сотрудничества с партийными структурами. При анализе отношений общественных движений к политической системе С. Тэрроу предлагает избегать применения понятия «государство», а применять понятие «структуры политических возможностей»³¹, а именно уровень открытости и восприятия политической системы по отношению к социальной мобилизации, и анализировать коллективные действия по отношению к конкретным политическим процессам.

Действия общественных движений и внутренняя организация определяют их место в политическом и социальном пространствах. Так, Криези³² предлагает модель, определяющую место общественной организации в зависимости от двух переменных: прямое участие ее членов в деятельности организации и направление деятельности самой организации (на помощь участников организации или воздействие на институты власти). Согласно Криези, существуют траектории развития общественной организации – от организаций self help (объединение граждан для помощи самим себе: чернобыльских организаций такого типа практически не было, потому что адресные группы были настроены только на помощь извне³³), организаций типа «сервис» (обслуживающих определенные категории населения или адресные группы³⁴), организаций «общественных движений» – к политическим партиям и группам давления. Переход от одного типа организации к другой определяет ее траекторию перемещения в данном социально-политическом пространстве. Речь здесь может идти как об институционализации общественной организации в группу давления (влияние на власть), или об коммерциализации общественного движения при преобразовании организации в «сервис», или о замыкании общественного движения на самом себе (создание определенной специфической сферы деятельности)³⁵.

Социальная и гражданская мобилизация в Беларуси в начале 1990-х гг. свидетельствовала о появлении новых социальных практик, которые составили основу гражданского общества. Гражданский сектор был настолько ак-

тивен, что можно было говорить о преобразовании социальной мобилизации в общественно-политическую силу, способную воздействовать на социальный и политический порядок³⁶. Однако гражданская мобилизация не смогла перейти от набора разрозненных и многочисленных социальных практик до устойчивого социального института мобилизации. Другими словами, общественное движение в Беларуси не смогло институционализироваться, стать частью политической системы, чтобы отвечать новым вызовам социальной действительности.

Примечания

- ¹ По справочнику «Экологические организации на территории бывшего СССР» к 1992 г. в Беларуси насчитывалось около 26 экологических организаций различного типа: от политических партий до групп и музыкальных клубов.
- ² Денисюк О.Л. Неформальные объединения, общественно-политические движения, партии в СССР: предпосылки, становление, развитие (1985–1991). Мн.: БГУ, 2003; Терешкович Л.В. Общественные движения в современной Белоруссии: краткий комментарий к документам / Гражданские движения в Белоруссии. Документы и материалы. М.: ЦИМО, 1991; Экологические организации на территории бывшего СССР. Справочник. М., 1992; Babcock G. A. 1997. The role of public interest groups in democratization. Soviet environmental groups and energy policy-making, 1985–1991. Dissertation.
- ³ Бабосов, Магусевич. Самодеятельные организации. Минск, 1989.
- ⁴ В качестве примера может служить деятельность национальных движений в Прибалтике.
- ⁵ На XIX Всесоюзной конференции КПСС факт возрастания самодеятельных организаций был признан позитивным.
- ⁶ Бабосов, Магусевич. Самодеятельные организации. С. 10–11.
- ⁷ Там же. С. 5.
- ⁸ Денисюк О.Л. Неформальные объединения, общественно-политические движения, партии в СССР: предпосылки, становление, развитие (1985 – 1991). Минск, 2003. С. 57.
- ⁹ Sonja D. Schmid Transformation Discourse: Nuclear Risk as a Strategic Tool in Late Soviet Politics of Expertise Science Technology Human Values, 2004; 29; Babcock G.A. 1997. The role of public interest groups in democratization. Soviet environmental groups and energy policy-making, 1985–1991. Dissertation.
- ¹⁰ Babcock G.A. 1997. The role of public interest groups in democratization. Soviet environmental groups and energy policy-making, 1985–1991. Dissertation, p. 10–11.
- ¹¹ В данном случае речь идет о социальном движении, а не о группе интересов, о разделении общих ценностей «охраны природы» от инженерного и индустриального вмешательства.
- ¹² Babcock G.A. 1997. The role of public interest groups in democratization. Soviet environmental groups and energy policy-making, 1985–1991. Dissertation.
- ¹³ Несмотря на некоторые успешные гражданские инициативы, такие как, например, сбор подписей против строительства АЭС в Витебской области в Беларуси. Навумчык С. Сем гадоў Адраджэння, альбо фрагменты найноўшай беларускай гісторыі (1988–1995). Варшава: Беларуская Ведамасці. Прага: Clovek v tisni, 2006. С. 25–26.

- ¹⁴ Dawson Jane Irons. Social Mobilization in the post-Leninist societies: the rise and the Fall of the anti-nuclear power movement in the USSR, doctoral dissertation, University of California, Berkley, 1993. P. 4. По поводу развития национального, экологического и антиядерного движения в СССР и странах бывшего СССР см. также: Dawson J.I. Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine. Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. Взаимосвязь экологической и национальной идей появляется также в некоторых публикациях Ю. Шевцова, А. Хвезенко: Чернобыльский социум. Первая постиндустриальная нация планеты? Часть третья: Чернобыльская идеология. Сборник статей. Издательство «Белый свет» и Альманах Геополитика. Минск, 2002.
- ¹⁵ Зам А. На пути в транснациональное общество? Беларусь и международная чернобыльская помощь. Osteuropa. №4. 2006. С. 105–116.
- ¹⁶ «Из отчетов белорусского правительства, датированных 1993 годом, согласно которым 82% всей полученной к тому моменту помощи было предоставлено именно неправительственными организациями» (Зам А. Германские инициативы по Чернобылю через 20 лет. Мотивы, действия, перспективы. Internationale Politik, март-апрель 2006, с. 40).
- ¹⁷ Мессинг М. Общественные организации Беларуси. Обзор. 1995. С. 8.
- ¹⁸ Там же. С. 11.
- ¹⁹ В русскоязычной литературе к основным работам по социологии общественных движений следует отнести следующие книги, учитывая, что последнее направление никогда не было широко распространено в русскоязычных научных кругах: Социология общественных движений: Эмпирические наблюдения и исследования / Отв. ред. В.В. Костюшев. В 2 т. М.; СПб.: СПбФ ИС РАН, 1993. Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 88–94; Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. 172 с.
- ²⁰ Ted Gurr. Why men rebel? Princeton, 1970.
- ²¹ Основоположниками теории мобилизации ресурсов считаются следующие авторы: Oberschall. Social conflict and social movements. Prentice Hall, 1973; Gamson. The strategy of Social Protest. Wadsworth Pub., Belmont, 1990 (1st edition 1975); Tilly. From mobilization to Revolution. Addison – Wesley, Reading, Mass, 1976; McCarthy and Zald. Resource mobilization and Social movements: a Partial Theory American Journal of Sociology. Vol. 82. 1977. P. 1212–1241.
- ²² Tilly C. From mobilization to Revolution. Addison – Wesley, Reading, Mass, 1976. P. 143; Tilly C. La France conteste de 1600 à nos jours. Fayard, Paris, 1986.
- ²³ Говоря о репертуаре действий как о наборе форм выражения протеста или несогласия, следует напомнить, что репертуар действий – это исторически закрепленные формы протеста, а именно: соответствующие определенному типу социальных, экономических и политических отношений. Шарль Тилли проводит исследование изменения репертуара протестных действий во Франции с 1600 по 1980 г., сравнивая два исторических периода, обозначенных социальной и политической модернизацией эпохи индустриальной революции. Тилли устанавливает взаимосвязь между формой протестных действий и типом общественной системы. Tilly C. La France conteste de 1600 à nos jours. Fayard, Paris, 1986.
- ²⁴ Из интервью Г. Грушевого «Италию «забрали», Чернобыль остался...» (Деловой вестник, 1992 г., № 3–4).
- ²⁵ «Объединяться не хотят, потому что слишком хорошо знают друг друга» – (из интервью С. Евлашего, общество «Дети в беде», Деловой вестник, 1992 г., № 3–4).

- ²⁶ Из 19 зарегистрированных партий в 1994 г. 8 политических партий не упоминают в своих программных документах ни о «Чернобыле», ни об экологии.
- ²⁷ Gavin Walker. Sociological theory and the natural environment // *History of the Human Sciences*. Vol. 18. № 1. P. 80.
- ²⁸ Об этому свидетельствуют многочисленные письма читателей, опубликованные в прессе.
- ²⁹ Sonja D. Schmid Transformation Discourse: Nuclear Risk as a Strategic Tool Late Soviet Politics of Expertise Science Technology Human Values. 2004. 29, 353.
- ³⁰ Примером первых актов гражданского неповиновения советской власти могут служить многочисленные попытки возвращения в покинутые деревни в 1989 г.
- ³¹ «Political oportunity structure»: Tarrow S. National Politics and Collective Action: Recent Theory and Research in Western Europe and the United States // *Annual Review Sociology*. 1988. 14.
- ³² Kriesi H. Sviluppo organizzativo dei nuovi movimenti sociali e contesto politico // *Revista italiana di scienza politica*. Vol.23. 1. 1993. P. 67–117.
- ³³ В данном случае речь могла бы идти об общественных организациях, занимавшихся психологической реабилитацией пострадавшего населения, где прямое участие самих пострадавших являлось необходимым условием.
- ³⁴ К данному типу организации можно отнести большую часть «чернобыльских организаций», занимающихся гуманитарной помощью, оздоровлением детей за границей, поставкой медикаментов и медоборудования.
- ³⁵ Neveu E. *Sociologie des mouvements sociaux* (Социология общественных движений). 4-е издание. La Decouverte, 2005.
- ³⁶ Это может соответствовать подъему «новых социальных движений» конца 1970-х – начала 1980-х гг. в Германии, Италии и Голландии: новые феминистские движения, развитие гражданских инициатив, антиядерное движение, альтернативные движения, движение за мир, за права человека и в поддержку стран третьего мира.

Сергей Богдан

БССР И БЕЛАРУСКИЙ* НАЦИОНАЛИЗМ

О роли советской национальной политики и политики в отношении БССР в политическом развитии независимой Беларуси

При всей сомнительности белорусских процедур народного волеизъявления, которую неоднократно отмечали западные наблюдатели, выборы периода независимости обнаруживают устойчивую тенденцию к широкой поддержке населением Беларуси политических сил с определенным мировоззрением и проблематичностью утверждения на политической арене других сил, ориентированных на кардинально отличающиеся ценности. Выборы президента и парламента страны начиная с 1994 г., а также референдумы продемонстрировали устойчивость такой ситуации – существующая белоруская нация в политическом смысле является вполне осязаемой и имеет устоявшиеся взгляды.

В связи с этим важно рассмотреть время и особенности ее формирования, поскольку это позволит объяснить многие особенности современного политического процесса в стране и прогнозировать дальнейшее развитие событий. Это потребует проведения целого ряда исследований, а в данной статье мы в самых общих чертах рассмотрим один из основных факторов данного процесса – советскую национальную политику¹ и политику советского режима в отношении БССР, иными словами, как советский режим строил белорускую советскую нацию и что было результатом этого строительства. Для этого мы рассмотрим не только политику советского режима в культурной сфере, но и социально-экономические

* Здесь и далее в транскрипции автора. – Прим. ред.

преобразования, связанные с модернизацией, а также особенности статуса Беларуси в составе СССР.

Безусловно, решающее значение для формирования белорусской советской нации имела национальная политика союзного центра в первые десятилетия существования СССР, которая заложила основы белорусской нации такой, как она сейчас есть. ВКП(б)-КПСС и ее структурное подразделение – КПБ – несколько раз коренным образом меняла свою национальную политику и политику в отношении национальных союзных республик (что было связано с наличием конкурирующих «проектов» национального обустройства БССР)², но проводила ее достаточно успешно, фактически переформатировав за 70 лет национальные и этнические ландшафты на большей части территории страны, в частности Беларуси.

Несмотря на культурно-просветительское движение белорусских интеллектуалов и некоторых национально ориентированных политических партий на момент краха царского режима Российской империи, белорусское движение не смогло своевременно выдвинуть политическую программу, которая имела бы шансы на успех, и провести мобилизацию населения края в поддержку своего курса. Это обстоятельство следует учесть, чтобы правильно оценить результативность последующих действий большевиков.

В этой связи важно отметить, что влияние советской национальной политики на формирование белорусской нации исследователями особо не подчеркивается. В частности, Павел Терешкович говорит о зарождении таких процессов консолидации белорусского этноса в нацию в XVI–XVII вв., активизации их в XIX в. и наивысшем подъеме таких процессов в 1910–1920 гг.³

В то же время современная белорусская нация, несомненно, формировалась в условиях модернизации страны. А она проводилась в более поздние годы – в эпоху БССР. И именно эта эпоха заложила основные характеристики современной белорусской нации и белорусской политики времен независимости. При этом, по мнению Антона Адамовича, даже большевистское противодействие белорусскому движению за независимость в форме БНР оборачивалось фактически действиями в поддержку той же независимости, только в советском варианте⁴.

Одним из проблемных пунктов исследования является поиск терминологии. В частности, это связано с путаницей вокруг понятия «нация», определяемого некоторыми западными исследователями, как «крупная социальная группа, выделяемая на основании общего происхождения, места проживания, языка, религии, правового и государственного устройства, культуры, представлений о мире и обществе, истории, равно как и на основании интенсивности коммуникации [внутри нации]»⁵.

В рамках данного исследования, опираясь на это определение, мы понимаем под нацией историческую общность людей, складывающуюся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языка, некоторых

особенностей культуры и характера, которые составляют ее признаки. Общность их территории и экономики, однако, должна иметь достаточно высокий уровень и подразумевает нахождение в рамках единой политической единицы либо административной единицы, но с правами автономии, поскольку только это позволяет добиться ощутимой общности. Данная трактовка позволит до некоторой степени преодолеть расхождения между пониманием понятия «нация» в восточноевропейской и постсоветской науке и в науке западных стран, где нация обычно имеет значение «государство», «общество», «совокупность всех граждан».

Исходя из такого понимания нации, мы можем констатировать, что по состоянию на начало XX в. в регионе Восточной Европы более всего ему соответствовали поляки, но им еще предстояло добиться политической независимости. Все остальные этносы, в том числе белорусы, более или менее продвинулись по пути создания нации, но были еще далеки от этой цели. Впрочем, уникальные условия распада империй после Первой мировой войны и ширококомасштабная модернизация ряда стран региона способствовали ускорению национальных процессов в регионе.

Особенности возникновения современной белорусской нации. Возникновение белорусской советской, как и любой другой нации, было исторически связано с развитием производственных отношений, преодолением национальной замкнутости и разобщенности, созданием общей экономической системы, созданием, кодификацией и распространением общего литературного языка, некоторых элементов общенациональной культуры и т.д. Первые европейские нации вырастали из уже сложившихся крупных этносов, имевших к тому времени общность языка, территории и других предпосылок формирования нации.

В других случаях нации складывались в условиях еще неполной готовности обстоятельств для их образования. Так, в ряде стран третьего мира нации формировались в ходе борьбы за независимость и особенно после ее завоевания на исторически сложившейся в результате колониальных разделов территории из различных по языку, культуре, экономическим связям этнических групп и народностей и выступали как форма территориально-экономической, политической, социальной и культурной интеграции этих стран и консолидации государств. Становление белорусской советской нации следует считать примером последнего типа, когда, несмотря на отсутствие всех условий для возникновения нации, благодаря благоприятным политическим условиям для формирования нации – а что они были такими, мы покажем ниже на примере советской политики на союзном и республиканском уровнях – произошло формирование белорусской советской нации и достаточно специфичной формы государственности. При этом необходимо различать магистральную политику по развитию БССР и поддержке титульной нации и параллельную ей политику политического

контроля, жесткого культурного инжиниринга и селекции, при проведении которых советский режим не останавливался ни перед какими препятствиями и использовал для этого все средства.

Речь также не идет о каком-либо генеральном плане национальной политики советского режима в отношении всей страны либо БССР в частности. Вряд ли вообще имеются основания говорить о последовательности политики, ей, безусловно, были присущи противоречия, характерные для функционирования любых сложных социальных структур. Но следует видеть за этими противоречиями и непоследовательностью итоговый баланс проводимой политики, а также учитывать промежуточные результаты этой политики и различать их. То есть нельзя забывать об опасности телеологического подхода, но столь же опасен и идеологически окрашенный подход к оценке политики советского союзного правительства, как исключительно русификации, прикрываемой мнимой заботой о нерусских этносах и нациях.

Таким образом, речь не идет о креационизме или даже «intelligent design» – планомерном создании белорусской (советской) нации советским режимом, но об объективных результатах всех направлений советской политики, которые так или иначе касались БССР. Некоторые из этих политических мер могли не только не соответствовать националистической программе, но и расходиться с ней. Важно то, как они фактически отразились на развитии белорусской (советской) нации.

Беларуский проект в контексте строительства советского государства.

Рассматривая влияние советской национальной политики на формирование современной белорусской нации, необходимо учитывать особенности нахождения белорусов в рамках сперва многонациональной Российской империи, а затем столь же многонационального Советского Союза. То есть белорусы были не единственной нерусской нацией, по отношению к которой Москва была вынуждена определять свою политику. Белорусы, безусловно, были одной из крупнейших наций Союза, что позволило им стать титульной нацией союзной республикой-основательницы Союза, но важно то, что для советского руководства они были «одними из» целого ряда советских наций.

Из этого следует, во-первых, возможность переноса определенной политики Центра, проводившейся в отношении одной советской нации на другую. Во-вторых, возможность проведения Москвой определенной общей политики в отношении всех нерусских наций.

Именно это явление переноса политики и общей политики объясняет ту мощную политику белорусизации и поддержки национальной культуры, которая была начата большевиками, несмотря на относительную слабость белорусского национального движения в первой четверти XX в. Алексей Миллер ставит вопрос: «Как опыт, приобретенный при управлении одними окраинами, влиял

на политику властей на других окраинах, будь то путем заимствования управленческих схем и законодательных решений или через чиновников, которые в течение своей карьеры нередко по несколько раз меняли место службы?»⁶

Действительно, до 1950-х гг. БССР руководили люди с опытом руководства (или же партийной и советской работы) другими регионами СССР с различной степенью автономности и межэтнической и национальной напряженности⁷. Например, украинец Ян Гамарник (руководил БССР в 1928–1930) работал до того в Украине, был председателем Дальревкома в 1923–1926 гг. и первым секретарем Дальневосточного крайкома ВКП(б). Также украинец Николай Гикало (руководил БССР в 1932–1937) был до того первым секретарем ЦК КП Азербайджана (1929–1930) и первым секретарем ЦК КП Узбекистана (1929). Даже единственный западный белорус на посту первого секретаря ЦК КПБ – Василий Шарангович имел опыт работы в Сибири, был уполномоченным КПК по Казахстану, а позднее – по Харьковской области. И это лишь самые заметные примеры.

Исследования влияния опыта управления одними национальными «окраинами» на управление другими регионами пока не проводились. Однако есть основания предполагать, что руководители БССР, ранее работавшие в регионах Союза с более серьезными национальными и этническими проблемами, тем самым переживали своеобразную «сенсбилизацию» в отношении такого рода вопросов. Действительно, в Средней Азии, на Кавказе и даже в Украине культурное и политическое противостояние коренного населения имперскому и союзному центру было более ярко выраженным, частично в силу резкого культурного различия и меньшей русифицированности. Поэтому, прибывая на новое место работы, люди с таким опытом уже имели определенные навыки и методы, которые были приобретены на прежних местах службы и работы и которые в случае Средней Азии и Кавказа не допускали пренебрежения культурой и языком местного населения.

Национальная культура: культурный инжиниринг и селекция. Особенностью национальной культуры является ее выход за рамки гомогенной этнической общности. Полноценное развитие нации предполагает значительно более глубокую дифференциацию духовных ориентаций и образа жизни, чем в случае этноса. Она включает в себя весь спектр субкультур, порожденных этническими, географическими, социальными, экономическими и профессиональными факторами. Нация представляет собой неоднородное образование, состоящее из групп различного рода, хотя каждая из них в отдельности содержит общие культурные признаки, отличающие данную нацию.

Одной из особенностей культурного развития БССР начиная с 1920-х гг. было расширение спектра культурной дифференциации. В 1960–1980-х гг. он вновь сузился, но даже в условиях его минимальной величины культурная дифференциация БССР соответствовала критериям национальной культуры. Даже

на пике русификации функционировало телевидение на белорусском языке, выпускалось множество литературы на этом языке, продолжалось обучение языку как предмету. Обучение в вузах было переведено на русский язык, но это явление не является уникальным. В арабских странах обучение в технических или природоведческих вузах ведется не по-арабски, а на английском либо французском языках. Та же ситуация во многих других развивающихся странах, где язык коренного населения не используется в негуманитарных вузах.

Необходимо подчеркнуть, что распространение русского языка было связано не только с целенаправленной политикой русификации. Следует отметить и тот аспект, что в силу целого ряда обстоятельств белорусское общество, в том числе его культура, налаживали связи и взаимодействовали через посредничество русского языка. Помимо этого, в рамках СССР, как и в рамках любой многонациональной политической единицы, происходил не связанный с какой-либо правительственной политикой процесс распространения русского языка, который можно сравнить с процессом распространения французского языка в североафриканских странах, попавших под власть Франции.

Созданная в противовес Беларуской Народной Республике Белорусская Советская Социалистическая Республика была эфемерной структурой, на что указывает легкость, с которой большевики производили многочисленные манипуляции с ее территорией, и даже упраздняли ее. Но ситуация резко изменилась в 1920-х гг. в связи с политикой ВКП(б) по привлечению местных кадров и развитию местных культур коренного населения. Т. Мартин назвал СССР той эпохи «империей позитивной дискриминации»⁸.

Решающим толчком к формированию белорусской советской нации стала проводившаяся в рамках общесоюзной политики «коренизации» широкомасштабная политика «беларусизации» 1920-х гг., которая позволила реализовать более ранние разработки в области белорусского национального возрождения белорусских «будителей» конца XIX – начала XX в. Но она также включала в себя массивные административные меры воздействия, направленные на развитие и укрепление белорусской идентичности в необходимом советскому режиму направлении. В 1930-х гг. произошел пересмотр политики коренизации в сторону отхода от нее, но это было решение, которое влияло лишь на содержание и форму белорусской идентичности, культивируемой в СССР, а не на политику распространения этой идентичности. В 1930-е г. белорусская советская идентичность была более адаптирована (например через языковую реформу 1933 г. и репрессии против национальной интеллигенции, которая могла бы сопротивляться новой политике) к общесоюзной «советской» идентичности, которая ориентировалась на руководящую роль русского народа, культуры и государственности для всех народов СССР. Иными словами, в 1930-е гг. жителей края продолжали «делать беларусами», но уже более советскими по своей культуре и идентичности. Следует отметить, что эти трансформации в распространяемой

модели идентичности были связаны не только с русификацией, но и с более целенаправленной поддержкой титульной белоруской нации в рамках БССР – так, по Конституции 1937 г. вместо четырех государственных языков в БССР осталось только два (беларуский и русский).

Этому процессу способствовали и радикальные общесоюзные социальные преобразования – борьба с неграмотностью, индустриализация, коллективизация. По данным переписи 1897 г., доля грамотных среди населения в возрасте от 9 до 49 лет составляла 32%.

Успешные широкомасштабные меры советского режима по ликвидации неграмотности были (особенно на первом этапе – самом значительном по своему размаху) ориентированы на обучение грамоте на белорусском языке. На момент создания советской государственной системы на территории БССР в 1920 г. 52,6% населения в возрасте от 9 до 49 лет было неграмотным. Немедленно развернутая кампания по ликвидации безграмотности позволила уже к 1934 г. в целом решить проблему, обучив азам грамотности сотни тысяч жителей. Уже само обучение прививало людям определенную идентичность, предлагая им определенный общенациональный культурный канон. Эти меры имели продолжение после принятия 04.08.1932 г. Совнаркомом БССР постановления «О введении всеобщего обязательного обучения для малограмотных». По данным Всесоюзной переписи 1939 г., грамотность населения БССР в возрасте старше 9 лет (без западных областей) увеличилась до 78,9% (с 53,6% в 1926 г.), а грамотность среди женщин того же возраста увеличилась соответственно с 35,8 до 68,1%⁹.

Как отмечает А. Миллер, с этой политикой связаны «образы прошлого и национальные исторические нарративы, которые оказались очень устойчивы, так как внедрялись в массовое сознание параллельно с ликвидацией неграмотности – хорошо известно, что с распространением массовой грамотности механизмы межпоколенческой передачи исторических образов и мифов и вообще механизмы воспроизводства групповых идентичностей принципиально меняются»¹⁰.

В 1931/1932 учебном году в БССР было завершено введение всеобщего обязательного начального образования и началось развертывание системы всеобщего обучения на базе семилетней школы¹¹. Одновременно была создана система образования, которая охватила все районы края, включала в себя не только средние, но и многочисленные высшие учебные заведения, отсутствовавшие в Беларуси до Октябрьской революции. В 1921 г. был учрежден Беларуский государственный университет. Количество вузов росло, и если в 1925 г. в Беларуси было 4 вуза с 4 342 студентами и 436 преподавателями, то в 1932 г. – уже 31 вуз с 10 574 студентами и 1 388 преподавателями¹².

В результате, по данным переписи 1989 г., доля неграмотных составила 0,2%. Самый высокий уровень образования был выявлен среди молодежи в возрасте 16–29 лет, 84,9% которых имели высшее или полное среднее образование

(в 1979 г. – 73,5 %). Уровни образования мужчин и женщин сравнялись¹³, что свидетельствует о глубине процессов модернизации в период БССР.

Культурная инфраструктура современной нации. Систему образования советской белорусской нации дополняла система учреждений культуры (были основаны многочисленные театры, музеи, создана киноиндустрия) и науки. С февраля 1921 г. действовала Научно-терминологическая комиссия, которая разрабатывала белорусскую научную терминологию (30.01.1922 г. она была преобразована в Институт белорусской культуры, а впоследствии в Институт Академии наук). В задачи комиссии входило изучение языка, литературы, истории, этнографии, экономики, природных богатств Беларуси. В БССР развернулась широкомасштабная краеведческая работа.

В 1921 г. была открыта библиотека БГУ, которая стала основой для создания Государственной библиотеки БССР. В 1929 г. Инбелкульт преобразован в Белорусскую академию наук.

1920-е гг. стали периодом массового подъема литературного процесса в БССР. В рамках лишь одного писательского объединения «Маладняк» уже в 1925–1926 гг. состояло около 500 человек¹⁴. Существовали и другие литературные объединения. В июне 1934 г. был создан Союз писателей Беларуси. Ни в коем случае нельзя преуменьшать всей трагичности и масштабности репрессий, которые особенно развернулись с начала 1930-х гг., но и они стали причиной лишь частичного отката назад в процессе национального строительства. Некоторые литераторы все же избежали репрессий, произведения репрессированных через некоторое время вновь вернулись к читателям. Дело было сделано – основы белорусской литературы заложены и никакие репрессии не могли их уничтожить.

В 1924 г. было основано «Белгоскино», впоследствии преобразованное в «Беларусьфильм». Первым художественным фильмом, снятым в БССР, стал фильм «Лесная быль» о войне с польскими войсками. В августе 1928 г. на экраны вышел художественный фильм «Кастусь Калиновский», снятый Белгоскино. Фильм 1935 г. «Золотые огни» посвящен новой индустриальной Беларуси.

Такие широкомасштабные меры в культурной сфере были весьма эффективными. Как отмечают П. Терешкович и И. Чаквин, уже в 1930-е гг. произошел важнейший для национального строительства процесс – в сознании населения окончательно закрепилось само название «беларусы»: «Расширение белорусского языка во всех сферах общественной жизни, создание национальной системы образования и СМИ, стабильное функционирование национальной художественной культуры создало необходимые условия для завершения процесса формирования национального самосознания. И хотя содержание национального самосознания было существенно деформировано воздействием коммунистической идеологии, его усвоение содействовало закреплению единой формы этнического названия “беларусы”, которая почти целиком вытеснила локальные,

региональные и конфессиональные названия»¹⁵. Подчеркнем, что все это касалось Восточной Беларуси, поскольку культурная политика, направленная на формирование белорусской нации (пусть советской), начала проводиться в западной половине страны лишь после ее полноценной интеграции в СССР во второй половине 1940-х гг.

Этому способствовало то, что уже к концу 1950 г. в БССР была в целом восстановлена довоенная сеть школ и началось ее дальнейшее расширение, а также преобразование семилетних школ в средние. В 1959 г. был принят Закон о всеобщем восьмилетнем обучении¹⁶. За послевоенные годы количество средних специальных учебных заведений увеличилось с 94 в 1946 г. до 139 в 1985 г., высших учебных заведений с 24 до 33 (количество студентов, соответственно, с 13 тыс. до 182 тыс.)¹⁷. После войны было завершено создание практически полного цикла и спектра образования. Это способствовало тому, чтобы белорусская молодежь оставалась в БССР.

Учреждения культуры БССР¹⁸

Культурные учреждения	Год	
	1940	1985
Библиотеки:	4173	6891
Книги, журналы, млн экз.	6,6	100,9
Клубы	3919	6374
Музеи	26	90

Издательская деятельность в БССР¹⁹

Издания	Год					
	1940	1960	1970	1975	1980	1985
Книги и брошюры	772	1602	2174	2941	3009	3431
В том числе на бел. яз.	375	425	428	475	370	381
Тираж, млн экз.	10,4	14,2	25,2	34,4	38,3	53,3
В том числе на бел. яз.	7,7	7,1	9,4	11	8,2	4,9
Журналы и другие периодические издания	27	92	102	88	115	107
В том числе на бел. яз.	9	24	27	30	31	32
Газеты	252	221	175	179	198	212

В том числе на бел. яз.	178	176	132	129	128	130
-------------------------	-----	-----	-----	-----	-----	-----

В 1962–1966 гг. вышла двухтомная «Граматыка беларускай мовы», «Русско-белорусский словарь» (1953) и «Беларуска-рускі слоўнік» (1962), «Тлумачальны слоўнік» в 5 томах (1977–1984), чем и завершился процесс создания канона белорусского литературного языка. В 1950–1960-е гг. была подготовлена и издана первая обобщающая работа «История Белорусской ССР» в двух томах, затем пятитомная «Гісторыя Беларускай ССР» (1972–1975), «Беларуская савецкая энцыклапедыя» в 12 томах (1969–1975), «Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі» в 5 томах (1984–1987).

Отмечались столетия литераторов – Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича. Многие деятели культуры, в частности писатели и поэты, занимали высокие посты в советской и партийной иерархии, в частности были депутатами (Брыль) и даже председателями Верховного Совета БССР (Шамякин в 1971–1985 гг.). Партийно-государственная элита БССР интенсивно общалась с деятелями белорусской культуры²⁰.

В оценке этого периода нельзя забывать о денационализации и русификации, которые действительно имели место. Но не они были основным содержанием политики советского режима, политика эта была изменчивой и противоречивой, а ее конкретные меры связаны с решением актуальных на тот момент политических, экономических и культурных задач, стоявших перед СССР. Советский Союз никогда не ставил задачи уничтожения культурной идентичности белорусов, а связывать сегодня целый ряд мер советского режима, которые повлекли за собой русификацию, означает опасность впасть в конспирологию, усматривая за не связанными между собой событиями тайный злой умысел Кремля по уничтожению белорусской нации.

Рост численности носителей национальной идеи. В формировании нации ведущую роль играют генераторы и мультипликаторы националистической идеологии – поэты, художники, журналисты, филологи и историки, интеллигенция в целом. Их количество значительно увеличилось начиная с 1920-х гг. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., доля интеллигенции в составе населения БССР достигала 14,5%. Это позволяло обеспечить интеллектуальными, идейными и кадровыми ресурсами форсированное (что не означает насильственное) распространение белорусской советской идентичности, современной по своей сущности, но было также связано с определенными особенностями в силу своей форсированности.

Как отмечали официальные идеологи советского государства: «Величайшим результатом революционного переустройства общества явилось рождение нового духовного и психологического облика советских людей, которые, сохраняя

свои национальные особенности, в главном имеют интернационалистские черты. Национальная общность находится в органическом единстве с более высокой, интернациональной общностью, и представители любой нации и народности СССР считают себя прежде всего советскими людьми, что нашло выражение в возникновении чувства общенациональной гордости советского человека»²¹.

Модернизация и формирование нации. Одним из центральных аспектов политики советского режима была ускоренная модернизация страны, которая включала в себя, в частности, индустриализацию, развитие коммуникаций и коллективизацию. Ставилась задача как можно скорее создать передовую промышленность, что влекло за собой возникновение индустриального общества.

По мнению С.Э. Блэка, «политологи зачастую сводят термин “модернизация” к политическим и социальным изменениям, которыми сопровождается индустриализация, но всесторонне сформулированная дефиниция лучше подходит для передачи всей сложности и взаимосвязанности всех аспектов данного процесса»²². Он полагает, что использовать для обозначения этого процесса такие термины, как «индустриализация» и «промышленная революция», невозможно, поскольку они подчеркивают только экономический аспект, «непосредственные последствия технологической революции» и не передают всей сложности и «всепроникающего характера» данного процесса²³.

Корни национализма, считал Эрнест Геллнер, – в индустриальном обществе, которое предполагает «определенный тип разделения труда, который отличается сложностью и постоянными, куммулятивными изменениями. Такое разделение труда неразрывно связано с самой природой индустриального общества, предполагающего отсутствие постоянных связей и возможность рекомбинации элементов и перераспределения ролей, в том числе социальных. Следствием такого положения является также мобильность членов общества (необходимая в интересах экономики) и проистекающий из этого эгалитаризм. Эти характеристики резко отличают индустриальное общество от аграрного. В индустриальном обществе человек с большей легкостью меняет свою профессию, а на место одного человека может быть нанят другой. Это предполагает взаимозаменяемость членов такого общества, которая достигается за счет унификации культуры и обучения (а основная часть обучения в индустриальном обществе приходится на обучение общим (*generic*), неспециализированным и стандартизированным навыкам и знаниям), а также распространения среди членов общества унифицированной версии культуры и идентичности – задача любого национализма, который стремится к организации крупных культурно-гомогенных групп людей»²⁴. В свою очередь сам характер производственных отношений в индустриальную эпоху предполагает высокий уровень взаимопонимания и точности коммуникации посредством использования общего стандартизованного

языка. Нет оснований сомневаться в значении процессов ускоренной советской модернизации для формирования и развития белорусской советской нации.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., удельная доля рабочего класса в составе населения БССР составила 21,9%. Важно отметить, что на промышленном производстве были заняты именно белорусы, а не представители меньшинств. По данным на 1940 г., белорусы составляли в общей структуре рабочих крупной промышленности 76%²⁵.

Сразу же после войны происходит форсированная модернизация Западной Беларуси. Уже в 1950 г. объем промышленной продукции в западных областях превысил довоенный уровень почти вдвое, а мощность электростанций – в 2,2 раза. Доля этого региона в общем объеме промышленного производства возросла с 9% в 1940 г. до 14,9% в 1950 г.²⁶

Ускоренное промышленное строительство в 1950-е гг. привело к тому, что в 1960 г. общий объем промышленного производства в БССР увеличился относительно 1940 г. в 4,2 раза. Удельная доля промышленности в ВВП республики к 1960 г. достигла 52% – в 4 раза больше, чем до войны. «Республика из аграрно-индустриальной превратилась в индустриальную»²⁷.

После войны в БССР фактически заново формируется рабочий класс. Он возник и рос в процессе восстановления промышленности и транспорта за счет демобилизованных партизан и военнослужащих, притока высококвалифицированных рабочих из других республик, а главным образом за счет сельской молодежи, частично прошедшей обучение в школах фабрично-заводской молодежи и ремесленных училищах. Численность промышленных рабочих в 1960 г. составляла 483 тыс. чел., в 1970 – 850 тыс. чел., в 1975 – 978 тыс., в 1990 – 1273 тыс. чел.²⁸

По мнению Ирины Бугровой, Беларусь в начале 1990-х гг. оказалась не готова к построению нового государства потому, что только после войны 1941–1945 гг. республика из «приграничного буфера», слабомодернизированного и по целому ряду параметров отсталого периферийного региона, в качестве которого она просуществовала несколько веков, превратилась в объект пристального внимания властей сверхдержавы²⁹. Что это означало для развития национализма, рассматривал Геллнер: «По самой природе своей производственной деятельности индустриальное общество является огромным, анонимным, мобильным и нуждается в хорошей коммуникативной системе для общения, независимо от ситуации. Такова современная культура. Она нуждается в обеспечении образовательными учреждениями и в их защите, и лишь государство в состоянии обеспечить и то, и другое. Это и создает ту критическую связь культуры и политики, которая составляет сущность национализма»³⁰.

Урбанизация и городская культура³¹. Именно в период БССР формируется современная белорусская городская культура. По итогам переписи 1897 г., городское население края составляло лишь 13,5%. По состоянию на 1925 г. большинство

(86,5%) городских населенных пунктов составляли местечки и небольшие города (до 10 000 жителей), уклад жизни населения которых, во-первых, определялся их этническим и религиозным составом – большинство населения небольших городов составляли евреи, а во-вторых, отсутствием там значительного промышленного производства или промышленности вообще, что не позволяло развиваться современной городской культуре вообще.

Форсированный проект модернизации, предпринятый советским руководством, неизбежно вел к развитию городов и притоку в них сельского населения. Первоначально власти принимали дискриминационные меры в отношении крестьян. На начало 1930 г. в БССР проживало 5 млн 178,3 тыс. чел., из них 929,9 тыс. – в городах. В самом крупном городе – Минске в 1930 г. жило лишь 147,6 тыс. чел., в Витебске – 109,1 тыс., Гомеле – 97,4 тыс. Другие города значительно отставали от них по численности населения. По данным переписи 1939 г., в Беларуси (с учетом западной части страны) проживало 8 млн 912,2 тыс. чел., из них в городах – 1 854,8 тыс. чел. (20% населения)³². То есть до Второй мировой войны БССР была одним из самых сельских регионов СССР³³ (в 1950 г. в городах республики проживало 21% сельского населения). После войны темпы урбанизации ускорились в связи с созданием в городах БССР множества крупных предприятий. Прирост городского населения в целом превышал среднесоюзные показатели. Удельная доля городских жителей в населении БССР увеличилась до 33% в 1961 г. и 57% в 1981 г.³⁴ На протяжении послевоенных лет (с 1950 г. до получения независимости) городское население Беларуси увеличилось в 4,3 раза, а его удельная доля составила 67%. При этом урбанизация шла прежде всего за счет роста крупных городов и притока в города сельских жителей из окрестностей. Это означает, что урбанизация Беларуси и формирование современной городской культуры имели место прежде всего во второй половине XX в. (в первой половине столетия ее темпы были медленнее) в условиях отступления белорусоязычной культуры.

Притом урбанизация, как следует из нижеприведенной таблицы, после войны достигала чрезвычайно высоких темпов, и в результате культурная и образовательная инфраструктура в городах вообще и белорусоязычная инфраструктура в особенности столкнулись с непреодолимым вызовом, когда им предстояло удовлетворить запросы массово переселяющихся в город сельчан. Решить эту задачу путем интенсивного развития белорусоязычной культуры и образования в столь сжатые сроки объективно было сложно, и это привело к широкомасштабному использованию русского языка в культуре и образовании. Используя марксистскую терминологию, можно сказать, что белорусоязычная надстройка объективно не успевала расти за стремительно увеличивавшимся в ходе модернизации новым социально-экономическим базисом.

Динамика урбанизации населения Беларуси³⁵

Год переписи	Удельная доля населения Беларуси в общей структуре населения
1897	13,5
1926	17
1939	20,8
1959	30,5
1970	43,3
1979	54,9
1989	65,4

Неизбежно способствовал сохранению национальной обособленности один примечательный фактор. Степень урбанизации населения советских республик была неравномерной: по переписи 1970 г., она составила в Белорусской ССР 43,3%. Для сравнения наиболее высокий уровень урбанизации был зафиксирован в Эстонской ССР (65%), РСФСР (62%), Армянской (59%) и Украинской ССР (55%), а самый низкий – в Молдавской ССР (32%). Из этого следует, что уровень развития различных народов и республик СССР был весьма различен, что не способствовало формированию единого советского народа. Скорее за разными народами закреплялись различные ниши в системе общесоюзного распределения труда, связанные с уровнем модернизации соответствующей республики.

Единство в хозяйственной, административной и иных сферах. Одним из ключевых вопросов при изучении отношений центра империи и ее провинций является, по словам Алексея Миллера, то, «как власти структурировали пространство империи, устанавливая и меняя административное деление»³⁶. Необходимо учесть не только административно-территориальное деление, но и территориальное деление различных государственных структур и организаций, в частности экономических, транспортных и военных. Также выяснить, рассматривалась ли практически БССР в качестве единой территории в рамках СССР в различных сферах. При этом важно отметить, какие черты республиканской обособленности она разделяла с другими республиками, а какие были абсолютно уникальными для Беларуси либо достаточно редкими в рамках Союза.

В состав БССР были включены практически все территории, население которых имело какие-либо устойчивые зачатки белорусской идентичности, и республика не страдала от острых и неразрешимых межнациональных проблем, связанных с отрывом от нее территорий, которые тяготели бы к Беларуси (как в случае Армения – Карабах), либо со включением районов, которые были бы населены враждебно настроенным по отношению к белорусскому национальному движению чужеродным населением, тяжело поддающимся ассимиляции (Украина – Крым).

В рамках общесоюзной национальной политики, а также пытаясь использовать «беларуский вопрос» против Польши, Москва проводит административно-политическое переустройство БССР. В частности, в 1924 г. БССР были переданы 15 уездов и отдельных волостей Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. Территория БССР увеличилась до 110 584 кв. км, население – до 4,2 млн чел. 70,4% населения составляли беларусы. В декабре 1926 г. было объявлено о присоединении Гомельского и Речицкого уездов к БССР. Территория БССР увеличилась на 15 727 кв. км, а население – на 649 тыс. чел. После присоединения к БССР Западной Беларуси в 1939 г., по мнению Л. Лойки, «впервые после разделов Речи Посполитой большая часть территории Беларуси объединилась в одном национально-административном образовании»³⁷.

Хотя впоследствии Польше и Литве были переданы некоторые районы БССР, тем не менее можно с уверенностью сказать, что именно БССР воплотила собой тот проект или образ национальной территории – земли, испокон веков принадлежащей исключительно этой нации, который сформировало и внедрило в массовое сознание беларуское националистическое движение. В этом контексте можно провести параллель с тем, какую роль сыграли абсолютистские государства в распространении национализма. По мнению Ханса Фенске, эпоха абсолютизма сыграла решающее значение для возникновения современного национализма, «поскольку в эту эпоху князьями было создано современное государство и тем самым своеобразный сосуд (*Gefäß*) для современного национализма. Без концентрации власти в руках суверена и связанного с этим нивелирования более старых социальных структур не возникли бы самые существенные предпосылки для утверждения национализма»³⁸. Коммунистический режим сыграл аналогичную роль в истории беларуского национального движения, проведя тотальное преобразование или демонтаж большинства до того существовавших социальных структур.

Помимо единства БССР как политической единицы, единой была и партийная организация коммунистов Беларуси. Особенностью КПСС было ее разделение на 14 республиканских компартий, т.е. в ее состав входили компартии 14 из 15 советских республик, в том числе БССР.

Сопоставление структуры госорганов и госорганизаций СССР указывает на целый ряд уникальных или сравнительно уникальных черт обособленности БССР в рамках Союза в следующих сферах.

1. Экономической. Согласно созданной в 1963 г. сетке экономических районов СССР вся территория БССР вошла в состав единого «Белорусского района». Это способствовала не только хозяйственной интеграции Беларуси, но и создавало экономическую основу для развития современной нации. Отметим, что кроме БССР только территория Казахстана и Молдовы выделялась в отдельные единые экономические районы. Территории других республик либо разделялись на несколько отдельных экономических районов (Украина, РСФСР), либо в состав

одного района включалось сразу несколько республик (Закавказский и Среднеазиатский районы)³⁹.

2. Транспортной. Белорусская железная дорога (БЖД), как административно-территориальная единица железнодорожной сети Советских железных дорог, практически совпадала с границами БССР. Помимо БЖД, только границы Азербайджанской и Молдавской железных дорог почти совпадали с границами соответствующих союзных республик и носили названия, в которых присутствовал квазинациональный маркер – «азербайджанская» и «молдавская». Во всех остальных республиках сеть железных дорог либо была разделена между несколькими различными региональными единицами (Украина), либо железные дороги нескольких республик были объединены в рамках одной единицы (Прибалтика). В обоих этих случаях названия этих железных дорог не содержали какой-либо национальной маркировки⁴⁰.

3. Военной – в октябре 1926 г. Западный военный округ был переименован в Белорусский военный округ, так как большинство районов дислокации кадровых частей и районов комплектования территориальных частей Западного военного округа находилось в БССР (на тот момент Восточной Беларуси). В то же время осуществляются меры по беларусизации округа, формируются беларуские территориальные воинские части. Несмотря на ряд дальнейших преобразований (включение в его состав Западной Беларуси, а также непродолжительное преобразование в Западный особый округ с включением Смоленской области), округ практически продолжает существовать до самой войны. В феврале 1946 г. вновь создается единый военный округ – Белорусский, который включает в себя всю территорию БССР. Штаб округа располагался в Минске.

Существование Белорусского военного округа – уникальное явление в истории Вооруженных сил СССР. Ни одна союзная республика не была объединена в рамках единого округа, да еще и под названием, которое включало бы в себя какое-либо «национальное» обозначение. Украина была разделена на несколько округов, а вся Прибалтика, например, сведена в один округ.

Следует помнить, что округ и его структуры и части не существовал в отрыве от территории, где он находился. То есть имели место интенсивные контакты между структурами и частями округа, с одной стороны, и населением, государственными и партийными структурами, а также субъектами хозяйствования – с другой. В процессе этого взаимодействия в БССР (в отличие от других республик) имело место единообразие в названиях институций, расположенных на территории республики, во всех сферах – административной, экономической, хозяйственной, военной. Маркер «белорусский» присутствовал во всех сферах жизни.

4. Внешнеполитической. Важно отметить и внешнеполитические моменты, которые способствовали формированию в БССР современной нации. В 1944 г. было создано Министерство (первоначально – Наркомат) иностранных дел

БССР, а в 1945 г. Беларусь, пусть и формально, стала основательницей ООН и начала принимать участие в работе Организации.

Одним из важных факторов в планировании советской национальной политики Терри Мартин считает ее связь с внешней политикой⁴¹. Он говорит о «пьемонтском принципе», основанном на предположении о том, что благоприятная политика в отношении этнических групп, разделенных границей СССР, привлекает на сторону СССР их сородичей за рубежом и увеличит внешнеполитические возможности СССР⁴². Но применялся этот принцип избирательно и строго по обстоятельствам. Действительно, в 1939 г. в результате крупномасштабной военной операции и последующей политики советских властей произошло объединение Западной и Восточной Беларуси в рамках БССР. Лишь украинский народ также смог объединиться в составе единой республики. Аналогичные попытки объединения других народов, разделенных государственными границами, не предпринимались (туркмены, таджики) либо были безуспешными (азербайджанцы, финны, уйгуры).

Лучше оформленная, чем в других советских республиках, административная и хозяйственная обособленность проявила себя после распада СССР – Республике Беларусь практически не пришлось менять структуру управления на своей территории. Помимо того, что такие единые структуры способствовали формированию единства и единообразия территории БССР во всех сферах, следует отметить, что все эти структуры носили название, в состав которого входило обозначение «белорусский», что способствовало распространению названия и его закреплению за территорией края. А ведь еще в конце 1910-х гг. в сознании населения «Западной области» РСФСР – территории нынешней Беларуси – название «Беларусь» пока не закрепились⁴³.

Воображенная нация. В условиях традиционного общества, в которых до начала XX в. в целом продолжало жить население Беларуси, человек рождался, жил и умирал в окружении одних и тех же людей, даже не стремясь к другому сообществу. Индустриальное общество, создание которого началось интенсивными темпами в БССР в 1920-х гг., а в Западной Беларуси в 1950-х гг., ломает эту констелляцию: мобильность людей резко возрастает, семейные и соседские связи ослабевают. Лишь новая модерная нация может восстановить психологические и социальные связи индивида на новом уровне, который будет соответствовать новому более широкому размаху повседневной жизни. Бенедикт Андерсон назвал нацию «воображаемым сообществом» – сообществом, которое создается и удерживается не личным знакомством и общением его членов, а их воображением своей общности и братскими чувствами к никогда не виденным собратьям по нации. Эти общие привязанности связаны с множеством более мелких ритуалов и условностей в общественно-политической жизни.

Советское государство требовало участия граждан в ритуальных политических действиях, в частности выборах. Несмотря на возможность голосования лишь за «блок коммунистов и беспартийных», граждане принуждались к исполнению процедуры и невольно втягивались в демонстрацию лояльности режиму. Важным инструментом осуществления контроля была Коммунистическая партия Беларуси. Ее численность увеличилась с 48,2 тыс. чел. в 1946 г. до 688 тыс. в 1985 г. Аналогичные функции выполнял комсомол, численность которого выросла с немногим более 200 тыс. чел. после войны до примерно 1,5 млн чел. в 1985 г. и который охватывал собой всю молодежь⁴⁴.

Важное значение для массового сознания имела позитивная дискриминация, сначала в отношении представителей всех нерусских нацменьшинств, затем титульной нации. Беларуси впервые со времен средневековья увидели, что в формально **беларуском** государстве их соплеменники начинают занимать все более и более значительные посты, вытесняя присланных чиновников. Политика коренизации в отношении национальных элит, отмечает А. Миллер, не была свернута после пересмотра общей политики коренизации в 1932 г., но продолжалась и далее и получила серьезный и устойчивый эффект. В западных республиках СССР число представителей титульной нации среди служащих и специалистов к 1939 г. возросло на 11,5% (для сравнения в восточных – на 33%)⁴⁵.

Интересна динамика происхождения руководителей КПБ-БССР. Лишь в 1924–1927 гг. и 1937 г. республикой руководили этнические беларусы. Ситуация коренным образом изменилась после войны. С 1956 г. КПБ (и фактически БССР) бесценно руководили этнические беларусы, рожденные на территории Восточной Беларуси: Мазуров К.Т., Машеров П.М., Киселев Т.Я., Слюньков Н.Н., Соколов Е.Е., Малофеев А.А.

К концу 1980-х гг. в партийной элите БССР сложилась модель распределения должностей, которую можно было бы охарактеризовать как новый клиентелизм. Основными ее авторами были партийные функционеры, которые вышли из парткомов минских промышленных предприятий⁴⁶. По мнению Майкла Урбана, результаты анализа централизации и анализа борьбы за преемственность показывают, что «советский федерализм – не просто слова. Хотя федерализму в СССР может не хватать ряда важных черт согласно западным стандартам, с точки зрения циркуляции элит он предстает как заметная характеристика системы». Он отмечает, что «влияние централизации на циркуляцию вакансий следует скорее из взаимодействия кадровых систем на всесоюзном и республиканском уровнях, нежели из систематического оформления схем мобильности в БССР центральными властями в Москве. Схема федерализма также работает в процессе борьбы за политическое наследие»⁴⁷.

Беларуская советская мифология. Формирование национальной идентичности и ее распространение требует выработки и распространения опреде-

ленных мифов. Примечательно, что собственно белорусская советская мифология уже первоначально была основана на мотивах противостояния, которые имели националистические оттенки. Советская белорусская пропаганда восславляла партизанскую войну с польскими войсками, классовые сражения, в которых вроде бы и интернациональное, но в основном белорусское крестьянство противостояло в основном польским помещикам. В белорусской литературе 1920–1950-х гг. есть немало произведений, где отрицательные персонажи говорят по-польски⁴⁸. Определенную мифологизацию пережила и революционная борьба в Западной Беларуси, где социальные, национальные и даже религиозные факторы лежали в основе оппозиции значительных слоев населения администрации польского государства.

Но все эти попытки создания национальной советской белорусской мифологии отступили на второй план после войны 1941–1945 гг. Беларусь оказалась одним из наиболее серьезно пострадавших в ходе Второй мировой войны регионов, и в 1941–1944 гг. республика пережила период интенсивной партизанско-диверсионной войны, в которой одну из ключевых ролей сыграли советские коммунистические партизаны, действовавшие под руководством созданного советским командованием штаба партизанского движения.

События войны дали богатый материал для разработки национальной мифологии, уникальной для БССР, поскольку в других оккупированных союзных республиках партизанское движение было либо кратковременным (РСФСР), либо излишне «загрязнено» некоммунистическим элементом (Украина, особенно Западная), либо не пользовалось поддержкой местного населения (Прибалтика).

Население БССР, пережившее продолжительный период времени в условиях экстремально суровых лишений и имевшее в своем большинстве непосредственную возможность пережить перипетии сопротивления немецким войскам, в психологическом смысле было предрасположено к восприятию такого рода мифологии. Ввиду грандиозности самого исторического опыта, а также его общности для всех регионов Беларуси (траектория событий 1917–1939 гг. кардинальным образом различалась для западной и восточной части республики), война 1941–1945 гг. позволила создать полноценный национальный пантеон героев и соответствующую мифологию о «республике-партизанке».

Гомогенизация состава населения. Как правило, в основе националистических программ лежит стремление к унификации состава населения, к тому, чтобы все граждане страны были в равной степени национально сознательными. В принципе, нация может быть полиэтничной (поликультурной) или моноэтничной. Этнически однородные нации уникальны и возникают либо в изолированных регионах мира (Исландия, в определенной степени Япония), либо после исторических катастроф, которые привели к уничтожению или исчезновению

этнических и культурных меньшинств (Германия после холокоста). Беларуская советская нация до середины XX в. была выразительно полиэтничной и поликультурной (со значительными меньшинствами евреев и поляков, т.е. иудеев и католиков в религиозном измерении). Но к моменту обретения независимости страна превратилась в моноэтничную и достаточно монокультурную.

Первоначально беларуская нация, а после 1917 г. беларуская советская нация строилась на основе множества этносов, которые волею судеб оказались на территории, определенной беларускими националистами в качестве беларусского края в конце XIX в. Это обычное явление в мире, где примерами полиэтничности являются такие нации, как французская, испанская, вьетнамская или швейцарская.

На момент создания БССР в Беларуси существовало весьма значительное еврейское меньшинство, хорошо интегрированное в местное общество, которое тем не менее сохраняло свою самобытность, прежде всего в социальном плане – проживая в основном в небольших городах и местечках, религиозном – исповедуя иудаизм и языковом плане – говоря на идише. Велико было значение и польского меньшинства, которое было более тесно связано с беларуским населением в силу общеславянского и общехристианского наследия, хотя польская идентичность продолжала быть тесно связанной с католичеством и достаточно понятным, но все же отдельным польским языком.

Тем не менее в рамках советской национальной политики эти меньшинства получили значительные культурные права, в частности, их языки наряду с беларуским и русским были объявлены государственными языками БССР. Но вскоре национальная политика была переориентирована в сторону предпочтения титульным нациям в рамках союзных республик и общей тенденции к русификации их в рамках всего Союза. Результатом стало лишение идиша и польского языков статуса государственных языков БССР в Конституции 1937 г. и свертывание культурной инфраструктуры польского и еврейского меньшинства.

Согласно данным переписи 1939 г., в Восточной Беларуси доля беларусов после сокращения доли других национальностей возросла до 82,9% общей численности населения, при этом поляки составили 1%, а украинцы – почти 2%. После отмены черты оседлости с последующим выездом евреев в другие районы СССР и в результате ассимиляции доля еврейского населения снизилась к 1939 г. до 6,7%⁴⁹.

После присоединения Западной Беларуси к БССР доля польского и еврейского населения вновь увеличилась, и в силу политических соображений советские власти произвели высылку в Сибирь и репрессии в отношении представителей польской элиты. В дальнейшем они пошли на формирование польских воинских частей польского правительства в изгнании из польских граждан (т.е. жителей Западной Беларуси), оказавшихся на советской территории, с последующим выводом этих войск на Ближний Восток. В основном политическая про-

блема польского меньшинства в БССР была решена уже к началу 1950 г. путем обмена населением с Польшей, разгрома польских партизанских отрядов АК и ослабления католического костела, инфраструктура которого была под контролем польской элиты.

Не менее сильный удар был нанесен по инфраструктуре украинского национального движения на юго-западе страны в рамках борьбы с партизанами ОУН-УПА во второй половине 1940 – начале 1950 г. Украинское меньшинство подверглось денационализации в состоянии полной деморализации и дезорганизованности. Борьба с украинским и польским антисоветским подпольем сопровождалась массовыми депортациями представителей интеллигенции и образованных слоев населения вообще.

Уже в 1920-е гг. советское союзное и республиканское руководство ориентировалось на усиление титульных наций и создание различных форм советской государственности или же хотя бы в какой-либо степени административных единиц, где бы этнические и национальные меньшинства могли бы стать своеобразными титульными нациями. В рамках этого с 1930 г. поощрялось переселение евреев на Дальний Восток, в Еврейскую автономную область. Но это переселение, как и эмиграция (в основном из Западной Беларуси) в Палестину, не имела существенного успеха в силу интегрированности еврейского меньшинства в белорусское общество (в качестве примера можно привести такого известного писателя как Змитрок Бядуля).

Еврейское меньшинство было в значительной степени физически уничтожено в ходе холокоста. Оставшаяся его часть постепенно выехала из БССР на Запад или в Израиль уже к концу 1980-х гг. Политолог Ирина Бугрова отмечает, что значительная еврейская диаспора нейтрально относилась к идеям белорусского национального (этнически ориентированного) возрождения, и это долгое время было отрицательным фактором для формирования национальной идентичности БССР⁵⁰. По мнению историка Николая Улащика, это было связано со значительной русификацией еврейского населения Беларуси и утратой им собственной белорусской еврейской культуры при ориентации на российскую культуру⁵¹.

Политическая, хозяйственная и культурная интеграция народов СССР осуществляется путем обмена кадрами и создания многонациональных трудовых коллективов для работы в отдельных районах СССР, прежде всего на различных промышленных новостройках, на заводах и в совхозах, где задействованы работники многих национальностей, при этом они лишены прав нацменьшинства и осуждены на русификацию и сами становятся орудием русификации других нерусских народов. Одновременно на нероссийскую территорию направляются русские работники и партийные и государственные руководители. Например, между 1959 и 1970 гг. удельная доля русских в структуре населения Беларуси возросла с 8,2 до 10,4%, Украины – с 16,9 до 19,4%, Молдовы – с 10,2 до 11,6%,

Латвии – с 26,6 до 29,2%, Эстонии – с 20,1 до 24,7%; при этом переселенцы поселились главным образом в городах союзных республик.

Иммиграция русского населения, впрочем, сопровождалась общей политикой ослабления меньшинств (что парадоксально на фоне продвижения русской культуры). Несмотря на усиление культуры, сами носители этой культуры в силу разных причин не были склонны к объединению и отстаиванию своих интересов, что особенно важно на фоне принципиального непредоставления властями БССР какой-либо культурной автономии любым меньшинствам, хотя полиэтническая общность в БССР, как и во многих других союзных республиках в советское время, формировалась на основе русского языка и культуры. Результатом является отсутствие в Беларуси не только мощного русского движения (подобного Союзу поляков Беларуси), но и пророссийской политической партии вообще.

Русским в Беларуси характерен дисперсный тип расселения. Как отмечает В. Роджерс Брюээйкер, несмотря на то что приток русского населения в Беларусь продолжался даже в 1980-е гг., в БССР (равно как и в Украине и Молдове) большая часть прироста численности населения имела место за счет относительно высоких показателей рождаемости среди коренного населения⁵². По данным переписи 1989 г., русские составляли 13% населения БССР (для сравнения в Украине – 22%).

Вследствие отсутствия в Беларуси гигантских промышленных новостроек и крупномасштабных проектов промышленного развития страны, – подобных Северному Казахстану, Кузбассу или Донбасу, – приток небеларуского населения из-за пределов БССР имел весьма ограниченный характер. Промышленные новостройки в Беларуси в силу своих довольно скромных масштабов могли быть в целом осуществлены за счет местных ресурсов.

Национальный состав населения БССР по данным переписей⁵³

Год переписи	1959	1970	1979	1989
Удельная доля следующих национальных групп в общей структуре населения БССР:				
беларусы	81,1	81	79,4	77,9
русские	8,2	10,4	11,9	13,2
поляки	6,7	4,3	4,2	4,1
украинцы	1,7	2,1	2,4	2,9
евреи	1,9	1,6	1,4	1,1

Политика советского государства по пропаганде атеизма и ослаблению влияния церковных учреждений позволила ослабить и такую проблему, как религиозная разобщенность населения края. Она особенно опасна в беларуском

случае, поскольку и польская политическая элита, закрепившая свое влияние в католической церкви, и российская политическая элита, давно превратившая православную церковь в инструмент своей политики, открыто смешивали и продолжают смешивать свою секулярную националистическую политическую миссию и религиозную миссию обеих церквей в церковной деятельности.

После 1917 г. советское государство приняло ряд законодательных актов об отмене всех национально-религиозных привилегий и ограничений, о лишении церкви земельной собственности, госдотаций, права контролировать школу и семейную жизнь, фактически исключив религию и церковь из общественно-политической жизни, и начало атеистическую пропаганду. В 1920-е гг. церкви пережили ряд антирелигиозных кампаний, конфискации и преследований. Деятельность Православной церкви в БССР практически прекратилась⁵⁴.

Но особенно способствовали укреплению белорусской идентичности репрессии в отношении Римско-католической церкви, ибо объективно они вели к преодолению последствий полонизации и очищению костела от элементов польского национализма и его носителей. К 1938 г. в БССР не осталось ни одного действующего костела. Впрочем, на тот момент большинство католических парафий находилось на территории Западной Беларуси, где костел стал инструментом государственной политики полонизации. Преследования костела развернулись после войны, пошли на пользу белорусскому национализму в Западной Беларуси, которые Костел сначала пострадал за свою поддержку Армии Краёвой, когда польская идентичность рассматривалась в БССР как нежелательная. После уничтожения АК антицерковные меры не прекращались – упразднялись парафии, ограничивалась деятельность церкви, духовенство уезжало в Польшу. На 1.1.1960 в БССР существовала 191 католическая община со 102 ксендзами, а в 1985 г. – только 96 общин с 52 ксендзами, а епископы в диоцезии не назначались⁵⁵. Это позволило начать возрождение костела во второй половине 1980-х гг. в условиях ослабления польского национализма в самом костеле и среди верующих при одновременном усилении как белорусской идентичности, так и ее поддержки со стороны государства. Правда, сказать то же о православной церкви невозможно, поскольку она осталась достаточно сильно ориентированной на российские имперские концепции. Это связано с тем, что властями БССР русская идентичность никогда «нежелательной» не считалась, а потому все репрессии в отношении православной церкви ограничивались лишь антирелигиозным аспектом.

В результате конфессиональный статус человека как католика или православного приобрел маргинальное значение. Помимо этого, была ограничена возможность инкорпорации католической и православной части населения Беларуси в состав соседних наций – великорусской и польской вследствие исторической традиции ассоциации католической и православной церкви с польскостью и великорусскостью соответственно.

В результате советской политики БССР из крайне гетерогенной в культурном, языковом, этническом и религиозном отношениях республики превратилась в гомогенную республику со значительным преобладанием титульной нации и крайне слабыми национальными, культурными и религиозными меньшинствами.

Концепция советского народа

«Проект БССР» имел множество вариантов, которые соперничали между собой, а также изменялись с течением времени. Этим отчасти и объясняется противоречивость многих мер союзного центра и его ставленников на местах в отношении строительства белорусской социалистической государственности. Неопределенность в отношении белорусской нации возникла уже в силу того, что проблема национального освобождения и национализма неоднозначно рассматривалась идеологами коммунистического движения. В целом, отмечает М.С. Лазарев: «основоположники марксизма-ленинизма и их ближайшие последователи не создали теорию национального вопроса в столь полном, завершенном и классическом виде, как теории диалектического и исторического материализма, политической экономии капитализма, социалистической революции, империализма и т.д.»⁵⁶.

Национализм рассматривался Марксом как явление, имеющее прогрессивное значение в борьбе с феодализмом, когда оно готовит почву для развития современного общества с его промышленностью и пролетариатом. Тогда национализм, по словам Ленина, не может не пробуждаться и имеет «историческое оправдание»⁵⁷. В современном или буржуазном обществе национализм утрачивает свое прогрессивное значение, а потому советские коммунисты противопоставляли «буржуазному национализму» свой «пролетарский интернационализм» и говорили о своей непримиримой враждебности к первому⁵⁸.

В то же время на самом деле полной однозначности в отношении национализма не было, и в 1919 г. Ленин отмечал: «...гражданская война трудящихся против империалистов и эксплуататоров во всех передовых странах начинает соединяться с национальной войной против международного капитализма. Это подтверждается ходом революции и будет все больше подтверждаться»⁵⁹. В целом же, по мнению Антона Адамовича, в рамках большевистской политики «тактически национализм может не только толерироваться, но и поддерживаться, а практически даже внедряться, если только этого требует само дело коммунизма»⁶⁰. Обосновать это в рамках советской идеологии помогало жонглирование терминами «национализм» (например, «угнетенных наций»), «национальное движение» и «национально-освободительное движение», которые использовались по политической необходимости⁶¹. В то же время в отношении

политических противников советского режима использовался термин «(мелко) буржуазный национализм».

В отношении Беларуси большевики не артикулировали при создании БССР тезис о прогрессивности белорусского национализма, но если первоначально в отношении белорусского национального движения использовались абсолютно отрицательные термины «национализм» и «шовинизм» с соответствующими идеологическими уточнениями, то вскоре, осознав потенциал белорусского национализма, они перестают использовать в отношении оппонентов даже само слово «национализм», прибегая к такой лексике, как «буржуазные наймиты» и «нацдемы». В этом смысле показательно высказывание главы НКВД БССР Л. Цанавы в отношении своих идеологических противников: «Они утратили даже формальное право называться белорусскими националистами. По справедливости им нужно было бы называться берлинскими, лондонскими, парижскими и т.п. националистами, т.е. по имени их настоящих хозяев»⁶². Тем самым белорусское национальное движение, а по сути белорусский национализм легитимизируется в своей специфической форме в рамках БССР. «Белорусское национальное движение, сталкиваясь с большевизмом все на том же поле борьбы за влияние на массы, вынудило этот большевизм братья за то же оружие “национализма”, которое он осуждал в этом движении»⁶³.

Но в то же время они последовательно выполняли программу государственного строительства националистического движения, а также способствовали формированию специфической, окрашенной риторикой «классовой борьбы» антипольской разновидности национального сознания в БССР и Западной Беларуси. Организация белорусских национал-большевиков – БСДРП(б) – подчеркивала необходимость учета «исторических обстоятельств классовой борьбы в Беларуси, которая носит там национальный характер»⁶⁴.

Идентичность белорусской советской нации состояла из двух компонентов – собственно белорусского и «советского», общесоюзного. «Советский народ» – официальное понятие советской идеологии, которое в 1971 г. определялось следующим образом: «Новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, единую по социалистическому содержанию и многообразную по национальным особенностям культуру, федеративное государство и общую цель – построение коммунизма»⁶⁵. Положение о «советском народе» как новой исторической общности выдвинуто на XXIV съезде КПСС⁶⁶.

Вместе с тем понятие «советский народ» упоминалось гораздо раньше, в частности в песне 1938 г. В. Лебедева-Кумача «Если завтра война», в передовице «Родной Сталин» газеты «Правда» от 21 декабря 1939 г. и многих других советских произведениях. Официальное понятие советского народа впервые использовано в резолюциях 18 съезда ВКП(б) (1939) и тогда же вошло в устав ВКП(б).

Долгое время это понятие являлось достаточно факультативным в применении официальными лицами. В частности, Л.П. Берия в своей речи на похоронах И.В. Сталина (1953) выражения «советский народ» еще не употреблял: «Трудно выразить словами чувство великой скорби, которое переживают в эти дни наша партия и народы нашей страны...»⁶⁷

В 1961 г., выступая на XXII съезде КПСС, Никита Хрущев в докладе о Программе партии попытался определить понятие «советского народа»: «В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, – советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину – СССР, общую экономическую базу – социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение – марксизм-ленинизм, общую цель – построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии»⁶⁸. Однако в одобренную на съезде новую программу КПСС это определение не вошло, а впервые появилось в 1970 г. в тезисах ЦК КПСС по случаю 100-летия со дня рождения Ленина и было повторено в речах Брежнева на XXIV в 1971 г. и XXV в 1976 г. съездах КПСС.

Уже на XXII съезде в 1961 г. был дан ряд указаний (они включены в новую программу КПСС, принятую на этом съезде), которые должны были укрепить существование и развитие советского народа: перемешивание населения путем обмена кадрами, многонациональность союзных республик и падение значения межреспубликанских границ, дальнейшее уменьшение различий между народами СССР, объединяющая сила русского языка как языка межнационального общения, недопустимость национального «самоограничения», необходимость создания надреспубликанских зон с органами, преобладающими над правительствами союзных республик. Еще больший толчок реализации концепции советского народа придал XXIV съезд КПСС (1971).

Постановлением XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза 1971 г. советский народ был провозглашен результатом прочного социально-политического и идейного единства всех классов и слоев, наций и народностей, заселяющих территорию СССР. Их общим языком – языком советского народа – был признан русский язык, что являлось выражением «той роли, которую играет русский народ в братской семье народов СССР».

Имеет смысл рассматривать процесс формирования советского народа в контексте процессов глобализации и региональной интеграции. По мнению представителя официальной советской идеологии С.Т. Калтахяна: «Материальная и духовная общность советских людей получила всестороннее развитие в условиях зрелого социализма. Усиление социальной однородности советского общества, его социально-политического единства, перерастание государства диктатуры пролетариата в общенародное государство привели к еще большему укреплению союза и дружбы всех классов и социальных групп, наций и народностей СССР, у представителей которых становится все больше общесоветских,

интернациональных черт»⁶⁹. Но особенно любопытно, что в приведенной цитате фактически провозглашается двухуровневая структура идентичности – поскольку не только говорится о «общности советских людей», но и упоминаются «нации и народности СССР». И хотя первый компонент, очевидно, провозглашается приоритетным, но этот идеологический постулат легко мог быть отброшен в реальной политике, поскольку на практике в составе СССР существовало множество в различной степени автономных единиц, созданных по национальному и этническому признаку и могущих стать зачатками независимой национальной государственности. Любая форма политического, экономического и хозяйственного обособления национального меньшинства в составе многонационального чревата сепаратизмом. Это может быть связано не только с реальным национальным движением, но и с явлением так называемого «этнического предпринимательства», когда элиты национальных меньшинств могут быть заинтересованы в отделении от центра для более эффективной эксплуатации имеющихся ресурсов. Но и возможность возрождения национального движения даже в условиях крайне узкой автономии в составе СССР была засвидетельствована такими примерами, как Гагаузия, Карабах и Чечня.

Впрочем, наряду с интеграцией в рамках СССР происходило и реальное формирование общесоветского сознания, которое долгое время пытался использовать президент Беларуси Лукашенко. Официальная идеология утверждала: «На основе экономической и социально-политической общности социалистических наций и народностей растет их духовная общность, происходит дальнейшее сближение национальных культур. Усиление интернациональных черт в национальной культуре и характере говорит не о том, что национальное якобы приносится в жертву интернациональному, а о том, что меняется, обогащается само понятие национального»⁷⁰. То есть точно так же как национальные административно-территориальные образования в составе СССР потенциально способствовали национализму, само сосуществование в рамках СССР неизбежно вело к преобразованию национальных культур его народов, которое нельзя рассматривать лишь как отрицательное явление, ибо, как уже говорилось выше, такое преобразование было связано прежде всего с модернизацией и способностью той или иной национальной или этнической группы модернизироваться, сохранив свою идентичность. Именно неспособность своевременно модернизироваться вела, в первую очередь, к русификации, русификация как насильственная политика имела второстепенное значение.

В СССР предпринимаются попытки обосновать понятие советского народа как социологической категории. Этот вопрос стал предметом многочисленных исследований. В процессе дискуссий выявились разногласия относительно будущего социалистических наций и взаимоотношения между ними и советским народом, в частности роли русского языка в жизни нерусских народов и определения самого понятия советского народа как социологического феномена и

того, является ли советский народ уже новой советской нацией, т.е. началом отмирания отдельных наций СССР⁷¹. По мнению некоторых диссидентов-авторов самиздатовской литературы, в частности И. Дзюбы, сущность концепции советского народа состоит в том, чтобы обосновать и оправдать широко развернутый курс русификации⁷².

Беларусская советская нация и формирование независимой государственности. Карл Вольфганг Дойч называл нацией народ, владеющий собственным государством, притом для того, чтобы мы могли говорить о «владении», по его мнению, «некоторые члены этого народа должны составлять основную часть руководящих кадров этого государства, а значительная часть членов этого народа должна как-то отождествлять себя с этим государством и поддерживать его»⁷³. Как было показано выше, этим двум критериям беларуская советская нация в рамках БССР соответствовала. Конец 1980 – начало 1990-х гг. стало временем трансформации этой нации и ее государства, но трансформации достаточно мягкой и постепенной. В силу этого сохранился континуум в политике и политической культуре населения Советской Беларуси и независимой Беларуси.

Вследствие слабости беларусского национального движения советская идеология имела куда больший успех, чем в других союзных республиках. Однако формирование каждой нации происходит под влиянием некоторых преобладающих на тот момент в ее регионе идей. То есть разница только в том, что одна нация в обстановке управления со стороны либерального правительства формируется, соответственно, под влиянием идей капитализма и свободной конкуренции, а другая – под контролем советского режима и при доминировании идей советского социализма. Оба варианта имеют свои особенности и приведут к формированию различных типов наций, но говорить о предпочтительности того или иного – значит говорить о собственных идеологических предпочтениях. Поэтому бессмысленно осуждать влияние советской идеологии на беларусов БССР и на этом основании отрицать положительное значение беларуской советской государственности для развития беларуской нации. Ведь другой модерной традиции государственного строительства у беларусов нет и, возможно, никогда бы и не появилось вне рамок большевистской национальной политики и ускоренной модернизации.

Из этого следует, что целесообразно рассматривать БССР не только с точки зрения предполагаемой идеологической направленности ее руководства, но и как абсолютно негативный феномен и фактически некое отклонение от истинной сущности беларусов⁷⁴. В период распада СССР и после него оппозиционные национал-демократические политические элиты Беларуси пытались обосновать легитимность своих претензий на власть через символические ресурсы этнического прошлого края и соответствующий политический проект

беларусизации и демократизации. В основе этого подхода лежало неверное представление о новейшей истории страны и непонимание роли БССР в формировании современной белорусской нации. Фактически считалось, что БССР не только не способствовала, но и внесла деструктивный вклад в развитие белорусской нации, которая, подразумевалось, таким образом отклонилась от правильного курса.

В свою очередь, белорусский советский истеблишмент сделал ставку на другой способ легитимации, ратуя за построение государства на основе гражданского, а не этноцентрического принципа. При этом, в отличие от других мировых вариантов построения государства по гражданскому принципу, белорусский вариант не предполагал плюралистичности, а ориентировался на советское понимание роли и статуса граждан как послушных исполнителей.

Разрыв в понимании роли БССР и отношении к ней стал проявлением мировоззренческих расхождений между оппозицией и креольской советской белорусской элитой, руководящей независимой республикой. Такая проблема не уникальна для Беларуси и распространена во многих бывших советских республиках. Как отмечает П. Шозимов, одной из ключевых дилемм таджикской идентичности также является вопрос «Как относиться к советскому прошлому – игнорировать или включать в этническую историю?»⁷⁵.

Ответ на этот вопрос с точки зрения политолога как будто очевиден: нельзя игнорировать реальность. Но в политическом и идеологическом измерении ответ на этот вопрос пока выглядит вовсе не таким однозначным. В то же время белорусский советский компонент не может быть удален из идентичности белорусской современной нации хотя бы в силу глубочайших общественных изменений той эпохи. БССР нельзя рассматривать в отрыве от глубочайших модернизационных социально-экономических процессов – урбанизации, индустриализации, существенного повышения уровня образования населения Беларуси⁷⁶. Эти процессы были не менее важным (возможно, даже самым важным) компонентом ее истории, чем идеологические чистки и культурная селекция.

Нельзя сказать, что лишь политика советского режима создала белорусскую нацию. Как было замечено Максом Вебером, односторонней обусловленности целого общества одним каким-либо элементом существовать не может. Причинные связи в социальных явлениях являются частичными и вероятностными. Они частичны в том смысле, что какой-то фрагмент совокупной реальности делает вероятным или невозможным другой элемент реальной действительности. Они вероятностны, поскольку не предполагают необходимой обусловленности⁷⁷. Оценив масштабность и эффективность политики советского режима в отношении БССР, мы можем сказать, что ее результатом была ситуация, которая делала весьма вероятным преобразование республики и белорусского советского общества в независимое государство и самостоятельную современную нацию. Столь же вероятным было появление достаточно устойчивой белорусской совет-

ской политической нации, которая стала основой для построения политической системы в независимой Республике Беларусь.

Примечания

- ¹ Трудно сказать, является ли она вариантом того, что в англоязычных странах называют nation-building, но определенные сходства, несомненно, присутствуют – развитие национальных элит коренных народов в местах их проживания, создание пусть и формальных и полностью подчиненных, но институтов государственности (которые отсутствовали у многих советских народов, в частности у белорусского – сравним структуру и кадры БНР и БССР). Ведь даже при их подчиненности эти институции все же решали ряд местных вопросов и готовили многочисленные кадры для управления независимыми странами.
- ² Например, на самой заре белорусской советской государственности важную роль сыграла борьба между «областниками», не принимавшими идеи развития белорусов как отдельной нации, и национал-большевиками, которые стремились к созданию подчеркнуто белорусской советской государственности и отдельной белорусской большевистской партии.
- ³ Терешкович П.В. Белоруская нацыя // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1993. Т. 2. С. 391.
- ⁴ Недасек Н. (Адамовіч Антон). Камунізм і «беларускі нацыяналізм». Гістарычны агляд пачатку дачыненняў. Частка I. // Спадчына. 2000. № 1. С. 25. (Впервые: Запісы, кн. 1, БІНІМ, Мюнхэн, 1962.).
- ⁵ Weidinger Dorothea. Nation, Nationalismus, Nationale Identität. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1998. S. 128. (Zusammengestellt nach: Dieter Nohlen (Hrsg.): Wörterbuch Staat und Politik, Bonn, 1995. Brockhaus Enzyklopädie, 19. und 20. Auflage, Mannheim 1991/1998.)
- ⁶ Миллер Алексей. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 8.
- ⁷ Мы анализируем данные по 1-м секретарям ЦК КПБ (за исключением Мясникова) ввиду доступности их биографий, но, как представляется, общие выводы могут быть распространены на всех руководящих партийных и советских работников относительно высокого звена.
- ⁸ Martin Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, L.: Cornell UP, 2001. 496 pages.
- ⁹ Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 2. Люты 1917–1997 г.: Вучэб. дапам./ Пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. Мінск: Універсітэцкае, 1998. С. 158–161.
- ¹⁰ Миллер. С. 218–219.
- ¹¹ Гісторыя Беларусі. С. 164.
- ¹² Там же. С. 169.
- ¹³ Кудзелка Дзмітрый, Шахоцька Людміла. Перапісы насельніцтва // ЭГБ. Т. 5. Мінск, 1999. С. 466.
- ¹⁴ Гісторыя Беларусі. С. 175.
- ¹⁵ Терешкович П., Чаквин У. Беларусы // ЭГБ. Мінск, 1993. Т. 1. С. 476.
- ¹⁶ Гісторыя Беларусі. С. 324.
- ¹⁷ Там жа. С. 326–327.

- 18 Составлено на основании «Гісторыі Беларусі». С. 329.
- 19 Гісторыя Беларусі. С. 330.
- 20 Об этом свидетельствуют, в частности, в своих мемуарах Алесь Петрашкевич и Петр Кравченко. См., например, Алесь Петрашкевич. Крыніцы і каламуць. Успамінальны апо-вед. Мінск: Медысон, 2008; Кравченко Петр. Беларусь на распутье. Записки дипломата и политика. Мінск, 2007.
- 21 Большая Советская Энциклопедия (БСЭ), 3-е издание. М.: «Советская энциклопедия», 1969–1978. Статья «Советский народ».
- 22 Black C.E. The Dynamics of Modernization: a Study in Comparative History. New York, Evanston and London: Harper Torchbooks, 1966. P. 7.
- 23 Ibid. P. 6.
- 24 Gellner. Nations and Nationalism Ithaca: Cornell University Press, 1983. P. 19–38.
- 25 Данные по: Лыч Леонид. Рабочья // ЭГБ. Мінск, 2001. Т. 6, кн 1. С. 32.
- 26 Гісторыя Беларусі. С. 288.
- 27 Там жа. С. 294.
- 28 Статистические данные по: Лыч Леонид. Рабочья // ЭГБ. Мінск, 2001. Т. 6, кн 1. С. 32.
- 29 Бугрова Ирина. Молодое белорусское государство и общество: альянс или мезальянс? / И. Бугрова [ред.], Гельмут Курт // Национальная идентичность Беларуси: Материалы семинара. Минск, 2004. С. 9.
- 30 Gellner. P. 14.
- 31 Если не оговорено иначе, то статистические данные взяты из ЭГБ (т. 3, статья «Город») и атласа Беларуси: этнагеография, демография, дияспара, канфесіі. Мінск, 1996.
- 32 Гісторыя Беларусі. С. 314.
- 33 Кудзелка Дзмітрый, Шахоцька Людміла. Перапісы насельніцтва // ЭГБ. Т. 5. Мінск, 1999. С. 465.
- 34 Гісторыя Беларусі. С. 314.
- 35 Составлено на основании данных: «Перапісы насельніцтва» (ЭГБ. Т.5. Мінск, 1999. С. 465).
- 36 Миллер. С. 7.
- 37 Лойка Леанід. Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка // ЭГБ. Мінск, 1993. С. 403.
- 38 Fenske Hans, Mertens Dieter, Reinhard Wolfgang, Rosen Klaus. Geschichte der politischen Ideen: von der Antike bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2003. S. 473–474.
- 39 БСЭ, статья «Экономические районы СССР».
- 40 Тархов С.А. Новые железные дороги в постсоветском пространстве (<http://geo.1september.ru/articlef.php?ID=200000301>, просмотрено 15.05.2009).
- 41 Впрочем, вслед за одним из руководителей украинских коммунистов 1930-х годов Скрыпником.
- 42 Martin Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, L.: Cornell UP, 2001.
- 43 Об этом, в частности, свидетельствует и Антон Адамович. См.: Недасек. Указ. соч. Ч. 1. С. 25.
- 44 Гісторыя Беларусі. С. 323.
- 45 Миллер. С. 217.

- ⁴⁶ Натчык Пётра. Выбары Вярхоўнай Рады БССР у 1990 годзе // Найноўшая гісторыя беларускага парламэнтарызму. Менск: Аналітычны грудок, 2005. С. 19–20.
- ⁴⁷ Урбан Майкл. Альгебра савецкай улады. Цыркуляцыя эліт у Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспубліцы (1966-1986) // *Архэ*. 3/2008. С. 217–218.
- ⁴⁸ Напрыклад, «Салавей» Змітрака Бядулі, «Дачка эксадрона» Эдуарда Самуйлёнка, драма Кандрата Крапавы «Партызаны», «Надпіс на зрубе» Янкі Брыля і т.д.
- ⁴⁹ Кудзелка Дзмітрый, Шахоцька Людміла. Перапісы насельніцтва // *ЭГБ*. Т. 5. Мінск, 1999. С. 466.
- ⁵⁰ Бугрова Ирина. Молодое белорусское государство и общество: альянс или мезальянс? / И. Бугрова [ред.], Гельмут Курт // *Национальная идентичность Беларуси: Материалы семинара*. Минск, 2004. С. 9–10.
- ⁵¹ Улашчык Мікалай. Выбранае. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. С. 328–329 і др.
- ⁵² W. Rogers Brubaker. Citizenship Struggles in Soviet Successor State // *International Migration Review*. Vol. 2. No. 2, Special Issue: The New Europe and International Migration, (Summer, 1992). P. 274.
- ⁵³ Составлено на основании данных: Перапісы насельніцтва // *ЭГБ*. Т. 5. Мінск, 1999. С. 466.
- ⁵⁴ Грыгор'ева Валянціна, Філатава Алена. ПРАСЛАЎНАЯ ЦАРКВА НА БЕЛАРУСІ // *ЭГБ*. Т. 5., Мінск, 1999. С. 556.
- ⁵⁵ Ганчарук Ігар, Грыгор'ева Валянціна, Філатава Алена, Ярмусік Эдмунд. Рымска-каталіцкая царква на Беларусі // *ЭГБ*. Т. 6. Кн. 1. Мінск, 2001. С. 156–157.
- ⁵⁶ Лазарев М.С. К национальной ситуации на современном Востоке (методологический подход) // *Национальные проблемы современного Востока (сборник статей)*, М.: Наука, 1977. С. 8.
- ⁵⁷ Ленин В.И. Из доклада на 2-м Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока // Ленин В.И. О Великой Октябрьской социалистической революции (издание 2-е). М.: ИПЛ: 1966. С. 230.
- ⁵⁸ История Коммунистической партии Советского Союза (издание второе, дополненное). М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. С. 171.
- ⁵⁹ Ленин. Указ. соч. С. 227.
- ⁶⁰ Недасек, Указ. соч., ч. I. С. 3.
- ⁶¹ Там же. С. 4.
- ⁶² Цанавя Л. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков, ч. 2. Мощный рост партизанского движения. Мн.: Государственное издательство БССР, 1951. С. 728.
- ⁶³ Недасек Н. (Адамовіч Антон). Камунізм і «беларускі нацыяналізм». Гістарычны агляд пачатку дачыненняў. Частка 2 // *Спадчына*. 2000. № 2. С. 16. (Впершыце: Запісы, кн. 1, БІНІМ, Мюнхэн, 1962.)
- ⁶⁴ Недасек. Указ. соч. Ч. I. С. 12.
- ⁶⁵ ФЭС: *Философский энциклопедический словарь*. М.: «Советская энциклопедия», 1983. С. 620.
- ⁶⁶ Материалы XXIV съезда КПСС. 1971. С. 76.
- ⁶⁷ Берия – Речь на похоронах Сталина <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=beriya>
- ⁶⁸ Козлов, В.И. Всемирное укрепление Союза ССР и совершенствование национальной государственности народов СССР в свете исторических решений XXII съезда КПСС // *Советское государство и право*. 1963. № 4. С. 42.
- ⁶⁹ БСЭ, статья «Советский народ».

- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ См., в частности: История национально-государственного строительства в СССР, 1917–1978. Т. 1–2. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1979; Бармичев В.Д. Союзу Республик – шестьдесят. Минск: Наука и техника, 1982.
- ⁷² Дзюба Иван. Вступительное слово к книге «Интернационализм или русификация?» (перевод с украинского). 1965 г. (http://antology.igrunov.ru/authors/dzuba/intern_chi_rusific.html, просмотрено 12.04.2009)
- ⁷³ Deutsch, Karl Wolfgang. Nationenbildung – Nationalstaat – Integration. Düsseldorf 1972, S. 204.
- ⁷⁴ Апофеозом такого подхода стала серия передач известного публициста Сергея Дубовца «Вострая брама» на Радио Свобода в 1997–2002 гг. и книга, изданная им по материалам тех передач (Дубавец Сяргей. Вострая Брама. – Радыё Свабодная Эўропа/Радыё Свабода, 2005. 520 с. Он создает двухполярную схему двух несовместимых концепций «Беларуси», символом одной из них – советской становится Курган славы, посвященный партизанской войне, олицетворением второй – несоветской (надо полагать, «истинной») – Острая Брама в Вильно.
- ⁷⁵ Шозимов Пулат. Переосмысление символического пространства узбекской идентичности // Археология узбекской идентичности. «Этнографическое обозрение», 01.04.2006. (<http://ferghana.ru/dom/detail.php?id=86&mode=none>, просмотрено 18.05.2009)
- ⁷⁶ Один простой факт показывает, насколько этот период истории не осмыслен белорусской наукой в таких категориях. Шеститомная (на самом деле даже семитомная) Энциклапедыя гісторыі Беларусі (Минск: Беларуская энциклапедыя, 1993-2003) вообще не содержит таких статей, как, например, «Урбанизация» и «Модернизация».
- ⁷⁷ Вебер М. Исследования по методологии науки. В 2 ч. Ч. 1. / М. Вебер; пер. М. И. Левиной; АН СССР, Ин-т науч. информ. по общест. наукам. М., 1980.

ОППОЗИЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И АНТИСОВЕТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ШКОЛАХ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР. МЕРЫ ПО ИХ ЛИКВИДАЦИИ (РЕПРЕССИИ)*

Известно, что создание школы, «национальной по форме», в западных областях БССР протекало противоречиво. Учитывая диалектическую неразрывность формы и содержания, многие причины утрирования и во многих случаях профанации надо искать именно в содержании школьного обучения. Не только советская, но иногда и современная историография не избегали ошибки, корни которой – в архивных источниках, где реакция противостояния (активного или пассивного) относится буквально на счет организации *национальной* школы (например, белорусы требовали перевода школы на польский язык преподавания¹), но, при анализе этой реакции, находятся совершенно иные причины, а именно: организация *советской* школы с ее жестким идеологическим уклоном, отменой свободы вероисповедания, контролем за жизнью ученика и учителя вне школы. К тому же очень часто такие антипатии проявлялись в контексте противостояния советской власти в целом. А эксцессы на национальной почве нередко создавались руководством искусственно: например, из-за открытия средних школ с русским языком преподавания для детей «восточников», формирования смешанной школы, в которой практически одна из сторон имела привилегированное положение, «выселение» польской школы русской в гораздо худшее помещение². Показателен также пример из воспоминаний: «Школа в Язне (Глубокский район. – А.Т.) была по названию белорусской, но по духу с каждым днем делалась все больше русской. Учителя были преимущественно при-

* Работа выполнена при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк) и административном содействии Американских Советов по международному образованию (ACTR/ACCELS).

сланные с востока и дело это проводили хорошо. И в наших юношеских душах рождалось какое-то неудовлетворение»³. Хотя, надо признать, часть населения белорусской национальности, имея устойчивый, подкрепленный отсутствием перспектив обучения на родном языке стереотип о ненужности собственного языка, который сформировался за столетия русификации и полонизации, занимала позицию в пользу создания русскоязычных школ⁴. Конечно, такие перемены в национальной политике не могли понравиться и недавно еще титульной нации – полякам, да и для евреев, которые в глазах тех же поляков выглядели фаворизованной национальностью, не все было приемлемо.

Процесс расширения идеологического влияния, налаживание функционирования системы воспитания западнобелорусского населения в духе большевистской аксиологии происходили не так гладко, как хотелось бы советской власти. Довольно крепкие жизненные устои жителей западнобелорусского региона, принадлежавших в основном к трем религиозным конфессиям (православию, католицизму, иудейству), зачастую являлись существенной преградой распространению в этой среде коммунистической идеологии и, более того, вызывали непринятие политики новой власти, что выявлялось в разнообразных формах жизнедеятельности.

Сфера просвещения в Советском Союзе играла одну из важнейших ролей ввиду формирования ею нового, советского человека. И если в межвоенное время практически во всей Европе обучение в учебных заведениях сопровождалось идеологическим воспитанием, не исключая II Речь Посполитую, то в СССР, особенно в 1930-х гг., оно приобретало только то направление, которое предписывалось господствующей доктриной, жестко исключая – в отличие от Запада, в том числе Польши, – любой плюрализм и инакомыслие или даже намеки на них в виде создания различных альтернативных организаций.

Оперативное приспособление большевиками системы образования к своей идеологии в западных областях БССР с целью пропаганды и индоктринации основательно проанализировано польским историком В. Слешиньским на примере Белосточкины⁵. Автор указывает и на проявление нелояльности к советской власти в формировавшейся там системе образования. Таких моментов не избегают и иные, прежде всего польские, историки, исследования которых в основном опираются на советские документы, находящиеся в белорусских архивах. Однако информация вводится в научный оборот, как правило, на фрагментарном и бессистемном уровне (правда, в польской историографии находим дифференциацию антисоветского сопротивления в целом, без рассмотрения его по сферам социальной жизни⁶). Поэтому представляется важным не только обозначить наличие антисоветских настроений у определенной части населения, но и системно дифференцировать реакцию как учеников, так и учителей школьных заведений присоединенных к БССР территорий, ибо она имела довольно пестрый характер, а также тем самым конкретизировать ее масштаб

и географию, так как в историографии (особенно белорусской) до сих пор наблюдается разрешение этой проблемы на уровне домыслов или ее избегание, несмотря на наличие богатой документальной базы. Необходимо заметить, что документальные архивные данные или воспоминания свидетелей событий, касающиеся антисоветских настроений или сопротивления новой власти, у абсолютного большинства исследователей (в том числе наша информация), как правило, взяты из разных источников, не повторяющих одни и те же события и факты. Это указывает на богатство и разнообразие антисоветских проявлений в школьничестве западных областей БССР.

Зарегистрированы многочисленные факты непринятия советских преобразований и даже сопротивления им со стороны подрастающего поколения и педагогов. Их следует разграничить по двум основным направлениям: пассивному и активному, которые логично также разделить – пассивный на: 1) отсутствие действий как против советской власти, так и в поддержку ее преобразований (так называемая внутренняя эмиграция); 2) действия, не преследующие антисоветских целей, которые, однако, шли вразрез с проводимой политикой; активный на: 1) активную гражданскую позицию, выявляющуюся в рамках продекларированных советских законов или на их грани; 2) действия, имеющие сознательно явно антисоветский характер и являющиеся криминальными по советским законам. Каждая форма включает ряд конкретных типичных ситуаций, которые, в частности, анализируются далее.

На основе собранных данных была составлена таблица «Формы и география антисоветских действий и настроений в школах западных областей БССР». Автор не ставил цели провести исключительно статистическое исследование, констатируя все имеющиеся в источниках и историографии факты. Однако важно было отразить глубину и ширину событий, их обоснованный, а не случайный масштаб. И в этом смысле систематизация материала в виде таблицы дает реципиенту наглядное представление. Думается, что репрезентируемых фактов (а большинство из них типичные) достаточно для адекватной конструкции событий.

Уже из имеющегося материала видно, что антисоветские проявления в той или иной форме имели место не просто во всех западных областях БССР, но охватывали как городское население, так и сельское. К сожалению, сохранилось очень мало информации по Вилейской и Пинской областям, в том числе сообщений об антисоветизме их населения. Но дедуктивный метод не дает нам повода говорить о принципиально большей, чем по иным областям, лояльности их населения к советской власти (исключая лишь Белостокскую, являвшуюся здесь безусловным ярко выраженным лидером). Хотя сравнительно с другими Пинская область все же уступала по активности антисоветских настроений вследствие: 1) наименьшей численности населения и его плотности, 2) большей социальной инертности жителей Полесья.

Конечно, в дальнейшем возможно совершенствование и структуры таблицы и пополнение ее новыми данными. К тому же остов данной таблицы может послужить ориентировочным образцом, матрицей для подобного изложения информации об антисоветских действиях и настроениях в иных социальных сферах западных областей БССР, что сделало бы возможным сравнение социально-политического положения каждой из них.

Следует также заметить, что абсолютное большинство материалов, заполнивших таблицу, происходит из советских архивных источников, в том числе – указанные в современной польской и белорусской историографии факты. Таким образом, практически исключается надуманность или преувеличение масштаба событий: в интересах большевиков было минимизировать, особенно в общедоступных материалах, степень антипатий к ним, иначе разрушался бы главный тезис советской власти о том, что население Западной Беларуси встречало Красную Армию как освободительницу от капиталистического угнетения. Однако даже дошедшей до наших времен информации на тему антисоветизма в создаваемой школе достаточно, чтобы нестереотипно сконструировать этот аспект советизации западных областей БССР.

Тем не менее нельзя полностью исключить и моменты гиперболизации опасности со стороны советских силовых органов, которые с самого начала своей деятельности применяли методы «раскрытия» несуществующих «контрреволюционных» организаций путем выбивания данных из подозреваемых. Этот испытанный метод борьбы против антисоветских настроений осуществлялся небесспорно: такие настроения и их разнообразные проявления были действительно широко распространены, другое дело, что их угрозу работникам НКВД было выгодно преувеличивать 1) для того, чтобы применять наиболее надежные и brutальные контрдействия и тем самым ликвидировать саму среду антисоветизма, угрожавшую не только советской власти, которой они служили, но и их собственным жизням, 2) для того, чтобы приукрасить свои заслуги по наведению «социалистического порядка» на присоединенной территории: ведь одно дело работать со стихийными антисоветскими проявлениями, а совсем другое – заниматься ликвидацией целых «контрреволюционных» организаций. Однако, во-первых, возможные случаи сфабрикованности дел о борьбе против советской власти касаются наиболее радикальных проявлений антисоветизма (вплоть до подпольной и вооруженной борьбы), но арестованные участники, в любом случае, не были лояльными к новой власти, во-вторых, многие архивные документы сообщают не только, например, о раскрытии контрреволюционной организации, но и фиксируют факты ее деятельности, конкретных участников и руководителей, что свидетельствует о ненадуманности информации, и, в-третьих, наша дифференциация антисоветизма в случае анализа организованного политического и военного сопротивления ориентируется также и на оценки самих силовых органов, т.е. на их восприятие существующего поло-

жения, и это восприятие указывает на то, что советская власть была встречена достаточно враждебно, чтобы почувствовать себя неуютно на занятых землях и осознать враждебность со стороны местного населения.

И если силовые органы к такой реакции были в целом готовы, то присланные чиновники для советизации гражданских сфер, с одной стороны, не ожидали принципиальных расхождений между информацией, которой они «пичкались» до приезда на аннексируемые территории, и действительностью, которая встретила приезжих высоким уровнем жизни, а с другой – были чужеродным элементом, что усугублялось в свою очередь чувством превосходства «восточников» над «западниками», подкрепленным более весомым положением в обществе.

Наиболее распространенной оказалась пассивная форма противостояния: решиться на сопротивленческие действия было под силу далеко не каждому. Однако даже отсутствие действий не всегда уберегало человека от неприятной встречи с органами советского правопорядка, так как зачастую потенциальная нелояльность к власти ею определялась независимо от реального отношения к ней каждого отдельного нового гражданина СССР. Именно таким образом в разряд социально опасных элементов попали практически все, чье происхождение не вписывалось в идеологические рамки и требования пролетарской культуры. Понятно, что приветствовалось происхождение из среды люмпен-пролетариата и наиболее беднейших крестьян. И наоборот, особую опасность видели в людях зажиточных и образованных. Причем не практиковалось индивидуальных подходов ни в отношении учителей, ни в отношении учеников.

Газетные прокламации того времени и последующая советская историография твердят, что учительство с особым рвением взялось за преобразование просвещения, за работу в новой, советской школе, социалистической школе трудящегося народа. Однако даже советские архивные источники составляют не такую уж радужную мозаику, не говоря о многочисленных воспоминаниях (которые, правда, имеют субъективный характер) и польской историографии, любящей особо подчеркнуть такие моменты. Весьма интересно, даже парадоксально, ситуацию репрезентировали советские документы. Обычно в них рапортовалось, что «основная масса учителей с большим подъемом принялась за работу в советской школе». Однако рядом с такими аморфными заявками в отчетах фигурировали конкретные факты и цифры, сообщения о существенных недостатках в школьной работе, связанных прежде всего с «засоренностью» учительских кадров «чуждыми элементами» (лексика документов), что среди ряда проблем расценивалось как «самый крупный недостаток в школьной работе». Например, согласно отчетам, 600 учителей только в Брестской области являлись «выходцами из буржуазных, помещичьих и поповско-ксендзовских семей»⁷. В ходе регистрации социального происхождения они брались на учет и становились потенциальными претендентами на увольнение или репрессирование в за-

висимости от их собственной деятельности и деятельности их родных в разные периоды истории, начиная с предоктябрьских времен. Причем иногда им в открытую заявлялось: «Раз ты работал при капиталистическом строе, значит, за тобой сейчас нужно следить»⁸.

«Для того, чтобы нам решительно улучшить работу наших школ и органов народного образования, мы должны: особенно внимательно следить за социальным и политическим лицом учительских кадров, очищать их от враждебных людей, а засоренность этих кадров особенно большая»⁹. Приведенная выдержка из архивного документа достаточно показательна свидетельствует об оценке властью положения с педкадрами реорганизованных школ. Социальное происхождение или членство в патриотических организациях II Речи Посполитой стали лакмусовой бумажкой при характеристике педагогических кадров реорганизуемой сети школ. Часто этот критерий предшествовал образовательному уровню учительства¹⁰ и являлся пропуском для получения работы.

Советская власть глазами своих идейных руководителей видела практически во всех старшеклассниках – недавних гимназистах – своих противников и контрреволюционеров. Для такого отношения достаточно было того, что большинство из них имели не рабоче-крестьянское происхождение или состояли в прежних молодежных организациях¹¹.

Вообще же проверка лояльности по отношению к советской власти органами НКВД всех слоев населения, интеллигенции в особенности, социального состава регионов (акцент делался на тех, которые стали приграничными, например, Ломжинский район¹²) началась с первых дней вступления Красной Армии на земли восточных воеводств Польши. Учительство здесь попало под самый строгий надзор, потому что, по мнению новых властей (как следует из докладной записки заместителя народного комиссара просвещения К. Чернова), в школы приграничных с БССР уездов направлялись учителя – агенты польской дифензивы, да и в остальных школах работали прежде всего преданные польскому правительству люди¹³. (Это, к слову, опровергает непосредственный участник событий, учитель польской и затем советской школ Б. Кит, говоря также о правовой защищенности учительства II Речи Посполитой даже при их диссидентских взглядах¹⁴, о чем при Советах не могло быть и речи.)

Сложными и противоречивыми были взаимоотношения между старыми учительскими кадрами и советской властью. Педагогам бывших польских и еврейских школ (только такие школьные заведения остались на «крэсах северовосточных» к 1939 г., да еще три русские и одна немецкая), которые «признавали советскую политику реорганизации системы народного образования в Западной Беларуси, гарантировалась работа по специальности»¹⁵. Однако унификация школьного обучения отнюдь не сплотила разнородную массу учителей. Причем сохранение дистанции проявлялось с обеих сторон – и местных педагогов, и командированных с востока. Интересно, что последние требовали от

местных подстраивания под них, в то же время относясь к ним с недоверием. В качестве характерных приведены примеры в докладной записке «О фактах извращения ленинско-сталинской национальной политики отделами народного образования в Белостокской области»:

- город Кнышин. Отношения между преподавателями еврейских и польских начальных школ натянутые;
- город Белосток. В польской школе № 24 работает директором комсомолец товарищ Щевель, который приехал из восточной части Беларуси. Никому из учителей польской национальности он не доверяет, поэтому отношения с преподавателями напряженные. На занятиях не бывает, так как не знает польского языка;
- Свислочский район. Заместитель заведующего районного отдела народного образования товарищ Степанов сделал замечание в учительской преподавателям, что они разговаривают там по-польски: «Если среди вас присутствует русский, то вы и разговаривайте по-русски, или переводите, о чем говорите» и т.п.¹⁶

Последний из приведенных примеров является убедительным подтверждением того, что полонизацию сменила русификация, а не политика удовлетворения культурных нужд белорусов и национальных меньшинств.

Как не менее сложные можно охарактеризовать взаимоотношения между учениками. Состояние напряженной натянутости создавало почву для эскалации враждебности при малейшей искре, с далеко не мирными формами ее проявления (о чем речь пойдет ниже).

Конечно, в такой атмосфере о вступлении в коммунистическую партию и комсомол местных учителей, несмотря на выгодные перспективы в этой связи, для большинства из них не могло быть и речи. Так, по Белостокской области из 1086 учителей комсомольского возраста к марту 1941 г. в ВЛКСМ вступили лишь 64 (5,9%)¹⁷. Архивы не сообщают, какую часть из неофитов составили местные, однако с учетом того, что с востока присылали в основном молодые учительские кадры (так, только по Брестской области около 1000 учителей были не старше 20 лет¹⁸), становится очевидным: комсомольская армия учителей пополнялась из «восточников». Информации об исключениях в источниках не выявлено.

В ученической среде положение со вступлением в комсомольскую и особенно в пионерскую организации представлялось лучшим, но все равно неудовлетворительным для руководства. Особенно низкими были показатели опять-таки по Белосточчине. На всю область комсомольские организации были только в 20 школах из всего количества 14 средних и 209 неполных средних, что составляет 9,0%. Да и имеющиеся характеризовались малочисленностью. Прием шел очень медленными темпами: из 840 потенциальных комсомольцев Белостока до марта 1941 г. ими стали 10 (1,2%)¹⁹. Старшеклассники конкретно обозначили свое от-

ношение к ВЛКСМ. А тот небольшой приток в ряды советской молодежной организации мог быть обусловлен вступлением в нее детей приезжих и евреев.

Развитие Всесоюзной пионерской организации происходило неоднозначно. С одной стороны, количество ее членов неуклонно росло, а с другой – сопровождалось это частыми проявлениями непринятия пионерского движения, стремившегося перевоспитать детей в коммунистическом духе. Подоплекой стал религиозный фундамент жизни представителей всех трех конфессий. Поэтому навязывание атеистических ценностей шло вразрез с семейным воспитанием. Результатом стало то, что расширение рядов пионерской организации все равно признавалось недостаточным; думается, изначально планировались более высокие темпы. К тому же под воздействием антисоветской атмосферы и религии пионеры добровольно выходили из организации (к сожалению, масштаб такой акции установить не удалось).

Этот же контекст факторов повлиял на возникновение еще одной пассивной формы проявления антисоветских настроений – непосещение школы по религиозным праздникам. Следует отметить, что значительную часть информации об игнорировании школьных занятий составляют сообщения об отсутствии на них евреев по субботам. С одной стороны, здесь сказывалась строгая приверженность иудеев религиозным устоям, с другой – можно говорить и о высокой степени нелояльности их к новым порядкам (в любом случае новые порядки игнорировались в пользу религиозности). Неявок на работу по религиозным праздникам учителей в архивных документах зафиксировано мало, что и понятно: в таком случае им грозило увольнение. Однако это не значит, что они смиренно восприняли порядки советской школы. Например, в местечке Новая Мышь Барановичской области зафиксирован факт нежелания учителей-евреев заниматься по субботам, более того, они проводили соответствующую агитацию, чтобы ученики не посещали школу по праздникам, что и возымело должный эффект²⁰.

Похожая на эту, но имеющая свою специфику форма пассивного сопротивления, что позволило ее выделить, – отказ от работы в школе на уроках по религиозным праздникам или от внешкольной деятельности. Особенно много имеется сообщений об отказе учеников еврейской национальности заниматься письменными работами по субботам. Подобные отказы являлись своеобразной демонстрацией игнорирования тех или иных сторон деятельности советской школы. Причем иной раз эта, казалось бы, пассивная форма приобретала откровенное непринятие требований советской власти. Так, в Ганцевичах, не получив положительного ответа на просьбу об освобождении арестованного ксендза, молодежь перестала участвовать в общественно-массовой работе²¹.

Сразу после 17 сентября 1939 г. произошла отмена старых праздников, а немедленное введение новых с обязательным их празднованием предполагало активное участие широких масс населения²², и школы зачастую являлись базой для их организации. Архивы зафиксировали реакцию на такие перемены.

Молчаливое прохождение колонны учащихся во время демонстраций в честь Октябрьской революции в 1939 г. и 1 Мая в 1941 г., имевшее место в г. Бресте, рассматривалось как форма протеста²³. Были и более смелые проявления антипатии к советской власти, когда старшеклассники Гродно проходили мимо трибуны с местным руководством, отворачивая лицо и не отвечая на приветствия и лозунги, а возле костела демонстративно перекрещивались²⁴.

Такие же настроения проявляли и учителя, для которых неприятной новинкой стали функции активного общественного деятеля и агитатора за советские преобразования. Внешкольная работа, особенно роль проводника новой идеологии, была для многих неприемлемой в силу противоположных социально-политических позиций. Особенно много отказов было от проведения антирелигиозной работы²⁵. Однако на конфронтацию шли не многие из них: надо было сохранить работу в школе и не подвергать свою жизнь опасности репрессий. Правда, как показано далее, даже нейтральное положение не спасало человека от тоталитарной машины, требовавшей, чтобы человек стал ее функциональным винтиком.

Именно страх перед этой машиной с первых дней ее работы на новых землях подтолкнул многих их жителей к элементарному бегству, если угодно, беженству. Кто-то, более сведущий, организовал побег еще осенью 1939 г., когда для таких действий хаотичная обстановка была относительно благоприятной. Кто-то решился на эмиграцию лишь после непосредственного знакомства с большевизмом (нередко делая выбор при этом в пользу нацистской оккупации²⁶). Однако причина была одна – неприятие советской власти, а то и ненависть к ней и коммунистической идеологии в целом. Причем на побег решались не только учителя, но и недавние гимназисты, не пожелав доучиваться в советской школе или других заведениях социалистического по содержанию просвещения.

Больше всего сообщений об организации такой миграции касается первоначального периода утверждения советской власти на недавних «крэсах северовосточных». Те передвижения характеризуются стихийностью. Со временем желающим уйти из-под господства тоталитаризма пришлось налаживать конспиративные связи. А о том, что стремление и учителей, и учеников покинуть контролируемые советской властью территории не уменьшилось, красноречиво свидетельствуют следующие данные.

Изначально к «переселению» подталкивались учебные заведения, созданные на религиозной основе: их особенно много было в еврейской культурной среде. Иешивы (еврейские религиозные школы) многих городов (Новогрудка, Мира, Клецка и др.) покидали насиженные места почти в полном составе, т.е. счет шел на сотни учащихся, оставались практически единицы. Вначале их путь лежал в г. Вильно, который отходил Литве. География дальнейших передвижений была самой широкой²⁷.

Большой поток нелегальных мигрантов давали гимназии, которые, по мнению советских силовиков, являлись очагом антисоветизма. Так, в организации побегов своих подопечных в Румынию и Францию была уличена заведующая интернатом Несвижской гимназии М. Петровская²⁸. Даже в апреле 1940 г. советские документы фиксируют массовые побеги. Более полторы сотни учителей только из Белостокской области смогли каким-то образом уйти за кордон²⁹.

Существовал и легальный путь эмиграции. Можно было записываться на выезд официально. И отпускали. Но, кроме Германии и Литвы, иных стран для легальной эмиграции в источниках не встречается, причем в Литву, судя по документам, отпускали проще всего. Что и понятно. Во-первых, между СССР и Германией был налажен обмен населением (до марта 1940 г.), а во-вторых, участь Литвы как будущей советской республики на то время была предопределена. Парадоксально, но уезжать в Германию записывались даже учителя еврейской национальности; как видно, за полгода узнав, что такое большевистский социализм, они надеялись на улучшение условий своей жизни при социализме нацистском. А на выезд в Литву записи прекратились после ее присоединения к СССР³⁰.

Страх как один из факторов, толкавших покинуть родину, стал веской причиной, обусловившей действия по выживанию на местах. Учителя, понявшие тенденции развития просвещения, разочаровывались в новой власти, некоторые даже оставляли школьную работу, которая противоречила их жизненным позициям и духовным ценностям³¹. К тому же продолжение этой работы создавало опасность быть обвиненным в антисоветской деятельности.

В атмосфере нагнетаемого страха у людей не всегда оставалась устойчивой психика. Доходило до того, что учителя, не скрывая мотивов, бросали школу и из-за фобии быть арестованными постоянно меняли место ночлега, чтобы их не схватили³². В Бельске (Белостокская область) в октябре 1940 г. зарегистрирован случай самоубийства местной учительницы (после перевода ее из белорусской школы в еврейскую)³³. Такого бесправия, порождающего психоз, никогда не наблюдалось в Польше.

Своеобразной лакмусовой бумажкой антисоветских настроений стали вопросы, задаваемые представителям советской власти или приезжим учителям на уроках и собраниях. Некоторые из авторов вопросов (чаще это ученики) задавали их искренне, не осознавая того, что тем самым они указывают на свое отношение к наступившим переменам, многие делали это сознательно, даже провакационно (старшеклассники, учителя). Однако произрастали они из одной почвы – антисоветской настроенности. Какие же вопросы смущали представителей советской власти, за которыми им виделись враги? Приведем лишь некоторые из них:

- Почему советская власть арестовала польских офицеров, хотя они против нее активно не выступали?
- Почему СССР и Германия поделили Польшу?

- Почему необходимо было голосовать за депутатов в Народное собрание под угрозой советского оружия?³⁴

Естественно, задавали не только вопросы. Повсеместно велись и беседы, в ходе которых обсуждались возникшие острые проблемы. Однако, несмотря на их, казалось бы, бытовой характер, источники (даже официального происхождения – через агентурную сеть) фиксировали эти разговоры, подозревая в них во многом антисоветскую модальность.

Наиболее открытыми здесь были ученики. Большинство разговоров так или иначе связаны с политической тематикой, в первую очередь беспокоил вопрос: надолго ли пришла советская власть. С политической подоплекой проявлялась даже реакция в виде юмора и сатиры. Так, низкий образовательный уровень преподавателей учительских курсов стал объектом сатирических стихов учащихся. Едкой критике в них подвергались также преподаваемые предметы³⁵. Но вообще приходилось избегать неосторожных высказываний из-за угрозы быть арестованным.

К тому же не привыкшие к условиям «демократии по-советски», не удовлетворенные политикой реформирования школы учителя сами часто создавали прецеденты для обвинения их в «контрреволюционной» деятельности. Чаще это происходило стихийно и даже несознательно, видно, «по инерции» системы образования Польши и установившейся культуры, многое из которой при советской власти оказалось негативным, иной раз даже независимо от объекта, который нарушал советские нормы. С большим возмущением советские документы того времени извещают о разного рода учителях-диссидентах, вина которых сегодня выглядит нонсенсом: в деревне Остров «учительница Ольховская М.Ю., дочка попа... не участвует в общественной жизни, держит себя в стороне от всего»; «учительница Довкша В.С. деревни Елуцевичи... ходит в костел, поэтому имеет свое влияние на детей»; «учительница деревни Ярнева... Богданович А.М., в прошлом крупная кулачка, имела 40 га земли, 4 коней, 3 коровы. Муж офицер, находится в плену в Германии» (все Зельвенский район); Бадилькис (учитель Гродненской СШ) дал ученикам задачу на проценты, причем по условиям ее в результате получилось, что «цифра голосовавших за кандидатов блока коммунистов и беспартийных не превышает 67% избирателей» (надо понимать, непозволительно мало); учительница в учебный процесс включила предложение: «Августовский костел – это красивое здание» (можно расценить как своего рода религиозную пропаганду)³⁶.

Более того, антисоветски были настроены и некоторые присланные для советизации новых территорий кадры. Так, директор одной из школ Ломжинского района Семашко, как следует из документа под грифом «Совершенно секретно», приехал с расчетом перейти на сторону Германии³⁷.

Иной раз сложно отделить формы пассивного противостояния советской власти от активных действий в этом русле. Для выверенного анализа нередко

необходимо точное знание контекстуальных мотивов и даже психологии, что далеко не всегда находится в источниках. Тем не менее такое разграничение существовало. В свою очередь активные формы проявления антисоветизма можно подразделить на две большие группы. Первую из них в историографии называют моральным сопротивлением. Оно характеризуется прежде всего гражданской активностью, которая не выходила за нормы демократического права. Однако в советских условиях люди, проявившие себя в данном направлении, были осуждены на репрессии. Поэтому необходимо отдать должное их мужеству.

Проведенные вскоре после прихода Красной Армии выборы в Народное собрание стали визитной карточкой большевистской демократии. Мало того, что люди во время проведения выборов чувствовали диктат под угрозой советского оружия, так еще и местами было замечено, что технология мероприятия позволяла определить тех, кто не голосовал за единого кандидата, ибо бланки бюллетеней были пронумерованы и выдавались по списку³⁸. Таким образом новая власть, кроме постановки спектакля по юридическому оформлению присоединения земель, параллельно выявляла антисоветский потенциал их населения.

В погоне за видимостью демократизации присоединенных земель выборы стали частым явлением во всех общественных сферах. Однако, как на выборах в Народное собрание, так и в местные органы, находились люди, настроенные оппозиционно по отношению к новым порядкам. Не оказывались исключением среди них учителя. Так, на учительской конференции Пружанского уезда 17 декабря 1939 г. выделилась группа реакционных (с точки зрения новой власти) учителей. При обсуждении кандидатур в президиум для внесения в список тайного голосования они пробовали провалить кандидатуры левонастроенных учителей. Оказавшись в меньшинстве, подняли крик и шум, что, однако, не помешало провести в список намеченные кандидатуры. Секретарем конференции был бывший доцент Виленского университета (фамилия не названы), который в свое время подписал заявление в адрес польского сейма, чтобы выселить евреев в Палестину, и когда при обсуждении его кандидатуры он был разоблачен, то бросил писать протокол конференции и демонстративно покинул зал, заявив: «Еще посмотрим, что будет дальше»³⁹. Преступлением в контексте того времени выглядел даже факт неголосования за принятие приветственного письма Сталину⁴⁰.

Многим было невдомек, какими врагами советской власти они оказывались и при попытках помочь попавшим в тенета НКВД. Тем более, если эта помощь проходила на достаточно высоком организационном уровне, как в г. Бельске, где учитель В. Мялковский возобновил организацию «Круг молодых поляков оказания помощи» для сбора денег на нужды соотечественников, в частности, высланных и скрывающихся от репрессий. Такая помощь в тех условиях являлась не только материальной, но и моральной поддержкой⁴¹.

Как уже отмечалось, религиозная основа жизнедеятельности западнобелорусского населения сама собой оказывалась враждебной советскому воинствующему атеизму. Однако население продолжало в основном соблюдать традиционный уклад, который охватывал также учеников и учителей. Практически повсеместно отмечается посещение культовых заведений и школьниками, и педагогами. Что касается последних, это явление было совершенно неприемлемым для советской власти, ибо учитель должен быть не просто примером, но и носителем коммунистической идеологии.

Но если факт религиозности еще балансировал в глазах советской власти на грани лояльности/нелояльности к ней, выглядя атавизмом старой жизни, который подлежит искоренению со временем, то празднование красных дат польской государственности являлось явным выражением враждебности к Советам и подлежало немедленной элиминации. Наибольшую активность в соблюдении праздников II Речи Посполитой проявили старшекласники. О масштабах проводимых ими акций можно судить по примерам, зафиксированным в советских документах. Так, 11 ноября, в День независимости II Речи Посполитой, на армейском кладбище Белостока собралось около 100 учеников в возрасте от 13 лет; независимо друг от друга в разных городах и местечках ученики организованно не посещали школы в такие дни; отмечается широкая география возложения венков к памятникам погибшим воинам польской армии и т.п.⁴²

Анализ источников позволяет говорить даже о некотором усилении религиозных настроений и демонстративном увеличении посетителей в первую очередь костелов, особенно в дни не религиозных, а именно польских государственных праздников. В источниках приводятся и признания рискованной для контекста демонстративности⁴³. Такое поведение населения можно расценивать как одну из форм проявления неприятия советской власти. Этот прием был весьма рационален: в отличие от иных форм общественной деятельности оппозиционно настроенного населения, приемлемых для демократического контекста, но влекущих репрессивные меры при большевистском режиме, посещение культовых заведений само по себе не являлось уголовно наказуемым актом, однако давало возможность продемонстрировать активную гражданскую позицию относительно происходящих событий.

А вот в случае, когда на религиозной почве осуществлялось просвещение или элементы религиозной культуры проникали в учебные заведения, то сподвижники и исполнители подобных действий выглядели явными врагами советской власти, которая фактически и начала преобразования в гражданской сфере с устранения религиозной культуры, вместо нее прививая коммунистическую идеологию. Но никакие запреты не смогли ликвидировать моментально влияние религии на просвещение. Искоренение ее преподавания произошло не сразу после официального запрещения. Даже в школах поначалу имела место учебная деятельность ксендзов. Впоследствии она переместилась в культовые

заведения, но и там ее преподавание, а тем более антисоветская агитация или деятельность подвергались элиминации⁴⁴.

Выделим наиболее типичные случаи соприкосновения и взаимопроникновения школьного обучения и религии после юридического разграничения их советской властью:

- проведение молитв во время уроков или после них (как правило, приуроченных к польским праздникам);
- служба детей в костелах;
- деятельность ксендзов в школах;
- продолжение изучения религии в школе (часто вместо советских уроков);
- организация тайного религиозного обучения.

Причем во многих случаях сложно четко обозначить, кто был инициатором – ученики, учителя или священнослужители, – настолько сплоченно участвовали все они в акциях. Показательным является случай, когда директор СШ № 5 г. Белостока Медведко 3 мая 1940 г. (День Конституции Речи Посполитой) застал учеников 7-го и 8-го классов, читающих молитву, после чего акция проходила уже под руководством самого педагога. Тогда же после уроков молился и 9-й класс, что, как сказали сами ученики, они проводят достаточно часто⁴⁵. Как видно, содержание этой деятельности выходило за религиозные рамки, выступая вкуче с патриотическим воспитанием. Не обходилась вниманием и актуальная политическая проблематика: как сформулировал советский источник, «в костелах г. Белостока проводится обработка учащихся в контрреволюционном духе»⁴⁶.

Следует лишь подчеркнуть, что наибольшей активностью в такой деятельности характеризуется католическая среда, немало информации имеется о еврейской религиозно-просветительской деятельности, – в отличие от совершенно пассивного в этом плане православия (причиной здесь видится то, что: ортодоксальная церковь ущемлялась на этих землях и при польских властях, т.е. *ее status quo* изменился незначительно; православие традиционно в большей степени стремилось подстраиваться под конъюнктуру, нежели иные конфессии в Беларуси).

Камнем преткновения в системе образования стала также языковая проблема. Особенно остро на нее реагировали поляки, которые в одночасье из титульной нации были причислены к национальному меньшинству в один ряд с евреями, литовцами, украинцами, которые в отличие от поляков и накануне раздела Польши находились в дискриминационном положении. Причем антипатии были направлены в адрес сразу двух языков – русского и белорусского. Первый навязывался *de facto*, являясь для поляков в то же время языком оккупантов. Второй стал *de jure* языком титульной нации в БССР, хотя перед этим занимал статус второсортного средства коммуникации и являлся признаком низовой культуры на «северо-восточных кресах». Справедливости ради стоит отметить, что относительно русского языка информация в таком контексте встречается

чаще, что является еще лишним доводом об антисоветскости настроений, ибо именно с новой властью тогда синонимизировался «великий и могучий». Национальная политика большевиков в сфере просвещения на присоединенных землях лишь содействовала эскалации межнационального напряжения, вызывая ответную реакцию, в том числе и в первую очередь антисоветского содержания и не только со стороны поляков, но и национальностей, судьба которых, как и сегодня еще считается многими, изменилась однозначно в кардинально лучшую сторону, – евреев, литовцев, украинцев, белорусов. Такая политика удивляла даже последних. Некоторые пытались разобраться. Школьный инспектор А. Шукелайц, обратившись в районный комитет компартии с вопросом о причине закрытия национальных и белорусских школ, вскоре получил адекватный для того контекста ответ – его арестовали⁴⁷.

Кстати, стоит отличать отторжение, в частности, белорусского языка местным населением и детьми приезжих, которые были вынуждены его учить⁴⁸. При этом сравнении высвечивается именно антисоветскость настроений первых. А негативное отношение детей-«восточников» к белорусскому языку связано с общим контекстом их неуважения к местному населению и его культуре, а также их неудовлетворительной дисциплиной в целом⁴⁹.

Мирные требования переводов школ на тот или иной язык (чаще польский), которые, как правило, не давали положительного решения, перерастали в деятельность, которую сложно отделить от саботажа. Документы свидетельствуют, что языковая проблема стала одной из основных для протестных действий, вплоть до бойкота русского и белорусского языков (в виде вычеркивания их из расписания, непосещения этих предметов, показного непонимания языков) и даже школьных забастовок. Основная масса информации касается Белостокской области. Такое впечатление, что в 1939/1940 учебном году школьная система Белосточчины функционировала с перманентными перебоями такого рода. В самом образованном городе западных областей БССР, Белостоке, школу не посещало 230 детей школьного возраста (по всему району – 382), в Заблудовском районе – 459⁵⁰, т. е. счет по области шел на тысячи. Однако неприятные для советской власти значительные масштабы таких противодействий становлению советского просвещения имели место и в других регионах. В Вилейской области весной 1940 г. третья часть учеников бойкотировала непольские школы⁵¹. Стереотипный авторитет польского языка как элитного был непоколебим даже для многих белорусов и евреев, отдававших своих детей в польские школы. Показательным является случай, когда директор белорусской школы, сам преподающий белорусский язык, послал своих детей учиться по-польски⁵².

Еще одной подоплекой подобных действий стали религиозные убеждения, из-за которых родители не посылали детей в советские школы. Например, на Белосточчине в одну из школ обратилось 80 матерей с просьбой вернуть религию в программу обучения, и после отказа их дети продолжительное время не ходили

на занятия⁵³. Нередко массовое игнорирование советской школы происходило на праздники – религиозные или польские государственные. Интересен также случай протеста учеников против задержания в НКВД на два дня их товарищей, за что последовали исключения из школы⁵⁴. В Августове, Лиде, Ломже и некоторых других городах и местечках западных областей БССР состоялись организованные школьные забастовки⁵⁵. Несмотря на довольно жесткие меры властей, о которых говорится ниже, рецидивы такой реакции на советизацию школ продолжались.

Большевистская национальная политика, декларировавшая братство народов, на практике привела к разжиганию национальной розни, ростки которой, конечно, существовали и до 1939 г., но активно антагонизм проявился с приходом большевиков, что не замедлило сказаться на атмосфере заведений системы образования. Проще говоря, поляки ненавидели русских, белорусов и евреев, считая их коммунистами и виновными во всех своих бедах, у белорусов отчуждение к полякам, которые для них то же, что и паны, пополнилось антипатией к лицам еврейской национальности также во многом в силу их политической конъюнктуры, интересно, что даже советская власть последних ограничивала, несмотря на их сравнительно большой конформизм. Эти общие тенденции проявились и в учебных заведениях.

Бытовой и межличностный уровень характеризовался чаще всего издевками, ссорами и драками между учениками из-за национальной неприязни, которая в основном возникала на почве антисемитизма. Такие настроения учителей выражались в их взаимном дистанцировании или соответствующих высказываниях.

В ученической среде национальное противостояние приобретало формы локальных «войн». Причем советские источники констатируют их антисоветский характер. Как комментирует архивный документ, враждебные проявления учащихся в польских школах происходят главным образом в форме организации травли, бойкота и компрометации активистов, комсомольцев и пионеров, которых избивали, снимали для смеха штаны и галстуки⁵⁶. Следует отметить, что националистические настроения власть отмечала не только в польских, но и в еврейских, литовских и других школах⁵⁷.

Как уже отмечалось выше, очень часто антисоветизм проявлялся комплексно, в нескольких формах, синкретично слитных и взаимообусловленных. Что касается просвещения, то антисоветские настроения породили стремление организовать альтернативу советскому (хотя бы школьному) обучению. В отличие от нацистского режима, господствовавшего на западной части II Речи Посполитой, на присоединенных к СССР землях стал действовать общесоюзный закон о всеобуче, который для этой территории тогда имел не только и не столько просветительский, сколько контролирующий характер: с его помощью велся учет не посещающих школы, устанавливались причины. Первичной целью всео-

буча на присоединенных землях становилось идеологическое воспитание подрастающего поколения. Попыткой ответной реакции антисоветски настроенной части населения стало тайное обучение.

Содержание тайного обучения характеризуется как религиозной частью, так и светскими предметами. Вначале по инерции элементы религиозного обучения сохранялись в школе, однако вскоре они были вытеснены и не выходили за рамки религиозных заведений, прежде всего костелов. Более широко было развернуто обучение предметам, которым не нашлось места в советской школьной программе: истории и географии Польши, польского языка и литературы. Тайное обучение реализовывалось в двух основных видах:

- 1) на уроках в советской школе – вместо предметов новой программы;
- 2) в организованных подпольно тайных комплектах.

Каждый из них грозил опасностью как для учителя, так и для учеников. Сложность обучения в школах заключалась еще и в том, что обучаемые должны были владеть и материалом советской программы, а организация тайных комплектов в условиях тоталитарного режима выглядела почти невозможной.

Первые комплекты тайного обучения стали действовать еще осенью 1939 г.: 1 октября положила начало такой деятельности Л. Старкевич в Белостоке⁵⁸. Судя по дошедшей информации, Белосточчина была покрыта сравнительно плотной сетью таких подпольных школьных ячеек, в других регионах возникших также не бессистемно, как минимум – на уровне тенденции. Только в Полесском округе⁵⁹ тайным обучением занимались 230 учителей, а в Кобринском – около 100 на 72 комплекта (по 7–10 человек в каждом). Сеть комплектов по тайному обучению, как полагают польские исследователи, почти совпадала с сетью средних школ. Небольшие населенные пункты, тем более сельские, не проявляли активности в данном направлении, о чем свидетельствует и отсутствие такой информации. Сознательная часть подрастающего поколения польской национальности или этнотожественности прибегала также к самообразованию. Благо, организаторы тайного обучения занимались спасением учебников и литературы, с точки зрения советской власти реакционной и подлежавшей уничтожению, и создавали стационарные и передвижные мини-библиотеки⁶⁰.

Историографией Польши введено в научный оборот много материала о тайном обучении в польской национально сознательной среде. Однако упускается из виду целый пласт подобной же деятельности в контексте еврейской субкультуры. Иудейское население имело при многих синагогах или в частных квартирах также нелегальные религиозные школы. В них были задействованы дети евреев, не выехавшие в свое время вместе со школами в эмиграцию (см. выше). Обучение, характеризующееся религиозным содержанием, осуществлялось, как правило, под руководством раввинов и было организовано во многих западнобелорусских местечках с большой долей еврейского населения. Примечательно, что некоторые из них наладили связь с заграничными единомыш-

ленниками и даже получали от них материальную помощь, за счет которой и организовывали обучение, а в барановичской иешиве смогли организовать для питания учеников столовую⁶¹. Более того, местами религиозное обучение своих детей евреи организовывали с дошкольного возраста⁶². Е. Розенблат утверждает, что сеть нелегальных религиозных заведений евреи организовали по всем западным областям БССР. Однако с февраля 1941 г. угрожающе усилилось внимание к таким заведениям со стороны органов НКВД⁶³ и их судьба была фактически предreshена.

В целом тайное обучение в западных областях БССР на первом этапе Второй мировой войны стало не такой яркой страницей истории сравнительно с подпольным просвещением под германской оккупацией (в силу значительно больших трудностей, созданных большевистским режимом⁶⁴), но четко заявило о себе как форма антисоветской деятельности.

Атрибутика советской власти у многих вызывала реакцию сродни аллергической. И если учителя вследствие более высокого уровня культуры и волевой сдержанности проявляли относительное хладнокровие, то ученики выявляли свои настроения активно, портя или уничтожая портреты большевистских вождей, советскую символику, революционные лозунги (иногда сопровождая антисоветский вандализм рисунками польского орла или патриотическими надписями). Как правило, такие действия оставались нераскрытыми силовыми органами. Большая вероятность безнаказанности содействовала исключительной массовости подобных акций, что отражено и в официальных документах, и в воспоминаниях, и признается даже белорусской историографией⁶⁵. Причем иной раз инциденты такого рода происходили с молчаливого согласия или даже под прикрытием учителей: «7-го октября дети еврейской школы, придя в школу к 9 часам утра, обнаружили, что портреты вождей на одной стенгазете изорваны, на другой – замазаны мелом, в расписании вычеркнут русский язык. Об этом директор еврейской школы тов[арищ] Хазан никому не сообщила, райком партии, райком комсомола и даже пионервожатая об этом не знали»⁶⁶.

Некоторые акции можно сравнить с небольшими террористическими актами. Именно подобным образом была уничтожена под покровом ночи ненавистная арка, возведенная для приветствия Красной Армии в Барановичах⁶⁷.

Если такие действия имели деструктивный сопротивленческий характер, основанный сугубо на эмоциях, то распространение антисоветской информации и катализация оппозиционных настроений в виде газет, листовок или граффити в большей степени имели целью влиять на общественное мнение. Содержательный спектр таких своего рода СМИ был широк – от чисто прокламационных «Да здравствует 11 Ноября!» до информации о социально-политических событиях. Причем не всегда выдерживалась объективность, широко использовался прием гиперболизации или элементарной выдумки, дезинформации. Однако здесь важен был результат – с одной стороны, не дать угаснуть вере в идеалы

Польши, а с другой – не позволить прижиться новым, большевистским ценностям, а также постараться создать чувство дискомфорта «восточникам» – носителям тех ценностей. И результат был. Ему же было подчинено распространение различных, с позиции сегодняшнего дня, порой нелепых слухов. Так, в школьной среде Соколовского уезда определенное время поговаривали о партизанской борьбе в Карпатах, которая приведет к отступлению Красной Армии, призывая быть готовым к восстанию. Причем содержание инсинуаций менялось с развитием международного социально-политического контекста. Уже ближе к лету 1941 г. население Белосточчины, как следует из бывшего секретного рапорта о настроениях масс, стало жить в ожидании нападения Германии на Советский Союз⁶⁸.

Также широкий размах приобрели открытые антисоветские протесты на вербальном уровне, которые имели место и среди учеников, и среди учителей, особенно на первых порах существования в западных областях БССР советской власти. В них наблюдается большая степень эмоциональности, свидетельствующей о надежде на изменения в самое ближайшее время, и – во многих случаях – минимум объективной информации. Однако даже она на фоне советской пропаганды, видимо, казалась более правдоподобной, ибо, по рассказу учителя на строчку из письма белорусского народа Сталину, в которых говорилось о нищенской жизни при Польше и о счастливой при советской власти, ученики отреагировали смехом: «так как они знают, что раньше при польском правительстве они жили радостно и хорошо, а сейчас при Советах – в нищете и голоде, так как сейчас ничего нет, и поэтому я не могу рассказывать ребятам о Советах такого, совести не хватает»⁶⁹.

После введения платы за учебу не только в западных областях, но и во всей республике, отмечается всплеск антисоветских разговоров, однако это не переросло в массовость⁷⁰. Причем многие демонстративно выступали против советской власти, выражаясь ее языком, «старались поддержать беспорядок и открыто проводили контрреволюционную националистическую работу»⁷¹. А контрмеры НКВД в виде репрессий (о них ниже) порождали еще и призывы не смиряться, а солидаризироваться в антисоветском противостоянии⁷².

Стихийность антисоветской деятельности в западных областях БССР имела свойство приобретать организованные формы и структуры по принципу диалектического перехода количества в качество. Так возникли подпольные структуры с различными видами деятельности – от «контрреволюционной» пропаганды (агитация и информирование населения) до вооруженного сопротивления.

В вооруженную борьбу против большевиков мирное население вступило с самых первых встреч с ними, и только потом, с установлением советской власти, этот потенциал трансформировался в организованное подпольное и партизанское сопротивление. Непосредственное участие в неравном противостоянии

приняли педагоги и учащаяся молодежь, причем необязательно польской национальности.

Многие гимназисты еще в сентябре 1939 г. участвовали в боях против Красной Армии. Из них организовывались целые отряды. Так, с первого дня наступления Красной Армии против нее в одних рядах со старшими товарищами выступило 25 гимназистов из Ошмянской гимназии. На помощь приходили даже тринадцатилетние подростки. Не имея сил держать в руках оружие, они подносили патроны, бутылки с горючей смесью, исполняли функции связных. Многие учителя, будучи офицерами запаса, также сражались против обоих оккупантов⁷³. В дальнейшем архивы не фиксируют участия в вооруженном сопротивлении работающих в советских школах учителей, а со стороны учеников такие попытки, больше напоминающие террористические акты, встречаются лишь sporadически⁷⁴.

Однако патриотическая антисоветская деятельность подрастающего поколения искала способ реализации в методах подпольной борьбы. В ее структуры вливались и те, кто принимал участие в сентябрьских боях. Например, из семи человек «контрреволюционной группы» Слонимской гимназии, арестованных зимой 1940 г., четыре являлись «добровольцами бывшей польской армии»⁷⁵. Опираясь на данные источников, можно говорить о существовании подполья по всем западным областям БССР, с концентрацией на Белосточчине.

Советские документы сообщают о подпольных организациях молодежи с первых месяцев установления советской власти на присоединенных к СССР землях: «В 1939 г. в ноябре из членов бывшей организации “харцерство” профессорами бывшей гимназии (местечка Граево. – А.Т.) Тобольчик Теодором и Ячинским Станиславом была организована контрреволюционная молодежная повстанческая организация: руководителями этой контрреволюционной повстанческой организации являлись учащиеся бывшей гимназии: Скродская Станислава и Мисевич Хенрик» (название – «Польская националистическая молодежная организация по спасению родины»). В рамках организации, как отмечает источник далее, было проведено 5 нелегальных собраний, где обсуждались вопросы борьбы с советской властью. Всего в нее было завербовано 24 человека из гимназистов. Деятельность заключалась в антисоветской агитации среди учащихся бывшей гимназии, чтобы те не изучали русский язык, не пели советских песен, срывали и замазывали портреты вождей. В период торжеств в честь Октябрьской революции организовали протест против прихода частей РККА на территорию Западной Беларуси⁷⁶. В Свенцянах также еще в 1939 г. старшеклассники гимназии под руководством профессора французского языка В. Урбанова создали группу для «ведения контрреволюционной пропаганды среди учеников»⁷⁷.

Иногда антисоветские выступления в сфере просвещения приобретали еще более серьезный характер. Но особенно здесь выделялся Ломжинский регион,

состоящий из западных, т. е. приграничных, районов Белостокской области, по определению когда-то секретного документа, «в политическом отношении ... исключительно реакционных»: педагогический состав в школах был настроен откровенно враждебно к советской власти и повсеместно был замешан в подпольной антисоветской деятельности⁷⁸. Так, по свидетельству советского источника, среди задач глубоко законспирированной контрреволюционной организации польской молодежи (главным образом из гимназии Августова) под руководством одного из профессоров этого заведения была и вооруженная борьба⁷⁹.

И если возникновение в Граево подпольной организации осенью 1939 г. под названием «Польская националистическая молодежная организация по спасению родины» можно было объяснить 1) горячим и пламенным характером молодых людей, без раздумий среагировавших на одиозные перемены и 2) курированием организации при ее создании преподавателями местной гимназии, то возникновение подобной же подпольной группы⁸⁰ после разгрома предыдущей указывает на целенаправленную, неискоренимую и безудержную антисоветскую настроенность многих представителей подрастающей генерации. Причем, как правило, участниками такой деятельности являлись гимназисты, т.е. наиболее образованная часть молодежи.

По сообщению Е. Семашко, также «в Гродно параллельно действовали... конспиративные ячейки, в том числе польская военная организация, основу которой составляли ученики местных гимназий. Вскоре она установила контакты с учащейся молодежью, на всей территории Западной Беларуси стали регулярно курсировать связные, начались совместные скоординированные акции по антисоветской пропаганде»⁸¹. В материалах историографии имеются сведения о еще более широкой локализации организованной сети подпольных структур. Так, в Бресте одной из ячеек молодежной организации общепольского масштаба «Союз польского харцерства» являлись «Серые шеренги». Центр самой организации находился в Варшаве. Территория западных областей БССР входила в состав восточного «обшара» с центром во Львове и была разделена с конца 1939 г. на Полесскую хоругвь «Уль Блотто», Белостокскую хоругвь «Уль Бялы» (позже «Уль Жубр»), Новогрудскую хоругвь «Уль Ляс» и Виленскую «Уль Брама». Ее деятельность, в том числе путем создания филиалов, распространилась на многие местечки западных областей БССР. Была предпринята попытка организовать выпуск газеты для молодежи «За нашу и вашу волю»⁸². В польской историографии сообщается даже об инструкторах, возглавляющих молодежные подпольные ячейки харцеров⁸³.

Организационные масштабы подполья и количество молодежи в его рядах можно представить еще и по следующим статистическим данным. Из всего количества членов (3231) выявленных на 27 июля 1940 г. «контрреволюционных» организаций в западных областях БССР школьной молодежи насчитывалось

439 человек (или 13,6%), т.е. возраст почти каждого седьмого подпольщика составлял 16 лет. Как уже указывалось, Белостокская область по этому показателю была лидером – там действовало 1190 человек (36,8%), в том числе 140 школьного возраста (31,9% от общего количества молодежи)⁸⁴. Остальная часть, что тоже немало, припадает на оставшиеся четыре области.

Подпольная и тем более вооруженная борьба, результаты которой имели публичный резонанс, являлась основным катализатором различных форм и пассивных настроений, и активного противостояния советской власти. Именно борьба не на жизнь, а на смерть против во много раз сильнеешего противника оптимизировала надежды населения, не принявшего советской власти или разочаровавшегося в ней.

Многочисленность документов о «контрреволюционной», антисоветской настроенности и часто даже активной деятельности учащихся учебных заведений свидетельствует о том, что школа, особенно в Белостокской области, являлась одним из очагов непримиримости с новой властью и подпольной борьбы против нее (кстати, именно так характеризуется в письме начальника НКВД Барановичской области полковника Мисюрева секретарю Барановичского областного комитета КП(б)Б Туру Несвижская гимназия до ее реорганизации⁸⁵). Юношеский максимализм, не терпящий конформизма, зачастую выступал в качестве той лакмусовой бумажки общественных настроений, которую хотели, но так и не смогли в полной мере ликвидировать силовые органы большевистской власти, что проявлялось на протяжении всего рассматриваемого периода. В прошлом секретный рапорт секретарю Белостокского обкома КП(б)Б Кудряеву от 10 мая 1941 г. говорит о «господствовании» (термин документа) антисоветских настроений среди учащихся и учителей в школах типичного городка Белосточкины – Августова⁸⁶.

Действия советской власти против враждебных проявлений имели характер «кнута и пряника». Несомненно, большевики хотели бы, чтобы их политика вызвала лояльность у населения присоединенных территорий. Однако в то же время они видели, что оснований для симпатий к ним у местных мало, не всегда понимая почему, искренне веря в сталинско-социалистическую программу развития. Поэтому применялись различные приемы задабривания. Причем их парадокс заключался в том, что под них попадали люди независимо от желания пользоваться так называемым пряником. Так, например, в сфере образования, как и в других отраслях жизнедеятельности, распространилась установка проводить социалистические соревнования. Нельзя сказать, что основаны они были лишь на голом энтузиазме. Во-первых, была определенная материальная заинтересованность (премии, подарки, экскурсии, путевки на отдых). Во-вторых, победителей ждал почет со стороны власти (грамоты, медали, ордена) и слава среди населения (их портреты тиражировались в газетах различного уровня, вывешивались на досках почета). В-третьих, – продвижение по службе, хорошая карьера.

Активисты пионерского и комсомольского движения также имели преференции при распределении путевок в лагеря или при поступлении в учебные заведения.

Метод «пряника» помогал далеко не всегда. Поэтому широко применялся «кнул» – та или иная форма репрессий и жесткого контроля со стороны органов власти. Более того, даже практическая лояльность человека к Советам не обязательно являлась условием его неприкосновенности и отсутствия наблюдения за ним. Размах репрессий установить труднее, чем масштабы антисоветских настроений и деятельности. Большевики оставили в общедоступных архивах лишь часть материалов, которую можно сравнить с вершиной айсберга. Однако уже по имеющимся примерам представляется картина репрессивных мер советской власти относительно явных или потенциальных противников, диссидентов.

В начале установления своего господствования советской власти было необходимо выявить вражеский потенциал на присоединяемых землях. Частично, как показано выше, он имел публичный характер: многие не скрывали своего негативного отношения к советизации. Но еще большая часть населения носила антисоветские настроения в себе. Отнюдь не в порядке исключения находились и люди, готовые вести активную борьбу против большевиков, воспринимавшихся агрессорами наравне с нацистами. Для работы по ликвидации этого вражеского потенциала была снаряжена целая армада служащих НКВД. Причем сбор информации проводился как непосредственно ими, так и через оперативно созданную сеть секретных сотрудников (сексотов). «На разработку антисоветского элемента среди учительства и учащихся старших классов» вербовались «секретные осведомители». В г. Лида, например, таких было 10 плюс три агента. Причем из документов понятно, что «осведомителями» являлись сами школьники, которые доносили на своих товарищей⁸⁷. В контексте политики в сфере просвещения как одного из важнейших рычагов советизации относительно неблагонадежных для власти советское руководство пользовалось обозначением «особа, не гарантирующая коммунистического воспитания»⁸⁸.

Фактически физическая ликвидация антисоветски настроенных учителей и учащихся началась с 17 сентября 1939 г. – тех, кто выступил против прихода Красной Армии с оружием в руках. Об ожесточенности некоторых боев свидетельствует следующий пример. Красноармейцы-«освободители» не щадили не только взрослых противников, но и детей: как вспоминала свидетельница событий Г. Липиньска, «на одном из танков вижу распятого мальчику – тринадцатилетнего Т. Ясиньского, который пробовал бутылкой поджечь танк»⁸⁹. В дальнейшем уничтожение противника, уже захваченного в плен, продолжалось. Только в трех лагерях военнопленных было замордовано 832 офицера резерва – учителей и преподавателей (судя по всему, цифра касается выходцев со всех «крэсов восточных»; на долю присоединенной к БССР части предположительно приходится не более 400 человек). Белосточчина потеряла таким образом 64 педагога⁹⁰.

Наиболее оперативно репрессивная машина развернулась на землях Виленщины, которые передавались Литве. По сообщению народного комиссара НКВД Беларуси, которое сохранялось под грифом «Совершенно секретно», кроме уже упомянутых в нем польских и сионистских организаций, «по городу Вильно на 5 октября этого года установлены 253 общественные организации с полными анкетными данными (название, время создания, фамилии руководителей, местонахождение и характеристика деятельности их)», в том числе «Союз польских учителей»⁹¹. Беспощадно отнеслись и к белорусской интеллигенции, арестовав самых активных, перед этим с целью выявления неблагодежных организовали собрание, на которое, доверившись, многие пришли⁹².

На остальной присоединенной территории такого «цейтнота» не было, что позволило процесс перетряски и фильтрации педагогических (и не только) кадров проводить не так быстро, но и не настолько медленно, чтобы интенсивность и экстенсивность процесса нельзя было заметить. Потом в советских работах старались ограничиваться расплывчатыми фразами о том, что старые кадры имели реакционную часть, которая усложняла «проведение в жизнь мероприятий партии и правительства в деле культурного строительства и внедрения советской педагогики в системе народного просвещения» в западных областях Беларуси в конце 1939 г.⁹³

Далее настал черед арестов на остальной территории. Основная их масса пришлось на первый учебный год. В первую очередь арестовывали тех, кто считался наиболее опасным для советской власти – социально активных, заметных, влиятельных. Сначала, как правило, они ставились на учет и брались в «агентурную обработку» – первый этап на пути к аресту. Волна арестов захлестнула белорусскую интеллигенцию: сотни учителей так и не успели развернуть педагогическую деятельность в реорганизованной школе⁹⁴, в которой многие из них надеялись работать на родном языке. Еще больше потерь понесло учительство польской национальности, результатом чего стало отсутствие компетентных кадров для польскоязычных школ. Не обходили силовые органы своим вниманием и иные национальные школы. Так, в июне 1941 г. и без того испытывающие острые проблемы с компетентными педкадрами украинские школы понесли потери в виде 30 арестованных учителей⁹⁵. Забирали работники НКВД не только ночью, но и еще по одной схеме: вызывали в районы и там арестовывали. Некоторых такая участь постигала прямо на уроках⁹⁶. К этому стоит прибавить учителей, осужденных за нарушение трудовой дисциплины по указу от 26 июня 1940 г., согласно которому к такой мере прибегали даже за опоздания⁹⁷.

В советское время учебники по истории культивировали образ пионера, арестованного польской полицией за коммунистическую деятельность. Однако нигде тогда не говорилось о сотнях арестованных школьников после прихода на западнобелорусские земли советской власти. Массовость антисоветских выступлений молодежи и подростков старались задушить многочисленными

арестами и судами. В одной только гимназии Августова было арестовано 40 учащихся, среди которых были 12–13-летние подростки⁹⁸. А чтобы усилить резонанс, нередко устраивали «показательные» вынесения приговоров. Приговоры и учителям, и учащимся были различной степени тяжести, большинство – от 5 до 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Однако даже такие меры не пугали молодежь: в Ломже на таком процессе возникла стихийная манифестация под окнами суда. Несовершеннолетним иной раз выносились и смертные приговоры. В той же Ломже уже на втором «показательном» суде таких приговоров было три. Однако впоследствии они были заменены 10-летними сроками, что раскрывает устрашающую цель этих карательных мероприятий. Но, судя по продолжению арестов, активность «протестантов» не спадала. Установить даже приблизительную цифру арестованных лиц школьного возраста невозможно, однако совокупность данных говорит о том, что счет шел как минимум на сотни осужденных несовершеннолетних по всем западнобелорусским областям. Кроме этого, многие подвергались задержанию на несколько суток. За провинности детей арестовывали и их родителей⁹⁹. Иногда чекисты спрашивали у детей, советуют ли им родители молиться, и при положительном ответе забирали одного из родителей в заключение¹⁰⁰. С организованным подпольем, в которое входили и молодежные ячейки (см. выше о выявленных членах таких организаций), шла вооруженная борьба, итогом которой стали человеческие жертвы¹⁰¹.

С первых дней «освобождения» было видно, что одними арестами нельзя навести «большевистский порядок». Сами силовые органы признавали, что могли лишь частично ликвидировать подпольные структуры, например организацию школьников в Пружанах¹⁰². Тогда был применен и метод депортации населения. НКВД готовил «списки на высылку национально-сознательных и всех классово-ненадежных элементов занятой территории»¹⁰³, куда, безусловно, попадали подозрительные или тем более настроенные против Советов учителя, высылка которых осуществлялась в общем репрессивном контексте по западным областям Беларуси, но особенно много учительства было вывезено во время одной из волн депортаций в апреле 1940 г. По некоторым подсчетам, только из бывшего Белостокского воеводства было депортировано около 300 учителей, большинство из которых (263 человека) затем ушли из жизни. К этим данным необходимо прибавить количество репрессированных учителей – офицеров резерва¹⁰⁴. Результаты депортационной акции могли иметь непосредственную зависимость от постановления Совета народных комиссаров о рассмотрении школьных педагогов «под углом их атеистического отношения к религии» (22 апреля 1940 г.); по мнению А. Бобовика, таким образом определялась квалификация учителей для работы в следующем учебном году¹⁰⁵.

Выселение классово чуждых и ликвидация вражеских элементов напугала учителей, заставила их надеть «маску лояльности», хотя, по мнению власти, они оставались верными предыдущим убеждениям¹⁰⁶. Тоталитарные меры, пред-

принятые советской властью для контроля над учителями, по их жесткости не шли ни в какое сравнение с дискриминацией учительства досентябрьского периода, что не могло не вызвать различного рода реакций со стороны педагогов.

Несовершеннолетние вывозились вглубь СССР, как правило, вместе с семьями. Белорусская историография, после исследований А. Хацкевича, оперирует данными как минимум о 120 тыс. депортированных из западных областей БССР. Польские историки в своих расчетах приводят цифры в три-четыре раза большие. Причем говорится, что численность детей не старше 16 лет, депортированных из западных областей Беларуси и Украины, доходила до 140 тыс.¹⁰⁷ (если придерживаться пропорций, то на белорусскую долю připадает около 50 тыс. детей). В любом случае масштабы депортаций, направленных на элиминацию антисоветского элемента, были значительны, и поставленные задачи были частично выполнены. Как отмечает польская историография, репрессии в виде арестов и депортаций сопровождались высокой смертностью, особенно среди детей.

Большевистские репрессии в системе образования имели не только открытый, но и скрытый латентный характер. Если первые из них являлись политическими репрессиями, то вторые проводились в административном порядке.

Наиболее распространенной формой наказания было увольнение преподавателей или исключение учащихся. Сам факт, что педагог работал в «буржуазной» школе, мог стать причиной отстранения от работы в советской школе. А если ситуация усложнялась нерабоче-крестьянским происхождением, не говоря уже о малейших проявлениях антисоветизма, учителя однозначно увольняли. Особенно массовые увольнения-чистки происходили в 1939/40 учебном году. По Барановичской области недопущенных к работе в реорганизованной школе оказалось около 200, по Брестской – до 250. Как свидетельствует последний случай, зачастую увольняли без оглядки на осуществление учебного процесса. Так, вместо 250 уволенных «учителей, из коих подавляющее большинство были выходцы из чиновников, духовенства, купцов, помещиков и кулаков», были «назначены на работу бывшие безработные учителя, бывшие политзаключенные и революционно настроенные»¹⁰⁸.

Такие радикальные меры вскоре дали основание органам советской власти рапортовать партии, что «за время после реорганизации школ города (Гродно. – А. Т.) и перехода их на советские программы преподавания, партийные и советские организации города оказали помощь школам в наведении большевистского порядка, парторганизация сплотила учительский коллектив, значительно очистила его от враждебных элементов»¹⁰⁹. Таким образом, уже до 1940/41 учебного года, как правило, силовыми методами власти в основном «разобрались» с проблемой тех педагогических кадров, которые остались им в наследство от II Речи Посполитой: часть их была репрессирована (количество элиминированной польской интеллигенции в западных областях БССР, по некоторым оценкам, составляет 80%¹¹⁰), а большинство остальных запугано.

Такое положение позволило в следующем учебном году проводить более мягкую и рассудительную политику по отношению к учителям, которых по-прежнему не хватало. «Перестраивая школу, – признавалось в письме ЦК КП(б)Б “О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии”, – партийные организации много сделали для того, чтобы очистить учительский состав школ, в частности польских, от националистических, контрреволюционных элементов. Однако при этом в некоторых районах стали проявлять огульное недоверие и увольнять большинство поляков-учителей из школ, хотя к этому не было оснований. Очищая школы от враждебных элементов, партийные организации обязаны были отличать врагов от честных и преданных людей и не допускать огульного подхода и необоснованного увольнения с преподавательской работы людей, ничем себя не скомпрометировавших и искренне стремящихся работать на благо нашей родины. Особо нетерпимыми являются действия некоторых работников, сводящиеся к ограничению прав польского населения на пользование польским языком»¹¹¹. Поэтому при массовом увольнении педагогов польских школ в начале 1940/41 учебного года в некоторых районах Белостокской области райкомы КП(б)Б критиковались за нежелание заниматься «кропотливой работой по индивидуальному изучению, воспитанию и выращиванию» педкадров из местного населения; приказано было их вернуть на работу, и в дальнейшем при увольнениях и перемещениях учителей сохранять индивидуальный подход¹¹². «Отсев» в учительских коллективах был нередким явлением, причем причины его архивы часто не раскрывают, поэтому о судьбе уволенных можно только догадываться по социально-политическому контексту того времени (в Несвижском районе до 25 января 1940 г. был «отсеян» «по разным причинам» 21 человек¹¹³). Возвращение не приобрело тех масштабов, что увольнения: по Белостокской области обратно трудоустроили лишь 17 человек¹¹⁴. Но там же «в процессе исправления ошибок» 318 местных учителей были выдвинуты на руководящую работу: заведующими районо – 4 человека, инспекторами районо – 30, заведующими райпедкабинетами – 7, директорами школ – 277¹¹⁵. Такие действия, с одной стороны, свидетельствуют о повышении доверия местным педагогам, а с другой – о надежном контроле ситуации с педкадрами, их социально-политического настроения, что позволило пойти на некоторые уступки с целью ликвидации кризисного положения с преподаванием в школах. К причинам такого «потепления», как предполагают польские исследователи, стоит отнести и капитуляцию Франции – союзника Польши¹¹⁶ как исчезновения еще одного канала материальной и моральной подпитки польского патриотического подполья.

Постепенное прекращение проявлений антисоветских настроений не означало отсутствия фильтрации их по благонадежности. С мест продолжали поступать докладные записки с такой информацией¹¹⁷. Так, секретарь Малоритского РК КП(б)Б, несмотря на то что этот район не был обеспечен педкадрами даже на-

половину, в июне 1940 г. сообщал, что из 54 работающих в школах учителей 24 (!) необходимо освободить из-за несоответствия своему назначению («классово-чуждые» или без педагогического образования)¹¹⁸. А среди педкадров Ломжинского региона антисоветскую деятельность, не говоря уже о настроенности, к началу 1940/41 учебного года так и не смогли искоренить, «несмотря на значительную чистку учительского состава»¹¹⁹.

От подобного отношения в массовых масштабах к ученикам во многом спасали задачи всеобуча. Тем не менее и они подвергались исключениям из школы. Но не за хулиганскую дисциплину, чем характеризовались дети «восточников», а за антисоветские настроения и деятельность¹²⁰. Интересен случай протеста учеников против задержания в НКВД на два дня их товарищей, за что последовали исключения из школы¹²¹.

Ряд репрессивных действий касается осуществления национальной политики в сфере просвещения (некоторые из них уже затрагивались, поэтому стоит о них напомнить лишь лапидарно). В основном их суть заключалась в дискриминации, ущемлении национальных меньшинств. С самого начала сеть школ стала формироваться таким образом, что учеба на родном языке не сулила перспектив при ее продолжении: в средних школах, не говоря уже о средних специальных и высших учебных заведениях, преобладало русскоязычное обучение. Сама сеть национальных школ создавалась в основном без пожеланий населения. Более того, даже в открытых национальных школах, в том числе с вывеской белорусскоязычных, далеко не всегда учебный процесс осуществлялся на соответствующем языке, часто учителя, не владея, видимо, в достаточной степени никаким языком, преподавали на «трасянке» – смешанном, как гласят документы, языке. Отдельно следует отметить перевод еврейских школ (которых, кстати, заметно уменьшилось при советской власти) с иврита на идиш¹²². Во многих школах учащиеся-«восточники» в ультимативной форме предлагали местным учителям переходить в их присутствии на русский язык. К тому же в результате неадекватной кадровой политики происходила сознательная рокировка учителей без учета их владения языками. К этому списку следует добавить выселение национальных школ в худшие помещения и уничтожение польскоязычной литературы, в том числе учебников.

Кроме перечисленных, думается, следует отнести к репрессиям и еще целый ряд мер советской власти по брутальной советизации просвещения. Основанием для этого может служить факт их насильного применения, причем даже по советской конституции власть выходила за рамки закона, ею же установленного. К ним относятся:

- жесткое навязывание большевистской идеологии и антирелигиозные кампании;
- ограничения разного рода: передвижений, выбора профессии (набирали часто силой, например искали учителей в иных сферах производства, почти на-

сильно, по разнарядке мобилизовали в учебные заведения трудовых резервов и на социалистические стройки); запреты на любые альтернативные советским виды деятельности;

- принуждение в процессе работы: социалистическое соревнование, вступление в пионерскую и комсомольскую организацию, партию (без чего перед человеком всякие перспективы дальнейшего роста были закрыты);
- принуждение участвовать в советских акциях вне работы: праздниках, демонстрациях, походах, спортивных и военных мероприятиях;
- реорганизация старой системы и расформирование учебных заведений, считающихся «очагами контрреволюции»;
- дискриминация местных учеников и учителей при одновременном возвышении приезжих, экономическая дискриминация нерусскоязычных школ;
- постановка на учет в качестве сомнительного элемента и особый контроль за жизнедеятельностью.

Какие причины влекли тот или иной вид репрессивных мер, достоверно установить невозможно, для этого необходимо исследовать документы НКВД. Очевидно одно: важны были не средства, а цель – оперативная советизация. Поэтому и все применяемые меры больше были ориентированы не на вину, возлагаемую на человека, не на тяжесть его преступления, направленного против советской власти, а на достижение необходимых результатов. И все перечисленные меры не могли не принести плодов. И хотя они были получены, как и планировалось авторами, достаточно быстро, рецидивы антисоветизма перманентно повторялись, что вызывало крайнее неудовольствие советской власти.

Примечательно, что несмотря на перманентную чистку, среди учительства органы НКВД по-прежнему видели много врагов советской власти. В Едвабновском районе на конец 1940 г. после того, как 13 человек были арестованы, 7 высланы, 18 отстранены от работы, тем не менее своей деятельностью, которая заключалась (в интерпретации секретного тогда документа) во всяческих попытках противодействия коммунистическому воспитанию детей, 26 учителей обратили на себя внимание силовых органов и были поставлены на оперативный учет. С учетом того, что, как правило, подвергались репрессиям местные кадры, работавшие до сентября 1939 г., коих было 69 человек, большая половина из них (38) уже была удалена из школы¹²³. С постановкой на учет цифра возростала до 64. Таким образом, проявлялась тенденция к тотальной элиминации педагогических кадров, оставшихся работать со времен буржуазной школы.

К весне 1941 г. антисоветская деятельность учащихся была в основном ликвидирована. Даже в самых экстремистских польских школах «по данным на март 1941 г. была достигнута почти нормальная посещаемость во время религиозных праздников», в чем сыграло роль постановление ЦК КП(б)Б «О состоянии антирелигиозной пропаганды в западных областях БССР» от 10 февраля 1941 г.¹²⁴

Развернувшаяся антирелигиозная кампания хотя и не смогла привить основной массе учеников атеистическое мировоззрение, дала результат в виде формального соблюдения минимальных требований: например, посещения школы во время религиозных праздников, прекращения антисоветских выступлений.

Таким образом, как показывают факты, значительное, а не минимальное количество новых граждан СССР имплицитно или открыто заняло строго антисоветскую позицию. В этом видятся следующие основные причины:

1) определенная часть населения (прежде всего почти все жители польской национальности, а также наиболее зажиточные и преуспевающие) изначально были настроены против советской власти вследствие национальных и социально-политических взглядов);

2) система образования Польши являлась в сильной степени идеологизированной, что давало свои плоды в виде патриотически настроенных школьников и педагогов;

3) советская власть, образ которой под воздействием интенсивной коммунистической пропаганды в межвоенный период выглядел весьма привлекательным для «западников», уже в самое ближайшее время не оправдала чаяний народа, откровенно разочаровала своими преобразованиями (прежде всего в социально-политической и экономической сферах), поэтому неудивительно, что ее противники нашлись не только среди поляков, но и среди нацменьшинств, а также жителей белорусской национальности. Их число несомненно росло бы на данной территории, но, с одной стороны, репрессии и депортации редуцировали его, а с другой – эти же и другие brutальные методы руководства советской власти являлись устрашающим фактором для распространения диссидентского начала.

Большинство антисоветских действий и настроений, особенно среди школьников, имело, конечно, стихийный характер вследствие их юношеской импульсивности и отсутствия мало-мальски благоприятных условий для организации эффективной борьбы, так как силовые органы, зная об отношении к советской власти значительной части школьников, обращали на них особое внимание. Тем не менее и такой контроль часто не оказывался сдерживающим фактором. Эмоционально настроенные учителя также участвовали в массе стихийных протестов. Противостояние идеологическому засилью приобретало формы антагонизма и конфронтации. Учащиеся действовали как подпольно, так и открыто. Причина кроется в психологии. Взрослые больше осторожничали, не поддавались стихийности накипевших чувств, с какими не могли справиться молодые люди.

Судя по часто встречающимся обвинениям учителей и учащихся в контрреволюционных настроениях и действиях, даже представителям новой власти было ясно, что возмущение в ходе реорганизации направлено не против нацио-

нальной формы, а против советского содержания. Хотя в целом большинству проявлений антисоветизма была присуща польская национальная идея, польский патриотизм, но встречались и украинские, литовские патриоты, еврейские национальные деятели. Некоторая часть антисоветских проявлений (как правило, среди белорусов) не характеризуется вообще какой-либо национальной идеей, являясь сугубо противостоянием новой власти (нередко эта часть попала под влияние наиболее пассионарного польского сопротивления).

Советская власть с целью не просто укрепления своих позиций на приобретенных землях, а установления тотального диктата на них использовала целый комплекс мер, в том числе и в сфере просвещения, – от открытых репрессий до разной степени дискриминации и ограничений антисоветских элементов, даже в их потенции. Сам охват школой всех детей соответствующего возраста, а также другими учебными заведениями, что осуществлялось в рамках программы всеобщего образования, кроме чисто декларативной цели повышения образовательного уровня, имел и утилитарные государственные задачи, такие как, например, удовлетворение потребностей в квалифицированной рабочей силе. А на присоединенных землях всеобщая занятость подрастающего поколения позволяли осуществлять контроль за ним, не допуская антисоветской деятельности.

Репрессивная политика, как и советизация западных областей БССР в целом, характеризуется оперативностью, предопределявшей достижение целей, к которым шли в восточной части республики с конца 1920-х гг. Однако, несмотря на тотальные масштабы проделанной НКВД работы, репрессии, в том числе в сфере просвещения, продолжались и после Второй мировой войны, что фактически указывает не только на то, что окончательная цель – очистка от антисоветского элемента – так и не была достигнута, но и на антинародную направленность тех репрессивных действий.

Примечания

¹ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 410, л. 314–315.

² НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 1.

³ Умпіровіч А., Фурс А. Сповідзь няспраўджаных надзеяў // Спадчына. 1997. № 1. С. 136.

⁴ Вабішчэвіч А. 3 нацыянальна-культурнага жыцця заходніх абласцей БССР у 1939–1941 гг.: моўны аспект // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 204.

⁵ Śleszyński W. Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie w latach 1939–1941. Propaganda i indoktrynacja. Białystok: Agencja Wydawnicza Benkowski, Białostockie Towarzystwo Naukowe, 2001. S. 447–524.

⁶ Jasiewicz K., Strzembosz T., Wierzbicki M. Ogólna charakterystyka okupacji sowieckiej na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941 // Okupacja sowiecka (1939–1941) w świetle tajnych dokumentów. Obywatele Polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941. Warszawa: Zakład Poligraficzny Instytutu Technologii Eksplotacji. 1996. S. 28–35.

- ⁷ ГАБО, ф. 1 «П», оп. 1 «Б», д. 3, л. 133–134.
- ⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 224, л. 33.
- ⁹ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 152, л. 13.
- ¹⁰ См., например, документы по школам Гродно: ГАГО, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 11, 57.
- ¹¹ См.: Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemne niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939 – 1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 78.
- ¹² НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774. л. 63; см. там же, л. 1–9 (Пинский уезд), 21–26 (Гродненский уезд), 27–34 (Слонимский уезд) и др.
- ¹³ НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 158, л. 24.
- ¹⁴ Цярновы шлях. Аповяды Барыса Кіта, запісаныя Васілём Быкавым улетку 2001 году ў Франкфурце-на-Майне // Польшыя. 2002. № 3–4. С. 49–50.
- ¹⁵ Андреева Е., Лыч Л. Возрождение национальной школы // Коммунист Белоруссии. 1989. № 9. С. 25–27.
- ¹⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 1, 7–10.
- ¹⁷ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 8.
- ¹⁸ ГАБО, ф. 1, оп. 1 «Б», д. 30, л. 51.
- ¹⁹ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 8.
- ²⁰ По: Еленская Е. Антирелигиозная агитация и пропаганда в западных областях Беларуси. 1939–1941 // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 183.
- ²¹ По: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В. В. Барабаш, Н. А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004. С. 136.
- ²² См. подробнее: Śleszyński W. Rocznicie i święta państwowe obchodzone na Białostoczczyźnie w latach okupacji sowieckiej 1939 – 1941 // Biuletyn Historii Pogranicza. 2001. № 2. S. 89–97.
- ²³ По: Петровская О. В. Реалии советской жизни: культура и быт Бреста в 1939–1941 годах // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 236; Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004. С. 134.
- ²⁴ Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemne niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 78.
- ²⁵ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 113.
- ²⁶ Bobowik A. Szkolnictwo ogólnokształcące na Białostoczczyźnie w systemie oświaty radzieckiej w latach 1939 – 1941 w świetle ostatnich badań archiwalnych // Przegląd Historyczno-Oświatowy. 2000. № 3–4. S. 118.
- ²⁷ По: Розенблат Е. Иудаизм и советская власть в западных областях Беларуси (1939–1941 гг.) // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 186–187.
- ²⁸ По: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004. С. 135.
- ²⁹ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 14–17.
- ³⁰ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 14–17.

- ³¹ См., например: Плагоўская А. “Схавалася душа паэта” – слова аб Міколе Дварэцкім // Браслаўскія чытанні. Матэрыялы V навукова-краязнаўчай канферэнцыі. Браслаў, 2001. С. 124–126; “W czterdziestym nas Matko na Sybir zesłali...” Polska a Rosja 1939–1942. Londyn: “AN EKS”. 1983. S. 458-459; ГАБО, ф. 7580 „П”, оп. 1, д. 430, л. 4.
- ³² НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 9.
- ³³ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 3.
- ³⁴ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 10; Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemie niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 79-80; Śleszyński W. Okupacja sowiecka na Białostoczczyźnie w latach 1939–1941. Propaganda i indoktrynacja. Białystok: Agencja Wydawnicza Benkowski, Białostockie Towarzystwo Naukowe, 2001. S. 520.
- ³⁵ Подробнее см.: Śleszyński W. Władze szkolne i kadra pedagogiczna w sowieckim modelu oświaty na obszarze przedwojennego województwa białostockiego w latach 1939–1941 // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 2001. № 16. С. 135–137.
- ³⁶ ГАБО, ф. 7580 „П”, оп. 1, д. 419, л. 40; ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 113; Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemie niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 401.
- ³⁷ По: Gnatowski M. W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1997. S. 272.
- ³⁸ Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004. С. 137–138.
- ³⁹ Близко к тексту по: НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774, л. 64.
- ⁴⁰ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 430, л. 6.
- ⁴¹ Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004. С. 133.
- ⁴² См., например: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В. В. Барабаш, Н. А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004. С. 133-136; Strzembosz T. Konspiracja na ziemi augustowskiej pod okupacją radziecką (1939–1941) // Przegląd Historyczny. 1992. Z. 3. S. 702.
- ⁴³ По: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004. С. 133.
- ⁴⁴ Gnatowski M. Antyreligijna działalność władz radzieckich w regionie białostockim w latach 1939–1941 w świetle dokumentów // Studia Podlaskie. 1997. T. VII. S. 160-161; Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemie niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 83, 99.
- ⁴⁵ Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemie niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 150–151.
- ⁴⁶ Gnatowski M. Antyreligijna działalność władz radzieckich w regionie białostockim w latach 1939 – 1941 w świetle dokumentów // Studia Podlaskie. 1997. T. VII. S. 160.
- ⁴⁷ Смілавіцкі Л. Невядомыя старонкі беларускай школы // Польшыя. 1994. № 12. С. 197.
- ⁴⁸ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 114.

- ⁴⁹ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 10; Jasiewicz K. Aparat sowiecki na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej jako model patologiczny funkcjonowania klasy politycznej (1939–1953) // Tygiel narodów. Stosunki społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939–1953. Warszaw, 2002. S. 72–73.
- ⁵⁰ Jackiewicz S. Oświata narodowa na Białorusi Zachodniej w latach 1939–1941 // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. Warczawa, 1995. S. 180.
- ⁵¹ Okupacja sowiecka (1939–1941) w świetle tajnych dokumentów. Obywtele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941. Warszawa: Institut Studiów Politycznych PAN, 1996. S. 219.
- ⁵² ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 5–6.
- ⁵³ Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemie niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 99.
- ⁵⁴ Ścisłe tajny raport o okupacji Białostoczczyzny. [b. m. w.]: Agencja Wydawnicza “JJ” spółka z o. o., [b. r. w.]. S. 25.
- ⁵⁵ По: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно: ГТАУ, 2004. С. 134; ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 152, л. 12; Вабішчэвіч А. 3 нацыянальна-культурнага жыцця заходніх абласцей БССР у 1939–1941 гг.: моўны аспект // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 201; Batura W., Makowski A., Szlaszyński J. Dzieje Augustowa od założenia do 1945 roku. Suwałki: Wydawnictwo Zbigniew J. Filipkowski, 1997. S. 310; Strzembosz T. Konspiracja na ziemi augustowskiej pod okupacją radziecką (1939–1941) // Przegląd Historyczny. 1992. Z. 3. S. 672.
- ⁵⁶ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 9.
- ⁵⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 240, л. 52.
- ⁵⁸ Wincenciak W. Łomżyńskie tradycje oświatowe a szkolnictwo w czas radzieckiej i niemieckiej okupacji. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 2001. S. 108–109.
- ⁵⁹ Деление польских подпольных структур, по размерам состоящее из нескольких районов, но меньше области.
- ⁶⁰ Matusak P. Edukacja i kultura Polski Podziemnej 1939–1945. Siedlce, 1997. S. 219–221; Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно: ГТАУ, 2004. С. 135.
- ⁶¹ По: Розенблат Е. Иудаизм и советская власть в западных областях Беларуси (1939–1941 гг.) // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 187.
- ⁶² ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 10.
- ⁶³ См. подробнее: Розенблат Е. Иудаизм и советская власть в западных областях Беларуси (1939 – 1941 гг.) // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 186–191.
- ⁶⁴ Такое признание находится и в современной польской историографии: Matusak P. Edukacja i kultura Polski Podziemnej 1939–1945. Siedlce, 1997. S. 221.
- ⁶⁵ Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С. А. Ситкевич, С. А. Сильванович, В. В. Барабаш, Н. А. Рыбак. Гродно, 2004. С. 138.
- ⁶⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 2.

- ⁶⁷ См. подробнее: Śleszyński W. Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie w latach 1939–1941. Propaganda i indoktrynacja. Białystok: Agencja Wydawnicza Benkowski, Białostockie Towarzystwo Naukowe, 2001. S. 520–521.
- ⁶⁸ Gnatowski M. Niepokorna Białostocczyzna. Opór społeczny i polskie podziemie niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 90, 399–400.
- ⁶⁹ По: Трацяк Я. Рэлігійная і нацыянальная палітыка КП(б)Б у Заходняй Беларусі ў 1939–1941 гг. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 2000. № 13. С. 179.
- ⁷⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1886, л. 14–17.
- ⁷¹ ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 1, л. 211.
- ⁷² Okupacja sowiecka (1939–1941) w świetle tajnych dokumentów. Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1996. S. 219.
- ⁷³ По: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С. А. Сильванович, В. В. Барабаш, Н. А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004. С. 110, 114–115; Wincenciak W. Oświata i szkolnictwo północno-wschodniego Mazowsza w latach wojny i okupacji (1939–1945). Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1996. S. 49.
- ⁷⁴ Gnatowski, M. Niepokorna Białostocczyzna. Opór społeczny i polskie podziemie niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 79.
- ⁷⁵ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Варшава; Москва, 2001. С. 260.
- ⁷⁶ Gnatowski, M. W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1997. S. 247–248.
- ⁷⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1683, л. 18–19.
- ⁷⁸ Gnatowski M. W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1997. S. 220–283.
- ⁷⁹ Gnatowski M. Niepokorna Białostocczyzna. Opór społeczny i polskie podziemie niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 109.
- ⁸⁰ Strzembosz T. Konspiracja na ziemi augustowskiej pod okupacją radziecką (1939–1941) // Przegląd Historyczny. 1992. Z. 3. S. 702.
- ⁸¹ Сямашка Я.І. Армія Краёва на Беларусі. Мн.: Беларускае выдавецкае таварыства “Хата”, 1994. С. 16.
- ⁸² По: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С. А. Ситкевич, С. А. Сильванович, В. В. Барабаш, Н. А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004. С. 152–153, 172–173.
- ⁸³ Wnuk R. Polska konspiracja antysowiecka na Kresach Wschodnich II RP w latach 1939–1941 i 1944–1952 // Tygiel narodów. Stosunki społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939–1953. Warszaw, 2002. S. 162, 209.
- ⁸⁴ Gnatowski M. Niepokorna Białostocczyzna. Opór społeczny i polskie podziemie niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 207.

- ⁸⁵ Okupacja sowiecka (1939–1941) w świetle tajnych dokumentów. Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1996. S. 217.
- ⁸⁶ Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemne niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 399–401.
- ⁸⁷ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 26, л. 310-311; д. 248, л. 36-40; Archiwum Wschodnie przy Ośrodku «KARTA» w Warszawie, Bakiński S., sygnatura II/607. K. 35; Śleszyński W. Okupacja sowiecka na Białostoczczyźnie w latach 1939–1941. Propaganda i indoktrynacja. Białystok: Agencja Wydawnicza Benkowski, Białostockie Towarzystwo Naukowe, 2001. S. 521.
- ⁸⁸ По: Gnatowski M. W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1997. S. 159.
- ⁸⁹ По: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно, 2004. С. 115.
- ⁹⁰ Kryńska E. Martyrologia nauczycieli Białostoczczyzny w latach II wojny światowej. S. 109.
- ⁹¹ НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1683, л. 11.
- ⁹² Малецкі Я. Пад знакам Пагоні // Спадчына. 1994. № 2. С. 123-125; Iwanow M. Sprawa przynależności Wilna i problemy narodowościowe na Białorusi // Społeczeństwo białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. S. 90–91.
- ⁹³ См.: Царук І. 3 гісторыі развіцця савецкай школы ў заходніх абласцях Беларусі // Савецкая школа. 1958. № 6. С. 37; Царук І.О. Рост культуры заходніх абласцей БССР за гады Савецкай улады: Да 20-годдзя ўз'яднання Беларусі. Мн., 1959. С. 12.
- ⁹⁴ По: Татаренко А. Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах: 1921–1954. СПб: «Архив АТ», 2006. С. 148
- ⁹⁵ Гаврилюк Ю. Берестейщина – регион у лабетях геополітики // Пам'ятки України: історія та культура. 2002. № 3–4. С. 81.
- ⁹⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 224, л. 33; Strzembosz T. Konspiracja na ziemi augustowskiej pod okupacją radziecką (1939 – 1941) // Przegląd Historyczny. 1992. Z. 3. S. 672.
- ⁹⁷ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 400, л. 35.
- ⁹⁸ Batura W., Makowski A., Szlaszyński J. Dzieje Augustowa od założenia do 1945 roku. Suwałki: Wydawnictwo Zbigniew J. Filipkowski, 1997. S. 291.
- ⁹⁹ Wincenciak W. Oświata i szkolnictwo północno-wschodniego Mazowsza w latach wojny i okupacji (1939 – 1945). Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1996. S. 63; ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 9; Strzembosz T. Opór moralny bierny i opór moralny czynny jako forma walki z okupantem na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941 // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. Warczawa, 1995. S. 279–284.
- ¹⁰⁰ Sword K. Polityka wyznaniowa władz sowieckich na terenie Białorusi Zachodniej w latach 1939–1941 // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. Warszawa, 1995. S.155.
- ¹⁰¹ См., например: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004. С. 157.
- ¹⁰² Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Варшава; Москва, 2001. С. 584.

- ¹⁰³ Паланевіч Г. Нацыянальная тэорыя і практыка бальшавізму ў Беларусі // Беларускі зборнік. Мюнхен, 1960. Кн. 12. С. 74.
- ¹⁰⁴ Волаціч М. Насельніцтва Заходняй Беларусі і яго перасяленне між сучаснай Польшчай і БССР // Беларускі зборнік. Мюнхен, 1956. Кн. 4. С. 15; Siemaszko Z. W sowieckim osaczeniu. 1939–1941. Londyn: Polska Fundacja Kulturalna. 1991. S. 87; Kryńska E. Martyrologia nauczycieli Białostoczczyzny w latach II wojny światowej // Edukacja. 2000. № 4. S.109.
- ¹⁰⁵ Bobowik A. Szkolnictwo ogólnokształcące na Białostoczczyźnie w cyściemie oświaty radzieckiej w latach 1939–1941 w świetle ostatnich badań archiwalnych // Przegląd Historyczno-Oświatowy. 2000. № 3–4. S. 117.
- ¹⁰⁶ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 14–17.
- ¹⁰⁷ Bugaj T. Dzieci polskie w ZSRR i ich repatriacja (1939–1952). Jelenia Góra. 1986. S. 10–14; Theiss W. Zniwolone dzieciństwo. Socjalizacja w skrajnych warunkach społeczno-politycznych. Warszawa: Wydawnictwo «ZAK», 1999. S. 34.
- ¹⁰⁸ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 430, л. 9, ф. 278, оп. 1, д. 5, л. 1.
- ¹⁰⁹ ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 70, л. 22-25.
- ¹¹⁰ Jasiewicz K. Liczba deportowanych // Karta. 2001. № 32. S. 145.
- ¹¹¹ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1081, л. 42.
- ¹¹² ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 4, л. 45.
- ¹¹³ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 430, л. 4.
- ¹¹⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 17.
- ¹¹⁵ ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 67, л. 38.
- ¹¹⁶ Gnatowski M. W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939 – 1941. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1997. S. 107; Śleszyński W. Okupacja sowiecka na Białostoczczyźnie w latach 1939–1941. Propaganda i indoktrynacja. Białystok: Agencja Wydawnicza Benkowski, Białostockie Towarzystwo Naukowe, 2001. S. 260.
- ¹¹⁷ Особенно скрупулезный контроль существовал учителей школ приграничных районов, «неблагонадежные» брались на подробный учет (см., например: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 399, л. 238–269.).
- ¹¹⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 255, л. 177.
- ¹¹⁹ Gnatowski M. W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1997. S. 257–258.
- ¹²⁰ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д.399, л. 28; “W czterdziestym nas Matko na Sybir zesłali...” Polska a Rosja 1939–42. Londyn: “AN EKS” 1983. S. 82.
- ¹²¹ Ściśle tajny raport o okupacji Białostoczczyzny. [b. m. w.]: Agencja Wydawnicza “JJ” spółka z o. o., [b. r. w.]. S. 25.
- ¹²² Bonusiak W. Polityka ludnościowa i ekonomiczna ZSRR na okupowanych ziemiach polskich w latach 1939–1941 (“Zachodnia Ukraina” i “Zachodnia Białoruś”). Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2006. S. 302.
- ¹²³ Gnatowski M. W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1997. S. 257–258.
- ¹²⁴ Еленская Е. Антирелигиозная агитация и пропаганда в западных областях Беларуси. 1939–1941 // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 174.

Анатолий Трофимчик

СОВЕТСКАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛЫ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР В 1939–1941 гг.

ИССЛЕДОВАНИЯ

В XX в. просвещение стало одним из основных институтов распространения государственной политики, и в Советском Союзе его возможности использовались как никогда до этого широко. Инкорпорация земель с их немедленной советской ассимиляцией превратила систему образования в один из основных ключей государственной политики, согласно которой новым гражданам Страны Советов предопределялось «в короткий срок пройти расстояние, пройденное трудящимися СССР»¹.

В сфере культуры и просвещения Западной Белоруссии с приходом советской власти начались кардинальные преобразования. Здесь также стояла задача скорейшей унификации с восточной частью республики, где «ширилась и расцветала культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию»², что, как указывали белорусские эмигранты, противоречило принципам основоположного для большевиков марксизма с его единством формы и содержания³. По точному замечанию Г. Паланевича, это был всего лишь шаг на пути к слиянию всех культур в одну общую и по содержанию, и по форме, чего не скрывал сам И. Сталин⁴.

Особое внимание было уделено просвещению как одному из основных каналов идеологической обработки масс и главному (семья оттеснялась на второе место) социальному институту воспитания подрастающего поколения. В постановлении Бюро ЦК КП(б)Б (1939 г.) отмечалось, «что существующая система народного образования совершенно не отвечает интересам трудящихся масс населения Западной Белоруссии», и предлагалось «наркомпросу БССР (тов[арищу] Ураловой) в двухмесячный срок перестроить

всю систему народного образования в Западной Белоруссии в соответствии с существующей советской системой народного образования»⁵. Как говорилось в Программе Российской коммунистической партии (большевиков), «в области народного просвещения РКП ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества»⁶. Этот тезис становился актуальным на аннексируемых и советизируемых землях.

Школа во II Речи Посполитой являлась важным государственным институтом. Ее роль во многом определялась укреплением националистических приоритетов в политике европейских стран, жертвами которой оказывались национальные меньшинства.

С приходом советской власти школьная система подверглась переструктуризации по образцу, существовавшему в восточной части Белоруссии. Реорганизация школ по ступени обучения происходила следующим образом: на базе школ I ступени образовывались начальные школы, школ II и III ступени – неполные средние, гимназий и лицеев – средние школы. Классы польской школы в советскую переводились, как правило, на один ниже. Деление учеников гимназий и лицеев по специальностям ликвидировалось. Вводилось совместное обучение детей обоих полов⁷. В соответствии с постановлением «О всеобщем обязательном начальном обучении»⁸ не охваченные школой ученики принимались в советские государственные школы. Всеобщее бесплатное обучение вводилось в обязательном порядке «в городах – за семь классов средней школы, на селе – за начальную школу»⁹.

Роль школы в системе государственных учреждений значительно изменялась, за основу чего было взято ленинское учение: «одним из... буржуазных лицемерий является убеждение в том, что школа может быть вне политики»¹⁰, «школа должна стать орудием пролетариата»¹¹. Согласно сталинской корректировке на присоединенной территории создавалась школа, национальная по форме и социалистическая по содержанию.

Наиболее сложной и противоречивой проблемой в создании системы образования на присоединенных к БССР 17 сентября 1939 г. землях является создание национальных школ. Именно школу можно считать важнейшим показателем развития системы образования вообще. Начиная с XIX ст. школа стала одним из главных институтов воплощения государственной политики – благодаря своему эффекту. Национальный аспект школьного образования позволяет определить с большой степенью точности положение национальной культуры в регионе. В конце 1930-х гг. на территории II Речи Посполитой белорусская школа уже фактически перестала существовать, что являлось следствием государственной политики, направленной на ассимиляцию национальных меньшинств. В советской же части Белоруссии происходило свертывание процесса корени-

зации¹². Сегодня уже известно, что удовлетворение национальных стремлений в сфере культуры и образования, происходившее в 1920-х гг., являлось лишь средством для разрешения «ряда весьма важных задач внутренней и внешней политики», применение которого после выполнения его функции было свернуто¹³. Как говорили потом советские историки, «национальные школы на территории Белоруссии не были ликвидированы – они изжили себя»¹⁴. Хотя на самом деле национальные школы были вынуждены пойти на шаг самоликвидации, так как обучение в них перенагружалось языками (в общей сложности четырьмя), к тому же их выпускникам не предоставлялось возможности продолжить образование на родном языке.

Первоначально же, придя на северо-восточные земли II Речи Посполитой под лозунгами национального освобождения, советская власть создала юридическую базу, предоставляющую сравнительно широкие возможности для развития культур проживающих на этой территории национальностей. Общеобразовательной школе было уделено самое пристальное внимание.

Создание национальных школ с самого начала стало одним из ключевых тезисов организационной политики в системе общеобразовательной школы на присоединенных землях. В постановлении Бюро ЦК КП(б)Б по народному образованию говорилось, что необходимо, «исходя из условий Западной Белоруссии и интересов нацменьшинств, открыть с 1 января 1940 г. белорусские, русские, еврейские, польские и литовские школы»¹⁵. На местах уже после проведения республиканских границ и изучения вопроса об организации национальных школ вышли постановления, аналогичные по содержанию, но с более глубоким (однако, как показало время, все равно недостаточным) пониманием проблемы. В частности, в таком документе Брестского облисполкома от 19 декабря 1939 г. говорилось: «Считать, что основная масса школ в области должна быть белорусской. Одновременно в соответствии с национальным составом и желанием родителей открывать национальные школы (русские, еврейские, польские и украинские)»¹⁶.

Судя по архивным документам, реорганизация началась раньше принятия решений о ней, но не будучи централизованной, проходила в каждом районе в индивидуальном порядке. Даже по одной области имелись диаметрально противоположные расхождения, как, например, в Щучинском и Несвижском уездах, вошедших в Барановичскую область. В первом из них 124 польские и 7 еврейских школ после установления советской власти были преобразованы в 27 русских, 44 белорусских, 75 польских¹⁷. А вот в Несвижском районе «до зимних каникул (1939/40 учебного года. – А.Т.) все школы работали в рамках прежнего порядка и названия их»¹⁸. Следовательно, первоначальные преобразования, что отмечала И. Царюк¹⁹, характеризовались стихийностью реорганизации ряда школ.

В декабре 1939 – январе 1940 г. во всех западных областях Белоруссии были проведены уездные и городские учительские конференции (совещания) по во-

просу реорганизации школ. Ее национальный аспект был изложен в постановлении ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по организации народного образования в западных областях БССР» (1–2 декабря 1939 г.):

«Считать, что основная масса школ в западных областях БССР должна быть белорусской.

Переход на белорусские школы не затягивать, однако осуществлять его постепенно, по мере снабжения школ учебниками и квалифицированными преподавателями-белорусами.

Обязать партийные, советские органы и отделы народного образования развернуть пропагандистскую и агитационную работу по ликвидации пренебрежительного отношения к белорусскому языку, прививавшегося правящими кругами и националистическими элементами в б[ывшей] Польше.

Осудить неправильные действия некоторых работников отделов народного образования, переводящих школы на белорусский язык без предварительной подготовки»²⁰.

Таким образом, акцент делался на организации школ с белорусским языком преподавания. Поэтому отделам народного образования, начавшим заранее реорганизацию, пришлось корректировать сеть национальных школ. В упомянутом Щучинском уезде количество русских и польских школ было значительно сокращено, а белорусских – увеличено (табл. 1).

На первом этапе реорганизации (1939/40 учебный год) открытие национальных школ происходило якобы в соответствии с национальным составом населения (в представлении о нем советской власти). Уже в начале второго полугодия сеть школ по языкам преподавания была довольно пестрой. Существовало шесть типов национальных школ: кроме белорусских русские, польские, еврейские, литовские, украинские (табл. 2–4). Последние открывались в южной части Брестской области.

Такое внимание со стороны советской власти к удовлетворению национальных интересов населения инкорпорированных земель во время обратных процессов в восточной части Белоруссии выглядит странным. В объяснении этого парадокса современная историография все больше склоняется к стратегическим факторам эвентуальной внешней политики Москвы: накануне аннексии трех прибалтийских стран, Бессарабии и Северной Буковины Кремлю было необходимо выглядеть в глазах мирового сообщества в роли миссионера, который заботится о расцвете «освобожденных» народов, особенно после исключения СССР из Лиги Наций во время агрессии против Финляндии. К тому же было важным занять поддержку населения западных областей на случай возможных конфликтов в дальнейшем²¹.

В целом в результате проведенной реорганизации школьной системы из 5633 школ, которые открывались к 1940/41 учебному году в западных областях Белоруссии, 4192 (или 74,4%) приходилось на школы с белорусским языком обучения, в 987 школах (17,5%) занимались на польском языке, функционировало 173 (3,1%) русские, 169 (3,1%) еврейских (на идиш), 63 (1,1%) литовские, 49 (0,9%) украинских школ²².

Но общий количественный аспект не дает объективного представления об удовлетворении потребностей населения в национальных школах. Чтобы убедиться в этом, необходимо обратить внимание не на пропорциональность национального состава и общего количества школ, а прежде всего на распределение национальных школ по ступеням обучения.

Начальные школы, открывавшиеся в основном в сельской местности, после реорганизации перешли, как правило, на язык преобладающей национальности. Как видно из диаграмм (рис. 1–2), их сеть в основном соответствовала национальному составу регионов. А поскольку из школ всех ступеней начальных было доминирующее большинство (табл. 2–4), они и предопределяли якобы пропорциональность национальных школ составу населения.

Количество русскоязычных школ среди начальных и неполных средних было сравнительно небольшим, однако их процент резко увеличивался среди средних школ (рис. 3–4). Русскоязычные приезжие, имея в своих руках власть, стали сразу элитной прослойкой в обществе²³, изменяли развитие социальных институтов по своему усмотрению, которое согласовывалось с партийной линией. Есть свидетельство, что открытие средних школ связывалось с удовлетворением запросов военнослужащих и «членов партии, присланных сюда на работу»²⁴. Одно из важнейших звеньев системы образования, какими являлись средние школы, стало форпостом русификаторской тенденции в регионе: с течением времени другие национальные средние школы вытеснялись школами с русским языком преподавания (рис. 3–4). Так, в Белостокской области количество средних школ с русским языком преподавания увеличивалось пропорционально уменьшению сети польских, а также белорусских и еврейских средних школ. Учитывая то, что средние школы открывались нередко не больше одной на район, в котором имелось много разных национальных начальных школ (с преобладанием белорусских, а в Белостокской области польских), создание русских средних школ не соответствовало логическим пропорциям школьной сети и дискриминационным образом лишало продекларированного права получения образования на родном языке не только национальные меньшинства, но и белорусское население.

Население встречало реорганизацию системы образования в основном без эксцессов. Народные массы действительно стремились к получению образования на родном языке и относились в основном с одобрением к мероприятиям по открытию национальных школ. Только со стороны некоторой части поль-

ского населения последовала враждебная реакция на такие изменения, вплоть до забастовок²⁵.

Но воплощение реорганизации с самого начала показало, что процесс становления национальных школ не будет гладким. Главной причиной можно назвать некомпетентность по данной проблеме присланных с востока функционеров, которые не только не владели информацией о национальной ситуации в регионе, но и не были обучены такой деятельности.

Примеры упрощенного подхода к разрешению такой сложной проблемы со стороны местных руководителей системы образования свидетельствуют о том, что их функция заключалась отнюдь не в заботе о национальных интересах населения в сфере просвещения. Так, в Пружанском уезде заведующим отделом народного образования было издано распоряжение «перевести без разбора работу всех школ на белорусский язык», несмотря на «ряд деревень с преобладающим большинством поляков», что «на этой почве вызвало много недовольствия»²⁶.

К концу 1939/40 учебного года нарушения в организации национальных школ, не успевших даже закрепиться таковыми, начали приобретать формы явной тенденции. Уже 8 апреля 1940 г. в утвержденном плане Белостокского района было сказано: «Добиться (подчеркнуто мною. – А.Т.) перевода большинства польских школ в школы с преподаванием на белорусском и русском языках». План стали выполнять, не дождавшись окончания учебного года. Открытию русско- и белорусскоязычных школ не препятствовало иногда полное отсутствие представителей соответственно русской и белорусской национальностей²⁷. Высшие инстанции такие действия признавали нарушениями, но об их исправлениях речи пока не шло.

События наступившего лета внесли коррективы в развитие системы школьного образования. После летней инкорпорации Советским Союзом территорий необходимость в проведении соответствующей интересам населения национальной политики уменьшилась, что не замедлило выразиться в усилении русификации – доказательство, подтверждающее тезис о стратегической роли проводимой национальной политики. Даже в советском источнике отмечалось: «Все эти примеры (неправильного перевода школ на русский язык. – А.Т.) доказывают, что эти случаи искажения линии сталинской национальной политики приняли размеры не случайности, а неправильной постановки вопроса»²⁸.

23 августа 1940 г. нарком просвещения Е. Уралова, говоря «об итогах реорганизации школ западных областей и задачах 1940/41 учебного года», сообщала, что «в основном правильно размещена школьная сеть – с учетом национального состава и требования родителей» при наличии «случаев, правда, весьма редких, неправильного размещения национальных школ в соответствии с желанием и национальным составом населения»²⁹. Интересно, что примерно в то же время Е. Уралова указывала на ошибки в создании системы национальных школ. Найденный в архиве документ на этот счет адресован заведующему Брестского об-

лоно Коршуку, но не меньшие нарушения по школьной сети других западных областей Белоруссии дают основания предполагать о существовании подобных документов для остальных облоно. Причиной отсутствия единой директивы является ее расхождение с официальной информацией Е. Ураловой для республиканского уровня, а документы, рангом ниже, позволяли вести двойную политику, смягчая отражение имевшихся на местах недостатков.

В упомянутом документе констатировалось, что «допущенные... ошибки исправлялись очень медленно». А то, что Е. Уралова была прекрасно информирована о нарушениях в других областях, подтверждает ее «предупреждение всех заведующих облоно» – «во избежание в дальнейшем повторения (подчеркнуто мною. – А. Т.) таких ошибок». «Реорганизация национальных школ может быть произведена в каждом отдельном случае только с разрешения наркомата просвещения. При этом должен быть соблюден следующий порядок.

1. Вопрос должен быть обязательно обсужден на общем собрании родителей. На собрании должно присутствовать абсолютное большинство родителей.

2. После решения общего собрания вопрос должен быть рассмотрен на заседании президиума райисполкома и облисполкома.

Решения общего собрания родителей, президиума райисполкома и облисполкома через облоно представляются на рассмотрение Наркомпроса. Только после получения Вами решения Наркомпроса реорганизация школы может быть осуществлена»³⁰.

Парадоксально, но такой инструктаж НКП совершенно не оказал соответствующего влияния на развитие ситуации на местах. Наоборот, накануне нового учебного года перевод школ на русский язык преподавания стал закономерностью. Главным и, что симптоматично, повсеместным аргументом работников облоно и районо для перевода служили объяснения о бесперспективности национальных школ³¹ (что вполне соответствовало действительности). По мнению С. Яцкевича, не лишённому логики событийного контекста, власти начали готовиться к проведению восточнобелорусского сценария³². Видимо, об этом было известно заведующим облоно, потому что С. Найдин (заведующий Белостокским районо) просил «дать соответствующие указания о реорганизации польских, еврейских и литовских школ в русские», которых «в Белостокской области совсем мало»³³. Приводимая им аргументация вызывает в лучшем случае недоумение. Он сообщает, будто «к концу года (учебного. – А. Т.) в польских и еврейских школах упала наполняемость»³⁴, что архивы напрочь опровергают, говоря о «самотеке» учащихся из белорусских школ в польские³⁵. Даже массовые репрессивные меры, от которых пострадало в основном польское население³⁶ (по некоторым оценкам, из недавних «крэсов восточных» тогда было вывезено до 150 тысяч детей³⁷), не снизили наполняемость польских школ, которая достигла пика именно к концу 1939/40 учебного года (рис. 5). Далее С. Найдин говорит о номинальности польских школ, не обеспеченных ни надлежащими учебниками,

ни компетентными учителями, о «не совсем хорошей» перспективе дальнейшего образования, о том, что почти все работники отделов народного образования не владеют польским языком³⁸, хотя ответственность за такое положение лежит прежде всего на руководстве НКП, в том числе на самом С. Найдине, и советской власти вообще, лишившей в одночасье польские школы возможности функционировать как таковые с перспективами продолжения обучения. К тому же он опирался на «требования польского населения о реорганизации польских школ в русские»³⁹, но ни одного из них не было приведено и нами также не выявлено. Зато в документе ясно выражена цель русификационных мероприятий – «полная и коренная советизация школы»⁴⁰, чему так называемая национальная форма откровенно мешала.

«Лидерами» по нарушениям являлись Белостокская и Вилейская области. В одном только городе Гродно (втором по величине населенном пункте Белостокской области) из 30 неполных средних и средних школ почти в половине были допущены вопиющие нарушения (табл. 5), а в самом Белостоке из 535 учеников белорусской национальности по-белорусски обучались лишь 63, в то же время в русскоязычных классах был 3961 учащийся при 1524 учениках русской национальности во всех школах города (табл. 6). Причем, как видно из этих таблиц, вместо того чтобы распределить учащихся русской и других национальностей по отдельным школам, их собирали вперемешку, что впоследствии давало основания для перевода таких школ на русский язык обучения. Многочисленные примеры показывают, что зачастую для создания русской школы даже никаких оснований не требовалось: в некоторых из них не было ни одного ученика русской национальности⁴¹. Те же процессы уже в течение учебного года происходили в Вилейской области. Только из числа белорусских школ 49 были переведены в русские. Как правило, перевод осуществлялся «сверху» (лексика документа), без заявлений родителей⁴².

Нарушения при реорганизации обучения были настолько явными и очевидными, что не вписывались даже в рамки «ленинско-сталинской национальной политики». Республиканское руководство и лично первый секретарь ЦК КП(б)Б П. Пономоренко после получения письма «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии»⁴³ вынуждены были непосредственно заняться этой проблемой. 30 сентября 1940 г. выходит секретный документ «О фактах извращений ленинско-сталинской национальной политики в школьном строительстве Белостокской области». В нем отмечают многочисленные нарушения в сфере школьного образования с русификаторским уклоном, исправление которых происходило медленно. Нарком просвещения Е. Уралова обязывалась принять меры «к исправлению и устранению извращений»⁴⁴.

Архивные документы последующего времени сообщают об «исправлении ошибок национальной политики»⁴⁵. Однако отмечалось, что «искривления исправлены не полностью»: в Белостокской области «количество школ на поль-

ском языке увеличилось на 39»⁴⁶ – что значительно меньше количества школ, ранее переведенных в русскоязычные. Как видно (рис. 4), процент школ на польском языке так и не достиг уровня конца предыдущего учебного года. Это и неудивительно, если учесть, что вместо «убывшего» по разным причинам населения с преобладанием лиц польской национальности в регион прибыли еще в большем количестве русскоязычные гражданские функционеры и военные (более 1,5 млн⁴⁷), концентрировавшиеся главным образом в городской местности (по данным М. Волатича, население некоторых городов увеличилось в два раза⁴⁸), что при проводимой политике обеспечивало русскоязычность городских школ и других учебных заведений.

В то время, когда в отношении школьной реорганизации в Белостокской области уже «принимались меры», в Вилейской продолжали в точности повторять осуждаемые высшими республиканскими инстанциями действия. НКП БССР также дал «указание заведующему Вилейским облоно т. Горбаченко полностью исправить допущенные ошибки при проведении реорганизации национальных школ»⁴⁹.

В буквальном смысле решения властей вызывают сомнения в искренности, ибо на практике их воплощения в полной мере так и не состоялось – в отличие от некоторых иных документов подобного рода. Что это, как не пример двойной игры, очевидная сторона которой проникнута популизмом, а теневая направлена на осуществление государственной политики по объединению наций в один советский народ. К тому же, несмотря на постановление наказать виновных⁵⁰, санкций почти не последовало. Зафиксированы единичные случаи. Со строгим выговором был отозван из западных областей С. Найдин⁵¹, достаточно преуспевший в деле русификации. Был уволен с работы и исключен из партии фактически в этой же связи заведующий Пинским районо⁵². Массовых увольнений не могло произойти, так как они бы негативным образом повлияли на процесс советизации школы, для чего и были командированы «восточники».

Стоит заметить, что нарушения в формировании национальной сети школ в западных областях Белоруссии не ограничивались ее неправильной реорганизацией. Русификация осуществлялась в значительной части национальных школ вследствие отсутствия в созданных властью условиях возможностей функционировать на языке местного населения. Здесь сказывался недостаток нужных ресурсов: например, учителя, не владея языком национальной школы, чему, конечно, не могли помочь краткосрочные курсы, преподавали свои предметы на ином языке (например, польском вместо белорусского⁵³ или русском вместо белорусского⁵⁴) или на «смешанном» (лексика документа), под коим подразумевалось смешение чаще всего польского и русского языков⁵⁵. И так, при неправильном распределении педагогических кадров национальные школы не соответствовали своему статусу, что усугублялось отсутствием учебников на нужном языке⁵⁶. Как видно из следующего отрывка архивного документа, соз-

дание национальных школ являлось лишь средством советизации: «В условиях западных областей правильное разрешение национального вопроса, в том числе и в школьном строительстве, приобретает исключительное государственное значение... обучение детей на их родном языке облегчает задачу и ускоряет их коммунистическое воспитание»⁵⁷. Таким образом, так называемая национальная форма служила социалистическому содержанию – действительной цели советской власти, в процессе достижения которой средства могли меняться (и меняться).

Как видно, создание школы, «национальной по форме», протекало противоречиво. Учитывая диалектическую неразрывность формы и содержания, многие причины утрирования и во многих случаях профанирования надо искать именно в содержании школьного обучения. Не только советская, но иногда и современная историография не избегала ошибки, корни которой – в архивных источниках, где реакция противостояния (активного или пассивного) относится буквально к организации *национальной* школы (например, белорусы требовали перевода школы на польский язык преподавания⁵⁸), но при анализе этой реакции находятся совершенно иные причины, а именно: организация *советской* школы с ее жестким идеологическим уклоном, отменой свободы вероисповедания, контролем за жизнью ученика и учителя вне школы. А эксцессы на национальной почве, имевшие все же место, можно сказать, были созданы руководством искусственно: например, вследствие создания средних школ с русским языком преподавания для детей «восточников», формирования смешанной школы, в которой практически одна из сторон имела привилегированное положение, «выселения» польской школы русской в гораздо худшее помещение⁵⁹. Хотя надо признать, что часть населения белорусской национальности, имея устойчивый, подкрепленный отсутствием перспектив обучения на родном языке стереотип о ненужности собственного языка, который сформировался столетиями русификации и полонизации, занимала позицию в пользу создания русскоязычных школ⁶⁰.

После 17 сентября 1939 г. школа становится проводником новой идеологии. Квинтэссенция ее требований к школьному образованию четко выражена в отчете Вилейского обкома КП(б)Б: «В системе коммунистического воспитания трудящихся школа занимает особо важную роль. Перед школой стоит задача подготовить всесторонне развитых членов коммунистического общества. Она должна обеспечить действительное, прочное и систематическое усвоение детьми основ наук, знание фактов и навыки правильной речи, письма, математических упражнений и пр.»⁶¹. Обычно подчеркивалась первоплановость того, что новая школа должна «воспитывать в духе патриотизма, интернационализма и быть школой коммунизма»⁶². К тому же перед школой бывших «крэсов северовосточных» ставилась задача «в наиболее короткие сроки и наиболее эффективно перестроить идеологию учащихся и привить им наше коммунистическое

мировоззрение»⁶³. С января 1940 г. все школы переходили на единые программы, отличавшиеся лишь языками обучения в разных национальных школах. Поскольку 1939/40 учебный год являлся этапным при унификации школ западных областей Белоруссии, для них были разработаны специальные программы с учетом знаний, приобретенных учащимися в школах Польши, по выражению П. Паномаренко, «в сторону... идейного и академического оздоровления»⁶⁴.

Преподавание предметов сводилось к полному отсутствию либерализма и подчинялось в каждом моменте господствующей идеологии. Природоведение, например, основывалось на трудах Мичурина и Лысенко⁶⁵. А наиболее политизированным предметом была история, изложение которой велось в духе марксизма-ленинизма с акцентом на освободительную роль Страны Советов и мировую революцию. Практическим материалом даже при преподавании точных дисциплин должны были служить примеры из социалистического строительства и противостояния социалистического и капиталистического строя, где социализм имел наивысшие показатели. Не допускались примеры, в которых советская власть могла каким-либо образом дискредитироваться, что угрожало последствиями вплоть до ареста. Неудовлетворительным признавалось обучение, в котором «учитель недостаточно связывает преподаваемый материал с интернациональным и антирелигиозным воспитанием учеников»⁶⁶.

Сознательное игнорирование гуманитарных предметов, уменьшение часов, отводимых на их обучение, при изменении учебных программ, происходило примерно пропорционально увеличению внимания точным дисциплинам. При их преподавании, как и «завещал» В.И. Ленин⁶⁷, необходимо было «приблизить теорию к практике, увязав вопросы теории с жизнью, техникой»⁶⁸.

Антирелигиозная деятельность выходила далеко за рамки школы и вторгалась в семейную жизнь учащихся, разрушала многовековые традиции. Хотя первоначально ЦК КП(б)Б постановлялось «обеспечить глубокую разъяснительную работу, исключающую всякое администрирование и грубость, могущие оскорбить чувства верующих»⁶⁹. На самом деле стояла задача именно «вырвать детей из-под влияния церкви и фанатичных сектантов», в чем особая роль отводилась безальтернативным⁷⁰ комсомольскому и пионерскому движениям⁷¹. Распространение охвата детей пионерскими отрядами было настолько стремительным, что даже советские статисты указывали заниженные данные, говоря о 650 отрядах с 22 833 пионерами на октябрь 1940 г.⁷², ведь в 1940/41 учебном году только в трех областях из пяти созданных в 1939 г. (Белостокской, Вилейской, Пинской), по данным архивов, насчитывалось 877 отрядов с не менее чем 30 000 пионеров⁷³. Правда, пример Белостокской области свидетельствует, что преобладающее большинство пионерских отрядов находилось в городской местности⁷⁴.

Процесс расширения рядов пионерской организации и ее воздействия на детей происходил не так гладко, как это может показаться из приведенных цифр. Довольно крепкие жизненные устои жителей западнобелорусского региона,

принадлежавших в основном к трем религиозным конфессиям (православию, католицизму, иудейству), зачастую являлись существенной преградой распространению в этой среде коммунистической идеологии и иногда приводили к оттоку из пионерских отрядов⁷⁵. Архивами зарегистрированы многочисленные факты непринятия таких новшеств и даже сопротивления им подрастающего поколения. Чаще всего использовалась пассивная форма противостояния. Она была характерна для представителей всех трех конфессий. В дни религиозных праздников (а евреи еще и по субботам) ученики отказывались писать или вообще не посещали школы⁷⁶. Искоренение преподавания религии произошло не сразу после официального ее запрещения. Даже в школах поначалу имела место учебная деятельность ксендзов⁷⁷. Впоследствии она переместилась в культовые заведения, но и там ее преподавание, а тем более антисоветская агитация или деятельность подвергались элиминации⁷⁸. Иногда ученики самостоятельно принимали решения о проведении молитв после уроков, приурочивая их к государственным праздникам Польши⁷⁹. Еврейское население имело при многих синагогах также нелегальные религиозные школы, внимание к которым со стороны органов НКВД угрожающе усилилось с февраля 1941 г.⁸⁰

Более всего эксцессов в связи с оккупацией и советизацией школы допускалось в Белостокской области жителями католического вероисповедания. Многие гимназисты еще в сентябре 1939 г. приняли участие в боях против Красной Армии⁸¹. А после установления советской власти патриотическая деятельность продолжалась подпольно. По сообщению Е. Семашко, «в Гродно параллельно действовали... конспиративные ячейки, в том числе польская военная организация, основу которой составляли ученики местных гимназий. Вскоре она установила контакты с учащейся молодежью на всей территории Западной Белоруссии; стали регулярно курсировать связные, начались совместные скоординированные акции по антисоветской пропаганде»⁸². В польской историографии сообщается об инструкторах, возглавлявших молодежные подпольные организации харцеров⁸³ (аналог пионеров и комсомольцев в учебных заведениях II Речи Посполитой). Противостояние идеологическому засилью приобретало формы антагонизма и конфронтации. Учащиеся действовали как подпольно, так и открыто. Уничтожали советскую атрибутику, вывешивали антисоветские листовки, лозунги и портреты деятелей Польши, высказывали недовольство советской властью, выступая против изучения белорусского и русского языков⁸⁴. (Следует отметить, что непринятие белорусского языка наблюдалось и среди детей приезжих⁸⁵, которые к тому же часто не отличались прилежной дисциплиной⁸⁶.) В некоторых случаях доходило до травли, физической борьбы с комсомольцами и пионерами и таких же антисемитских проявлений⁸⁷. В Лиде, Ломже и некоторых других городах и местечках западных областей БССР состоялись школьные забастовки⁸⁸. С целью нейтрализации таких явлений принимались соответствующие меры. «На разработку антисоветского элемента среди учи-

тельства и учащихся старших классов» вербовались «секретные осведомители». Причем из документов понятно, что ими являлись сами школьники, которые доносили на своих товарищей⁸⁹. Наиболее активные учащиеся подвергались гонениям и арестам⁹⁰. Причем такие меры имели характер отнюдь не единичный. В одной только гимназии Августова (Белостокская область) было арестовано 40 учащихся, среди которых 12–13-летние подростки⁹¹. Из всего количества членов выявленных на 27 июля 1940 «контрреволюционных» организаций в западных областях БССР школьной молодежи насчитывалось 1190 человек (или 13,6%)⁹². Зная о многочисленности сфабрикованных дел по антисоветской деятельности, следует предположить, что и в данном случае количество выявленных «контрреволюционеров» было завышено, как, кстати, и вредность их деятельности, в чем убеждают приведенные здесь практические примеры. Однако несомненно, что антисоветские выступления в школьной среде имели массовый и активный характер, что подкрепляет также богатый материал, собранный гродненскими исследователями⁹³.

К весне 1941 г. антисоветская деятельность учащихся была в основном ликвидирована. Даже в самых экстремистских польских школах «по данным на март 1941 г. была достигнута почти нормальная посещаемость во время религиозных праздников», в чем сыграло роль постановление ЦК КП(б)Б «О состоянии антирелигиозной пропаганды в западных областях БССР» от 10 февраля 1941 г.⁹⁴ Вместо религиозных праздников широко и напыщенно стали отмечать красные даты новой государственной доктрины⁹⁵, в чем школы должны были принимать обязательное активное участие. Даже молчаливое прохождение колонны учащихся во время демонстрации в честь Октябрьской революции, имевшее место в г. Бресте, расценивалось как форма протеста⁹⁶.

Многочисленность документов о «контрреволюционной», антисоветской настроенности и часто даже активной деятельности учащихся учебных заведений⁹⁷ свидетельствует о том, что школа, особенно в Белостокской области, являлась одним из очагов непримиримости с новой властью и подпольной борьбы против нее⁹⁸. Юношеский максимализм, не терпящий конформизма, зачастую выступал в качестве той лакмусовой бумажки общественных взглядов, которую хотели, но так и не смогли в полной мере ликвидировать органы большевистской власти, что проявлялось на протяжении всего рассматриваемого периода. В секретном рапорте секретарю Белостокского обкома КП(б)Б Кудряеву от 10 мая 1941 г. говорилось о «господствовании» (термин документа) антисоветских настроений у учащихся и учителей школ типичного городка Белосточкины – Августова⁹⁹.

Развернувшаяся антирелигиозная кампания, хотя и не смогла привить основной массе учеников атеистическое мировоззрение, принесла свои плоды в виде формального соблюдения минимальных требований: например, посе-

щения школы во время религиозных праздников, прекращения антисоветских выступлений.

Еще с XIX ст. у поляков накапливалась опыт конспиративного школьного обучения, которое оперативным образом широко распространилось на захваченной Германией территории. Однако на присоединенных к БССР землях можно говорить лишь о существовании элементов тайного обучения, да и то в незначительных масштабах¹⁰⁰. При жестком тотальном контроле подпольную систему образования организовать было практически невозможно. Вот почему такое внимание по реализации всеобщего на инкорпорированной территории можно объяснить как целями скорейшей и тотальной ее советизации, так и тем, что, возможно, советское правительство располагало сведениями о тайном обучении на захваченной Германией части II Речи Посполитой и старалось предотвратить его возникновение у себя. В этом аспекте советский режим был гораздо жестче оккупационной власти в восточной части Польши.

Реорганизация польской школьной системы в советскую, безусловно, предполагала соответствующее формирование педагогических кадров. Предыдущая кадровая политика, как было принято, остро критиковалась: прежде всего за то, что согласно ей для работы отбирались самоотверженные патриоты Польши, а представители национальных меньшинств попадали в жесткую дискриминацию, подвергаясь массовым увольнениям¹⁰¹.

Создание советской педагогической «армии» в школах бывших «крэсов северо-восточных» осуществлялось несколькими путями. Основным ресурсом для этого стали местная интеллигенция, лояльная к советской власти, и кадры, присылаемые на присоединенные земли в качестве авангарда с востока.

Вообще, судя по данным докладной записки народного комиссара просвещения Е. Ураловой секретарю ЦК КП(б) В. Малину, в которой сообщалось об имеющемся количестве учителей и их нехватке по всей БССР, контингент педагогов в школах Западной Белоруссии должен был составить почти 25 тыс. человек¹⁰². Поэтому, чтобы не подвергать кризису функционирование школ, Советы не могли уволить (во всяком случае на первоначальном этапе) 13 666 учителей (данные по документу от 25 октября 1939 г.), которые работали в школах II Речи Посполитой и остались в советской школе, хотя среди них видели много антисоветских элементов¹⁰³. Например, в Новогрудском районе учителя, работавшие при польской власти, составляли почти 30% общего количества¹⁰⁴, а по Белостокской области – до 1940/41 учебного года не менее 25%¹⁰⁵. Однако значительная часть таких педагогических кадров, как свидетельствуют разные источники, пока это было возможно, эмигрировала (нередко попросту беженцами¹⁰⁶) за границу¹⁰⁷ (в Германию¹⁰⁸ и Литву¹⁰⁹), из-за чего многие школы или совсем не функционировали, или работали очень плохо¹¹⁰. Из-за отсутствия учителей не работало особенно много начальных школ. Еще в марте 1940 г. по всем западным областям БССР таких было около 200¹¹¹. Причины заключались в том,

что в недавнем прошлом эти школы имели по одному или два учителя, уход которых (в связи с эмиграцией, депортацией, повышением квалификации и др.) прекращал учебный процесс¹¹².

Сложными и противоречивыми были взаимоотношения между старыми учительскими кадрами и советской властью. Педагогам бывших польских и еврейских школ (только такие школьные заведения остались на «крэсах северовосточных» к 1939 г., да еще три русские и одна немецкая¹¹³), которые «признавали советскую политику реорганизации системы народного образования в Западной Белоруссии, гарантировалась работа по специальности»¹¹⁴. Обычно рапортовалось, что «основная масса учителей с большим подъемом принялась за работу в советской школе»¹¹⁵. Однако рядом с такими бодрими заявками в отчетах фигурировали конкретные факты и цифры, сообщения о существенных недостатках в школьной работе, связанных прежде всего с «засоренностью» учительских кадров «чуждыми элементами» (лексика документов), что расценивалось как «самый крупный недостаток в школьной работе». Например, согласно отчетам, 600 учителей только в Брестской области являлись «выходцами из буржуазных, помещицких и поповско-ксендзовских семей»¹¹⁶. Они в ходе регистрации социального происхождения брались на учет и становились потенциальными претендентами на увольнение или репрессирование в зависимости от их деятельности и деятельности их родных в разные периоды истории, начиная с дооктябрьских времен.

«Для того, чтобы нам решительно улучшить работу наших школ и органов народного образования, мы должны: особенно внимательно следить за социальным и политическим лицом учительских кадров, очищать их от враждебных людей, а засоренность этих кадров особенно большая»¹¹⁷. Приведенная выдержка из архивного документа достаточно показательно свидетельствует об оценке властью положения с педкадрами реорганизованных школ. Социальное происхождение стало лакмусовой бумажкой при характеристике педагогических кадров реорганизуемой сети школ. Часто этот критерий стоял впереди образовательного уровня учительства¹¹⁸ и являлся пропуском для получения работы.

Вообще же проверка лояльности к советской власти органами НКВД всех слоев населения, интеллигенции в особенности, социального состава регионов (акцент делался на тех, которые стали приграничными, например Ломжинский район¹¹⁹) началась с первых дней появления Красной Армии на землях восточных воеводств Польши. Учительство здесь попало под самый внимательный надзор, потому что, как следует из докладной записки заместителя народного комиссара просвещения К. Чернова, в школы приграничных с БССР уездов направлялись учителя – агенты польской дефензивы, да и в остальных школах работали прежде всего преданные польскому правительству люди¹²⁰. (Это, к слову, опровергает непосредственный участник событий учитель польской и совет-

ской школ Б. Кит, говоря также о правовой защищенности учительства II Речи Посполитой даже при их диссидентских взглядах¹²¹, о чем при Советах не могло быть и речи.)

Наиболее оперативно репрессивная машина развернулась на землях Виленщины, которые передавались Литве: по сообщению народного комиссара НКВД Белоруссии, которое сохранялось под грифом «Совершенно секретно», кроме в нем уже упомянутых (! – А.Т.) польских и сионистских организаций, «по городу Вильно на 5 октября этого года установлены 253 (! – А.Т.) общественные организации с полными установочными, характеризующими данными (название, время создания, фамилии руководителей, местонахождение и характеристика деятельности их)», в том числе «Союз польских учителей»¹²².

На остальной присоединенной территории такого «цейтнота» не было, что позволило процесс перетряски и фильтрации педагогических (и не только) кадров проводить не так резко, но и не настолько медленно, чтобы интенсивность и экстенсивность процесса нельзя было заметить¹²³. К тому же непривыкшие к условиям «демократии по-советски», неудовлетворенные политикой реформирования школы учителя сами часто создавали прецеденты для обвинения их в «контрреволюционной» деятельности.

В документах того времени сообщается о разного рода учителях-диссидентах, вина которых сегодня кажется нонсенсом: «учительница, дочка попа... не участвует в общественной жизни, держит себя в стороне от всего»; «учительница Довкша В.С. деревни Елуцевичи... ходит в костел, поэтому имеет свое влияние на детей»¹²⁴; учитель Гродненской СШ дал ученикам задачу на проценты, причем по условиям ее в результате получилось, что «цифра голосовавших за кандидатов блока коммунистов и беспартийных не превышает 67% избирателей»¹²⁵.

Более тяжелыми преступлениями являлись проявления антисемитизма¹²⁶, преподавание уже запрещенной и 7 декабря 1939 г. практически выброшенной из школы религии¹²⁷ или чтение молитв в школе¹²⁸, отказ проводить антирелигиозную работу и участвовать в социалистическом соревновании между школами¹²⁹, саботаж и противостояние советизации школы¹³⁰, попытка защиты арестованного НКВД коллеги¹³¹, содействие¹³² и тем более организация ученической антисоветской деятельности (в Свентянах старшеклассники гимназии под руководством профессора французского языка В. Урбанова создали группу для «ведения контрреволюционной пропаганды среди учеников»¹³³), не говоря уже о националистических настроениях, которые наблюдались в польских¹³⁴, еврейских, литовских и других школах¹³⁵, агитация против присоединения к Советской Белоруссии¹³⁶, обращение к партийному руководству с вопросами о причинах закрытия национальных школ¹³⁷ и т.п.

Иногда антисоветские выступления работников просвещения приобретали очень серьезный характер. Но особенно здесь выделялся Ломжинский регион, состоявший из западных, т.е. приграничных, районов Белостокской области,

по определению секретного документа, «в политическом отношении... исключительно реакционных»: педагогический состав в школах был настроен откровенно враждебно к советской власти и повсеместно был замешан в подпольной антисоветской деятельности¹³⁸. Такое положение со стороны соответствующих органов вызывало применение жесточайших мер. Отмечены случаи ареста преподавателей прямо в помещении районо¹³⁹ или во время уроков¹⁴⁰. Доходило до того, что учителя бросали школу и часто меняли место ночлега, опасаясь, чтобы их не схватили¹⁴¹. В Бельске (Белостокская область) в октябре 1940 г. зарегистрирован случай самоубийства местной учительницы (после перевода ее из белорусской школы в еврейскую)¹⁴². Такого бесправия, порождающего психоз, никогда не наблюдалось в Польше. Выселение классово чуждых и ликвидация вражеских элементов напугали учителей, заставили надеть «маску лояльности», хотя, по мнению власти, они оставались верными старым убеждениям¹⁴³. Тоталитарные меры, предпринятые советской властью для контроля в отношении учителей, по их жесткости не шли ни в какое сравнение с дискриминацией учительства досентябрьского периода, что не могло не вызвать различного рода реакций со стороны педагогов.

На учительской конференции Пружанского уезда 17 декабря 1939 г. выделилась группа реакционных (с точки зрения новой власти) учителей. При обсуждении кандидатур для внесения в список тайного голосования они пробовали провалить кандидатуры левонастроенных учителей. Оказавшись в меньшинстве, подняли крик и шум, что, однако, не помешало провести в список намеченные кандидатуры. Секретарем конференции был бывший доцент Виленского университета (фамилия не сообщается), который в свое время подписал заявление в адрес польского сейма, чтобы выселить евреев в Палестину, и когда при обсуждении его кандидатуры был разоблачен, он бросил писать протокол конференции и демонстративно вышел, заявив: «Еще посмотрим, что будет дальше»¹⁴⁴. Судьба таких, как вышеупомянутый В. Урбанов и бывший «буржуазный» доцент, была predetermined.

Абсолютное большинство таких коллизий припадает на «пропольских» учителей (понятно, учитывая предыдущий период их трудовой деятельности). Однако не исключением были антисоветские выступления и в среде литовского школьничества, педагогические кадры которого были укомплектованы неудовлетворительно «как по деловой подготовке, так и по политической благонадежности»¹⁴⁵, но незначительный удельный вес литовских школ, видно, обуславливал меньшее внимание к ним руководства республики.

НКВД готовил «списки на высылку национально-сознательных и всех классово-ненадежных элементов занятой территории»¹⁴⁶, куда, безусловно, попадали подозрительные или тем более настроенные против Советов учителя, репрессии против которых (обычно в форме депортации) протекали в общем репрессивном контексте по западным областям Белоруссии¹⁴⁷, а особенно много

учительства было вывезено во время одной из волн депортаций¹⁴⁸ (в апреле 1940 г.¹⁴⁹). По некоторым подсчетам, только из бывшего Белостокского воеводства было депортировано около 300 учителей. К этим данным необходимо прибавить количество репрессированных учителей¹⁵⁰. Результаты депортационной акции могли иметь непосредственную зависимость от постановления Совета народных комиссаров о рассмотрении школьных педкадров «под углом их атеистического отношения к религии» (22 апреля 1940 г.); по мнению А. Бобовика, таким образом определялась квалификация учителей для работы в следующем учебном году¹⁵¹.

Это вскоре дало основания некоторым органам советской власти рапортовать, что «за время после реорганизации школ города (Гродно. – А.Т.) и перехода их на советские программы преподавания, партийные и советские организации города оказали помощь школам в наведении большевистского порядка, парторганизация сплотила учительский коллектив, значительно очистила его от враждебных элементов»¹⁵². Таким образом, уже до 1940/41 учебного года, как правило, силовыми методами власти в основном «разобрались» с проблемой тех педагогических кадров, которые остались им в наследство от II Речи Посполитой: часть их была репрессирована (количество элиминированной польской интеллигенции в западных областях БССР, по некоторым оценкам, составляет 80%¹⁵³), а большинство остальных запугано.

Такое положение позволило в следующем учебном году проводить более мягкую и рассудительную политику по отношению к учителям, которых по-прежнему не хватало. «Перестраивая школу, – признавалось в письме ЦК КП(б)Б “О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии”, – партийные организации много сделали для того, чтобы очистить учительский состав школ, в частности польских, от националистических, контрреволюционных элементов. Однако при этом в некоторых районах стали проявлять огульное недоверие и увольнять большинство поляков-учителей из школ, хотя к этому не было оснований. Очищая школы от враждебных элементов, партийные организации обязаны были отличить врагов от честных и преданных людей и не допускать огульного подхода и необоснованного увольнения с преподавательской работы людей, ничем себя не скомпрометировавших и искренне стремящихся работать на благо нашей родины»¹⁵⁴. Поэтому при массовом увольнении педагогов польских школ в начале 1940/41 учебного года в некоторых районах Белостокской области райкомы КП(б)Б критиковались за нежелание заниматься «кропотливой работой по индивидуальному изучению, воспитанию и выращиванию» педкадров из местного населения; приказано было их вернуть и в дальнейшем при увольнениях и перемещениях учителей сохранять индивидуальный подход¹⁵⁵. В каждом учебном году «отсев» в учительских коллективах был нередким явлением, причем причины его в архивах часто замалчиваются, поэтому о них и о судьбе уволенных можно только догадываться по си-

туативному контексту того времени (в Несвижском районе таким образом до 25 января 1940 г. был «отсеян» «по разным причинам» 21 человек¹⁵⁶). Возвращение не приобрело тех масштабов, что увольнения: в Белостокской области восстановили на работе лишь 17 человек¹⁵⁷. Но там же «в процессе исправления ошибок» 318 местных учителей были выдвинуты на руководящую работу: заведующими районо – 4 человека, инспекторами районо – 30, заведующими райпедкабинетами – 7, директорами школ – 277¹⁵⁸. Такие действия, с одной стороны, свидетельствовали о повышении доверия местным педагогам, а с другой – о надежном контроле ситуации с педкадрами, их социально-политического настроения, что позволило пойти на некоторые уступки с целью ликвидации кризисного положения с преподаванием в школах. К причинам такого «потепления», как предполагают польские исследователи, стоит отнести и капитуляцию Франции – союзника Польши¹⁵⁹ как исчезновения еще одного канала материальной и моральной подпитки польского патриотического подполья.

Постепенное прекращение проявлений антисоветских настроений не означало отсутствия фильтрации их по благонадежности. С мест продолжали поступать докладные записки с соответствующей информацией¹⁶⁰. Так, секретарь Малоритского РК КП(б)Б, несмотря на то что этот район не был обеспечен педкадрами даже наполовину, в июне 1940 г. сообщал, что из 54 работающих в школах учителей 24 (!) необходимо освободить из-за несоответствия их назначению («классово-чуждые» или без педагогического образования)¹⁶¹. А среди педкадров Ломжинского региона антисоветскую деятельность, не говоря уже о настроенности, к началу 1940/41 учебного года так и не смогли искоренить, «несмотря на значительную чистку учительского состава». Например, в Едвабновском районе, имевшем до 17 сентября 1939 г. 69 учителей, 13 человек было арестовано, 7 – выселено, 18 – отстранено, 26 – взято на учет как «неблагонадежный элемент»¹⁶².

Говорить о каком-либо процентном выражении количества учителей, оставшихся работать при Советах, с выверенной точностью невозможно, ибо, во-первых, в источниках они часто рассматривались вместе с принятыми на работу в школы безработными – как местные, а во-вторых, поскольку категория всех педагогов из местного населения вызывала недоверие у власти, потому что они были подвержены буржуазному влиянию, их количество продолжало перманентно уменьшаться (даже после Второй мировой войны, несмотря на то что Польша оказалась в «социалистическом лагере», «людям, которые получили высшее образование под Польшей, нельзя было работать учителями»¹⁶³). Можно только на основании имеющегося опыта предполагать, что ко времени нападения Германии педкадры советской школы не менее чем на четверть, но вряд ли более чем наполовину, состояли из учителей, которые преподавали при Польше, количество их с течением времени минимизировалось.

Новая власть, понимая ее неприязненность большей частью населения, всеми средствами стремилась если не ликвидировать это полностью (эксплицитно или латентно такое явление все равно бы существовало), то хотя бы нивелировать за наиболее краткие сроки – путем оперативной советизации аннексированных территорий, для чего требовалось огромное количество специалистов¹⁶⁴. Одним из важнейших средств идеологической экспансии являлось просвещение, а проводниками – педагоги. Их роль не ограничивалась работой в школе, а, как и призывал В.И. Ленин, должна была иметь активный общественный характер: «Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительские задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения. <...> Задача новой педагогики – связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества»¹⁶⁵. Разного рода агитация стала одним из видов внешкольной деятельности, предписываемых советскому учительству. В частности, 3 000 педагогов Белосточчины (более половины) приняли участие в предвыборной агитационной кампании 1939 г.¹⁶⁶

В письме ЦК КП(б)Б «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии» говорилось: «Перестраивая школу, партийные организации много сделали для того, чтобы очистить учительский состав школ, в частности польских, от национальных, контрреволюционных элементов. Однако при этом в нескольких районах стали проявлять огульное недоверие и увольнять большинство поляков-учителей из школ, хотя к этому не было оснований.

Очищая школы от враждебных элементов, партийные организации обязаны были отличать врагов от честных и преданных людей и не допускать огульного подхода и необоснованного увольнения с преподавательской работы людей, ничем себя не скомпрометировавших и искренне стремящихся работать на благо нашей родины.

Особо нетерпимыми являются действия некоторых работников, сводящиеся к ограничению прав польского населения на пользование польским языком»¹⁶⁷.

Таким образом, общая панорама состояния педагогических кадров с национально-демократических позиций выглядит неудовлетворительно. Она не соответствовала не только организации нормального функционирования системы школьного образования, но даже и реализации поставленных перед создаваемой советской школой задач в той степени, которая позволила бы говорить о четко поставленном коммунистическом воспитании со стороны педагогов. Однако к концу рассматриваемого периода, как свидетельствует более спокойная политика по отношению к педкадрам, система школьного образования уже в основном приобрела необходимые для советской власти формы и содержание (необходимые для воплощения в жизнь программы по воспитанию «простого советского человека»). И хотя преобразования школы с целью удовлетворения национальных интересов как белорусов, ставших титульной нацией, так и нац-

меньшинств на самом деле являлись весьма двуликими, амбивалентными (чего и сегодня официоз белорусской исторической науки упорно не желает признать), в целом школьная политика советской власти во многом благодаря популистским декламациям вызывала скорее симпатию, чем антипатию у большей части населения восточных провинций бывшей II Речи Посполитой. Однако, как показывают факты, значительное, а не минимальное количество новых граждан СССР латентно или открыто заняло строго антисоветскую позицию:

- почти все жители польской национальности, а также наиболее зажиточные и преуспевающие, изначально были настроены против советской власти;
- патриотически настроенные школьники и педагоги;
- советская власть уже в самое ближайшее время не оправдала чаяний народа, откровенно разочаровала своими «преобразованиями».

Таблица 1. Количество национальных школ Барановичской области по ступени образования на 13 января 1940 г.¹⁶⁸

По языку преподавания	Уезды														
	Барановичский			Новогрудский			Лидский			Слонимский			Несвижский		
	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ
Белорусский	191	35	1	203	50	1	172	31	3	162	26	1	88	32	1
Русский	1	5	2	-	2	1	1	-	-	-	1	-	-	1	1
Еврейский	-	8	1	3	7	-	-	6	-	-	3	-	-	7	-
Польский	5	2	1	2	1	1	2	1	-	2	2	-	-	-	-
Всего	197	50	5	208	60	3	175	38	3	164	32	1	88	40	2
Всех в уезде	252			271			216			197			130		

По языку преподавания	Уезды															Всего (в скобках – % от общего числа)	Всех			
	Столбцовский			Воложинский			Щучинский			НШ			НСШ					СШ		
	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ			НШ	НСШ	СШ
Белорусский	94	20	1	142	17	1	106	23	-	1158 (97,1)	234 (79,1)	9 (52,1)	1401 (93,0)							
Русский	-	-	-	-	-	-	-	2	1	2 (0,2)	11 (3,7)	5 (29,4)	18 (1,2)							
Еврейский	-	2	-	-	3	-	1	5	-	4 (0,3)	41 (13,9)	1 (5,9)	46 (3,1)							
Польский	3	-	-	2	1	-	13	3	-	29 (2,4)	10 (3,8)	2 (11,8)	41 (2,7)							
Всего	97	22	1	144	21	1	120	33	1	1193	296	17	1506							
Всех в уезде	120			166			154													

Таблица 2. Количество национальных школ Барановичской области по ступени образования¹⁶⁹

Язык преподавания	На 13 января 1940 г.				На 10 февраля 1940 г.				На 25 апреля 1940 г.				Начало 1940/41 уч. г.			
	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего
Белорусский	1158	234	9	1401	1181	224	7	1412	1254	234	6	1494	1260	238	6	1504
Русский	2	11	5	18	4	15	10	29	7	17	10	34	7	17	9	33
Еврейский	4	41	1	46	2	35	-	37	2	37	-	39	2	37	-	39
Польский	29	10	2	41	26	9	2	37	20	16	3	39	21	16	3	40
Литовский	-	-	-	-	8	-	-	8	3	-	-	3	3	-	-	3
Всего	1193	296	17	1506	1221	283	19	1523	1286	304	19	1609	1293	308	18	1619

Таблица 3. Количество национальных школ Белостокской области по ступени образования¹⁷⁰

Язык преподавания	На 1 февраля 1940 г.				Весна 1940 г.				Конец 1939/40 уч. г.				Начало 1940/41 уч. г.			
	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего
Польский	634	205	19	858	598	198	19	815	747	209	14	769	608	176	12	796
Русский	5	7	9	21	6	8	9	23	12	13	9	34	19	28	25	72
Белорусский	338	71	6	415	382	81	7	470	343	60	5	408	391	91	3	485
Еврейский	10	44	8	62	11	44	8	63	10	46	9	65	8	38	3	49
Литовский	18	1	-	19	17	1	-	18	10	2	-	12	19	1	-	20
Всего	1005	328	42	1375	1014	332	43	1389	921	330	37	1288	1045	334	43	1422

Язык преподавания	Начало 1941 г.			
	НШ	НСШ	СШ	Всего
Польский	601	177	12	790
Русский	21	27	22	70
Белорусский	393	90	3	486
Еврейский	10	40	2	52
Литовский	-	-	-	-
Всего	1085	334	39	1400

Таблица 4. Национальные школы Вилейской области по ступени обучения в 1939/40 учебном году¹⁷¹

Язык преподавания	НШ		НСШ		СШ		Всего	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Белорусский	976	90,2	137	74,1	4	44,4	1117	87,5
Еврейский	2	0,2	29	15,7	–	–	31	2,4
Русский	59	5,5	14	7,6	5	55,6	78	6,1
Польский	11	1,0	3	1,6	–	–	14	1,1
Литовский	34	3,1	2	1,1	–	–	36	2,8
Всего	1082		185		9		1276	

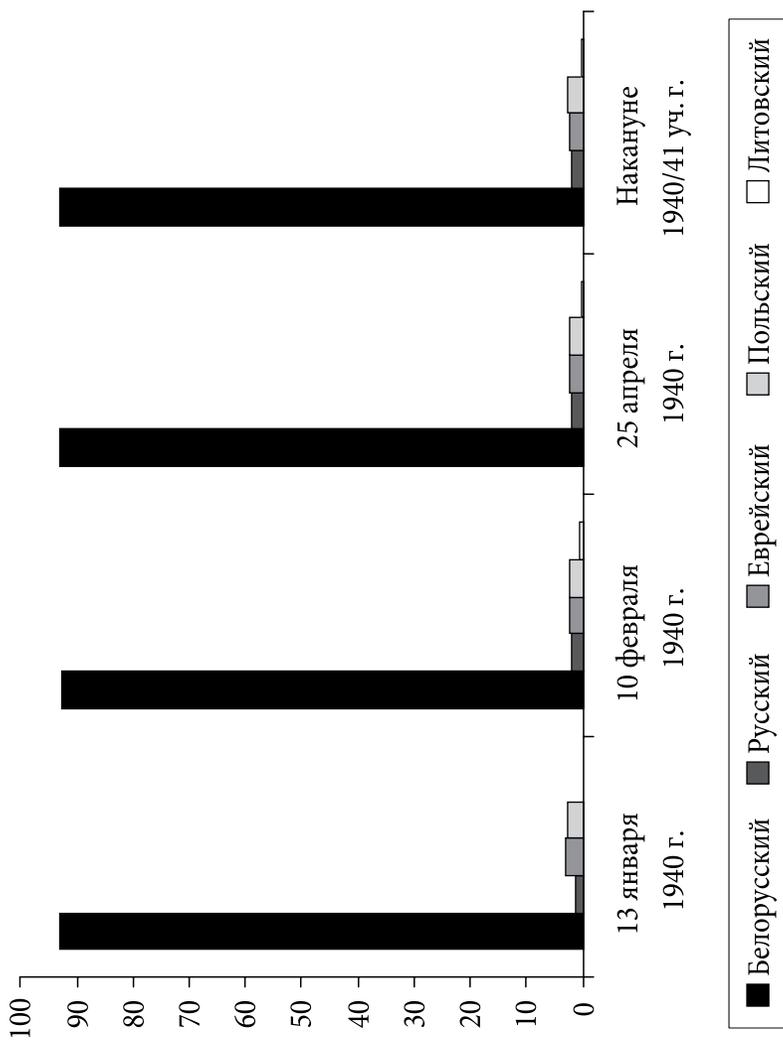

Рис. 1. Изменение количества всех национальных школ Барановичской области (в процентах, по языкам обучения)¹⁷²

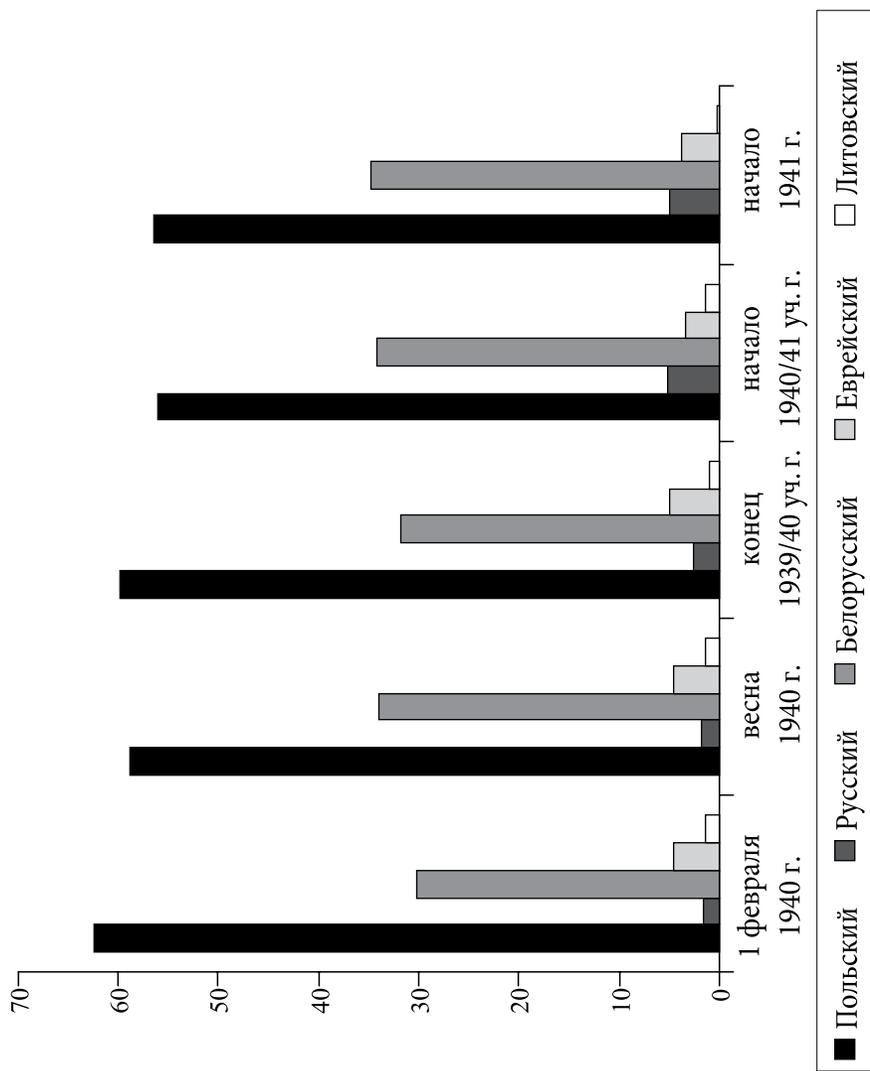

Рис. 2. Изменение количества всех национальных школ Белостокской области (в процентах, по языкам обучения)¹⁷³

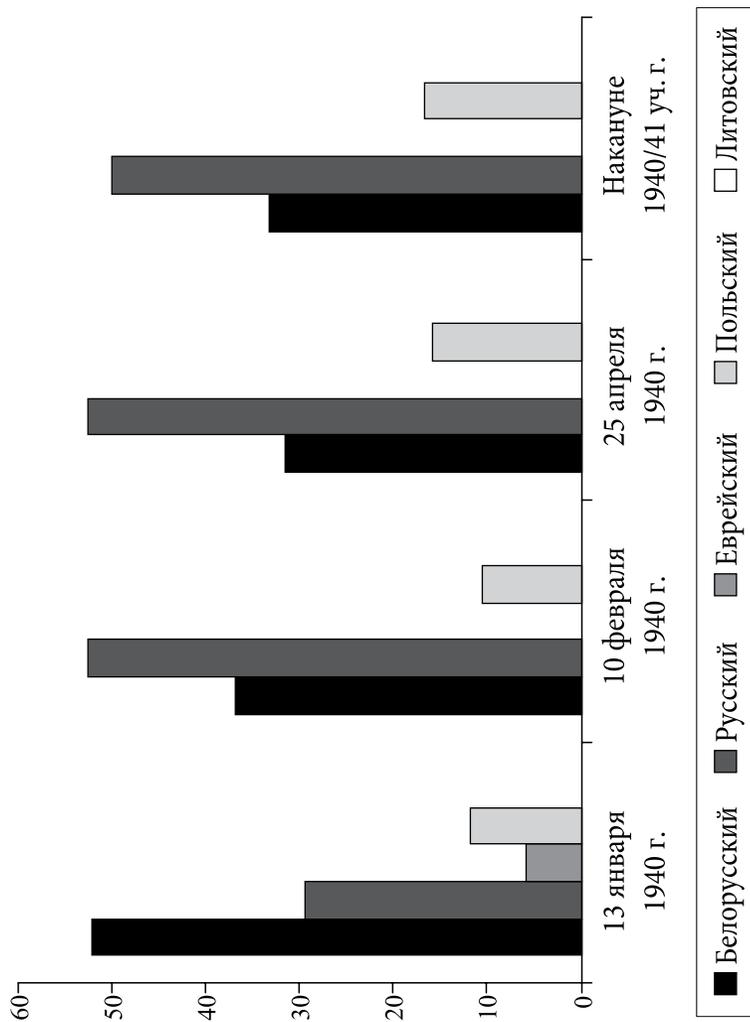

Рис. 3. Изменение количества национальных средних школ Барановичской области (в процентах, по языкам обучения)¹⁷⁴

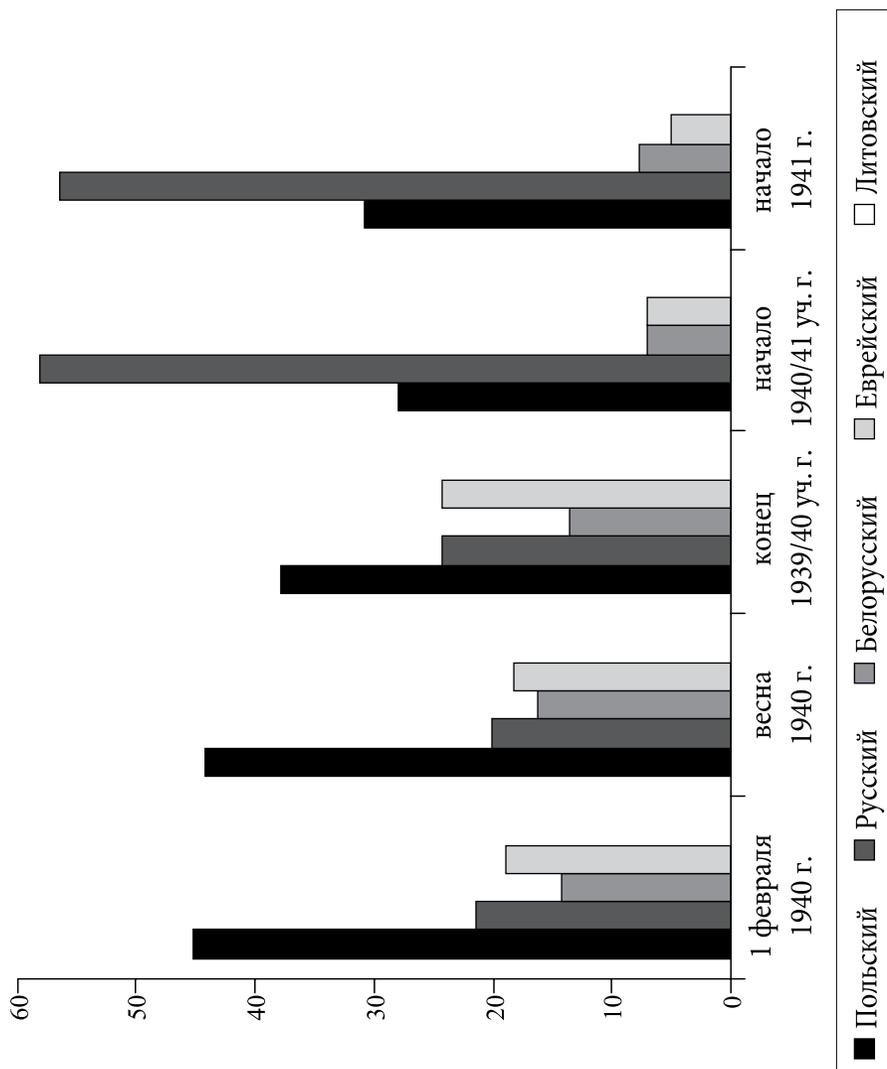

Рис. 4. Изменение количества национальных средних школ Белостокской области (в процентах, по языкам обучения)¹⁷⁵

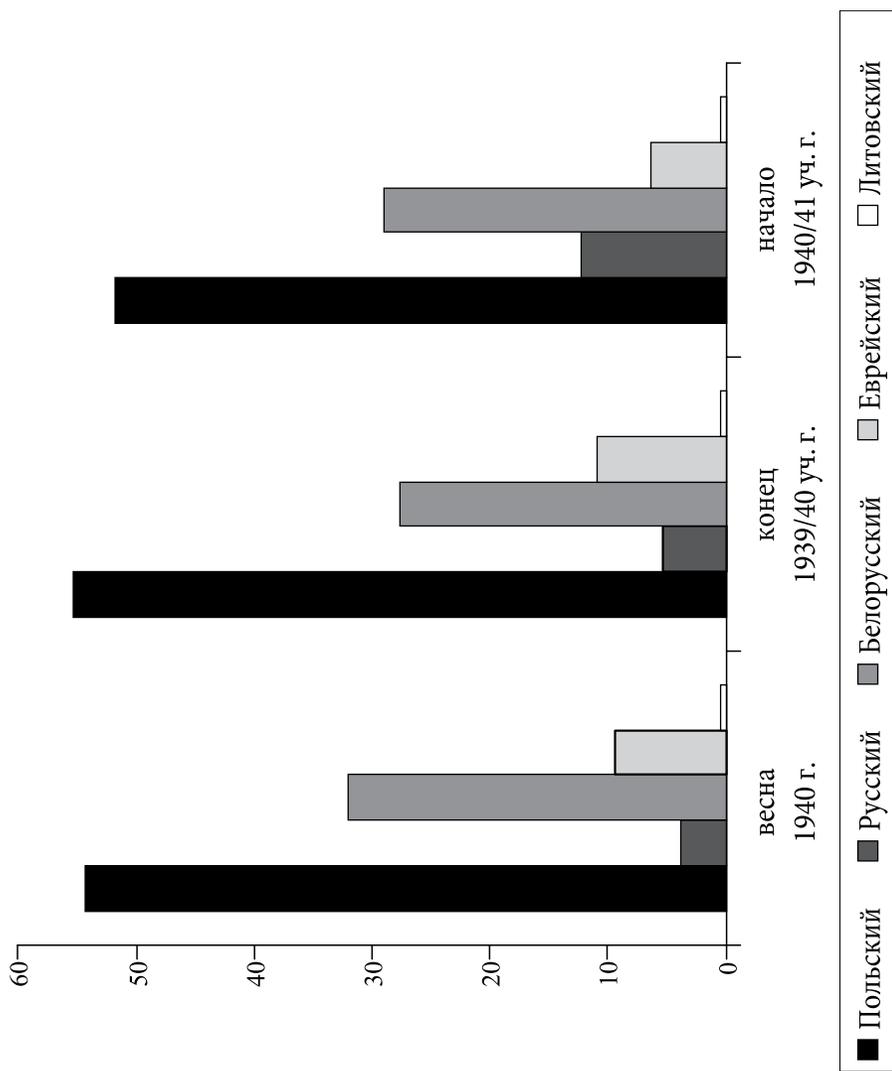

Рис. 5. Изменение количества учеников по всем национальным школам Белостокской области (в процентах, по языкам обучения)¹⁷⁶

Таблица 5. Национальный состав учащихся школ г. Гродно перед 1940/41 учебным годом с явными нарушениями при организации¹⁷⁷

Ступень	№	Язык преподавания	Учеников по национальности					Всех
			русских	бел.	пол.	евр.	др.	
НШ	8	русский	17	–	12	40	–	69
НСШ	3	белорусский	13	31	122	7	–	173
НСШ	4	белорусский	24	10	39	321	–	394
НСШ	6	русский	191	71	255	10	8	537
НСШ	10	белорусский	64	54	248	16	–	382
НСШ	15	русский	75	14	84	46	–	219
НСШ	17	белорусский	29	49	343	2	2	426
СШ	5	белорусский	9	106	155	81	1	352
СШ	7	русский	32	10	3	809	2	856
СШ	11	русский	210	93	161	338	12	814
СШ	13	русский	58	28	10	333	–	439
СШ	18	белорусский	123	150	700	28	2	970

Таблица 6. Национальный состав учащихся школ г. Белостока в 1940 г.¹⁷⁸

Ступень	№	Язык преподавания по классам	Учеников по национальности					Всех
			русск.	бел.	пол.	евр.	др.	
СШ	1	1-10 – польский, 1-3 – русский	94	30	614	13	3	754
СШ	2	1-7 – белорусский	1	55	–	7	–	63
СШ	3	1-10 – польский, 1-7 – русский	172	61	377	19	15	644
СШ	4	1-7 – польский	13	1	388	5	–	407
СШ	5	1-10 – польский	39	22	503	5	3	527
СШ	6	1-7 – еврейский	–	–	–	473	–	473
СШ	7	1-10 – русский, 1-4 – еврейский	–	–	–	439	–	439
СШ	8	1-10 – русский	81	10	–	570	3	664
СШ	9	1-9 – русский	27	3	–	540	–	570
СШ	10	1-9 – еврейский	–	–	–	538	–	538
СШ	12	1-10 – польский	–	3	398	10	–	411
СШ	13	1-7 – польский	24	16	346	1	–	387
СШ	14	1-10 – русский	246	168	–	498	20	932
СШ	15	1-10 – русский	660	131	–	138	45	976
НСШ	11	1-6 – еврейский	–	–	–	285	–	285
НСШ	16	1-6 – еврейский	–	–	–	286	–	286
НСШ	17	1-7 – польский	–	–	593	1	–	594
НСШ	18	1-6 – польский	25	15	290	3	–	333
НСШ	19	1-6 – еврейский	–	–	–	372	–	372
НСШ	20	1-7 – польский	32	7	472	14	–	526

Таблица 6 (продолжение)

Степень	№	Язык преподавания по классам	Учеников по национальности					Всех
			русск.	бел.	пол.	евр.	др.	
НСШ	21	1-6 – еврейский	–	–	–	277	–	277
НСШ	22	1-4 – русский, 1-6 – польский	73	9	278	9	–	369
НСШ	23	1-6 – польский	15	8	317	13	1	354
НСШ	24	1-6 – польский	10	2	320	20	–	352
НСШ	25	1-6 – еврейский	–	–	–	340	–	340
НСШ	26	1-6 – еврейский	–	–	–	422	–	422
НСШ	27	1-7 – польский	2	4	250	–	–	256
НСШ	28	1-6 – еврейский	–	–	–	242	–	242
НСШ	29	1-6 – еврейский	–	–	–	471	–	471
НСШ	30	1-6 – еврейский	–	–	–	308	–	308
Всех учеников			1524	535	5149	6319	90	13617

Примечания

- ¹ Политическое воспитание новых советских граждан // Правда. 1940. 20 сентября. С. 1.
- ² Усилить подготовку девушек-трактористок // Сталинская молодежь. 1940. 10 декабря. С. 1.
- ³ Глыбінны У. У катніх руках // Раніца. 1941. 10 снежня. С. 3
- ⁴ Паланевіч Г. Нацыянальная тэорыя і практыка бальшавізму ў Беларусі // Беларускі зборнік. Мюнхен, 1960. Кн. 12. С. 69.
- ⁵ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ), ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 46.
- ⁶ По: Царюк И.О. КПБ – организатор культурного строительства в западных областях Белоруссии (1939–1955 гг.). Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1969. С. 40.
- ⁷ См. подробнее: Інструкцыя аб парадку рэарганізацыі заходніх абласцей БССР. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва пры СНК БССР, 1939. С. 5–8.
- ⁸ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974. С. 109–110.

- ⁹ Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 2. 1928–1941 гг. Минск: Народная асвета, 1980. С. 302. Не стоит, однако, забывать, что за обучение в школе «повседневной» плата не взималась.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Государственное издательство политической литературы, 1974. С. 431.
- ¹¹ Там же. Т. 38. М.: Государственное издательство политической литературы, 1974. С. 116.
- ¹² См., например: Нікалас П. Вакар. Ліквідацыя беларускага нацыяналізму // Спадчына. 1992. № 6. С. 12–20.
- ¹³ Клімаў І. Беларусізацыя ў дакументах // Беларускі Гістарычны Агляд. Т. 8. Сш. 1–2 (14–15). Менск, 2001. С. 273–295. См. также: Беларусізацыя: 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. Мінск: БДУ, 2001.
- ¹⁴ Дрозд Л.Н. Развитие средней общеобразовательной школы Белоруссии в период 1935–1941 гг. (Сеть и материальное обеспечение школ) // Ученые записки Гродненского педагогического института. Минск: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения БССР, 1957. Вып. 3. С. 107.
- ¹⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 46.
- ¹⁶ Дацкевич Л. Первыми появились школы // Заря. 1989. 27 июня. С. 4.
- ¹⁷ Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО), ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 5.
- ¹⁸ ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 2.
- ¹⁹ Царук І. 3 гісторыі развіцця савецкай школы ў заходніх абласцях Беларусі // Савецкая школа. 1958. № 6. С. 37.
- ²⁰ Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 2. 1928–1941 гг. Минск: Народная асвета, 1980. С. 303.
- ²¹ Яцкевіч С. Палітыка савецкіх улад адносна нацыянальнага школьніцтва ў Заходняй Беларусі ў 1939–1941 гг. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 2000. № 14. С. 158; Трафімчык А. Рэарганізацыя школьнай сеткі Заходняй Беларусі ў 1939–1941 гадах: нацыянальны аспект // Загароддзе-3: Матэрыялы навук.-краязнаўч. канф. “Палессе ў XX стагоддзі”, 1–4 чэрвеня 2000 г., Беласток / Уклад. агул. рэд. Ф.Д. Клімчука, А. Энгелькіна, В.А. Лабачэўскай. Мінск, 2001. С. 189; Трафімчык А. Школы Заходняй Беларусі ў перыяд 1939–1941 гг. // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Брэст, 23–24 красавіка 1998 г. У дзвюх частках. Ч. II. Брэст: Выдавецтва С. Лаўрова, 1998. С. 193.
- ²² Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 2. 1928–1941 гг. Минск: Народная асвета, 1980. С. 361–362.
- ²³ Подробнее см.: Петровская О.В. Реалии советской жизни: культура и быт Бреста в 1939–1941 годах // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 231–253; Jasiewicz K. Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce 1939–1941 (Białostoczczyzna, Nowogródzczyzna, Polessie, Wileńszczyzna). Warszawa: Drukarnia Wydawnictw Naukowych, 2001. S. 152.
- ²⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 247, л. 75.
- ²⁵ ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 5–6; Вабішчэвіч А. 3 нацыянальнага-культурнага жыцця заходніх абласцей БССР у 1939–1941 гг.: моўны аспект // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 201.
- ²⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774, л. 62.
- ²⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 5–6.

- ²⁸ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 162, л. 62.
- ²⁹ Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 2. 1928–1941 гг. Минск: Народная асвета, 1980. С. 360, 362.
- ³⁰ ГАБО, ф. 279, оп. 1, д. 2, л. 169.
- ³¹ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1081, л. 42; оп. 27, д. 244, л. 28–29; Государственный архив общественных организаций Гродненской области (далее – ГАОО ГО), ф. 2, оп. 50, д. 4, л. 75; ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 6.
- ³² Яцкевіч С. Палітыка савецкіх улад адносна нацыянальнага школьніцтва ў Заходняй Беларусі ў 1939–1941 гг. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 2000. № 14. С. 166.
- ³³ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 25.
- ³⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 24.
- ³⁵ ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 16, л. 59; ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 6.
- ³⁶ По подсчетам на основе исследований польских историков путем арестов, депортаций, призыва в армию присоединенные к БССР территории покинуло около полумиллиона человек, не менее половины из которых составляли поляки (см.: *Deportacje i przemieszczenia ludności polskiej w głąb ZSRR. 1939–1945*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. 382 s.; Ciesielski S., Hryciuk G., Srebrakowski A. *Masowe deportacje radzieckie w okresie II wojny światowej*. Wrocław: Wydawnictwo i Drukarnia DTSK “Silesia”, 1994. 231 s.; Jasiewicz K. *Obywatele Polscy aresztowani na terytorium tzw. Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941 w świetle dokumentacji NKWD/KGB* // *Kwartalnik Historyczny*. 1994. № 1. S. 105–134; Żaroń P. *Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. 429 s.; Żaroń P. *Obozy jeńców polskich w ZSRR w latach 1939–1941*. Warszawa – Londyn: UNICORN Publishing Studio, 1994. 615 s.; Materski W. *Martyrologia obywateli polskich na wschodzie po 17 września 1939 // Zbrodnicza ewakuacja więzień i aresztów NKWD na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej w czerwcu – lipcu 1941 roku. Materiały z sesji naukowej w 55 rocznicę ewakuacji więźniów NKWD w głąb ZSRR*. Łódź, 10 czerwca 1996 r. Warszawa, 1997. S. 8–9; Sudol A. *Początki sowietyzacji Kresów Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej (jesień 1939 roku)*. Bydgoszcz; Toruń, 1997. S. 121; Glowacki A. *Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1998. 695 s.).
- ³⁷ Bugaj T. *Dzieci polskie w ZSRR i ich repatriacja (1939–1952)*. Jelenia Góra, 1986. S. 10–14; Theiss W. *Zniewolone dzieciństwo. Socjalizacja w skrajnych warunkach społeczno-politycznych*. Warszawa: Wydawnictwo «ŻAK», 1999. S. 34.
- ³⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 24–25.
- ³⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 24–25.
- ⁴⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 25.
- ⁴¹ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 246, л. 18–19.
- ⁴² НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 244, л. 28–30.
- ⁴³ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1081, л. 41–53.
- ⁴⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1072, л. 166–173.
- ⁴⁵ ГАОО ГО, ф. 6196, оп. 1, д. 424, л. 52–54.
- ⁴⁶ ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 67, л. 38.
- ⁴⁷ Jasiewicz K. *Zagłada Polskich Kresów. Ziemiaństwo polskie na Kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941. Studium z dziejów zagłady dawnego narodu politycznego*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza VOLUMEN, 1998. S. 87.

- 48 Волаціч М. Насельніцтва Заходняй Беларусі і яго перасяленне між сучаснай Польшчай і БССР // Беларускі зборнік. Мюнхен, 1956, Кн. 4. С. 17.
- 49 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 244, л. 30.
- 50 НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1072, л. 47–48.
- 51 НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1072, л. 47.
- 52 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 244, л. 24.
- 53 ГАГО, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 28.
- 54 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 244, л. 11.
- 55 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 24; Войцешук Дмитрий Максимович, 1923 г.р., д. Гобята, гмина Грудэк, Белостокское воеводство.
- 56 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 24; Мірановіч Я. Навейшая гісторыя Беларусі. Беласток, 1999. С. 120.
- 57 ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 4, л. 158.
- 58 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 410, л. 314–315.
- 59 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 1.
- 60 Вабішчэвіч А. З нацыянальна-культурнага жыцця заходніх абласцей БССР у 1939–1941 гг.: моўны аспект // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 204.
- 61 Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 2. 1928–1941 гг. Минск: Народная асвета, 1980. С. 323.
- 62 По: Pietrowska O. Polityka w dziedzinie oświaty i kultury na obszarze Polesia Brzeskiego w latach 1939–1941 // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. Warszawa, 1995. S. 173.
- 63 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 240, л. 18.
- 64 Панамарэнка П. З'еднанне беларускага народа // Чырвоная змена. 1940. 10 лютага. С. 3.
- 65 Pietrowska O. Polityka w dziedzinie oświaty i kultury na obszarze Polesia Brzeskiego w latach 1939–1941 // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. Warszawa, 1995. S. 174.
- 66 ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 427, л. 14.
- 67 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 38. М.: Государственное издательство политической литературы, 1974. С. 96.
- 68 Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 2. 1928–1941 гг. Минск: Народная асвета, 1980. С. 366.
- 69 Там же. С. 303.
- 70 Во II Речи Посполитой «было очень много разных детских и юношеских политических организаций», действовали спортивные движения, а также движения национального характера (еврейские): ГАБО, ф. 7583, оп. 1, д. 42, л. 1–10.
- 71 Царюк И. О. КПБ – организатор культурного строительства в западных областях Белоруссии (1939–1955 гг.). Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1969. С. 42–43, 50–52.
- 72 Гісторыя Беларускай ССР. У 5 тамах. Том 4. Мінск: Навука і тэхніка. 1975. С. 109.
- 73 Подсчитано автором по: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 400, л. 32; Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 2. 1928–1941 гг. Мн.: Народная асвета, 1980. С. 373; ГАБО, ф. 7583, оп. 1, д. 98, л. 78.
- 74 См.: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 8.
- 75 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 410, л. 314.

- ⁷⁶ ГАБО, ф. 7581 «П», оп. 1, д. 19, л. 221; НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 108, л. 17; ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 400, л. 31, 77.
- ⁷⁷ Gnatowski M. Antyreligijna działalność władz radzieckich w regionie białostockim w latach 1939–1941 w świetle dokumentów // *Studia Podlaskie*. 1997. T. VII. S. 160–161.
- ⁷⁸ Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemne niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 83, 99.
- ⁷⁹ Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemne niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 150–152.
- ⁸⁰ См. подробнее: Розенблат Е. Иудаизм и советская власть в западных областях Беларуси (1939–941 гг.) // *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*. Białystok, 2000. С. 186–191.
- ⁸¹ Cygan W. K. Kresy w ogniu. Wojna polsko-sowiecka 1939. Warszawa: Warszawska Oficyna Wydawnicza. 1990. S. 32, 46; Siemiński J. Przyszliśmy, żeby was wyzwolić. Wspomnienia z Grodna i Stanisławowa (1939–1944). Białystok, 1992. S. 12–16.
- ⁸² Сямашка Я.І. Армія Краёва на Беларусі. Мінск: Беларускае выдавецкае Таварыства “Хата”, 1994. С. 16.
- ⁸³ Wnuk R. Polska konspiracja antysowiecka na Kresach Wschodnich II RP w latach 1939–1941 i 1944–1952 // *Tygiel narodów. Stosunki społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939–1953*. Warszawz, 2002. S. 162, 209.
- ⁸⁴ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 113; д. 291, л. 10; д. 398, л. 128; ф. 2, оп. 50, д. 1, л. 211; ф. 6196, оп. 1, д. 424, л. 51; НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 2, 6, 8; ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 152, л. 12.
- ⁸⁵ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 114.
- ⁸⁶ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 10; Jasiewicz K. Aparat sowiecki na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej jako model patologiczny funkcjonowania klasy politycznej (1939–1953) // *Tygiel narodów. Stosunki społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939–1953*. Warszawz, 2002. S. 72–73.
- ⁸⁷ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 9; ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 399, л. 27–28.
- ⁸⁸ ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 152, л. 12; Вабішчэвіч А. З нацыянальнага-культурнага жыцця заходніх абласцей БССР у 1939 – 1941 гг.: моўны аспект // *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*. Białystok, 2000. С. 201; Strzembosz T. Konspiracja na ziemi augustowskiej pod okupacją radziecką (1939–1941) // *Przegląd Historyczny*. 1992. Z. 3. S. 672.
- ⁸⁹ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 26, л. 310–311; д. 248, л. 36–40; Archiwum Wschodnie przy Ośrodku «KARTA» w Warszawie, Bakiński S., sygnatura II/607. S. 35.
- ⁹⁰ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 9; НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 108, л. 17; Kania W. Bolszewizm i Religia. Rzym, 1945. S. 99–100.
- ⁹¹ Batura W., Makowski A., Szlaszyński J. Dzieje Augustowa od założenia do 1945 roku. Suwałki: Wydawnictwo Zbigniew J. Filipkowski, 1997. S. 291.
- ⁹² Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemne niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach. Białystok, 2001. S. 207.
- ⁹³ См.: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно: ГТАУ, 2004. С. 133–136.

- ⁹⁴ Еленская Е. Антирелигиозная агитация и пропаганда в западных областях Беларуси. 1939–1941 // *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*. Białystok, 2000. С. 174.
- ⁹⁵ См. подробнее: Śleszyński W. Rocznice i święta państwowe obchodzone na Białostocczyźnie w latach okupacji sowieckiej 1939–1941 // *Biuletyn Historii Pogranicza*. 2001. № 2. S. 89–97.
- ⁹⁶ По: Петровская О.В. Реалии советской жизни: культура и быт Бреста в 1939–1941 годах // *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*. Białystok, 2000. С. 236.
- ⁹⁷ Такие материалы в достаточной для представления степени введены в научный оборот польским историком М. Гнатовским: Gnatowski M. *Niepokorna Białostocczyzna. Opór społeczny i polskie podziemne niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach*. Białystok, 2001. 490 s.; Gnatowski M. *W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941*. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1997. S. 159–275.
- ⁹⁸ Кстати, именно так характеризуется в письме начальника НКВД Барановичской области полковника Мисюрева секретарю Барановичского областного комитета КП(б)Б Туру Несвижская гимназия до ее реорганизации: *Okupacja sowiecka (1939–1941) w świetle tajnych dokumentów. Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1996. S. 217.
- ⁹⁹ Gnatowski M. *Niepokorna Białostocczyzna. Opór społeczny i polskie podziemne niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939–1941 w radzieckich źródłach*. Białystok, 2001. S. 399–401.
- ¹⁰⁰ Siemiński J. *Grodno walczące. Wspomnienia harcerza*. Białystok, 1992. S. 144–147; Lipińska G. *Jeśli zapomnę o nich...* Warszawa: Editions Spotkania, 1998. S. 52; Розенблат Е. *Иудаизм и советская власть в западных областях Беларуси (1939–1941 гг.)* // *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*. Białystok, 2000. С. 186–191; Wincenciak W. *Łomżyńskie tradycje oświatowe a szkolnictwo w czas radzieckiej i niemieckiej okupacji*. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im. Wagów, 2001. S. 108–109; Towiańska-Michalska M. *Dzieciństwo w wojennym Łunińcu* // *Moje wojenne dzieciństwo. Wspomnienia nadesłane na konkurs*. Tom 1. Warszawa, 1999. S. 177.
- ¹⁰¹ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 24.
- ¹⁰² Подсчитано автором по: НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 240, л. 46, 48.
- ¹⁰³ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 24.
- ¹⁰⁴ Подсчитано автором по: ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 162, л. 13.
- ¹⁰⁵ Подсчитано автором по: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 67; д. 399, л. 221, 275; Василючек М.В. *В семье единой*. Минск: Вышэйшая школа, 1977. С. 102.
- ¹⁰⁶ Волаціч М. *Насельніцтва Заходняй Беларусі і яго перасяленне між сучаснай Польшчай і БССР* // *Беларускі зборнік*. Мюнхен, 1956, Кн. 4. С. 16–17.
- ¹⁰⁷ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 399, л. 27; устное сообщение И.М. Гайтюкевича 1919 г.р. (д. Большие Круговичи, Ганцевичский район, Брестская область).
- ¹⁰⁸ Подробнее об обмене населением между Германией и СССР см.: Кузнецов И. *По обе стороны пакта* // *Народная газета*. 1995. 25 жніўня. С. 4.
- ¹⁰⁹ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 14–17.
- ¹¹⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774. л. 63.
- ¹¹¹ ГАБО, ф. 282, оп. 1, д. 3, л. 52.

- ¹¹² Januszek F. Polityka oświatowa ZSRR na okupowanych terenach wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941 (na przykładzie województwa białostockiego) // Przegląd Historyczno-Oświatowy. 1991. №3–4. S. 137.
- ¹¹³ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 21.
- ¹¹⁴ Андреева Е., Лыч Л. Возрождение национальной школы // Коммунист Белоруссии. 1989. №9. – С. 25–27.
- ¹¹⁵ ГАБО, ф. 1 “П”, оп. 1 “б”, д. 3, л. 133.
- ¹¹⁶ ГАБО, ф. 1 “П”, оп. 1 “б”, д. 3, л. 134.
- ¹¹⁷ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 152, л. 13.
- ¹¹⁸ См., например, документы по школам Гродно: ГАГО, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 11, 57.
- ¹¹⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774. л. 63; см. там же, л. 1–9 (Пинский уезд), 21–26 (Гродненский уезд), 27–34 (Слонимский уезд) и др.
- ¹²⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 24.
- ¹²¹ Цярновы шлях. Аповяды Барыса Кіта, запісаныя Васілём Быкавым улетку 2001 году ў Франкуфце-на –Майне // Польшыя. 2002. № 3-4. С. 49–50.
- ¹²² НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1683, л. 11.
- ¹²³ Потом в советских работах старались ограничиваться полуконкретными фразами, не раскрывая сложной сущности проблемы, сообщая только, что старые кадры имели реакционную часть, которая усложняла «проведение в жизнь мероприятий партии и правительства в деле культурного строительства и внедрения советской педагогики в системе народного просвещения» в западных областях Белоруссии в конце 1939 г. (см.: Царук І. 3 гісторыі развіцця савецкай школы ў заходніх абласцях Беларусі // Савецкая школа. 1958. № 6. С. 37; Царук І. О. Рост культуры заходніх абласцей БССР за гады Савецкай улады: Да 20-годдзя ўз’яднання Беларусі. Мінск, 1959. С. 12.).
- ¹²⁴ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 419, л. 40.
- ¹²⁵ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 113.
- ¹²⁶ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 399, л. 27; д. 9, л. 113.
- ¹²⁷ Тогда всем директорам школ Наркомпрос дал указание о прекращении преподавания религиозного предмета и снятии во всех школах крестов (НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774, л. 18.).
- ¹²⁸ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 430, л. 6.
- ¹²⁹ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 113.
- ¹³⁰ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 399, л. 27.
- ¹³¹ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 162, л. 11–14.
- ¹³² НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774, л. 63.
- ¹³³ НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1683, л. 18–19.
- ¹³⁴ К заключенному 28 сентября 1939 г. договору о дружбе и границах между СССР и Германией прилагался секретный протокол, согласно которому предусматривалось, что обе стороны не должны допускать на своих территориях никакой польской агитации; они обязывались ликвидировать все источники подобной информации и взаимно информировать о мерах, принятых с этой целью (Документы внешней политики. 1939. Т. XXII: В 2 кн. Кн. 2: Сентябрь–декабрь. М.: Международные отношения, 1992. С. 135–136.).
- ¹³⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 240, л. 52.
- ¹³⁶ Вабішчэвіч А. Уз’яднанне // Польшыя. 2000. № 9. С. 199.
- ¹³⁷ Смілавіцкі Л. Невядомыя старонкі беларускай школы // Польшыя. 1994. № 12. С. 197.

- ¹³⁸ Gnatowski M. W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1997. S. 220–283.
- ¹³⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 224, л. 33.
- ¹⁴⁰ Strzembosz T. Konspiracja na ziemi augustowskiej pod okupacją radziecką (1939–1941) // Przegląd Historyczny. 1992. Z. 3. S. 672.
- ¹⁴¹ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 8.
- ¹⁴² НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 3.
- ¹⁴³ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 14–17.
- ¹⁴⁴ Близко к тексту по: НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774, л. 64.
- ¹⁴⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 255, л. 161.
- ¹⁴⁶ Паланевіч Г. Нацыянальная тэорыя й практыка бальшавізму ў Беларусі // Беларускі зборнік. Мюнхен, 1960. Кн. 12. С. 74.
- ¹⁴⁷ Подробнее см., например: Chackiewicz A. F. Aresztowania i deportacje ludności zachodnich obszarów Białorusi (1939–1941) // Polska – Białoruś. 1918–1945. Warszawa, 1994. S. 133–160. Кстати, эти процессы Советы в то время называли простым переселением ради развития экономики в целом и сельского хозяйства в частности (см.: По-большевистски руководить переселением колхозников // Правда. 1940. 30 октября. С. 1.).
- ¹⁴⁸ Волаціч М. Насельніцтва Заходняй Беларусі і яго перасяленне між сучаснай Польшчай і БССР // Беларускі зборнік. Мюнхен, 1956. Кн. 4. С. 15.
- ¹⁴⁹ Siemaszko Z. W sowieckim osaczeniu. 1939–1941. Londyn: Polska Fundacja Kulturalna, 1991. S. 87.
- ¹⁵⁰ Kryńska E. Martyrologia nauczycieli Białostcczyzny w latach II wojny światowej // Edukacja. 2000. № 4. S. 109.
- ¹⁵¹ Bobowik A. Szkolnictwo ogólnokształcące na Białostcczyźnie w cytemie oświaty radzieckiej w latach 1939–1941 w świetle ostatnich badań archiwalnych // Przegląd Historyczno-Oświatowy. 2000. №3–4. S. 117.
- ¹⁵² ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 70, л. 22–25.
- ¹⁵³ Jasiewicz K. Liczba deportowanych // Karta. 2001. №32. S. 145.
- ¹⁵⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1081, л. 42.
- ¹⁵⁵ ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 4, л. 45.
- ¹⁵⁶ ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 430, л. 4.
- ¹⁵⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 17.
- ¹⁵⁸ ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 67, л. 38.
- ¹⁵⁹ Gnatowski M. W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939 – 1941. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1997. S. 107; Śleszyński W. Okupacja sowiecka na Białostcczyźnie w latach 1939–1941. Propaganda i indoktrynacja. Białystok: Agencja Wydawnicza Benkowski, Białostockie Towarzystwo Naukowe, 2001. S. 260.
- ¹⁶⁰ Особенно скрупулезный контроль существовал учителей школ приграничных районов, «неблагонадежные» брались на подробный учет (см., например: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 399, л. 238–269.).
- ¹⁶¹ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 255, л. 177.
- ¹⁶² Gnatowski M. W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im Wagów, 1997. S. 257–258.

- ¹⁶³ Бабіна Н. Тут была Україна // АРСНЕ. 2001. № 5 (19). С. 211.
- ¹⁶⁴ Были разработаны даже соответствующие планы (по: Суворов В. Ледокол. День “М”. М.: АСТ, 1995. С. 57). Подробнее см.: Триандафиллов В.К. Характер операций современных армий. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 177–178.
- ¹⁶⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Государственное издательство политической литературы, 1974. С. 420.
- ¹⁶⁶ ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 30.
- ¹⁶⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1081, л. 42–43.
- ¹⁶⁸ ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 8–9.
- ¹⁶⁹ Составлена автором по данным: ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 8–9, л. 14–15; д. 161, л. 8–10; д. 162, л. 27.
- ¹⁷⁰ Составлена автором по данным таблиц: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 66; д. 399, л. 12, 86; д. 410, л. 297 обр.
- ¹⁷¹ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 255, л. 182. Примечание: в источнике содержатся ошибки, завышающие данные (см.: Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 2. 1928–1941 гг. Минск: Народная асвета, 1980. С. 372.)
- ¹⁷² Составлена автором по данным: ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 8–9, д. 161, л. 8–10; д. 162, л. 27.
- ¹⁷³ Составлена автором по данным таблиц: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 66; д. 399, л. 12, 86; д. 410, л. 297 обр.
- ¹⁷⁴ Составлена автором по данным: ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 8–9, д. 161, л. 8–10; д. 162, л. 27.
- ¹⁷⁵ Составлена автором по данным таблиц: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 66; д. 399, л. 12, 86; д. 410, л. 297 обр.
- ¹⁷⁶ Составлена автором по данным таблиц: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 66; д. 399, л. 12.
- ¹⁷⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 246, л. 22.
- ¹⁷⁸ Составлена автором по данным таблиц: Śleszyński W. Struktura szkolnictwa sowieckiego w Białymstoku // Białostoczczyzna. 1999. №1. S. 130–133.

ИСТОРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОГРАНИЧЬЯ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В 1860-е гг.

У знаменитого фантаста Рэя Брэдбери есть рассказ, который называется «Были они смуглые и золотоглазые». Культуролог назвал бы его художественным изображением процесса смены идентичности. Речь в рассказе идет о том, как колонисты-земляне на Марсе, оказавшись оторванными от родной планеты, превращаются в марсиан. Исконных обитателей Марса на планете давно уже нет, но остались их города и каналы, картины и памятники, их виллы и бассейны. Сам воздух кажется пропитанным тысячелетиями чужой культуры, таинственным образом он проникает в мозги и тела колонистов. И постепенно, даже не замечая изменений, они «вспоминают» чуждые им слова, имена, привычки и занятия. Когда, спустя годы, с Земли прилетает ракета, экипаж находит на планете... лишь смуглых, стройных и золотоглазых марсиан, которые, правда, поразительно быстро усваивают английский язык.

В отличие от мира Брэдбери в исторической реальности эти изменения происходят не столь загадочно. Процесс дрейфа идентичности является результатом взаимодействия многочисленных и разнородных факторов, но все-таки в нем, пожалуй, есть нечто фантастическое, трудно поддающееся рациональному объяснению. Ведь ход изменения идентичности столь полон неожиданных поворотов, открывающихся возможностей и альтернатив, что представить его как нечто однолинейное, закономерное и жестко детерминированное можно лишь в том случае, если развитие рассматривается с точки зрения нашего сегодняшнего знания о достигнутых результатах. Ведь во второй половине XIX в., например, импульс конструирования особой идентичности присутствовал

в идеях украинофилов, провансальских поэтов и сибирских областников. Сегодня, спустя полтора столетия, мы знаем, что цели достигли лишь украинофилы. Но вправе ли мы опрокидывать в прошлое наше знание? Вправе ли упрощать реальную сложность исторического развития и акцентировать в прошлом лишь то, что работает на доказательство известного нам сегодня успеха украинского национализма и поражения провансальского? (Оговорюсь сразу, что за стремлением понять альтернативность этих процессов ни в коем случае не скрыто намерение увидеть в них историческую случайность.)

Важным и необходимым инструментом формирования идентичности является прошлое. Еще Эрнест Ренан в своей знаменитой лекции «*Qu'est ce que c'est une nation?*» утверждал, что национальное сознание формируют две обязательные черты: общее прошлое (разделяемые воспоминания) и общее будущее (разделяемое желание жить вместе)¹. Однако представления о прошлом в отличие от марсианского мира Брэдбери, где они усваиваются буквально из воздуха, нуждаются в интерпретации, значит, – в интерпретаторах. Сами по себе руины, памятники, достопримечательности, манускрипты остаются немymi до тех пор, пока не придет кто-то, кто придаст им ценность и значение и попытается передать эти представления другим.

В эпоху формирования национальных государств история становится ареной, на которой вступают в противоборство различные версии видения «общего прошлого», а в пространстве культурного пограничья оно приобретает особенно острый характер. Данная статья посвящена попыткам интерпретации истории, которые предпринимались людьми, концентрировавшимися вокруг Ивана Петровича Корнилова (1811–1901). Его с полным основанием можно назвать рыцарем консерватизма и русификации. Отдав двадцать с лишним лет жизни военной службе, Корнилов в 1850-е гг. перешел в ведомство Министерства просвещения и оставался в нем до самой смерти, занимая должности помощника попечителя Петербургского учебного округа, члена совета министра народного просвещения, товарища министра. Но подлинный взлет его карьеры пришелся на 1864–1868 гг., когда Корнилов занимал пост попечителя Виленского учебного округа. Для самого Корнилова это была не столько служба, сколько высокая миссия служения «русскому делу».

В Вильне, а позднее и в Петербурге, Корнилов оказался своеобразным центром притяжения для целого круга сослуживцев и единомышленников. Те, кто жил в Петербурге, регулярно собирались у него по субботам. Приезжавшие в столицу обязательно навещали своего бывшего патрона. К этому кругу принадлежали историки Д.И. Иловайский, М.О. Коялович, Н.П. Барсов и целая когорта сослуживцев Корнилова по Виленскому учебному округу. К числу последних можно отнести В.П. Кулина, Н.Н. Новикова, П.А. Гильдебрандта, И.Я. Спрогиса, Г.Э. Траутфеттера, Ю.Ф. Крачковского, А.В. Рачинского, Я.Ф. Головацкого и многих других. Корнилову было свойственно чувство пиетета к историче-

скому документу, и он берег все, что могло свидетельствовать о прошлом: хозяйственные записи своего отца и черновики собственных статей, ведомственные отчеты и циркуляры, карикатуры и сатирические стихи, и много писем – своих и чужих. В результате оформился большой массив документов, который представлен в личных фондах И.П. Корнилова, хранящихся в Российском государственном историческом архиве в (РГИА) и отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) г. Петербурга². Некоторая часть этих материалов вошла в издание, подготовленное самим Корниловым³. Однако сравнение архивных документов с печатным изданием свидетельствует, что бывший виленский попечитель стремился многое сгладить, представить деятельность округа в выгодном свете, а наиболее откровенные критические факты и высказывания вообще опустить. Архивные документы позволяют уточнить систему ценностей и приоритетов тех людей, которые были искренними и последовательными проводниками «русского дела», обрисовать коллективный портрет русификатора, с присущими ему чувствами, мыслями и устремлениями.

Восстание 1863 г. послужило мощным толчком для разработки правительством принципиально новой стратегии действий. Власть начинала осознавать, что задача управления окраинами сводится не просто к поддержанию внешней лояльности военно-административными мерами. Теперь нужны были более тонкие инструменты, которые по-новому позволили бы скрепить имперское «тело». Западные губернии и стали полем для поиска новых решений и подходов. Об этой переориентации А.Н. Пыпин писал с некоторой долей иронии: «С последнего польского восстания мы вдруг открыли, что Западный край есть край русский»⁴.

Для доказательства этого «открытия» стали применяться нетрадиционные аргументы, к числу которых можно отнести и историю. Пожалуй, впервые в России именно в Вильно в 1860-е гг. история стала рассматриваться и использоваться в первую очередь как средство борьбы за идентичность. Коялович, например, писал Корнилову о случае, которому он был свидетелем в г. Лиде: «Поляк, студент Петербургского лесного института, нагло требует в почтовой конторе, чтобы с ним объяснялись по-польски, потому что это страна польская, и что не признавать этого могут только не понимающие истории»⁵. Продолжая делиться с Корниловым своими впечатлениями, Коялович добавляет: «Вы постоянно видите, что крестьянин, выдвигающийся из своей среды, – один говорит с вами нашим литературным языком, другой – чистою польскою речью, и оба укорачивают свои зипуны, прилаживают их покрой к сюртуку, пальто...»⁶.

Официальное законодательство николаевского времени ставило знак равенства между «польскостью» и конфессиональной принадлежностью. Члены корниловского кружка начинают ощущать слабость подобного инструментария. Многие из них, особенно те, кто давно жил в этих местах, уже до восстания понимали, что религиозно-бюрократический подход к пониманию идентичности

не слишком успешно улавливает специфику пограничья. В частности, об этом ярко свидетельствует путевой дневник, который вел окружной инспектор учебного округа Василий Петрович Кулин в 1862 г. во время своей служебной поездки по Виленской и Гродненской губерниям⁷. Чувствовал он себя резидентом, получившим трудное задание от штаба, ибо целью командировки было приискание мест для открытия сельских русских начальных школ и людей, на чью поддержку можно было бы опереться в этом трудном деле. Больше всего он хочет «узнать народ, за который идет спор, – каким языком он говорит и к какой национальности причисляет сам себя»⁸. Он пристально наблюдает за крестьянами, говорящими «по-простему», за ямщиками и духовенством, донимает их всех расспросами. Результаты наблюдений обескураживали: они расходились с официально принятыми представлениями о знаке равенства между поляком и католиком, с одной стороны, и русским и православным – с другой. Православные священники в семье говорили по-польски, их жены вообще не знали русского языка, а крестьяне-католики подчас определяли себя: «Мы русские». Признавая важность языкового и религиозного фактора, Кулин приходил к выводу, что наиболее важным является самосознание, а оно поддается влиянию.

Наблюдения Кулина и Кояловича прямо подводят нас к существенным чертам в русификаторской деятельности Виленского округа при Корнилове: история была взята округом на вооружение и обращена на конструирование идентичности. Важно подчеркнуть, что эта историческая проповедь была адресована не только образованным слоям, но и простонародью. Основными компонентами этой исторической концепции являлись несколько взаимосвязанных тезисов:

- На протяжении всей истории Западного края в его развитии неизменно и непрерывно прослеживается «русская линия», которая красной нитью проходит через многовековое прошлое.
- Элементы западной культуры представляют собой чуждое, наносное явление; они сумели «испортить» лишь верхушку общества.
- По мере того, как происходило усиление этих чуждых элементов культуры, росли и страдания народа. История Западного края представала как непрерывная – с XVI и до конца XVIII столетия – эскалация горя, бед и насилий, которые обрушивались на мужика.

В ряду мер, посредством которых данные тезисы воплощались в исторические тексты, можно выделить несколько направлений.

1. Поиск, сбор и публикация источников. Корнилов организовывал ежегодные командировки служащих округа для сбора «замечательностей»: летописей, старопечатных книг, рукописей. Учителя рисования по его заданию копировали графические изображения древностей: крестов, надгробий, церквей и монастырей⁹. Среди находок были и сенсационные: Туровское евангелие, Супрасльская летопись, летопись Авраамки. Публикацией исторических источ-

ников занимался не только учебный округ, но и созданная в Вильно археографическая комиссия¹⁰.

Вся эта деятельность была направлена в первую очередь на то, чтобы продемонстрировать исконную «русскость» края. Вот что писал Ю.Ф. Крачковский об очередном томе, изданном археографической комиссией, в который вошли акты Гродненского суда: «Эти акты относятся к половине XVI в., язык актов русский или, если угодно, белорусский, и мне думается, что по этим вполне установившимся и сложившимся формам следовало бы изучать наречие белорусское, а не по каким-то созданным, [диковинным] обрывкам, вроде записанных в последнее время песен, сказок, поговорок и т.п. ...Нравы, обычаи гродненца, его домашняя обстановка, богатство или бедность (по духовным завещаниям), его высшие или низменные идеалы – все это открывается здесь в довольно широких размерах. Названия одежды, предметов домашней утвари встречаются нередко те же, которые в то время встречались в каком-нибудь Суздальском княжестве. Все это вместе в сотый раз говорит опять, что Западная Россия есть исконная Русь, что Литва и Польшизна – это временные наросты, закравшиеся в живой организм и возомнившие быть самим организмом»¹¹.

2. Популяризация исторических знаний. Ученые издания были достоянием сравнительно узкого круга ученой публики. Для того чтобы распространять «правильную» интерпретацию истории в массовом сознании, требовались другие инструменты. К числу таковых можно отнести популярные книги, учебники для народных школ, картинки с изображением героев русской истории. Они печатались большими тиражами, рассылались по книжным магазинам при народных школах, стоили дешево, а иногда распространялись и вовсе бесплатно¹².

3. Использование религиозных практик для упрочения в массовом сознании «нужной» интерпретации истории. Тревогу среди корниловцев вызывало присутствие исторических символов в практике католической литургии, в праздниках и песнопениях. Подобное сращивание истории и католичества они видели, например, в ритуалах чествования Св. Казимира, в популярных среди народа печатных сборниках кантычек (песнопений)¹³.

Учебный округ пытался вторгнуться и в эту, достаточно щекотливую сферу. Циркуляром попечителя, например, предлагалось всем служащим за вознаграждение присылать исторические и современные материалы о местных православных святых, о древних православных памятниках и чудотворных иконах (особенно, если они захвачены католиками и находятся в костелах) для публикации в «Западно-Русском месяцеслове». Этот тип изданий широко расходился среди народа, так как представлял собой нечто среднее между календарем, святцами и справочником полезных сведений. Месяцеслов содержал роспись религиозных праздников на весь год, публиковал сведения о местных ярмарках, железнодорожное расписание, советы по домашнему лечению людей и животных

и многое другое. Однако месяцесловы, издаваемые Виленским округом, помимо всего этого, должны были способствовать «разъяснению исторической истины о Западном крае, распространять в народе убеждение, что эта страна издревле русская и православная»¹⁴.

Религиозно-историческим «противовесом» Св. Казимиру в популярных и учебных изданиях Виленского округа выступали святые мученики Антоний, Иоанн и Евстафий, которые были казнены Ольгердом за приверженность православной вере¹⁵. Сборники кантычек теперь подвергались строгой цензуре, а печатание их перешло в руки учебного округа. В 1866 г., сообщая о полученном разрешении печатать кантычки, Корнилов писал Кулину: «Народ любит кантычки; ну и слава Богу; вот им и готовая книга кантычек. Я признаю не только совершенно безопасными эти кантычки, но считаю их для нас, для будущего, крайне необходимыми... Кантычки воспевали Польшу, заставляли народ плакать и сокрушаться об угнетениях, будто бы претерпеваемых жмудинами от москалей. Кто помешает в кантычках воспевать Россию и освобождение жмудинов от панской неволи и от шляхетского кнута и нахальной надменности?»¹⁶.

4. Попытки использовать «магию имени». Сотрудники учебного округа уже начинали интуитивно понимать, что топонимические названия – мест, улиц, достопримечательностей – косвенно воздействуют на историческое сознание. Именно поэтому при подготовке географических атласов, учебников географии округ стремился по возможности меньше использовать имена, которые «невольно наводят мальчиков на воспоминания о польщизне»¹⁷. Эта черта отразилась и в деятельности Северо-Западного отдела Русского географического общества, который был организован в Вильно в 1867 г.¹⁸ Некоторые деятели корниловского круга предлагали даже заменять «чуждые», колонизированные имена на «исконные» – те, что употреблялись в XIV–XVI вв. По их мнению, например, знаменитую Остробрамскую улицу в Вильно следовало переименовать в Свято-Духовскую¹⁹.

5. Устранение конкурирующих интерпретаций прошлого. Уже в 1863 г. четко оформился курс на запрещение как исторических книг на польском языке, так и тех, что были напечатаны на русском языке, но содержали неприемлемую для администрации версию истории. Почти анекдотически выглядит в этой связи расследование, проведенное по случаю найденной в Виленской гимназии книги А. Здановича «Очерк польской истории для детей». Дирекции так и не удалось выяснить, кто именно принес эту книгу в класс, но все заподозренные были исключены²⁰. Жесткость и нелогичность официальной линии становятся еще более абсурдными, если учесть, что Александр Зданович, чей учебник по распоряжению М.Н. Муравьева был изъят из продажи и употребления, был широко известен в Вильно как преподаватель и автор многократно издававшихся учебных руководств²¹. Книги, которые до восстания свободно употреблялись в учебных заведениях, теперь попали в разряд крамольных.

В ряду этих мер находится и коренная переориентация музея древностей, который был открыт в Вильно еще в 1856 г. На энтузиастов музея (Е. Тышкевич, А. Киркор и др.) корниловцы возлагали ответственность за кровопролитие 1863 г. и утверждали, что музей накануне восстания играл роль пропагандистского центра. Любование атрибутами польско-шляхетской жизни, по их мнению, толкало гимназистов, которых приводили в музей на экскурсии, в объятия мятежников. Корниловцы саркастически высмеивали экспозицию музея как «шулерства псевдоученого музея», «апокрифический хлам», в котором представлены «халат Понятовского, пучок сена с могилы Карпинского, зрительная труба Костюшки и сундук Петра Скарги»²². Тышкевич был вынужден передать свой музей округу, после чего экспозиция сжалась, как шагреновая кожа, ибо в глазах новых управителей музея идеологически нейтральными являлись лишь древнейшие экспонаты, добытые при археологических раскопках.

6. Привлечение внимания академической общественности. Корнилов прилагал немалые усилия, чтобы заинтересовать деятельностью учебного округа представителей академической науки. Он состоял в переписке с М.П. Погодиным, Д.И. Иловайским, К.Н. Бестужевым-Рюминым, И.Д. Беляевым и др. После возвращения в Петербург Корнилов продолжал следить, чтобы издания Виленского учебного округа рассылались всем «нужным» историкам, инициировал написание ими рецензий на эти издания. Когда кто-либо из историков собирался посетить Вильно, Корнилов забрасывал своих бывших подчиненных инструкциями – встретить и проводить гостя по высшему разряду, все показать и рассказать. Он то и дело сообщает в своих письмах виленским сослуживцам: «К.Н. Бестужев-Рюмин отзывался очень хорошо об историческом отделе книги для чтения.... Посещение Ламанского не пройдет даром; он будет писать. Самим хвастаться неудобно, но желательно, чтобы посторонний и беспристрастный человек сказал доброе слово... Миллер взялся рассмотреть латышские песни Спрогиса, а Срезневский и другие – разобрать привезенные мною тома археографического сборника»²³. Примечательно, что круг исторических авторитетов Корнилова ограничен: в него входили историки консервативно-националистического направления, а также ученые, занимавшиеся проблемами «славянской взаимности». Имен Соловьева, Ключевского, Кавелина или Щапова мы в переписке не найдем.

Каковы же были итоги деятельности корниловцев на исторической ниве? Можно с уверенностью сделать вывод: несмотря на резкую тенденциозность, Виленский учебный округ сыграл значительную роль в сборе и публикации исторических источников. Отныне уже нельзя было заниматься историей края, не используя этих изданий. Примечательно, что Адам Киркор, оказавшись в эмиграции, умолял своего друга выслать ему в Краков «Акты по истории Западной России», поскольку без них невозможно работать, и добавлял при этом: «Крайне мне нужны»²⁴.

Можно также предположить, что стратегия, избранная Виленским учебным округом, была в определенной степени эффективна, ибо учитывала, использовала и подогревала антиэлитаристские черты белорусского сознания. Однако путь этот не обещал скорого успеха на пути к заветной цели «западнорусизма», ибо отрезал возможность компромисса с местными образованными слоями. Всех, кто готов был вырабатывать и усваивать «краёвую» интерпретацию истории, корниловцы воспринимали как чужаков и стремились представить их изгоями. Примечательно, что архивные документы демонстрируют их безразличие и равнодушие к концепциям польской историографии. Значит, корниловцы не видели опасности со стороны тех, кто доказывал, что Литва и Белоруссия исторически принадлежат к польской культуре. Скрежет у «полонистов» вызывали те, кто развивал идеи о самобытности Западного края, кто доказывал, что Западный край – это не Россия или не совсем Россия (А. Киркор, Н. Малиновский, Н. Костомаров, А. Ивановский, П. Бобровский).

Жесткий западнорусизм в интерпретации истории сковывал и самых искренних ее приверженцев, когда им приходилось встречаться с живой тканью прошлого. И.Д. Беляев, например, с охотой откликнулся на просьбу Виленского учебного округа и написал «Очерк истории Северо-Западного края», предназначенный для народного чтения. Однако московскому историку пришлось извиняться перед Корниловым за то, что очерк был доведен только до XIV в., и объяснять попечителю, что дальнейшее изложение «может быть почерпнуто главным образом из польских источников»²⁵.

Использование истории в борьбе за идентичность заставляло соратников Корнилова отходить от строгих принципов научного анализа и делало их работы легко уязвимыми для критики. Альтернативную версию истории можно было до поры до времени игнорировать, но от этого аргументы ее авторов не становились слабее. А в страсти и убежденности они не уступали своим противникам. Когда Киркор сообщал А.А. Котляревскому о выходе в свет своего исторического очерка литературы славянских народов,²⁶ он подчеркивал: «...Я провожу резкую черту между Восточной и Западной Россией, и говорю сперва о последней, т.е. о русинской литературе (сиречь о малорусской и белорусской), а о российской или московской начиная с XV и XVI в. Киева, песни о полку Игоря, Скорины, Статутов и пр. и пр. москалям я не отдам. Все это наше, а их литература собственно-то и начинается со времен Грозного, Курбского и др.»²⁷

Если представить идентичность Западного края в виде пружины, то может показаться, что она в результате жесткой целенаправленной политики 1860-х гг. так сильно растянулась и деформировалась, что уже готова была принять новую форму. Однако каждая пружина имеет упругость и стремится вернуться в первоначальное состояние. Другое дело, что при достаточно длительном и сильном воздействии ей это не всегда удается в полной мере. Недаром уже в 1870-е гг. в переписке корниловского круга появляется лейтмотив горечи и недоумения.

Помимо нежелательных характеристик в адрес новой администрации («Болван Потапов!»), в ней обнаруживается осознание того факта, что успех, который казался столь близким и бесспорным, почему-то все больше отдалялся. Более того, Корнилова и его единомышленников начинала тревожить мысль, что трудности эти объяснялись не только «интригами поляков», но и какими-то более глубокими факторами. И бывший попечитель Виленского округа с болью признавался в письме к своему другу и сослуживцу Кулину: «Я никак не подозревал, что наше дело так непрочно»²⁸.

Примечания

- ¹ См.: Ренан Э. Что такое нация? // Собр. соч.: в 12 т. Т.6. Киев, 1902. С. 90–93.
- ² РГИА. Ф.970; ОР РНБ. Ф. 377.
- ³ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Изд. 2. СПб., 1908.
- ⁴ Вестник Европы. 1887. Т.IV. С. 664.
- ⁵ ОР РНБ. Ф.377. Д.814. Л. 40 об.
- ⁶ ОР РНБ. Ф.377. Д.814. Л. 41.
- ⁷ См.: РГИА. Ф.970. Д.876.
- ⁸ Там же: Л.2.
- ⁹ См.: РГИА. Ф.970. Д.908. Л. 12–14.
- ¹⁰ Среди этих изданий можно указать: Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т.1–5. Вильна, 1867–1868; многотомное издание «Актов Виленской археографической комиссии»; Туровское евангелие одиннадцатого века. Вильна, 1869; Замечательности Северо-Западного края. Вильна, 1867; Памятники русской старины в западных губерниях. Вильна, 1865.
- ¹¹ ОР РНБ. Ф.377. Д.820. Л. 8.
- ¹² В ряду подобных изданий можно указать следующие: Замечательности Северо-Западного края. Вып.1. Вильна, 1868; Беляев И.Д. Очерк истории Северо-Западного края России. Вильна, 1867; Западно-русский месяцеслов на 1865 г.,...на 1866 г. и т.д. Вильна, 1864–1865, тираж каждого месяцеслова составлял 45 тыс. экз.; Книга для чтения в народных училищах Виленского учебного округа. В течение 1860-х гг. вышло несколько изданий «Книги для чтения» общим тиражом около 50 тыс. экз.; Сведения о тиражах см.: РГИА. Ф.970. Д.908. Л. 22–22об.
- ¹³ См., например: РГИА. Ф.970. Д.914. Л. 1–2;
- ¹⁴ См.: Циркуляр по Виленскому учебному округу от 1866 г. ОР РНБ. Ф.377. Д.139. Л. 2–4.
- ¹⁵ См.: Книга для чтения в народных училищах Виленского учебного округа. Вильна, 1864. С. 237–240.
- ¹⁶ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно к муравьевской эпохе. Изд.2. СПб., 1908. С. 471.
- ¹⁷ См.: ОР РНБ. Ф.377. Д.108.
- ¹⁸ См.: ОР РНБ. Ф.377. Д.78.
- ¹⁹ См.: ОР РНБ. Ф.377. Д.836. Л. 15–15 об.
- ²⁰ См.: ОР РНБ. Ф.377. Д.157.

- ²¹ См.: Сборник распоряжений графа М.Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях. 1863-1864. Вильна, 1866. С.359; перу А. Здановича, в частности, принадлежали следующие учебники: Zdanowicz, Aleksander. Szkiec historyi polskiej dla dzieci w dwóch kursach. Wilno: Józef Zawadski, 1859; *Historya powszechna dla szkolnej mlodzieży*. Wilno, 1861.
- ²² См.: РГИА. Ф.954. Оп.1. Д.101. Л.1-4об.; Ф.970. Д.908. Л. 4-5, 8.
- ²³ РГИА. Ф.970. Д.908. Л. 7, 9, 49.
- ²⁴ ОР РНБ. Ф.386. Д.52. Л. 24-24 об.
- ²⁵ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. С. 286.
- ²⁶ Имеется в виду работа, написанная Киркором на основе курса публичных лекций, прочитанного им в Кракове. Kirkor A. O literaturze pobratymczych narodow słowiańskich. Krakow, 1874.
- ²⁷ ОР РНБ. Ф. 386. Д.52. Л. 30.
- ²⁸ РГИА. Ф.970. Д.908. Л. 88.

Исследование проведено при поддержке РГНФ. Проект № 05-01-90103а/Б

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЦЕРКОВЬ В ПОЛЕСКОМ ВОЕВОДСТВЕ (1921–1939 гг.)

Введение

Отношения между сословными институтами и национальными движениями – тема актуальная для исследователей национальных культур. Полесское воеводство было регионом с наибольшим процентом православных. То, какую позицию в национальном вопросе займет церковь, могло заметно повлиять на состояние культуры региона. Церковь справедливо называют сословным институтом. Возникшая в эпоху становления феодальных отношений в Европе, она сохранила приверженность многим идеалам того времени: почитание монарха, жесткую субординацию отношений, скептическое отношение к разговорному языку и т.д. Однако в новых условиях индустриального общества изменение ее было неизбежным.

В Полесском воеводстве национальные модели олицетворяли два лагеря: консервативный и либеральный. Русское национальное движение принадлежало к первому и самым тесным образом было связано с церковной иерархией. Среди представителей либерального лагеря украинское национальное движение занимало наиболее активную позицию в вопросе придания церкви национального характера. В связи с вышеупомянутым в данной статье речь пойдет о влиянии на состоянии церкви украинского и русского национальных движений.

Малороссийство, или зарождение русско-украинской дилеммы

В Российской империи церковь была институтом, обеспечивавшим верноподданническую позицию граждан. Поэтому ей и ее характеру уделялось большое внимание. В православной церкви был введен единый национальный стандарт: делопроизводство, проповеди, издательская деятельность должны были осуществляться на русском языке. К нему же был приближен язык литургии. Появился «синодальный» перевод Библии на русский язык. В церковной архитектуре были введены типовые проекты храмов, оформленных в «псевдорусском» или «неорусском» стиле. Позиция церкви подкреплялась земельной собственностью.

Некоторые священники, происходившие из семей местного духовенства, придерживались мнения, что они должны обращаться к местному населению на родном для него языке. В 1863 г. Стефан Пашкевич, рассуждая в трактате «О необходимости знания сельскому священнику местного простонародного наречия», имел в виду малороссийское наречие. «Даже прихожане римского исповедания из крестьян, называемые здесь в простонародии поляками, хотя они тоже говорят у себя на малороссийском наречии, стали вместо костёла посещать православную церковь, а несколько душ из них и присоединились к православию»¹. Автор особо подчеркивал, что проповеди на украинском языке обращены против польского влияния и не направлены против великорусского языка. Симпатии к украинской национальной культуре были велики. В частности, священник Никанор Котович писал в докладной записке об унижительной 50-летней практике назначения архиереев и священников из великороссов и приказе выписывать духовную литературу из Петербурга и Москвы, а также упомянул, что «единственным сознательным элементом и проводником украинской идеи в среду народа являлось местное исконное духовенство»². Сложно сказать, как понимал украинскую идею в царский период Н. Котович и был ли он убежденным сторонником украинской национальной культуры. Его отец Антоний Котович в «Литовских епархиальных ведомостях» был представлен так: «Как руководитель паствы он редко отпускал литургию без проповеди: вначале он проповедовал на простонародном языке, пользуясь Почаевским изданием народных проповедей, а потом проповедями на малорусском языке В. Гречулевича, в том и другом случае он делал исправления применительно к духу и потребностям прихожан; но со времени заведения школы в приходе, он стал говорить народу поучения понятным русским языком»³. Подобной позиции в отношении «простонародного языка» придерживались многие священники Брестчины. Она не имела ни явно прорусского характера, ни проукраинского и была насмешливо названа украинцами «малороссийской». «Малороссы» могли эволюционировать как в сторону русского национального сознания, так и украинского.

В ходе событий 1917–1918 гг., которые заострили внимание на национальном вопросе, духовенство также было не в состоянии выразить свое отношение к нему. С украинскими национальными организациями священники были связаны косвенно, через родственников (Владимир Самойлович – Кобрин) или знакомых (Владимир Сорошкевич – Пинск) и напрямую. Связь с русскими организациями для многих была обусловлена традициями, установившимися в Российской империи. Первоначально православное духовенство южных поветов Полесского воеводства балансировало между украинским и русским национальными движениями. Священник Александр Самойлович из Кобрина поддерживал тесные отношения с лидером украинского движения Кобринщины Леонидом Квартеруком. На его подворье хранили церковное имущество. Самойлович в некоторых церковных вопросах от имени духовенства Кобринщины обращался за поддержкой к Украинскому клубу в Сейме⁴. Показательно, что многие псаломщики (Скорпюк в Антополе, Никитюк в Страдече, Жук в Повити) разучивали с церковными хорами и молодежью украинские песнопения разных жанров⁵. В то же самое время разучивали они и песни на русском языке. Национального выбора представители церкви, скорее, не сделали, и такое явление, как «малороссийство», было достаточно распространенным. Так, священник Михалевич из Череватич считал, что власть поляков в Полесском воеводстве не будет долгой, поскольку они не представляют большинство, но в том, кто займет их место (украинцы или русские), не был уверен⁶.

Русские симпатии

Уже при подготовке создания автокефальной Православной церкви в Польше в епархиальных советах наметилось разделение: варшавский был про-русским, волинский – проукраинским. Собор 1922 г. разрешил употреблять иной, нежели русский, язык в проповедях, религиозном образовании, отдельных молитвах, церковных песнях. Постановление Синода от 3 сентября 1924 г. разрешало везде, где пожелают прихожане, совершать литургию на украинском языке. Однако духовенство не спешило претворять это решение в жизнь. Консервативный характер православной церкви выразался в желании сохранять существующее положение. Это справедливо также в отношении русификаторских решений Святейшего Синода. В отношении тех священников, которые решили по просьбам прихожан украинизировать свои приходы в Волинском воеводстве, применялись репрессии. Когда доктор Арсений Ричинский во главе Украинского церковного комитета взялся организовывать Украинский церковный съезд, Высший церковный совет запретил духовенству участвовать в нем.

Подобное положение вызвано тем, что позиции русских в церковной иерархии были очень сильны: они доминировали в Высшем церковном совете; русскими были митрополит Дионисий (Валединский) и епископ Полесской епархии

Олександр (Иноземцев), русофильскую позицию занимал игумен крупнейшего монастырского центра Почаевской лавры.

Духовенство выступило инициатором бойкотирования польской школы и сторонником создания системы русских школ. В Кобрине 20 августа 1923 г. собрание духовенства приняло следующее постановление: «Обязанность каждого духовного пастыря стремиться создать при церкви библиотеку из славянских и русских книг. Духовные должны стараться, чтобы в школах на Полесье – обучали русскому языку»⁷. На Пинщине эту акцию инициировал сам епископ: здесь находилась и его резиденция. Видимо, в качестве компромисса с православным духовенством администрация дала согласие на открытие в Бресте и Пинске русских частных гимназий. В административном центре Полесского воеводства, г. Бресте, с прошением об открытии русской школы обратился кандидат в сенаторы, в прошлом активист Союза русского народа, о. Стефан Жуковский. Прошение, как уже сказано, власти удовлетворили.

Конфликт между русскими и украинцами в Бресте оформился уже в сентябре 1923 г., когда священники Жуковский (Брест) и Василюк (Приборово) открыто продемонстрировали свою неприязнь к украинским организациям⁸. Расхождения между позицией церковной иерархии и либералами со временем становились все заметнее. В 1927 г. состоялся судебный процесс между консисторией и «Просвितой на Полесье» по вопросу аренды обществом здания, принадлежащего православному приходу. При этом известный проукраинскими симпатиями и непосредственный собственник здания о. Зноско был отстранен консисторией от права представлять интересы прихода в суде. Когда в том же году, на епархиальном съезде в Пинске, сенатор Назаревич обратился к духовенству с просьбой поддержать украинские партии, то ему ответили, что такой чести может ожидать только Русское национальное объединение (РНО). Духовенство сохраняло прорусские симпатии и русский характер церкви.

Украинские симпатии

Православный клир в разной степени был причастен к украинскому национальному движению. Одни могли выписывать национальную прессу и литературу, как псаломщик из Сельца Пружанского повета Петро Черняк, или раздавать ее местным крестьянам, как о. Федор Стецюк из прихода в Велюни. Другие, как это было в д. Омеленец Брестского повета, священники или члены их семей продавали крестьянам украинскую литературу. Особый случай произошел в д. Старые Кони Пинского повета, куда о. Иван Проноза привез из Луцка открытки с национальным гимном и изображением Т. Шевченко. По данному факту полиция возбудила против священника уголовное дело, а открытки конфисковала⁹.

На словах некоторые из представителей клира поддерживали лозунги национально-освободительной борьбы. Так, псаломщик из села Орепич Брест-

ского повета в 1929 г. говорил знакомым о том, что Украинская войсковая организация имеет достаточную силу, чтобы в ближайшем времени прогнать польскую власть с оккупированных ею земель¹⁰. В том же году священник д. Степанки Кобринского повета Георгий Гром, который был в хороших отношениях с украинскими политическими деятелями, в разговорах со знакомыми говорил о том, что украинский народ организует вооруженное восстание против поляков, поскольку украинские земли должны принадлежать Советской (!) Украине. Никакими словами противникам этой идеи не удастся очернить советскую власть. По его словам в окрестности есть люди, которые готовы бороться за «украинскую свободу»¹¹.

Национальное чувство не всегда имело четкое выражение. Поэтому в Купятчах и Морочно Пинского повета священники воспитывали в национальном духе местную молодежь. А их коллега из села Страдеч Брестского повета Василь Похильчук был назван полицией «украинским шовинистом» и подозревался в принадлежности к Организации украинских националистов¹². В селе Повити Кобринского повета поддерживал украинскую национально-просветительскую деятельность о. Никанор Котульский. Во всех перечисленных случаях национальная позиция выражалась в трудно уловимых формах, которые порождали в умах польской администрации лишь подозрения. Когда же священник включался в работу по созданию и функционированию национальных институтов, это уже свидетельствовало о его национальной зрелости. Так, священнослужитель Струковський в своем приходе в Телеханах стал соорганизатором украинского кооператива¹³. В 1929 г. в Броднице Пинского повета и Стрельно Дрогичинского повета духовенство активно поддерживало деятельность местных читален «Просвиты». Поддерживал «Просвиту» и украинскую школу в г. Бресте известный православный церковный писатель Константин Зноско. Еще один брестский священник Михайло Тарима также поддерживал тесную связь с национальными организациями и служил панихиды в дни национального траура.

Духовенство принимало участие и в национальных кампаниях. Ему, в частности, принадлежала главная роль в проведении «школьного референдума» 1932 г. Георгий Садовский и Григорий Грудовик в Брестском повете, Василий Котович и Николай Щур в Дрогичинском повете, Верослав Тхоржевский в Кобринском повете не просто высказались в поддержку украинской школы, но и сами руководили сбором подписей в ее пользу. Во время переписи 1931 г. священники Владимир Лукьянчук, Платон Селецкий, Верослав Тхоржевский и Федор Стецюк убеждали своих прихожан в том, что они должны декларировать во время переписи населения свою украинскую национальность. Православное духовенство упоминается первым среди тех категорий, которые обращались к крестьянам записывать в листах переписи в графе «родной язык» – украинский¹⁴.

Движение в поддержку украинизации

Самой важной национальной кампанией, затрагивающей духовенство, следует считать движение за украинизацию литургии и всей службы церкви на территориях, населенных украинцами. Представители украинского национального движения уважительно относились к религиозным чувствам населения, часто защищали интересы церкви с парламентской трибуны. Церковь признавалась как важный социальный институт многими национальными организациями. Свои акции они часто устраивали во время церковных праздников, обретая в собрании верующих благодарную аудиторию. Вопрос о национальном характере церкви не был первоочередным в движении за украинизацию, но ему также уделялось внимание. У движения в поддержку украинизации церкви был собственный лидер – доктор Арсений Ричинский, редактор религиозно-просветительской газеты «На варті». По его инициативе 5–6 июня 1927 г. в Луцке был созван Украинский церковный съезд. На нем из 800 делегатов 19 представляли южные поветы Полесского воеводства.

Посол от украинского населения Полесского воеводства В. Дмитриюк в один из визитов в апреле 1923 г. к епископу Александру сказал: «Обязательным является то, чтобы священники в школах учили Закону Божьему украинское население на родном, украинском, языке, с чем владыка полностью согласился»¹⁵. Это «полное согласие» было не чем иным, как безучастной благосклонностью. Епископ выразил лишь то, в чем выражалась официальная позиция Православной церкви в Польше: полная поддержка национальных потребностей населения при полном бездействии в этом вопросе. Поддержка была относительной, поскольку духовенству с помощью русскоязычных газет «Вестник Митрополии» и «Русский голос» дали знать, что симпатии иерархов находятся на стороне консерваторов. В Полесском воеводстве вопрос об украинизации церкви впервые решительно поднял 29.08.1926 г. на Съезде «Просвита на Полесье» делегат от читальни в Стрельно Дрогичинского повета. По всей видимости, это был лидер национального движения в Дрогичинском повете, житель Стрельно, Семен Лось. Об особой роли «просвитян» из Дрогичинского повета в интересующем нас вопросе говорит и тот факт, что в декабре 1927 г. на собрание руководителей читален «Просвита» данного повета заместитель председателя «Просвита на Полесье» Н. Крыжановский особо подчеркивал, что он поддерживает украинизацию православной церкви. Под влиянием инициативы своих членов на местах «Просвита на Полесье» приняла решение способствовать организации церковного съезда. От имени Украинского общественного комитета делегаты П. Артемюк и В. Соловей обратились 11 декабря 1927 г. к руководителям читален с просьбой принимать в члены общества серьезных людей, в том числе священников. В свои читальни «Просвита на Полесье» разослала листовки под названием «Украинский церковный съезд». В акцию также включились окружные

комитеты партии сельроб. В Бресте был создан один из восьми окружных комитетов по подготовке к съезду. Его возглавили П. Артемюк и В. Соловей. Организаторы также обратились к воеводе с просьбой не чинить препятствий в их работе¹⁶. Вслед за церковным съездом в Луцке начались приготовления к проведению регионального съезда в Бресте.

Украинский церковно-народный съезд проходил 15 января 1928 г. На него прибыли 52 делегата. Председательствовал Виктор Соловей, заместителем был Василий Рудицкий, секретарем Порфирий Силенко¹⁷. С речью выступил А. Ричинский. Выступающие отмечали, что вопреки решениям Синода в литургии и проповедях господствуют русский и церковнославянский языки. Желание духовенства придерживаться их не должно навязываться населению. Епархиальные съезды плохо выражают принцип церковной соборности, поскольку решения там принимаются клиром без учета мнения большинства верующих. Консистория в первую очередь должна прислушиваться к мнению населения, а не группы священнослужителей. Делегаты также выступили против практики некоторых священников использовать амвон для агитации за русские партии. Острой критике крестьяне из окрестностей г. Бреста подвергли священника С. Жуковского. Присутствующие выразили свою солидарность украинскому духовенству, которое «стало жертвой наступления русских шовинистов и политики церковных властей»¹⁸. Для того чтобы предотвратить злоупотребления в будущем, съезд потребовал выделения украинской епархии и назначения для управления ею епископа-украинца.

Постановления украинских церковных съездов с трудом вписывались в привычную для духовенства логику. Они были результатом демократического волеизъявления, а также усиления позиции мирян и ослабления позиции духовенства как сословия, а кроме того, требования увеличения «национальной квоты» могли вызвать перераспределение баланса сил во всей церковной иерархии. Диалог не мог строиться на логике разных типов (одновременно и сословной, и либеральной). Нежелание поиска компромисса привело к тому, что в конце августа 1928 г. представители Украинского церковного комитета П. Артемюк и А. Ричинский покинули Митрополичий совет, после чего Синод отлучил Ричинского от церкви. Открытое противостояние длилось до марта 1930 г., но проблема так и осталась неразрешенной.

В Полесском воеводстве сторонники украинизации в полной мере добились успеха лишь в Камене Шляхетском Кобринского повета, куда был переведен Верослав Тхоржевский. Он не только вел богослужение и произносил проповеди на украинском языке, но также морально и материально поддерживал местную читальню «Просвиты», детям для самообразования раздал украинские учебники. В конце лета 1932 г. полесский воевода потребовал от епископа незамедлительно освободить от должности о. В. Тхоржевского и дьяка местного прихода Л. Квартука. Его распоряжение было исполнено.

Реакция властей

Нельзя забывать, что государственная администрация стремилась отстаивать польские национальные интересы. Власти оказывали церковной иерархии в национальном вопросе определенную поддержку. Консерваторы их устраивали больше, чем либералы. Они были более сговорчивы. 30-е гг. XX в. были переломными в плане отношения польской администрации к национальным меньшинствам. Деятельность их организаций в Полесском воеводстве была сильно ограничена. Этот же процесс наблюдался и в церкви. С 1933 г. польский язык стал языком внутренней и внешней документации православной церкви, языком религиозного образования и литературы. Церковь должна была избавиться от неблагонадежных с точки зрения власти лиц. Воевода потребовал, чтобы священники, сочувствующие национальному движению, были перемещены в другие приходы или за пределы воеводства. В этом же году владыка Александр вынужден был уволить трех сотрудников консистории (большая часть), которые были украинцами: Дмитрия Леонтовича, Константина Плевицкого и Андрея Кочана. Отношение властей было негативным как к украинским национальным деятелям, так и к русским. В результате из консистории был уволен Стефан Жуковский¹⁹. Когда в 1934 г. к епископу обратилось с письмом украинское антиалкогольное общество «Відродження», владыка поддержал его цели и методы, а также выслал духовенству распоряжение (от 16.11.1934 г.) провести сбор средств в его пользу. Одновременно в приходы были разосланы календарики антиалкогольного и антитабачного содержания. Но уже через месяц епископ отменил свое решение и разорвал отношения с обществом, что было вызвано соответствующим распоряжением Полесского воеводского управления²⁰. Украинская пресса в декабре 1937 г. бурно реагировала на вмешательство полесского воеводы в церковные дела. В связи с распоряжением Министерства вероисповеданий он заставил консисторию принять решение о переводе всех проповедей на польский язык²¹. Таков был плачевный финал соглашательской политики консерваторов.

Заключение

К концу 30-х гг. XX в. православная церковь в Польше переживала глубокий кризис. В этих условиях диалог между либералами и консерваторами был невозможен. Тем не менее они продолжали поддерживать отношения. Епископа Александра с украинцами связывали тесные контакты. В частности, секретарем в конце 1930-х гг. был ветеран армии УНР Александр Житинский. В ноябре 1936 г. владыку посетила большая группа украинцев (миряне и священники). Разговор длился около десяти часов (!)²². Двоякая позиция епископа (безучастная благосклонность) предоставляла ему широкое поле для маневра. Отношения у вла-

дыки Александра с советской властью и Московским патриархатом не сложились. Во время Второй мировой войны позиции духовенства разделились: часть выступала за сохранение установившихся в период 1939–1941 гг. связей с Московским патриархатом (так называемые автономисты), часть поддерживала идею независимости (автокефалисты). Симпатии полесского епископа склонились к последним. Идея церковной независимости тесно связывалась с идеей национальной независимости. В этом интересы духовенства и национальных организаций совпадали. В период 7–10 февраля 1942 г. под покровительством епископа Александра состоялся «Пинский собор». На нем была создана иерархия Украинской автокефальной православной церкви (УПАЦ). Во время проведения собора литургия и проповеди звучали на украинском языке. Через несколько месяцев в знак признательности епископ Александр (14 октября 1942 г.) был возведен УПАЦ в сан митрополита²³. Итоги Второй мировой войны способствовали победе автономистов. Большая часть сторонников автокефалии, в том числе владыка Александр, эмигрировали.

В период между двумя мировыми войнами православная церковь в Польше оказалась в центре борьбы между представителями консервативной и либеральной национальной модели. Первые заручились поддержкой иерархов, вторые – прихожан. Церковные власти стремились сохранить культурный облик церкви, ее имущественное состояние и положение в обществе такими, какими они были в Российской империи. Такая позиция (иммобильность) привела к глубокому кризису церкви. Тоталитарные режимы 30–40-х гг. XX в. сделали невозможным продолжение дискуссии между либералами и консерваторами. Жизненные драмы священников, симпатизировавших той или иной национальной модели, – яркое свидетельство сложности трансформации сословного общества в условиях быстро менявшихся на пограничье соотношений сил. В судьбе православной церкви на территории Полесского воеводства четко отразились как особенности культуры исследуемого региона, так и специфика протекавших здесь национальных процессов.

Биографии некоторых участников украинизации церкви в Полесском воеводстве

Виктор Соловей (29.11.1891–31.01.1966). Закончил Черниговскую духовную семинарию. В 1914–1915 гг. учился на юридическом факультете Варшавского университета. Работал судебным исполнителем в Москве. Был призван в армию. Во время правления П. Скоропадского работал первым секретарем Генерального суда Украины. Руководитель юридического отдела при Верховном атамане С. Петлюре в 1920–1922 гг. С августа 1924 г. – полномочный представитель Украинского центрального комитета в Бресте; на разных должностях в украинских кооперативных, политических и просветительских организациях.

Председатель церковного съезда в 1927 г. в Бресте. Участник церковного съезда в 1928 г. в Луцке. Член Митрополичьего совета при митрополите Дионисии. Распоряжением властей лишен права проживания в Полесском воеводстве. Проживая в Варшаве, работал судьей. Занимался изучением проблем церковного права и советского законодательства. Во время Второй мировой войны переехал в Холм, где работал юридическим консультантом архиепископа Иллариона. Преподавал церковное право в Холмской духовной семинарии. С 1954 г. священник Покровской церкви в г. Сидней. В 1958 г. принял монашество и, будучи посвящен в сан епископа, возглавил Австралийско-Новозеландскую епархию УАПЦ.

Павел Артемюк (18.12.1891–5.08.1951). После окончания учительской семинарии в Белой Подляске поступил в Высший учительский институт г. Вильно. Закончил его в 1917 г. Призван на фронт. Работал в украинских школах Волынского воеводства. С 1924 г. директор частной украинской школы в г. Бресте. С 1927 по 1930 г. – глава «Просвиты на Полесье». Организатор церковного съезда в Бресте в 1927 г. В 1928 г. – кандидат в послы Сейма от Украинского национально-демократического объединения в Блоке национальных меньшинств. В 1935 г. – заключенный лагеря в Березе Картузской. С 1936 г. священник в д. Новставцы Ровенского повета. С 1942 г. рукоположен в сан епископа. Епископ Ровенский и Кременецкий. После Второй мировой войны – епископ УПАЦ в Канаде.

Василий Рудицкий (?–1942) Железнодорожник. Заместитель председателя церковного съезда в г. Бресте. Глава читальни «Просвиты» г. Малорита в 1927–1930 гг. С 1929 г. – казначей «Просвиты на Полесье».

Верслав Тхоржевский (27.02.1875–16.05.1943) После окончания церковно-приходской школы поступил в Клеванское духовное училище. В 1896 г. закончил Духовную семинарию в Кременце. Работал учителем в церковно-приходских школах. Принял сан священника в 1898 г. В проповедях использовал украинский язык. В начале 1920-х гг. военный священник шестой стрелецкой дивизии УНР. Близкий знакомый полковника УНР Терлецкого. В середине 1920-х гг. переведен из Озер Столинского повета в Камень Шляхетский Кобринского повета. Кандидат в сенаторы на выборах 1930 г. С 1931 г. – член Общества им. Петра Могилы. В 1932 г. полесский воевода потребовал его увольнения. Были планы лишения его гражданства и тюремного заключения, сорванные вмешательством Украинского клуба в сейме и сенате. За священника также вступился митрополит Дионисий, который забрал его в Варшаву. В 1939 г. вернулся на родину – в Высоцк. Был бургомистром г. Высоцка в годы Второй мировой войны.

Леонид Квартерук (1890–?) Во время Первой мировой войны попал в немецкий плен, где сблизился с украинскими национальными организациями. Работал учителем в украинской школе. В 1918 г. – секретарь Кобринского повтового старосты. Представитель украинцев в Кобринском комитете Блока национальных меньшинств. В 1927–1929 гг. – глава Кобринского филиала «Просвиты на Полесье». Активный член украинских кооперативов Кобринщины. Регент со-

бора Александра Невского. С 1932 г. – псаломщик в Камене Шляхетском Кобринского повета. В 1940–1941 гг. – заключенный брестской тюрьмы. После Второй мировой войны – настоятель церкви УПАЦ в Буффало (США).

Примечания

- ¹ Піваварчык С. Стэфан Пашкевіч аб «простонародном наречии»: лёс беларускага святара сярэдзіны XIX ст. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 1999, nr 11. S. 181–182.
- ² Сергійчук В. Етнічні межі і державний кордон України. Тернопіль, 1996. С. 165.
- ³ Ильин А. Полесские священники Котовичи // *Гістарычная брама*. 2004. № 1 (22).
- ⁴ Государственный архив Волынской области (ГАВО). Ф.46, оп.9, д.747, а.32.
- ⁵ Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф.1, оп.9, д.1990, а.11; ф.1, оп.9, д.1087, а.21; ф.95, оп.1, д.389, а.114.
- ⁶ ГАБО. Ф.1, оп.9, д.1170, а.9.
- ⁷ ГАВО. Ф.46, оп.9, д.747, а.62.
- ⁸ ГАВО. Ф.46, оп.9, д.745, а.70, 83.
- ⁹ ГАБО. Ф.1, оп.10, д.1518, а.2, 52, 74.
- ¹⁰ ГАБО. Ф.1, оп.9, д.1170, а.9; ф.1 оп.10 д.138а.7.
- ¹¹ ГАБО. Ф.1, оп.9, д.1170, а.9.
- ¹² ГАБО. Ф.1, оп.10, д.716, а.3.
- ¹³ ГАБО. Ф.1, оп.9, д.2106, а.38.
- ¹⁴ Ільїн О. Православне духівництво Берестейщини у боротьбі за українську школу та культуру в 20–30-х роках ХХ століття // *Над Бугом і Нарвою*. 2003. № 5. С. 30; ГАБО. Ф.1, оп.9, д.2595, а.46; ГАБО. Ф.28, оп.9, д.2234, а.7, 8, 12, 13, 1906.
- ¹⁵ З Полісся // *Наше слово*. 1923. Ч. 18 (42).
- ¹⁶ ГАБО. Ф.1, оп.2, д.2080, а.1-7; ГАБО. Ф.93, оп.1, д.447, а.103.
- ¹⁷ Василий (Костюк). *История Полесской епархии (1922–1944 гг.)*. Брест: Брестская областная типография, 1999. С. 55–56.
- ¹⁸ Винниченко І. Українці Берестейщини, Підляшшя й Холмщини в пер.пол. ХХст.. *Хроніка подій*. Київ, 1997. С. 94.
- ¹⁹ Василий (Костюк). *История Полесской епархии (1922–1944 гг.)*. Брест: Брестская областная типография, 1999. С. 26, 94.
- ²⁰ ГАБО. Ф.1, оп.10, д.756, а.1–7.
- ²¹ Василий (Костюк). *История Полесской епархии (1922–1944 гг.)*. Брест: Брестская областная типография, 1999. С. 95.
- ²² ГАБО. Ф.1, оп.10, д.997, а. 57–59.
- ²³ Василий (Костюк). *История Полесской епархии (1922–1944 гг.)*. Брест: Брестская областная типография, 1999. С. 127–128.

К ВОПРОСУ ОБ УКРАИНСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

За два последних века в политике не было идеи, сравнимой по силе с несложным утверждением, что каждая нация имеет право на собственное государство и должна обладать таковым (с уточнением, что ни одна этническая или культурная группа не вправе обладать в таком государстве монополией на власть). Эта основная националистическая концепция идеального миропорядка оказалась необыкновенно устойчивой на протяжении ста с лишним лет, хотя мир за это время перевидал великое множество разных форм национализма. «В мире должно быть столько же государств, сколько в нем различных наций. Каждая нация должна иметь свою государственность, а каждое государство должно строиться на национальной основе», – писал в 1870 г. швейцарский специалист по международному праву Иоганн Каспар Блюнчли. В то время национализм, корни которого можно найти в трудах Руссо, Гердера, Фихте и Мадзини, был уже отнюдь не новой доктриной. Разумеется, национальные чувства сами по себе куда старше национализма как политической теории, что бы ни говорили по этому поводу те, кто считает их продуктом недавнего времени¹.

Национализм в украинской терминологии XIX ст. воспринимался однозначно – как национальная осознанность и патриотизм. Он базировался на основах гуманной философии и объединял национальную идею с демократическими ценностями. Д. Донцов², известный идеолог украинского национализма, ориентированный на европейский национализм, особое внимание уделял рассуждениям о «воле» как главной движущей силе нации, при этом не фокусируясь на Украине и украинском народе, а рассуждал о европейских нациях

вообще, приводя примеры тех или иных крупных европейских наций. Донцов призывал к ориентации на общеевропейские (западноевропейские) ценности, выступал за борьбу и сопротивление имперскому национализму России и шовинизму Польши, против засилия чужих идей и идеалов.

С начала XX ст. национализм в Украине все выразительней набирает оттенки партийности и начинает базироваться на принципах революционности, монопартийности, вождизма и т.д.

Известные украинские политологи по-разному определяли национализм XIX – начала XX ст. Так, О. Бочковский³ определял его как «национализм и паннационализм», В. Липицкий – как «патриотизм и национализм», а С. Рудницкий считал, что «действующий новейший национализм – это не партийное дело, что национально должны думать все без разницы партии; от коммунистов и анархистов до крайних правых», потому что правдивый космополитизм, интернационализм, без национализма невозможен. Будущее объединение человечества в единую общность не может состояться вне народа: только достаточное развитие новейшего национализма сделает это реальным. Яркими представителями проповедования национально-государственного национализма были С. Днистрянский (1870–1935), В. Старосольский (1878–1942), О. Бочковский (1884–1939), С. Рудницкий (1877–1937). Они предлагали такую форму государственного управления, как национальное демократическое государство с правом народа на самоопределение в этнических границах. Межгосударственное объединение они видели в форме союза народов конфедеративного типа. А такие политики, как Н. Михновский (1873–1924), Д. Донцов (1883–1973), Ник. Сциборский (1897–1941), С. Бандера (1909–1959), Я. Стецько (1912–1986), исповедовали идеологически-интегральный национализм, склоняясь к такой форме государственного управления, как народная республика с национальной диктатурой. Национальная идея, на их взгляд, должна заключаться в утверждении нации (этнической) как объединяющего и единственно действующего фактора общественного и государственного развития. Украинский национализм возник в 1920-е гг., вначале как духовный фермент младшего поколения, как протест против упадка украинской государственности и как поиск новых путей в послевоенной действительности. Первые попытки образования националистических организаций были предприняты студенческими организациями Галиции и в среде эмиграции: Группой украинской национальной молодежи (Прага), Легионом украинских националистов (Подебрады), Союзом украинской националистической молодежи (Львов). Национально окрашенной в Галиции была Партия национальной работы и ее орган «Заграда» (1923–1924; Д. Донцов, Д. Палиив, В. Кузьмович), но организация вскоре распалась, а большинство ее членов перешло в восстановленную национал-демократию (УНДО). Публицистом, внесшим наибольший вклад в кристаллизацию националистической идеологии, был Д. Донцов с трудом «Национализм» (1926) и другими

публикациями, а также журналом «Литературно-научный вестник» (позднее «Вестник»), который он редактировал. Другими влиятельными публицистами являлись Ю. Вассиан, М. Сциборский, Д. Андриевский, В. Марганец, печатавшиеся в «Розбудові нації» (Прага).

Независимо от этих идейно-политических исканий с 1920 г. ведет свое начало Украинская военная организация (УВО), созданная кружком бывших командиров корпуса Сечевых Стрельцов (Е. Коновалец, А. Мельник, Р. Сушко, В. Кучабский, М. Матчак, Я. Чиж, Е. Зыбликевич и др.) и УГА (Ю. Головинский, А. Навроцкий, М. Саевич, А. Сенник и др.) с целью продолжения борьбы за независимость Украины революционными средствами. Рассматривая себя как зародыш «армии в подполье», УВО вначале включала в себя людей разных партийных убеждений, от социалистов до консерваторов, и не претендовала на политическое руководство. Но постепенно ненационалистические члены УВО отошли от нее, а руководство приблизилось к национализму. После подготовительных мероприятий, продолжавшихся несколько лет, УВО в 1929 г. объединилась с националистическими идеологическими кружками в Организацию украинских националистов (ОУН), которую возглавил Е. Коновалец. С того времени ОУН превратилась в ядро националистического движения, которое, впрочем, охватывало более широкий круг единомышленников и сочувствующих⁴.

Украинский национализм начала XX в. подпадает под понятие тоталитарного движения. Подчеркиваемый «всеохватывающий» характер движения проявляется в том, что его последователи подчинялись полностью и безоговорочно идеологии национализма и организационной дисциплине. В общественном отношении национализм стремился охватить своим влиянием жизнь украинского народа во всех ее проявлениях. Националистическое движение не ограничивалось исключительно политическими задачами, а пыталось управлять и культурным процессом, в частности в области литературы, считая ее важным мировоззренчески-воспитательным фактором.

Националистическое движение в течение 1929–1939 гг., от появления ОУН до Второй мировой войны, выросло в наиболее динамичную политическую силу в несоветском украинском мире. Одним из его значительных достижений было перерастание региональных рамок и распространение влияний на все украинские земли в Польше, Румынии и Чехословакии, на политическую ситуацию в Европе и украинских поселенцев за океаном. И все же центр притяжения националистического движения оставался в Галиции. Несмотря на некоторые попытки, он не смог проникнуть на территорию УССР. Приднестровье в национализме представляли отдельные руководители из эмиграционных кругов, которые внесли заметный вклад в формирование движения, в основном в сферах идеологии и культуры. В соответствии с националистической доктриной революционную борьбу необходимо было вести одновременно против всех захватчиков. Впрочем, до 1939 г. акции саботажа и террора ОУН фактически были

направлены против Польши. Антирусская направленность национализма проявлялась в то время в преодолении советофильства (который националисты рассматривали как форму новейшего москвофильства), а также в покушениях на советских дипломатов.

Годы Второй мировой войны были одновременно периодом наивысшего подъема и организационного и идейного кризиса националистического движения. С момента советской оккупации Галиции и Волыни в 1939 г. и распространения контроля гитлеровской Германии почти на весь европейский континент, другие партии и политические объединения прекратили свое существование. Остались только националисты, которые при советской власти сохранили подпольную организацию, а на территории Германии, включая оккупированные Польшу и Чехословакию, могли до 1941 г., а кое-где и позднее, действовать полуполюгально. Три группы событий имели решающее значение для развития украинского национализма в то время: раскол в ОУН, оккупация Украины немцами в 1941–1944 гг. и конфронтация с украинским Востоком и советской системой.

События военной поры поставили национализм перед тяжелым испытанием. Несмотря на трудности, которые вытекали из его внутренней сущности и международной ситуации, национализм, как крупнейшая украинская политическая сила того времени, возглавил движение Сопrotивления, которое было направлено одновременно против гитлеровской Германии и коммунистической России. Это движение вылилось в 1942–1943 гг. в создание Украинской повстанческой армии (УПА), которая продемонстрировала волю украинского народа к государственной самостоятельности при крайне неблагоприятной конъюнктуре⁵.

Антикоммунистическое подполье в УССР продлилось примерно до начала 1950-х гг. На основании анализа иностранной прессы можно судить о том, что украинское движение Сопrotивления успело за послевоенные годы лишиться специфических черт интегрального национализма. Его платформой стало скорее суверенное демократическое государство. Произведения так называемых краевых публицистов конца 1940-х – начала 1950-х гг. хорошо иллюстрируют эту эволюцию (П. Полтава, О. Горновой и др.).

Национализм занял прочное место и в новейшей истории Украины как процесс самоидентификации украинского народа и как революционная сила в борьбе за самоопределение.

Как же определяется национализм в настоящее время?

Слово «национализм» в разных системах имеет несколько отличные друг от друга значения. Так, например, в СССР понятие «буржуазный национализм» употреблялось, чтобы клеймить национальное сопротивление нерусских народов централизму Москвы. Постоянные репрессии коммунистического режима против «национализма» стали причиной популяризации этого понятия среди населения Украины, но оно не имело четкого идеологического, социаль-

ного и конституционно-политического содержания. В действительности советский украинский национализм выступал иногда как «национал-коммунизм», что выражалось в стремлении УССР выйти из-под власти Москвы при сохранении советского строя. В англо-американской терминологии понимание национализма очень широкое: оно охватывает национальное сознание, принцип национальной государственности и национально-освободительное движение. В англоязычной литературе об Украине к «национализму» причисляют не только националистов по партийной принадлежности, но и украинских патриотов из других политических направлений.

В настоящее время произошел сдвиг к ценностно-нейтральному применению понятия «национализм», который вовсе не устранил оценку самого явления национализма с той или иной мировоззренческой позиции. Говорят о «хорошем» и «плохом», либеральном и нелиберальном, гражданском и этническом национализме.

Тем не менее с некоторыми оговорками большинство специалистов сходятся в том, что основную доктрину национализма современности можно свести к нескольким положениям:

- существует такая общность, как нация, с присущими ей особыми качествами;
- интересы и ценности этой нации обладают приоритетом перед другими интересами и ценностями;
- нация должна быть как можно более независимой; для этого нужен, по крайней мере, некоторый политический суверенитет⁶.

Таким образом, можно выделить группу наиболее популярных среди ученых определений национализма. Национализм – это политическое движение, стремящееся к завоеванию или удержанию политической власти и оправдывающее эти действия с помощью доктрины национализма⁷. Национализм – форма национального самосознания, направленная на создание предпосылок к возвышению национальных ценностей (культурных, экономических, исторических и иных), создающих основу для сохранения национальных основ государственности и опоры для межнациональных отношений как внутри государства, так и за его пределами. Национализм исключает насильственную экспансию за пределы своего национально-территориального образования. Основная идея национализма – всестороннее развитие своей нации⁸.

Исходя из вышесказанного, понятие национализма тесно связано с определением природы самой нации.

В последнее время не часто встречаются и определения нации. Очевидно, перечисление объективных признаков, с помощью которых группы людей отграничивают себя от других (особый язык, антропологический тип, общность культуры, общая история, связь с территорией, ассоциация с государством), ни в своем полном наборе, ни в том или ином сочетании отдельных элементов не

объясняет, отчего данная группа думает о себе в национальных категориях. Английский историк Эрик Хобсбаум даже предложил в практических целях называть «нацией» любую группу людей, претендующую на это звание⁹. На деле же мы сталкиваемся с конкурирующими взглядами на то, кто входит в эту группу, на каких критериях основано членство в ней. «Нация», от лица которой говорят разные идеологи, может эти взгляды разделять в большей или меньшей степени. По словам американского антрополога Катрин Вердери, многозначность понятия нации делает его очень неудобным для научного анализа, зато привлекательным для использования в политической деятельности¹⁰. Именно так, то есть как категорию практики, все чаще употребляют понятие нации в современной литературе.

В литературе исследованы две разновидности национальной идеологии и национальной идеи. Первая основана на этнокультурном феномене и связанном с ним самосознании народа. Вторая – на социально-политическом и гражданском самосознании. Каждый народ в определенную историческую эпоху в соответствующем геополитическом ареале выбирает свою модель построения государства и нации. В Украине, как и в большинстве советских республик, в конце существования СССР сформировалась именно первая модель национальной идеи. Усилиями создаваемых тогда организаций соответствующей направленности, среди которых наиболее успешным в политическом отношении оказался «НРУ за перестройку», была сформирована и адаптирована к тому историческому моменту доктрина украинской нации как этнокультурного феномена. Базировалась она на таких факторах, как язык, героическая история, понятие титульной нации, а также в значительной степени на противопоставлении себя бывшей метрополии – России. На первых этапах движения народа к достижению и укреплению независимости, несомненно, такой принцип был понятен и даже уместен. Он возрождал гордость народа, подчеркивал духовное содержание понятия «свой – не свой», что в конечном итоге способствовало на начальном этапе построения государства социальной и политической мобилизации общества.

Западная политологическая литература представлена интересными выводами в данном направлении.

В начале XX в. немецкий ученый Фридрих Майнеке¹¹ выделил нацию политическую нацию, основанную на общей политической истории и общности конституционного консенсуса, разделяемого нацией, и нацию культурную, основанную на общем культурном наследии.

Между ними есть существенная разница: принадлежность к политической нации является добровольной, в то время как принадлежность к культурной от человека не зависит, ибо не есть результатом его выбора, а дана ему изначально.

Понятие политической нации – следствие Французской революции 1789 г. и порожденных ею идеалов самоопределения и политического суверенитета. Культурный национализм порожден немецкой мыслью, борьбой за нацио-

нальную немецкую индивидуальность, характеризовавшую антипросвещенческую немецкую мысль.

Многие исследователи, в частности Ганс Кон¹², выделяют западноевропейский политический и восточноевропейский культурный национализм. Последний Кон называет мистическим, органичным, авторитарным, в то время как первый – гражданским и рациональным. Он объясняет это иным характером социально-политического развития восточноевропейских народов, которые апеллировали для самовыражения скорее к культурному, чем к правовому полю. Национализм тут был в большей степени результатом мечтаний ученых, фактором образования и пропаганды, а не вопросом реальной политики и действий правительства. К типичным примерам западного гражданского национализма Кон относит Англию, Францию, Голландию, Швейцарию и США. На Западе национализм боролся против династического права, монархий, и в связи с этим государство там предшествовало нации или, по крайней мере, шло параллельно с ее образованием. В странах Восточной Европы, наоборот, нация предшествовала государству.

Позже Майкл Хьюз сопоставил так называемый либеральный национализм, порожденный Французской революцией, и романтический национализм. Последний был, по его мнению, скорее культурным движением, реакцией на холодный рационализм Просвещения¹³. В свою очередь Анджей Валицки говорит о двух типах романтического рационализма: прогрессивном и консервативном¹⁴.

Правда, в последних исследованиях авторы пытаются объединить эти два типа, порой утверждая, что в основе политического непременно должен присутствовать культурный национализм. В частности, Бернард Як вообще говорит, что все виды национализма являются разновидностями национализма культурного.

Есть культурный национализм без этнических форм, который вмещает в себя политику. Романтизм XIX в. – основа культурного национализма. Политический национализм – это когда власть стремится изменить государство под нацию. Культурный же национализм изменяет общество для реализации устремлений нации. Культурный национализм объединяет разные аспекты нации, в частности традиции и модерн, сельский и городской аспекты.

Можно представить реализацию в наших условиях данного принципа, когда два этнокультурных национализма в пределах одного государства – русскоговорящий и украиноговорящий – исповедуют новый украинский национализм, не теряя при этом своих этнокультурных особенностей.

В контексте глобальных вызовов современности важно учитывать, что Украина – часть большого восточноевропейского православного мира, без которого собственная идентификация в окружающем будет неполной, не адекватной задачам. Это важно учитывать в условиях глобализации, когда Западная Европа все больше акцентируется на общих для всех ее народов ценностях европеизма, католико-протестантских, а значит, индивидуалистических ценно-

стях. Как пишет Андрэ Либих¹⁵, государство есть объективная, в то время как нация – субъективная составляющая одного субъекта — нации-государства. Не все нации становятся государствами, но должны стремиться к этому, чтобы считаться нациями. Нация имеет и свою собственную смысловую нагрузку. Как отмечал автор самой известной книги на эту тему «Нации и национализм» Эрнест Геллнер, как каждая девушка мечтает иметь мужа, желательно своего, так и каждая нация мечтает иметь государство, желательно свое¹⁶.

В течение 150 лет после Вестфальского мира, положившего начало национальным государствам, национальная идентичность не играла роли для государств. Начало связи «нация – государство» положила, как уже отмечалось, Французская революция. Слова же «национальное самоопределение» впервые прозвучали в контексте польского вопроса.

Многие авторы отмечают, что и западные страны строились поначалу преимущественно на этнических принципах и лишь потом перешли на гражданские. Поэтому важно определить, когда этнический национализм переходит в гражданский – какие для этого нужны условия и каковы признаки этого перехода.

Гражданский национализм – это когда определена территория, имеется общность законов и институтов, существует единая политическая воля, равные права для членов нации и минимум сантиментов, традиций и общих ценностей, объединяющих людей. Ощущение общего этноса определяет этнический национализм. Национальная гордость – это национальные сантименты к национальному государству, и оно также может быть в обоих случаях, но в этническом – чаще.

Западноевропейскому гражданскому национализму более свойственны гордость за политические показатели своей страны (уровень демократии, влияние в мире, социальная защита в стране, справедливость в обществе и т.п.). Восточноевропейскому национализму ближе культурные показатели национализма, в частности научно-техническая политика, спорт, искусство, литература, армия, история и т.п.

Чем больше развит политический фактор, тем меньше в обществе ксенофобии. Правда, эта корреляция проявляется больше именно в западных странах. И это доказательство того, что современная европейская традиция предполагает именно такой, рациональный взгляд на проблему, лишенный восточного культурного мистицизма, авторитаризма и иррационализма.

В одной из известных работ на эту тему Альфред Степан¹⁷ исследует новую «пару»: «национальное государство (НГ) – государство-нация (ГН)», доказывая, что именно вторая модель должна быть в основе новой национальной идеологии и соответствующей модели для Украинского государства, как предполагающей плюрализм культур, языков и этносов. В частности, национальными бывают или унитарные государства, или федерации, но моноэтнические. Примеры демократических национальных государств – Португалия, Франция, Швеция и Япония.

Как правило, страна становится национальным государством, если в ней есть доминирующая культурная группа.

Однако если в стране есть более чем одна культурная группа, которая считает себя нацией, то в рамках такой модели могут возникнуть конфликты – как между культурными группами, так и между устройством нации и строительством демократического общества в ней. Так было, в частности, в Испании после смерти Франко, в Бельгии в середине XX в., в Канаде на заре образования федерации в 1867 г. и, наконец, в Индии во времена обретения ею независимости.

В этих и многих подобных случаях на территории одного государства фактически находились две или более нации со своими лидерами. Каждая из них сталкивалась с проблемой притяжения или непритяжения ее национальной культуры. Все такие государства рано или поздно выбрали модель так называемого государства-нации. Тем самым они признали наличие более одной культурной и национальной идентичности в стране.

Они также способствовали утверждению в своих странах так называемого асимметричного федерализма, многоязычия, а соответствующим регионально ориентированным партиям позволили становиться лидерами в своих регионах и одновременно быть членами правящих коалиций. Благодаря этому те соотносили себя со всем государством и не возникало противоречий и несовпадений между понятиями *demos* – *polis*.

Чтобы в стране была возможность построить национальное государство, отмечает А. Степан, требуется выполнение следующих условий: 1) достаточно близкие друг к другу *demos* и *polis*; 2) существование национальной элиты, объединенной вокруг такой идеи; 3) благоприятная геополитическая ситуация.

К моменту обретения независимости в Украине не было ни одного из вышеуказанных условий.

Большинство граждан Украины считали себя представителями украинской нации, но в то же время родным языком считали русский. Элиты в стране, были и сейчас разделены, геополитическая ситуация тоже оставляет желать лучшего. Очевидно, что для Украины наиболее приемлема именно модель государства-нации.

Особое место среди трудов о национализме, и в частности национализме в Украине, занимает работа Стефана Шульмана¹⁸. В ней приводятся очень важные конкретные социологические данные, а комплексное исследование данного вопроса освещено во многих аспектах – от исторического до конкретно-политического и социологического.

Автор пишет, что согласно принципу гражданского национализма объединяющими принципами народа в нации-государстве являются проживание на совместной территории, вера в общие политические принципы, наличие гражданства, представленность общими политическими институтами, желание быть частью одной нации-государства.

Согласно же принципу этнического национализма люди объединяются в одну нацию и государство общей историей, культурой, языком, религией, традициями и расой. Разные национальные идентичности базируются на комбинации гражданских и этнических компонентов и, очевидно, могут варьировать от нации к нации.

Автором вводятся два основных типа качественного определения национальной идентичности – гражданский и этнический, а также изучаются два типа этнического национализма в Украине: украинский этнокультурный национализм запада страны и восточнославянский национализм. Украина после обретения независимости находится в поисках того, какой тип идентичности выбрать в качестве основного.

Главный вывод автора статьи: анализ общих и конкретных социологических закономерностей показывает, что на сегодняшний день Украина склоняется не к этнокультурному, а к гражданскому и политическому национализму.

Итак, гражданская национальная идентичность в Украине сильнее этнической. Хотя, по Кону, должно быть наоборот, ибо украинская нация возникла намного раньше государства. Но, с другой стороны, 70 лет существования украинского квазигосударства в составе Советского Союза могут считаться условием, в чем-то схожим с проживанием в стране, где могли бы развиваться территориальные и политические концепции.

Автором на основе результатов социологических опросов, проведенных в украинском обществе, сделан вывод о том, что украинский народ давно готов к принятию и акцептированию новой, гражданской и социально-политической национальной идентичности.

Выводы Шульмана доказывают также правильность тезиса о том, что гражданская национальная идентичность – значительно более сильный системообразующий фактор национального самосознания украинского народа, чем этнонациональная идентичность.

Как показали результаты опросов, язык и другие параметры этнокультурной идентификации скорее разделяют народ Украины. Следовательно, утверждает Шульман, те политики и политические силы, кто в поисках объединяющей фундаментальной нациеобразующей идеи и идеологии предпочитают рассматривать этнокультурную национальную идентичность, причем неважно какую – украинскую ли, восточнославянскую ли, – рискуют столкнуться с серьезными проблемами и препятствиями в массовом сознании большинства украинского народа.

Итак, сегодня для собственного возрождения Украине необходимо пересмотреть основы национальной идеологии: переход от этнокультурных к гражданским и социально-политическим принципам.

И это особенно актуально, когда политическая идеология этнокультурного национализма дошла фактически до апогея. Так называемая оранжевая рево-

люция была крайней формой, наиболее выпуклым проявлением украинского этнокультурного национализма, поставившим страну на грань раскола. Национализм в лице своих основных украинских представителей уже к 1999 г. полностью себя исчерпал.

Возможно, национализм, основанный на этнической и культурной составляющих, и был нужен на первоначальном этапе независимости Украины, но чем дальше, тем очевиднее, что в условиях уже построенного Украинского государства продолжение педалирования этнокультурных, в частности языковых, факторов разделяет народ и ведет в тупик всю государственность.

Судить о демократичности государства и зрелости гражданского общества позволяет постоянно ведущееся обсуждение разногласий (в том числе национальных) в приемлемых для всех сторон формах. Но формы поднимающегося национализма во многом зависят от природы государства, которое он поддерживает или против которого выступает.

Примечания

- ¹ Линд М. В защиту либерального национализма/ *Foreign Affairs*, май-июнь, 1994, т. 73, №3. С. 87–100.
- ² Донцов Д. Национализм. Винница: ДП «ДКФ», 2006. С. 223.
- ³ Бочковский О. Введение в нациологию. Киев. 1998. С. 15.
- ⁴ Иван (Лысяк) Рудницкий. Национализм. Киев. 2006. С. 15.
- ⁵ Там же. С. 48.
- ⁶ Коротева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? М., 2006. С. 58.
- ⁷ Breuilly J. *Nationalism and the State*. Manchester, 1999. P. 3; Smith A. *National Identity*. L., 1999. P. 74.
- ⁸ Национализм и формирование наций. Теории-модели-концепции / под ред. А. Миллера. М., 1994.
- ⁹ Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780. Program, Myth, Reality*. Cambridge, 1990. P. 7.
- ¹⁰ Verdery K. Whither “Nation” and “Nationalism”? “*Daedalus*”, Summer, 1993. P. 38–39.
- ¹¹ Meinecke F. *Cosmopolitanism and the National State* (Princeton, Princeton University Press, 1970). P. 40, 12.
- ¹² Kohn Hans. *The Idea of Nationalism*. NY, Macmillan, 1945.
- ¹³ Hughes M. *Nationalism and Society. Germany 1800–1945*. London, 1988. P. 22–23.
- ¹⁴ Walicki Andrzej. *Philosophy and Romantic Nationalism. The case of Poland*. Oxford, Clarendon Press, 1982. P. 77.
- ¹⁵ Must Nations Become States? *Nationalities Papers*. 2003. Vol. 31. P. 453–469.
- ¹⁶ Эрнест Геллнер. Нации и национализм. Пришествие национализма. // *Путь: международный философский журнал*. 1992. № 1. С. 9–61.
- ¹⁷ Alfred Stepan. Ukraine: Improbable Democratic «Nation-State» But Possible Democratic «State-Nation». *Post-Soviet Affairs*, Vol. 24, № 1, Oct-Dec 2005. P. 279–308.
- ¹⁸ Shulman Stephen. The Contours of Civic and Ethnic National Identification in Ukraine, *Europe-Asia Studies*, Vol. 56, #1, January 2004. P. 35–56.

ОБРАЗЫ РОССИИ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ В. ЮЩЕНКО И ПРЕЗИДЕНТА БЕЛАРУСИ А. ЛУКАШЕНКО (сравнительный аспект)

Процесс взаимодействия и выстраивания отношений с внешней средой требует познания и освоения этой среды, в свою очередь выражающихся в производстве и поддержании или трансформации стабильных представлений о локусах окружающей реальности. Создание таких представлений происходит в несколько этапов, комплексно, в том числе и на уровне социальной коммуникации. Взаимодействие между социальными акторами или группами можно представить в виде процесса конституирования значения, смысла ряда простых событий, объединяемых или артикулируемых в более сложные структуры. Комбинирование таких простых смыслов приводит к построению целостного образа того или иного объекта окружающей реальности, и образ в данном отношении следует понимать как знак этого объекта, заменяющий свой денотат в репрезентациях социальных акторов. Процессы артикуляции простых смыслов имеют схожую природу и потому подчиняются методам рефлексивного отслеживания логики построения. Исследовательский интерес заключается в попытке изучения как применяемых практикующими акторами механизмов увязывания в единое целое простых социальных «фактов», так и в возможности реконструкции на уровне социального взаимодействия в форме трансляции и материализации целостных образов, в том числе и географических.

Традиция исследования образов тех или иных участников политического взаимодействия на разных пространственно-политических уровнях, начиная от регионального и заканчивая обширными географическими протяженностями, имеет богатую историю и четко наработанные принципы и

методики анализа. Не преследуя цели представить исчерпывающий обзор материалов по данной теме, стоит, на наш взгляд, отметить новизну и неординарность таких подходов, которые делают акцент на взаимовлиянии географических пространств и социальных практик, их взаимообусловленности и сложном взаимопереплетении в рамках конкретных социально-исторических промежутков.

В частности, российский исследователь Д. Замятин, трактуя свой подход как гуманитарную географию и имеджионализм, занимается «погружением» в образы географических пространств, конституируемых в исторических дискурсивных практиках. Его интересует процесс становления и развития культурных пространств с явными или смутными географическими денотатами, как например, Евразия, пространства средних веков, постмодерна [см. 4, 5].

В западной традиции следует отметить достижения на основе дискурс-аналитических принципов и подходов к рассмотрению существующих образов, репрезентаций как на уровне представителей государственной власти, так и в медиа-пространстве, которому исследователи уделяют пристальное внимание.

Одним из перспективных и многообещающих направлений в современной гуманитарной и социальной, в том числе и политической, мысли, является дискурс-анализ. Содержание этого термина охватывает как теоретическую конструкцию, заключающую в себе достижения и недостатки многих школ и традиций научной или философской мысли, так и совокупность техник и процедур эмпирического анализа.

Данное направление является реакцией как на внешние относительно него самого условия и критерии научной деятельности, так и на имманентные, внутренне присущие ему параметры, ведущие свою родословную от «корневых метафор» и произрастающих далее дихотомий и изоморфизмов: конструктивизм/рефлексивность, количественные методы/качественные инструменты, детерминизм/свобода и некоторые другие. Однако не стоит увлекаться иллюзиями по поводу вездесущности и всемогущества дискурс-анализа, как это представляется некоторым исследователям, довольно эклектично объединяющим разновекторные представления о критериях научного «мышления» и механизмах социальной жизнедеятельности.

Дискурс-анализ следует понимать как один из способов производства признаваемой в научном сообществе «продукции», которая подчиняется тем же правилам «создания» и «бытия», что и подвергаемая деконструкции в ходе дискурс-аналитического исследования социальная реальность. И сами аналитики это отчетливо осознают, полагая, что предлагаемая ими реализация критически настроенных идей и концептов является одной из разновидностей множественных социальных практик, из которых в конечном счете и соткано общество, и в качестве своего прямого следствия позволяет нарушать наличную асимметрию властных отношений социума и привлекать внимание к скрываемым, возможно, неосознанным, но тем самым методически воспроизводимым

и поддерживаемым на неизменном уровне, механизмам создания и управления социальными процессами. Следование указанной практике в качестве цели имеет перераспределение властных позиций участников социального взаимодействия, способствуя достижению более «справедливых» и «лучших» отношений: равенства, толерантности, гуманности.

Однако такие же научные практики ведут и к легитимации как своих продуктов, так и рационализации выявленных идеологий здравого смысла (как основного объекта критических размышлений).

Исследуя тексты, производимые акторами, стоит учитывать игру самих означающих, их структурирование по определенным принципам, при этом значение контекста нельзя переоценивать, обращаясь к нему как к фактору, однонаправленно детерминирующему содержание и форму дискурса. Скорее, в этом случае важны модели артикуляции означающих.

Постмарксистские теоретики Э. Лаклау и Ш. Муфф под дискурсом понимают широкую область социального, даже не область, а само социальное, как нечто подвижное, подверженное постоянным ситуациям случайного переопределения.

Согласно данным авторам, все социальные практики являются дискурсивными, т.е. приводят к формированию идентичностей путем артикуляции пустых означающих вокруг нодалных точек, т.е. таких узловых точек, которые обладают организующим принципом подчинения себе означающих «низшего порядка».

Практика артикуляции состоит в конструировании узловых точек, которые частично фиксируют значение. В свою очередь такая фиксация не является полной из-за принципиальной открытости социального, социальное есть артикуляция, без чего общество невозможно [1, с. 110].

Артикуляция как трансформация имеющегося расположения означающих основывается на двух механизмах или логиках: различия и тождества. Если логика различия по названию предполагает выстраивание такой идентичности, что акцентирует игру и необходимость различий между артикулируемыми моментами, то логика тождества, эквивалентности, наоборот, объединяет элементы, стирая между ними какое-либо различие, оставляя себе лишь два поллярных значения, конституирующих друг друга.

Эквивалентность создает второе значение, которое разрушает первое: отличия отменяют друг друга, ибо выражают что-то идентичное, в их основании. В цепи подобия все разнообразные, различающиеся объективные определения ее терминов теряются, и идентичность может задаваться только общей референцией на что-то внешнее. Полная эквивалентность подразумевает всецелое устранение различий. Идентичность становится чисто негативной. Из-за того, что негативная идентичность не может быть представлена непосредственно, т.е. позитивно, она может быть представлена не прямо, через подобие отличаю-

щихся моментов. При этом через подобие выражается нечто, чем объект не является [1, с. 128].

Э. Лаклау и Ш. Муфф рассматривают отдельно роль логики подобия в создании и проведении такой политики, как популизм:

«Популярная субъектная позиция – это позиция, конституируемая через эквивалентность, разделение политического поля на два полярных, антагонистических лагеря. Политическое пространство популярного возникает в таких ситуациях, где посредством цепи демократических эквивалентностей политическая логика стремится соединить пробел между политическим пространством и обществом как эмпирическим референтом» [1, с. 133].

Сформулировав вкратце теоретические основания исследования, перейдем к практической части. Данная статья посвящена дискурс-анализу образов России, присутствующих на уровне речевых практик президента Украины В. Ющенко и президента Беларуси А. Лукашенко.

Данная работа преследует цель эксплицировать неявные идеологии и выявить культурно-когнитивные модели, определяющие восприятие и оценку собственного места в системе координат международных отношений, путем исследования публичных выступлений и интервью: В. Ющенко в хронологический промежуток 2005–2008 гг. и А. Лукашенко – за 2001–2008 гг.

К истории постановки вопроса

Проблеме изучения образов географических пространств в украинской и зарубежной научных традициях уделено заметное внимание.

Российский историк А. Миллер практикует традицию изучения генезиса межнациональных и межэтнических отношений. В серии работ он представил свое видение как проблемы становления украинской идентичности, так и взаимоотношений Украины и России в прошлом и на современном этапе. В частности, в журнале «Полис» представлены результаты исследования взаимных медиа-образов России и Украины в 1991–1995 гг. [8].

Украинские исследователи В. Кулык, М. Рябчук занимаются проблемами концептуализации взаимодействия и борьбы двух ключевых для Украины версий национальной идентичности – русофонной и украинофонной, – и критикой позиции государственных лидеров, которые в целях сохранения своей власти проводят политику «примирения», сводящуюся к бездействию, замалчиванию и шантажу [7].

Стоит отметить и приверженность указанных авторов одной из противоположных сторон, в частности украинофонам. Данный вывод можно сделать на основе текстуального анализа лексики, применяемой ими для характеристики русофонного дискурса.

Акцентируя значимость указанных работ, следует сказать, что авторы сосредоточиваются на широких контекстуальных событиях, анализе литературы по данной тематике, но мало кто из них приближается, собственно, к характеристике речевых практик должностных лиц государств, используя риторiku лишь побочно, для подтверждения уже готовых выводов и заключений – как симптом для диагноза.

В данном аспекте довольно продуктивными представляются метафора «Пограничья» и, следовательно, ее применение в решении поставленной задачи. Как отмечает О. Шпарага, под Пограничьем следует понимать особую территорию, находящуюся между каких-либо двух пространств не только в буквальном, географическом, смысле, но и в символическом, семантическом положении: попытка определения собственной идентичности неизменно приводит к определению сначала идентичности образа, контекста тех, что находятся по обе стороны от самой территории Пограничья, и только затем уже своей. Пограничье, находясь в такой зоне, испытывает вызовы с двух сторон, окружено их дискурсами и при ответе на такие вызовы создает свой дискурс (и как действие, и как репрезентацию, и как стиль-бытие) [9].

В данном случае интерпретация образа Другого (Иного, Чужого) служит конституирующим фактором для определения собственного местоположения и назначения.

Как справедливо отмечает исследователь И.Ю. Киселев, «познание и конструирование реальности происходят посредством символов и значений, общезначимых для конкретного культурного и исторического контекста. При этом знание отличается относительностью, культурной и исторической локализацией. Благодаря познавательному процессу рассматриваемый факт обретает реальность для обоих государств» [6]. К данной цитате стоит добавить, что само познание можно исследовать лишь через дискурсивные практики субъекта, осуществляющего восприятие и оценку окружающей реальности, наполняющего ее смыслами, полученными и созданными в ходе социального взаимодействия.

В рамках данного исследования следует уточнить валидность использования термина «образ» во множественном числе, т.е. «образы», когда мы стремимся указать наличие во внешне целостных текстах президентов нескольких дискурсов или голосов как репрезентаций, подчиняющихся несколько различающимся логикам представления концепта «Россия», противоположных друг другу, но тем не менее объединяемых связным текстом при помощи риторических средств в единое целое.

Анализ дискурса президента Украины В. Ющенко

Состоявшиеся в конце 2004 г. президентские выборы в Украине стали одной из основных линий раздела (воображаемого лишь экспертами или частью на-

селения) между участниками предвыборных состязаний. Одним из значимых моментов предвыборной кампании было артикулируемое отношение претендентов на пост главы государства к Российской Федерации (далее – РФ). При этом считавшийся «пророссийски» настроенным политиком В. Янукович выступал за создание союза двух государств, придание русскому языку статуса второго государственного, интеграцию в европейское экономическое пространство. «Прозападный» же кандидат В. Ющенко в своей предвыборной программе «Десять шагов навстречу людям» отношениям с Россией уделил один пункт программы. В частности, упор в данной программе делался на выстраивание прозрачных и деловых отношений на уровне двух государств-соседей.

Победителем стал В. Ющенко, выигравший выборы преимущественно в украиноязычных регионах Правобережной и Западной Украины. Русскоязычные Восточная Украина, юг Украины, Крым голосовали за кандидата В. Януковича.

Данные выборы можно рассматривать как отказ в доверии «прозападному» кандидату в регионах, голосовавших по большей части за В. Януковича, и, наоборот, пророссийскому претенденту – в областях, отдавших свои голоса В. Ющенко.

Как справедливо отмечает Д. Арель, после победы В. Ющенко для Украины ключевым вопросом повестки дня становится распространение принципов самоорганизации украинской нации не только на западе и в центре Украины, но и на востоке и юге страны, при этом «включение в политическую нацию едва ли сможет произойти на основе одностороннего представления о том, что такое национальная идентичность. Если русские в России должны понять, что они не могут в одностороннем порядке навязывать украинцам свое видение украинской национальной идентичности, то и западные украинцы (так мы снова обозначаем жителей Западной и Центральной Украины) не могут в одностороннем порядке навязывать жителям Восточной Украины свое видение украинской национальной принадлежности. Необходимо найти способ преодоления разногласий, основанных на различии идентичностей» [3].

Вслед за Д. Арелем можно констатировать, что вступившему на пост президента Украины пришлось решать сложную проблему конструирования такого образа РФ, который помог бы слить воедино представления о данном государстве, имеющиеся как у политической элиты Украины, так и у населения, для преодоления противоречий, разделяющих дискурсивно Украину как минимум на два лагеря.

Исследовательская задача состоит в том, чтобы отследить и реконструировать сложившийся в дискурсивных практиках В. Ющенко образ России как важный и определяющий фактор развития двусторонних отношений и как фактор укрепления имиджа самого президента в рамках борьбы за свой статус в качестве основного генератора смыслов и концепций украинского государства и нации.

С самого начала своего пребывания на посту президента Украины В. Ющенко пытается сформулировать такое видение взаимодействия с Россией, которое отвечало бы его внутренним представлениям о взаимоотношениях двух стран-соседей.

Он артикулирует элементы таким способом, что познанная/созданная идентичность РФ позволяет вступить с ней в те или иные отношения, выстраивая соответствующие ряды подобия или различия.

Уже в первом своем выступлении – инаугурационной речи – он указывает на начало новой эпохи внешнеполитической активности Украины, когда эта функция государства управляется исключительно *национальными интересами*.

Национальные интересы в данном случае являются нодальной точкой, упорядочивающей дискурсивную формацию, складывающуюся вокруг нее. Данное понятие проходит через всю президентскую риторику, по объему оставаясь практически неизменным все четыре года.

Для Ющенко национальные интересы видятся как непреложные истины, не подчиняющиеся трансформации, данные изначально и навсегда. В сфере внешней политики они материализуются в форме интеграционных процессов в Европу, коллективную структуру безопасности на европейском пространстве и чистых, прозрачных, стратегических отношениях с Россией.

Стоит отметить, что «национальные интересы», поскольку они национальные, подчиняются логике конкуренции политических сил за их определение и реализацию, что признается и самим В. Ющенко, но президент фактически стремится закрыть пространство для публичной дискуссии, настойчиво и повседневно вынося на повестку дня свою интерпретацию «интересов».

После проведения первичного изучения текстов президента и в соответствии с их внутренней структурой образ России следует предварительно разделить на несколько составных частей.

Например, можно выделить следующие образы РФ и обозначить их как:

- 1) Россия экономическая – партнер;
- 2) Россия политическая – не партнер.

Выделение таких субобразов позволит адекватнее отследить внутреннюю организацию текстового массива выступлений Ющенко.

В плане экономическом Россия представляется неолиберальному мышлению Ющенко как огромный рынок, готовый к потреблению производимых Украиной товаров: огромный, но уступающий по размерам европейскому рынку, действующий по своим собственным правилам и принципам, серьезно отличающимся от стандартов ЕС, не всегда прозрачный и потому требующий его окончательного урегулирования и подчинения законам свободного рынка:

Нашим стратегическим соседом является Россия, где сегодня формируется 1/5 украинского экспорта, где есть большое экономическое, историческое, стратегическое, политическое и другое родство. Это уникальный рынок, за который нужно бороться.

А поскольку Россия конвенционализируется в виде пространства прежде всего хозяйственных дел, движения капиталов и услуг, то и вызываемая такой диспозицией логика установления контактов сводится в целом лишь к преобразованию совокупной системы отношений в принципиальную «маркетизацию» символического поля:

Все дело в том, что наши две страны пытались вручную «рулить» нашими экономическими отношениями. Хотя их направление должен определять, прежде всего, свободный рынок.

Впервые в этом секторе наших отношений – вы понимаете, что это очень важно и возможно, это сердцевина наших деловых отношений – наведен сегодня рыночный порядок.

Даже декларируемая совместность трактуется в итоге через общность экономических интересов:

Я начал бы с того, что украинский и российский народы несут много общего в культуре, в традициях. Я убежден, что сегодня уникальное взаимное сотрудничество между двумя экономиками приносит реальную отдачу для одного и другого народа.

При этом данный рынок-государство может служить образцом для подражания в некоторых типичных случаях, например в установлении «прозрачных» и «демократических» тарифов на коммунальные услуги, проведении реформы социального обеспечения (монетизация льгот):

Цена на газ – внутреннее потребление – ниже, чем в России. Какой политик отвечает за эту авантюру?

Стремясь перевести взаимные отношения на системную базу, Ющенко часто персонифицирует взаимодействия с Россией, говоря о том, что обе страны обладают своими биографией и историей:

Мы обсудили и в режиме тет-а-тет вопросы, которые, возможно, очень давно не задавались украинской стороной России, и я нашел понимание.

С Россией мы должны говорить более читабельным языком, а в своем поведении быть более выразительными и в то же время – искренними.

В России часто говорят, что у нас общая история. Это приблизительно то, когда говорят, что вот мы с вами ходили в одну школу. Но у каждого своя биография, у каждого своя история.

Подтверждает персонификацию и сам факт создания главами государств комиссии «Ющенко – Путин», которая призвана перенести механизм преодоления накопившихся трудностей и вопросов на уровень лидеров стран, несущих персональную ответственность за состояние межгосударственных отношений.

Накопившиеся за годы правления президента Л. Кучмы проблемы ждут от Ющенко его оценки и решения, ключ к которым – введение как базового принципа взаимоотношений правил свободной рыночной экономики. В данном контексте разрабатываются программы по любому направлению взаимоотношений: от вопросов базирования Черноморского флота РФ до поддержки русского языка в регионах, населенных этническими русскими:

Если мы понимаем, что рядом с нами есть стратегический партнер Россия, где мы хотим обеспечить реализацию украинских интересов, то мы должны знать русский язык. Развитие русского языка должно происходить не за счет украинского, а развитие украинского – не за счет русского.

Таким образом, для общества, чье этническое различие, а языковое в еще большей степени, велико, русский язык исключается из возможных ресурсов для установления иных вариантов (например, межкультурного диалога) и переводится сугубо в рамки хозяйственного общения субъектов предпринимательства – как будто изучение английского или любого другого иностранного языка, не репрезентирующего часть представителей украинского государства и нации, поможет, в первую очередь, реализации украинских интересов за рубежом, а потом, во вторую, – реализации прописанных в конституции и законах прав граждан.

Идеология неолиберала, требующая от политика внедрения принципа прозрачности, эффективности во все сферы общественной жизни, заставляет Ющенко декларировать перевод сфер гуманитарных практик (образование, СМИ, искусство), тем более подверженных культурному воздействию со сто-

роны стратегического партнера, на реализацию этнонационалистической политики, лаконично выраженной в формуле:

Нет альтернативных Украин. Есть Украина – одна. Один Киев. Один народ.

Отдельно от субобраза России экономической стоит субобраз России политической как пространства с особой логикой артикуляции элементов, не схожей с механизмом упорядочения означающих предыдущего субобраза «огромного рынка».

Одной из составных частей субобраза России политической является репрезентация истории. В речи Ющенко периодически отражаются практики социальной коммеморации и исторического воображения российской (в том числе и советской как неотделимой от российской) истории в виде воспоминания о трагических и неприемлемых негативных моментах: на фоне парламентского кризиса весной 2007 г. Ющенко актуализирует силовой захват Белого дома в Москве в 1993 г.; проблемы проведения выборов, взаимоотношения власти и оппозиции, власти и бизнеса на фоне достижений президента Ющенко в демократических и экономических преобразованиях. Отвечая на вопрос журналиста: «По вашему мнению, Юлия Тимошенко, если станет президентом Украины, станет украинской версией Владимира Путина?», Ющенко говорит: «Я не хочу никого обижать. Мы являемся европейским народом и не можем возвращаться в Азию».

Рефлексия Ющенко над политическими событиями прошлой и современной России позволяет ему сделать вывод, что Украина абсолютно не имеет с Россией точек для соприкосновения:

Она (Украина. – В.К.) также должна создать политическую культуру, необходимую для того, чтобы система функционировала в соответствии с демократическими принципами. Это то, которое отличает страны, которые избежали советского наследства, от тех, которые все еще находятся в его плену.

Редкая референция на совместную историческую традицию служит дискурсивно для окончательного воплощения модели «амнезии» как полного отрицания событий, имевших какую-либо точку соприкосновения с Россией, и неизжитые события прошлого (унаследованные от СССР, например) трактуются исключительно или по преимуществу как события только украинской истории.

В дискурсе Ющенко практически отсутствуют упоминания каких-либо общих с Россией исторических событий, доминирует практика национального забвения. Если президентом Украины и приводятся ссылки на общезначимые

факты совместного прошлого, то однозначно они интерпретируются по двум полюсам оценки: так, Великая Отечественная война становится индивидуальным делом украинской нации, а виновность в создании и проведении голодомора ложится целиком на обезличенный коммунистический, сталинский режим. Причем для характеристики голодомора вводятся две разные системы видения мира – националистическая и идеологическая, т.е. субъектом репрессий выступал коммунистический режим, а объектом воздействия – украинская нация, сформированная во многом благодаря проводимой большевиками политики коренизации.

Неоднозначная, конфликтная интерпретация голодомора вводится Ющенко и в контексте установления более прозрачных отношений с РФ: в период дней почитания жертв голодомора как исторического эпизода, требующего эмоциональной окраски и не поддающегося рациональному осмыслению, Россия отождествляется со своим народом, характеризуемым в терминах родственных связей:

Мы призываем всех и, в первую очередь, Российскую Федерацию совместно, как настоящие, честные и чистые друг перед другом братья осудить преступления сталинизма и тоталитарного Советского Союза.

Призываю Российскую Федерацию встать рядом с нами и через государственное почитание голодомора продемонстрировать высокий, соответствующий российскому народу пример человеческого сопереживания.

Но народ России, будучи братом, дискурсивно отождествляется со своим руководством, поскольку он избрал президента, который унижает миллионы людей, которые ныне почивают в мире, невинно убиты, которые никому ничего не сделали.

Характеризуя траекторию становления идентичности российского государства в ходе постсоветской трансформации, Ющенко апостериори отвергает какие-либо различия между Советским Союзом и его правопреемником – Россией:

Россия получила стартовые условия, которые были в Советском Союзе, и представлять себя в мире, сформулировать основы внешней политики ей было не так сложно. Механизм преемственности, вот и все.

Следуя указанной логике, можно сделать вывод, что Россия не только теоретически, но и практически видится В. Ющенко как наследница СССР, одно-

значно коррелирующего в дискурсе президента Украины с тяжелейшими преступлениями XX в. Попытка сконструировать альтернативную репрезентацию России, которая устраивала бы и нейтрализовала конкурирующие между собой представления о России в украинском повседневном и официальном дискурсах, вызывает противоречия в речевой практике Ющенко.

В 2008 г. наблюдается повышенная активность президента в виде попыток конкретизировать прежде расплывчатый и смутный образ РФ, чему способствовали события в Закавказье.

В связи с военным конфликтом на Кавказе в августе 2008 г. президент Украины актуализирует образ России как агрессора, нарушителя абстрактных международных норм, ранее нарушенных Западом в отношении Косово, сделавших из бывшего региона Сербии субъекта международного права без позволения самой Сербии. В ситуации с кавказскими событиями, где односторонняя оценка их Ющенко указывает, скорее, на твердую убежденность президента в непогрешимости мнения, сразу устанавливаются причинно-следственные связи, выводящие сами регионы из процесса, т.е. сторонами конфликта, «войны», а не миротворческой операции, предстают не Грузия, Южная Осетия и Россия, а только последняя – война вызвана агрессивностью РФ.

В целом, подытоживая вышеприведенные рассуждения, можно сделать вывод о неоднозначности образа Российской Федерации, существовании нескольких принципов организации социального топонима «Россия» в дискурсе президента Украины: с одной стороны – последовательность нелиберала, требующего перевода множественной реальности межгосударственных отношений в плоскость эффективного экономического сотрудничества, сведения многообразия подходов и принципов к организации двустороннего взаимодействия к «прозрачности» и «рыночной» конъюнктуре, с другой стороны – явное негативное отношение к близкому прошлому российской внутривнутриполитической реальности, от которого украинцам удалось избавиться лишь в ходе президентской кампании 2004 г.

Актуализируемая единичными «инъекциями» историческая близость в итоге превращается в украинскую национальную биографию, в корне отличающуюся от биографии российской, в нарастающую по хронологии артикуляцию России как абсолютного Другого.

Об этом свидетельствуют и наблюдения над моментами соотнесения современной РФ с Советским Союзом. Выше были приведены черты представления Ющенко голодомора, в трагедии которого повинен коммунистический режим. Эксплицитно президент отрицает роль стороны-виновницы за Россией, но постепенная, с каждым годом усиливающаяся интерпретация российского опыта жизнедеятельности как неевропейского, азиатского, т.е. Чужого по определению, онтологически Иного, приводит Ющенко к имплицитным отождествлениям России нынешней с Россией Советской – что выражено, например, в

такой формулировке: *Россия получила стартовые условия, которые были в Советском Союзе*, а также в часто употребляемой скрытой логической связке, которую можно представить так: «беда нашего времени – это прямые следствия советского опыта». Соответственно РФ и как формальная наследница СССР (в сфере имущества), и как фактическая (в сфере мировоззренческой традиции) становится Чужим, находящимся по ту сторону границы и постоянно дающим вызовы идентичности Украины. Провозглашаемая «онтологической» европейскость Украины приводит к выстраиванию образа России как одного из партнеров, с предикатом стратегический. Фактически – это образ Другого, приемлемого в некоторых аспектах образования на постсоветском пространстве, но все более способствующего своими действиями («азиатчиной») укоренению предначертанной фатумом принадлежности Украины к Европейскому союзу. Этот Другой, отношения с которым Ющенко с 2005 г. пытался выстроить на основе прозрачности и рыночных правил, со временем стал все более отдаляться и превратился в нарушителя основ священной «европейской безопасности», который не имеет права быть образцом для подражания в свете европейских чаяний «Я», т.е. Ющенко как лидера Украины; он сделался тем Другим, который ранее был Своим, но жизнь, «биография» которого увели его «дорогу» в сторону: совместный выбор Украины и РФ в пользу ЕС оказался невозможным. Пограничье окончательно «отторгнуло» одну из сторон (Россию), выстроив ее как противоположность, но так и не став ближе к другой стороне (Европе).

Анализ дискурса президента Беларуси А. Лукашенко

Исходя из представленной выше теоретической рамки попробуем представить дискурсивные модели России, наличные в высказываниях А. Лукашенко.

Проблема построения и функционирования белорусско-российских отношений широко освещена как в публицистическом дискурсе, так и в научном.

В ходе предварительного ознакомления с текстами удалось установить, что конструирование внешне целостного, единого образа РФ и у В. Ющенко, и, особенно, у А. Лукашенко подчиняется нескольким логикам, последовательно складывающимся в общую картину репрезентации данного государства.

Несмотря на широкую вариативность и наличие большого количества высказываний о России, тем не менее их можно свести к нескольким общим моделям или формам представления. Для понимания общего механизма «жизнедеятельности» совокупного, целостного образа России целесообразно отдельно рассматривать каждый из выявленных субобразов (назовем их так для большей корректности).

Тематически проблеме взаимодействия с Россией у белорусского лидера отводится гораздо больше «пространства» и «времени», чем у его украинского коллеги: это обусловлено становлением политического проекта «Союзное го-

сударство», предполагающего дискурсивное «освоение» и интерпретацию стороны-партнера, наполнение содержанием пустого означающего проекта с определением системы координат для создания привлекательного живого «продукта», способного к воспроизводству собственной идентичности путем осознания самого себя. Фактически тематика совместного государства не отделена от якобы основных рассуждений или выражений о собственном государстве, идентичности, национальном строительстве, а активно и творчески взаимодействует с темами внутреннего пространства Беларуси, основываясь в процессе структурирования идентичности Союза на одинаковых логиках и смысловых конструктах.

Процесс создания Союзного государства, своеобразного и не имеющего аналогов в мировой практике, его «овеществление», интересен для научного исследования: как факт освоения окружающей реальности в терминах имеющихся когнитивных матриц и как факт конструирования принципиально новых и не подававшихся прежде интерпретации артикуляционных практик.

Хронологически отследить поворотные моменты в дискурсе Лукашенко не видится проблематичным по одной причине – такие повороты совпадают с событиями контекста производства высказываний, но тем самым и представляют собой исследовательский интерес, заключающийся в стремлении выявить технику артикуляции элементов, их упорядочивание, сдвиги и повторное определение узловых точек.

Собственно, Лукашенко осмысливает географический денотат «Россия» только в ракурсе создания совместного политического проекта – не существует России отдельно от проекта, она жива лишь постольку, поскольку «строит», пусть и неудачно, Союз с Беларусью. Логическим следствием данного положения является акцент на практиках, структурирующих и легитимирующих данный проект.

В целом, совокупно оценивая суть надгосударственного образования, Лукашенко наиболее часто прибегает к использованию метафорической модели со сферой-источником «здание» преимущественно лишь для указания конфликтных означающих, не поддающихся однозначной фиксации, служащих для определения проблемных моментов в интеграции:

Введение российского рубля – верхний венец того дома, который мы строим. А верхний венец нельзя положить до тех пор, когда не будут положены на фундамент нижележащие венцы.

Когда мы окунулись в эту большую проблему, когда мы начали выстраивать отношения по кирпичикам, оказалось, что каждый кирпич надо шлифовать, что надо эти кирпичики класть в здание, отшлифовывая их, и помня о том, что мы этот дом строим для людей.

Я им говорю: да не строится дом с крыши, он строится с фундамента.

Возникающие эпизоды взаимонепонимания транслируются как неумение проектировать дом, непосредственно строить его, как отсутствие представлений о самом фрейме «здание». Отсутствие же такого фрейма постоянно ассоциируется лишь с российской стороной – руководители РФ не могут быть архитекторами и строителями, единственным «прорабом» может быть лишь Лукашенко.

С той же целью применяется и метафора из сферы-источника «природа»: *Если мы сорвем незрелый плод, вы знаете, что будет: есть его будет невозможно.*

Для понимания логики артикуляции дискурсивной формации «Союзное государство» следует вкратце разобраться с принципом созидания идентичности Беларуси в дискурсе Лукашенко.

Механизм конструирования идентичности Беларуси ее Президентом можно обозначить как популистский. Популизм, по определению Э. Лакау, – это «серия политико-дискурсивных практик, конструирующих популярного субъекта, предпосылкой чего выступает построение внутренней границы, разделяющей социальное пространство на два лагеря за счет определения пустого означающего» [2]. В случае с Беларусью страна мыслится Лукашенко как разделенная на две части, антагонистические по своей сути – народ как верховный суверен и не-народ, или оппозиция, всячески, с использованием разных риторических стратегий, вытесняемая за пределы белорусской идентичности и находящаяся из-за этого по ту сторону границы, в основном – на Западе, но иногда относимая и к России. Пустым означающим, т.е. границей, их разделяющей, становится «белорусская модель развития», сформулированная и реализуемая А. Лукашенко. Народ как верховный суверен осознается в качестве единственно легитимного источника власти для самого президента как единоличного представителя народа, который через фигуру Президента осознает свое единство и существование: без президента Лукашенко не было бы Беларуси, без Беларуси не было бы президента Лукашенко. Для оценки степени репрезентации собою воли суверена Лукашенко применяет стратегию отстранения от любых возможных «попутчиков» или посредников между собой и народом, объективно наличных и необходимых, но символически элиминируемых из вертикали народ – президент:

Всегда опирался и опираюсь на народ, а не на какие-то группы или кланы. Главное – доверие народа.

В народе по отношению к президенту не может быть никаких внутренних различий, лишь полная тождественность.

Для двух данных лагерей нет общего пространства взаимодействия – оппозиция маргинализуется через лексические средства и метафоры природы и организма:

Три с половиной сотни отмороженных людей; отморозков от оппозиции; только эти оппозиционеры, подкармливаемые из-за пределов нашей страны, начинают кричать (значит, мы на правильном пути); прикормленных оппозиционеров; потому что это безмозглые, абсурдные мероприятия. И эта – тоже безмозглая и абсурдная критика!; «хрюкали у кормушки» Лукашенко! Окрепли, встали на ноги, проворовались или заняли просто предательскую позицию «вшивого» оппозиционера.

При этом «народ» предстает как гордый, мудрый, трудолюбивый, честный, свободный, интеллектуально подготовленный.

Таким образом, между двумя лагерями внутри Беларуси нет никаких позитивных различий – народ и «так называемая» оппозиция эквивалентны друг другу в терминах чистой негативности, а негативность и антагонизм вводятся Лукашенко для легитимации собственной персоны как «достойного представителя» интересов такого народа.

Данная логика проецируется активно и на Россию, только здесь двумя лагерями выступают не оппозиция и народ, а власть (часто вместе с олигархами) и народ.

Народ же России конструируется по аналогии с определением белорусского народа: «народ» как таковой есть не только в Беларуси, но и в России. Данная логика эквивалентности эффектно переносится на российскую «почву» с привлечением концептуальной метафоры из сферы-источника «родство»:

Государства, которые в одной колыбели выпестованы.

Это наши самые близкие братья. И будем делать всё для того, чтобы жить в братской дружбе. Быть вместе нам предначертано самой судьбой.

Если вы спросите, чего больше в белорусском стремлении быть вместе с россиянами, расчета или чувства, то, безусловно, это второе – желание быть вместе.

Намерения наших братьев-россиян строить Союз на справедливой основе.

Символическое родство, семья ведет свою родословную с давних времен, предположительно – от Киевской Руси. Но ключевым, узловым пунктом для укрепления и институционализации, своеобразной проверкой, стала Великая

Отечественная война, занимающая доминантное положение во всем дискурсе Лукашенко:

В годы Великой Отечественной войны по одну сторону баррикад в окопах мы гнили вместе с россиянами.

Россия это не только ваша Россия, это и моя Россия. Мы жили в одной стране. Мы защищали, мы три миллиона с лишним человек положили на алтарь Победы, защищая нашу страну.

Мы в истории всегда были вместе. Всегда были вместе! Мы всегда боролись против общего врага, и в войнах были вместе, и в основном – побеждали.

Обращение к истории, трагическому прошлому выступает как поиск основ для укоренения настоящего в факте Союзного государства, а людские жертвы служат немым укором действиям нынешней российской власти, нарушающей законы, завещанные предками. Прошлое актуализируется периодически для проекции на современное положение, для оценки текущего состояния международных отношений как естественного следствия событий 60-летней давности.

Принципы консолидации народов на основе военного взаимодействия распространяются на межгосударственные отношения, а армия, фигура воина становятся ключевыми образами государственного суверенитета и, шире, права на существование *белорусско-российского братства по оружию; единым белорусско-российским фронтом; угробите армию, угробите Россию. Надо четко знать, не будет армии, Россию никто не удержит.*

Через перенесение свойств субъекта «белорусский народ» на субъект «народ российский» население России становится наделенным такими же качествами и чертами, как и «народ белорусский», хотя и не в полной мере:

Это в России, богатой нашей России, за рублём могут не нагнуться, а любят рисковать по-крупному. А белорус подберет и копейку, он бережлив, осмотрителен.

Контекстуально отличие российского «популюса» от белорусского заключается и в неспособности односторонне влиять на государственную власть.

Пустым означающим, разделяющим Россию социально на два противоположных лагеря, является понятие «рыночная демократия». Аналогом белорусской оппозиции в ситуации с Россией становится российское руководство.

Попытки укрепить и легитимировать собственные властные практики, претензии на стабильность, приводят к выявлению внешних факторов нестабильности Союзного государства. Предпосылками к усилению власти Лукашенко становятся референтные образы Другого, формируемого как образец для не-

подражания, отторжения. Формат такого образца приписывается «России капиталистической», особенно времени правления президента В. Путина.

Власть РФ видится А. Лукашенко как субъект, структурируемый некими собственными корпоративными интересами, не подверженными влиянию, в отличие от Беларуси со стороны народа-суверена. Руководство РФ выступает в большинстве случаев в отличие от Лукашенко «не от народа». И если на раннем этапе ситуация вовсе не казалась такой плачевной даже при условии наличия в России связки «власть – олигархи», ведь *«мы с Борисом Николаевичем Ельциным выступали простыми исполнителями воли нашего народа»*, то при Путине абстрагирование от народа увеличивается: *«есть там (в Кремле. – В.К.) группка “недовольных”, которая крутится и в правительстве, и вокруг президента, те, кто сегодня попытался этим заняться – это не Министертво иностранных дел России, которое должно заниматься этим, а отдельные люди в администрации президента, к сожалению, президент России втянут в эти мероприятия»*.

Ключевым моментом, свидетельствующим о начале отрыва власти от народа, артикулируется приватизация 90-х гг. XX в.:

В России прошла криминальная приватизация, обвальная приватизация, дикая;

Что получил народ, 150-миллионный российский народ от того, что приватизированы основные направления экономики России;

Идет варварское отбирание и капитала, и собственности, и средств, и денег у тех людей, которые сегодня слабее.

Создаваемая цепочка включает последствия приватизации – *«супербогатые олигархи России»* объединились с политическим капиталом и стали определять стратегический курс – «дальше от народа», а так как «российский народ» в принципе хорош и является позитивным субъектом, то в политике относительно Беларуси доминируют узкогрупповые интересы:

Российские олигархи перестанут таким вот brutальным образом давить на Беларусь.

При этом на стороне пары «власть – олигархи» оказались и «нечестные» журналисты, которые повинны в замедлении процесса союзного строительства:

Вы, журналисты, те, которые доминируют сегодня в средствах массовой информации России, очень недобросовестно освещаете эту проблему (интеграции. – В.К.)

Все, образно говоря, «выстроены» – от так называемого независимого НТВ и заканчивая государственным РТР.

Но «российский народ» вопреки действиям власти не забывает свое предназначение:

Россияне жалеют нас, что мы вот растворимся и погибнем там (в России. – В.К.), в вашей неразберихе.

Частотность обращения к логике подобия возрастает во временной последовательности: в 2007 и 2008 гг. Лукашенко использует ее в каждом выступлении, начиная с январского нефтегазового противостояния России и Беларуси.

Если до 2007 г. Россия представлялась президентом Беларуси в качестве самостоятельного игрока как минимум регионального масштаба, с объективными претензиями на влияние в мировой политике, то с 2007 г. позиция Лукашенко смещается в поле неолиберализма, жестко разграничивающего экономику от всех остальных сфер общественной жизни и признающего ее приоритет перед ними: РФ все больше ассоциируется с экономически отсталой державой (сильной лишь в военном отношении), небрежно относящейся не только к Беларуси, но и к иным государствам постсоветского пространства:

Российская экономика очень зависима от европейской и американской, все больше становится зависимой от китайской. Потому что это платежеспособные рынки и России очень выгодно продавать там сырье. А сырье – это жизнь для России.

Россия видна. Почему? Потому что Западу нужны энергоресурсы. Будут принимать, будут обнимать, целовать, что угодно будут делать.

Россия превратилась в сырьевой придаток технологичного Запада и Соединенных Штатов Америки.

Все зависит от России. Пока позиция невнятная. Но определяться надо. В противном случае, я еще раз подчеркиваю, не надо обижаться на украинцев, грузин, которые ищут свое счастье в другом месте.

На фоне такой российской одновекторной экономической политики, детерминирующей роль РФ как «неадекватного человека», обладающего эмоциями, Беларусь явно наделяется преимуществами, ибо является лидером в мировом машиностроении (*Наши большегрузные автомобили БелАЗы — это 30% мирового рынка; Сегодня больше 90% тракторов всего Советского Союза выпускает МТЗ*), модернизирует предприятия (*Сегодня глубина переработки составляет примерно 85%. Это — мировой уровень. У России как было 50%, так и осталось, потому что не модернизировались заводы, предпочитали легко и без проблем гнать на Запад сырую нефть*), разрабатывает технологии (*мы приняли решение о создании собственной так называемой «Силиконовой долины» – Парка высоких технологий*) – единичные

примеры экстренного вмешательства в общую тенденцию отставания и стагнации белорусской экономики. В результате дискурсивного «вмешательства» А. Лукашенко фактор международного влияния РФ сводится к нулю:

Без всяких на то оснований РФ уже записала себя в ведущие центры силы в мире.

Для преодоления комплекса следует откорректировать «семейные отношения»:

Надо России отказаться от своей сверхдержавности и попыток смотреть на нас свысока как на младшего брата.

Характеризуя целостный образ России, сотканный президентом Беларуси, стоит отметить двойственность или даже полярность представленности России в дискурсе Лукашенко. С одной стороны, это техника «отстройки от конкурента», когда конкурентом в общем-то выступает непосредственный партнер по переговорам и участник прямой коммуникации с Лукашенко – руководство РФ, обвиняемое в неспособности стать «архитектором» и быть «строителем», агрегированное с крупным криминальным капиталом, т.е. с такими атрибутами, что однозначно негативно воспринимаются населением обеих стран, не понаслышке знакомым с процессами приватизации и становления либеральной рыночной экономики. С другой стороны – народ-суверен, член большой «семьи» народов, соратник Лукашенко и дискурсивный противник собственных представителей во власти. С одной стороны, отождествление белорусского народа с народом российским через сферы-источники родства, с другой – маргинализация, вытеснение из числа представителей первого – оппозиции, из состава второго – группы «власть – олигархи» вместе с медиа-работниками. Поначалу изредка применяемая тактика, базирующаяся на логике структурирования цепей эквивалентности и артикуляции популистского дискурса, со временем становится полноценной стратегией, направленной на создание из России образ виновницы не только во внутрисоюзных проблемах (при условии признания Союза имеющимся в реальности), но и ответственного за многие конфликтные ситуации на постсоветском пространстве. Такое преобразование совпадает по времени и с общим уменьшением частотности обращения к денотату «Россия» в 2007 и 2008 гг.

Заключение

Представленное описание образов России, циркулирующих в коммуникативном пространстве президентов Беларуси и Украины А. Лукашенко и В. Ющенко, позволяет обнаружить сходства и различия практик, осуществляемых данными акторами.

Россия является для них обоим крупным рынком, внутри которого происходят зачастую неизвестные процессы, криминальные или попросту не поддающиеся рациональному осмыслению неолибералов. Это страна, прежде всего, с большими запасами энергоресурсов, ничем более не примечательная по сравнению с Западом, например, или Китаем. Политически данный географический регион также выглядит не весьма и «привлекательно»: для Ющенко это «Азия» с неевропейским стилем управления; для Лукашенко – страна, центральное руководство которой исповедует принципы, схожие с принципами деятельности белорусской оппозиции, т.е. фактически неевропейское пространство.

Основной логикой, используемой Лукашенко, является логика артикуляции элементов через создание цепей тождества и популистского дискурса, что четко заметно в ситуациях с легитимацией своих полномочий и противостояния с российскими властями.

Стиль Ющенко отличается более мягким комбинированием логик тождества и различия: у него нет такого резкого разделения разнополюсных субъектов народ – власть, оппозиция – олигархи, как у Лукашенко.

Усиление негативной оценки России в публичных выступлениях 2008 г. совпадает по времени со знаменательным событием в межгосударственных отношениях Беларуси и Украины: в феврале 2009 г. Лукашенко и Ющенко провели личную встречу, впервые со времени избрания последнего главой Украины.

Литература

1. Laclau E., Mouffe S. Hegemony and socialist strategy: toward radical democratic politics. London, New York: Verso, 1994.
2. Laclau E. Populism: What's in a Name? // online available <http://www.essex.ac.uk/centres/TheoStud/onlinepapers.asp>
3. Арель Д. Украина выбирает Запад, но без Востока // Pro et Contra. 2005. С. 39–51.
4. Замятин Д.Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // Полис. 2003. № 1. С. 82–103.
5. Замятин Д.Н. Национальные интересы как система «упакованных» политико-географических образов // Полис. 2000. № 1. С. 78–81.
6. Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // Политэкс. 2007. № 3. С. 253–261.
7. Кулык В. Языковые идеологии в украинском политическом и интеллектуальном дискурсах // <http://www.strana-oz.ru/?numid=34&article=1416>
8. Миллер А. Образ Украины и украинцев в российской прессе после распада СССР // Полис. 1995.
9. Шпарага О. В поисках рабочих метафор: Беларусь как Пограничье // <http://www.apn-nn.ru/forprint/400067.html>.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ГЕНДЕРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА В 1990-е г.)

Национальная идентичность в пространстве «Пограничья» оказывается проблемой гораздо более сложной, чем в обычном национальном государстве. Вернее, в искомом национальном государстве эти проблемы давно остались в прошлом, не стоит обольщаться исключительностью собственной уникальности – это только из сегодняшнего дня кажется, что, скажем, Франция благополучно пронесла свое национальное достоинство со времен Хлодвиги и Карла Великого до наших дней. Заглянем в XIII или XVI в. и ужаснемся – да где ж там единство и общее чувство самосознания? Для современных же «пограничных» государств вопрос о том, кто мы, оказывается жив и болезнен, особенно на фоне глобализационных изменений, которые ни одну территорию не могут оставить для «спокойного» и «взвешенного» решения своих идентификационных проблем.

Пограничное состояние само по себе задает несколько акцентов, без которых просто невозможно ответить на искомое «кто мы?». Во-первых, будучи волей истории включенными попеременно в несколько культурно-политических ареалов, пограничные идентичности в самоопределении неизбежно начинают «плясать» именно от проблемы сущности другой культуры. Даже учитывая, что вообще процесс идентификации базируется на отличении себя от другого, мы не можем признать указанную особенность пограничных идентичностей присущей вообще процессу в целом. Здесь идет сравнение с реально существующими соседями, как правило, имевшими над нами власть и в какой-то мере сохраняющими ее элементы и в настоящее время. В истории подобных идентичностей сконцентрированность на внешнем вообще присутствует постоянно.

В пограничной идентификации присутствует еще и момент мучительного выбора – какой из ориентиров избрать, на какой путь встать. И как вычленишь из собственной идентификации то, что мы признаем не-нашим. Украина, Беларусь, Литва тут оказываются завязаны в очень сложный узел «своего-чужого», причем не в смысле оппозиции «свое – чужое», а в контексте попыток уяснить, что из давно ставшего своим есть «чужое» и нужно ли от него избавляться ради строительства собственной идентичности. Будучи включены в разные исторические моменты в Речь Посполиту и Российскую империю, эти культуры неизбежно впускают в себя другие языки и элементы других культур (имперский язык становится своеобразным «койне», существование которого обеспечивает возможность функционирования внутри империи и трансформирует каждую из входящих в империю культур – «титულную» в том числе). Из-за этого, как ни странно, пограничные культуры создают в радикальных вариантах идентификации саморазрушающие импульсы, когда пытаются очистить собственное пространство от «влияний». Какой мощный слой украинской культуры оставался под спудом не столько ввиду имперских или советских ограничений, но ввиду внутренней установки на отбор сугубо национальных элементов, не испорченных колонизаторской политикой, – по той простой причине, что то или иное произведение было написано на польском, на латыни или на русском. Внутренне напряжение идентифицирующих процессов здесь порождается фактором использования языка – украинское только то, что написано по-украински. Как быть при этом с тем, что, скажем, яростный антирусский националист Д. Донцов дома говорил по-русски, а Т. Шевченко по-русски писал дневники? Это та же проблема, что и со словами поляка Мицкевича о том, что Литва есть его отчизна.

Поэтому идентификационные процессы в пограничных регионах оказываются зачастую очень болезненными и напряженными, не имеющими некоего механизма, по поводу которого согласно большинство носителей данной культуры. Процесс сконцентрирован равно на проблеме того, кто мы и кто есть не-мы. Пика напряженности эти процессы достигают в момент обретения независимости – пока мы в империи, использование элементов чужой культуры воспринимается как неизбежное (даже если это воспринимается как «неизбежное зло»).

Вот, собственно, на чем мне хотелось бы сконцентрироваться в данном тексте: какую форму принимает проблема «своего-чужого» в национальной идентификации в контексте своеобразия гендерных ролей в период обретения независимости. На удивление, именно в распределении гендерных ролей в момент формирования новой политической идентичности возник тот узел напряженности, который позволил оформиться очень активному, можно сказать, наступательному варианту национального самосознания.

Собственная пограничность осознавалась и осознается в современном украинском сознании очень по-разному. Вот несколько вариантов восприятия

исторической судьбы Галичины как «классического» Пограничья. Яркий образ украинского исторического бытия находим у Юрия Андруховича: мы находимся в вечном бегстве – то от русских, то от немцев [1]. А вот совсем свежее определение пограничного бытия Галичины из исследования Ярослава Грицака «Пророк у своїй вітчизні. Франко та його спільнота». Раздел «Пограниччя під тиском змін» начинается следующим рассуждением: «На карті світу є такі місця, де програєш вже через те, що народився саме тут. У ХІХ ст. Австрійська Галичина була одним з них. Той, хто хотів собі багатства і слави, чи бодай просто спокійного життя собі та своїй сім'ї, найперше мусив виїхати звідси. Якби галицькі предки Карла Маркса та Зигмунда Фрейда – якщо обмежитись тільки двома прикладами – назавжди залишились в цьому краї, світ навряд чи щось почув би про їхніх геніальних нащадків» [2, с. 27]. Пространство Пограничья – место вечного бегства, поиска шанса, отсутствия ощущения почвы под ногами. Позволю себе оттенить эти штрихи к портрету Пограничья словами польского писателя Анджея Стасюка о том, что быть центральноевропейцем – значит чувствовать единственной реальной твердью неопределенное пространство с теряющимися между Востоком и Западом границами, которое, как плавучий остров, находится в постоянном движении [7]. Зыбкая неопределенность как основа идентичности провоцирует желания ощутить целостность мира, в который мы брошены, крепко уцепиться за нечто патриархально незыблемое. Однако в 90-е гг. прошедшего столетия именно эта ситуация пребывания на «плавучем острове» породила и другой импульс национального самоопределения, а именно: желание выйти навстречу миру, не боясь увлекаться Чужим, не боясь измениться, впустив в себя Другие голоса, и даже более – декларируя единственную возможность сохранения собственной идентичности именно в этом «исходе». Этот мотив оказался озвучен женскими голосами. На мой взгляд, именно своеобразие гендерных ролей в период формирования национального проекта украинского государства породило возможность появления столь разных интенций.

Позволю себе в двух словах остановиться на специфике ситуации. Парадокс того варианта «Пограничья», который оказывается в центре внимания данного текста, заключается, вероятно, в том, что в ситуации «шока от свободы» обретенная демократия начала ассоциироваться в первую очередь с возвращением, возрождением традиционных национальных ценностей (нас так долго очищали от самих себя, что мы должны позаботиться о возвращении нашей вытравлявшейся самости). Странное сочетание, казалось бы, несовместимых тенденций – декларации приверженности европейской демократии идут рука об руку с потребностью в возрождении чего-то глубинно своего, потерянного, патриархального. Условием существования государства кажется максимально точное возрождение утраченных вместе с утратой независимости ценностей, причем тем более тщательное, чем более ощущается давление глобализации, еще более усугубляющей ситуацию присутствия чужих элементов в нашем культурном

пространстве. Страх «опаздывающей нации» раствориться в мультикультурном пространстве глобализации в первые же годы существования украинского государства ввел «национальную идею» в состояние кризиса, ибо сосредоточенность на непогрешимости национального идеала приводит к неспособности идти вперед. Малейший намек на возможность отступления от идеала воспринимается как угроза и измена. Требования включения в демократическую традицию и восстановления традиционного уклада оказываются взаимоисключающими, но указать на это противоречие невозможно – ибо тут затрагиваются сакральные области. Желание подойти к ним с рациональными выкладками воспринимается с раздражением – не смей трогать святыню грязными руками.

«Возрождение» как ключевое слово происходящих процессов неизбежно фокусирует внимание, в частности, и на гендерных ролях, которые должны возвратиться в традиционное русло. Женщина в этом контексте обнаруживает себя заключенной в рамки консерватизма «нового образца» – ей отводится роль «берегини», хранительницы основ национальной культуры. Женщина находится в особо сложном положении в период нового консерватизма – феминистический опыт, усвоенный через принадлежность империи и вообще в качестве достижения мирового опыта, оказывается под угрозой лишения права на существование, ибо возрождаемая патриархальная культура не содержит намека на признание подобного опыта.

Украинская культура здесь вообще может оказаться эталонной – придание Запорожской Сечи статуса символа национальных святынь выбрасывает женщину в пространство, которого... нет. Женщина на Сечи не присутствовала. Вспомним описания матери в «Тарасе Бульбе» Гоголя – она описана с жалостью и сочувствием, но испытывал ли бы писатель подобное сочувствие, если бы женщина попыталась изменить свою судьбу? В романтической традиции украинского национализма женщина присутствует как объект сочувствия и адорации, но не уважения и признания ценности. Женщина может стать объектом поклонения, наделения божественной природой, соответственно попытка женщины изменить свой статус воспринимается с возмущением – как, ее приравнивали к богине, а она хочет курить, работать и решать свои проблемы сама... Какая пошлость, какая вульгарность! Вряд ли стоит напоминать, что эти выкладки не относятся к разряду риторических заявлений. Приведу в качестве несколько отвлеченного примера дуэльный кодекс, постоянно подчеркивающий обязанность мужчины защищать честь женщины, однако любое оскорбление со стороны женщины оценивающий не выше второй степени (реально оскорбить может только тот, кого мы признали равным себе, на «недосуществ» можно не обижаться). Стоит в этом контексте напомнить слова восхищения, сказанные Иваном Франко в адрес Леси Украинки, – это единственный мужчина в украинской культуре. Не имеет значения, что сказано это было в укор мужчинам, неспособным выполнить свой долг перед нацией. Важно, что высшей похвалой

и признаком признания оказывается возведение в ранг мужчины. Надо сказать, что с XIX в. в этом отношении мало что изменилось. Вечно ждать, петь песни, вышивать и проливать слезы – единственный удел женщины, который она не смеет изменить, не становясь предательницей национальных интересов. Эта логика непробиваема, будучи замешана на национальном чувстве, – всякая попытка ее оспорить воспринимается как богохульство и святотатство. Таким образом, оказывается, что женщина в период нового консерватизма утрачивает с таким трудом добытые преимущества – последние попадают в разряд привнесенного и не относящегося к традиционной национальной системе ценностей.

Если очертить предельные контуры гендерных ролей в период становления идеологии независимого государства, увидим, что на мужчину возложена обязанность строить новый мир, а на женщину – хранить тот эталон, который лежит в основе строящегося мира. При этом сама значимость роли делает женщину объектом жесточайшего контроля и принуждения, не оставляя возможности малейшего шага в сторону без угрозы обвинения в предательстве национальных святынь.

Тем неожиданнее оказывается вариант «женского прорыва» в украинской культуре 1990-х, который мне хотелось бы проиллюстрировать обращением к «жизненному жесту» литературоведа Соломии Павлычко [4–6] и писателя, поэтессы, исследователя украинской культуры Оксаны Забужко [3]. Их работы произвели в 1990-е гг. настоящую встряску украинской культуры, вызывая равно восхищение и негодование вплоть до обвинения в издевательствах над национальными святынями. Требование сохранить «традиционную роль женщины» в украинском универсуме породило неожиданную возможность собственного варианта построения национальной идентичности, созданного «с чистого листа», из пространства без места. Специфика данного варианта утверждения национального своеобразия заключается в том, что напряженный поиск идентичности как отличия Я от Не-Я и отторжения Не-Я заменяется здесь максимальной открытостью перед мировым многоголосием, готовностью меняться.

Линии переосмысления украинского национального бытия у С. Павлычко и О. Забужко прошли через вопросы колониального прошлого и прошлого вообще, восприятия других культур и себя среди других культур, проблему провинциальности. Остановлюсь на этих моментах подробнее.

В абсолютно «неправильном» с точки зрения «восстановления традиций» виде предстает в «женском» видении проблема прошлого. Критика ориентации на возрождение и возвращение становится краеугольным камнем концепции национального бытия. Соломия Павлычко объясняет приверженность идее восстановления состоянием «шока от свободы», в котором пребывает украинское общество, и, собственно, первой обращает внимание на тот факт, что частью процесса демократического возрождения оказывается стремление законсервировать «традиционные ценности». В качестве примера подобной стратегии Пав-

лычко называет книгу известного украинского этнографа о Берегине, в которой автор призывает вернуться к настоящим, утраченным ценностям украинского народа, которые в конце концов сводятся к тому, что женщины когда-то знали много песен, вышивали рушники, берегли дом и в этом видели единственное призвание [6, с. 30]. Причины желания возродить традиционные ценности понятны, однако нельзя строить демократию на этнографических изысканиях.

Более жесткая в своих оценках Оксана Забужко безжалостна к популярным в 1990-е гг. ламентациям по поводу того, что мы теперь дальше от родины, чем в советские времена, и что национальная идея «не сработала». В эссе «Комплекс Итаки» Забужко ссылается на случай «Одиссеи навыворот» – когда возвратившийся из лагеря советский диссидент не узнал своего города, дома и собственного сына. В ситуации «возвращения домой» Одиссей рискует не только не быть узнанным, он рискует сам не узнать Телемаха. Итаки, которая вела его своим светом через все тяготы изгнания, нет! Она существовала только в воображении. «Не найдя Итаки на ожидаемом месте, он больше не знает, кто он» [3, с. 90] – вот суть «не сработавшей» национальной идеи. Реальность оказалась вовсе неприспосабливаемой под бесконечные рассказы о многовековых страданиях украинского народа. Такие рассказы, как оказалось, не создают национальных чувств и отбрасываются современной компьютеризованной молодежью по причине того, что не порождают гордости даже за бесконечно воспроизводимое прошлое и в конце концов надоедают. Забужко не приходит в голову эту молодежь осуждать – они живут уже в новых реалиях, требующих более позитивного ориентира, чем заиклившееся на восстановлении справедливости и рассказах о тяготах сознание. В качестве же позитивного ориентира, по мнению писательницы, по-советски мыслящая неподвижная интеллектуальная элита в ситуации срочного заказа на национальную идеологию не смогла предложить ничего, кроме поношенных «гетманских клейнодов», сомнительных «сокровищ гетмана» и вообще «дороги на Сечь» (эти определения легко прочитывались украинским обывателем, ибо отсылали к названиям первых фильмов эпохи независимости) [3, с. 93].

Время опьянения самим фактом наличия государства прошло достаточно быстро, и наступил «похмельный синдром»: память о прошлом оказалась тем, что в математике называется условием необходимым, но недостаточным. Забужко достаточно жестко обозначает эту болезнь украинского сознания – это некрофилия, любовная тяга к мертвому. Еще украинские романтики XIX в., при всех своих украинских сантиментах, были уверены в том, что Малороссия – в прошлом [3, с. 231]. Строя идеологию на базе подобного романтического мироощущения, современная Украина идет в никуда, ибо нельзя двигаться в будущее задом наперед. За двести лет колониального существования, замечает Забужко, наша национальная романтика успела изрядно отрухляветь. А для президента Кучмы украинская идея ассоциировалась уже исключительно со стрелецкой

песней образца 1918 г. и шароварами шириной с телеэкран [3, с. 93]. Забужко была одним из немногих авторов 1990-х гг., решившихся открыто проговорить тревожное предупреждение: не всякое культурное некрофильство влечет фашизм, но всякому фашизму предшествует культурная некрофилия [3, с. 235].

Проблема «некрофильности» украинского сознания тесно сплетается с проблемой провинциальности. Забужко описывает украинскую провинциальность как вековую выключенность из процессов культурного обмена, которая привела в конце концов к тому, что украинское сознание из исторического (активного) превращается в «филологическое» – движимое желанием «отложить горячую новость в тайной надежде, что жизнь как-нибудь сама с ней справится» [3, с. 223]. Отложить новость, собственно, и есть привычка смотреть в прошлое, а не будущее. Образ настоящего провинциальное сознание стремится поставить в такой ракурс, чтобы была возможность взглянуть на него из привычной позиции – назад. Оторванность от процесса культурного обмена, по мнению Забужко, как раз и порождает хуторские комплексы, невроз непризнания, что оборачивается утратой (или необретением) собственного голоса: «Непролазный монизм делает ее (культуру. – О.Д.) безнадежно и трагично неконтактной – лишенной артикулированного голоса» [3, с. 199].

Связка провинциальности, монизма, лишения собственного голоса подводит Забужко к вопросу о «голосе», о тех культурах, которые голоса не лишены, и о самих возможностях говорить с другими культурами. В эссе «Психологическая Америка и азиатский ренессанс» всплывает тема мирового города, принципиально важная для построения новой украинской стратегии национального строительства. Традиционная для пограничного сознания тема поисков себя среди других культур и ориентиров здесь оборачивается новой гранью. Что есть мировой город? В первой половине XX в. это Париж, во второй – Нью-Йорк. Это место, которое, в отличие от провинции, дает шанс. Именно за шансом едут в мировой город, который открыт и не требует адсорбции. Это город, в котором у гостя создается впечатление, что ему больше дается, чем берется у него, город, создающий эффект неисчерпаемости [3, с. 218].

Обращение к теме мирового города, пространства культурного обмена – вовсе не новация Оксаны Забужко. Ее новация – в акцентах описания темы. Украинская культурная традиция постоянно возвращается к теме противопоставления себя и другого мира – Европы, России, Америки. При этом зачастую тема приобретала оттенок противопоставления и недоверия. На это обращает внимание Соломия Павлычко, когда останавливается на восприятии Европы Миколой Хвильевым: отправляясь в Европу впервые, он говорит – вот еду и знаю, что ненавижу ее [5, с. 205–207]. С. Павлычко отмечает здесь все тот же комплекс возвращения к истокам (не люблю нового) и извращенный комплекс Итаки – мы признаем себя частью Европы, но та Европа, которую мы можем увидеть, это неправильная Европа, которая забыла о тех идеалах, которые мы бережно сохранили. Соломия

Павлычко обращает внимание на восприятие европейской культуры тем же Хвылевым – он ориентируется на старые проверенные ценности и литературные поиски, возникавшие в Западной Европе после Диккенса, воспринимает скорее как отступление от чистоты идеала, предательство, а не самостоятельное художественное явление [5, с. 207]. Тот же комплекс Павлычко фиксирует и у известного украинского востоковеда и деятеля национального возрождения Агатангела Крымского [4]. В романтическом (украинская классика конца XIX–XX вв.) представлении об украинском пути, который включает нашу европейскость и самобытность, циркулировал выдуманный образ Европы, в то время как на реальную Европу обижались за несоответствие собственному представлению.

В каком же виде предстает мировой город у Оксаны Забужко? Для нее представляемая мировым городом возможность культурного обмена предстает, как ни странно на первый взгляд, спасительным средством для национального сознания. Мировой город открыт и готов принять все голоса, способные звучать в его пределах, – это и наш шанс. Шанс прозвучать в мировом многоголосии, обрести собственный голос. Бессмысленно охранять собственную неприкосновенность и не впускать в свою душу чужие голоса. Более того, такая закрытость (действительно являющаяся тенденцией украинского самоопределения со времен романтического национализма XIX в.) свидетельствует о болезни культуры. В культуре, замечает Забужко, принципиальная неспособность заиграться любовью к плодам генетически чужого духа составляет угрожающий симптом. Неготовность к интеркультурному диалогу свидетельствует о глубокой нелюбви к самим себе [3, с. 212–213]. Описывая Нью-Йорк, тот мировой город, который в 1990-е гг. она смогла оценить сама, Забужко неожиданно обращается к гендерным ассоциациям. Нью-Йорк, замечает писательница, утвердился в роли мирового города, отказавшись от политики *melting pot*. В отличие от Парижа, который принимал все течения и преобразовывал их по собственному образцу, Нью-Йорк открыл неисчерпаемый потенциал культурного разнообразия, самценности каждого агента [3, с. 218–219]. Таким образом, женское – рецептивное – начало пришло на смену мужскому в идеологии мирового города [3, с. 220]. На эту же тенденцию обращает внимание и Соломия Павлычко, говоря о смене канона западной литературы, ориентированного отныне не на фиксацию мейнстрима, а на неисчерпаемость культурного потенциала, готовность принимать, впускать в себя новое и новое [6, с. 213–219].

Переориентация канона подталкивает Оксану Забужко к радикальному выводу: чтобы сберечь себя, мы должны выйти за пределы себя, отдаться мировому гражданству. «Отдаться мировому гражданству не потому, что я жажду мирового признания или престижа, но потому, что это нужно нам самим – для разрушения Карфагена нашей провинциальности» [3, с. 235]. Для Забужко сложившаяся теперь ситуация – это шанс выйти из состояния «непролазного монизма», обрести собственный голос в мировом многоголосии, ибо главный культурный

смысл нашей эпохи – то, что в ней впервые самостоятельно, от первого лица зазвучал голос «иного». Голос «третьего мира». Голос «другого пола» [3, с. 293]. Почему не построить национальный проект на этой потребности мира слышать «другие», никогда не слышанные голоса?

Еще один важный аспект, который очерчивается в творчестве рассматриваемых авторов, – переоценка собственного колониального прошлого. Из признания собственной колониальности следуют не привычные lamentации или воинственные призывы, а неожиданный вывод о нашей скрытой силе, которую необходимо разглядеть и использовать. Колониальная культура оказывается необыкновенно живучей и имеющей преимущества, которое великие культуры, в общем-то, не в состоянии понять. Скрытое преимущество колониальных культур – в изначально более широком диапазоне голоса, которым они могут возвестить о себе (не обязательно возвещают! Sic! речь о потенциальном состоянии) [3, с. 298]. Для колонизованного дорога к себе начинается с досконального освоения языка колонизатора. Поэтому изначально колонизованный владеет уже двумя языками. Само осознание существования различной природы разных языков (в широком смысле этого слова – не как фонетической системы, но как знаковой системы в целом) уже создает более широкое поле существования в мире. Колонизованный изначально владеет двумя знаковыми системами, что дает ему большую возможность обрести собственный голос, чем даже представителю высокой цивилизации (последние часто болеют представлением о собственной единственности). Забужко цитирует еврейского поэта Я. Гладштейна, который замечал: «Разница между мной и Т.С. Элиотом в том, что я должен его читать, а он меня – нет» [3, с. 302]. Дополнительное знание придает колониальным культурам сил, расширяет амплитуду голоса – преимущество, которого представители высоких культур оказываются лишены. «На полях» Забужко замечает, что переварить эту мысль представителю этой самой высокой культуры оказывается практически невозможно. Текст Забужко, содержащий этот пример, подредактировали в американском издании таким образом, что вывод из слов Гладштейна оказался полностью вычеркнут – скорее всего, представлялся редактору полностью лишенным смысла.

Замечания Павлычко о противоположности маргинальности и провинциальности оттеняют мысль Забужко. Маргинальность продуктивна, провинция – бесплодна. Маргинальность предполагает динамичную оппозицию, провинциальность – повторение [5, с. 626]. То есть в момент осознания своей отличности, но в ситуации владения по крайней мере двумя знаковыми системами провинциальная культура отказывается от повторения и обращается в маргинальную, занимая место в системе динамической оппозиции. Забужко говорит об уникальности настоящего момента именно для колониальных культур – необходимо использовать момент предоставления «иному» права говорить собственным голосом. Сейчас время колониальных культур обрести собственный

голос в мировом культурном обмене, включиться в этот мировой культурный обмен. Мир меняется, он может измениться еще больше, и самое глупое в этой ситуации – стоять у него на пути со знаменем собственной непогрешимости и верности традиции. Не надо бояться меняться, – ибо только так мы сумеем сохранить себя. Мы обретем собственный голос и примем участие в изменении мира, а не будем пассивными реципиентами того, что пришло к нам извне. Это наш шанс, возможно последний.

Не хотелось бы представить «женский» вариант национального проекта единственно жизнеспособным и плодотворным в пространстве украинского сознания. Упомянутое в начале данного текста желание обрести успокоенность патриархальной целостности может стать источником не только lamentаций, но и особого взгляда на нашу историческую судьбу, построенного на «любовании руинами» и переосмыслении роли Другого в нашем обжитом пространстве. Так, обратившись к любовно-ностальгическим описаниям родной земли в исполнении Юрия Андруховича (человека авангардного, язвительного и очень успешного в плане как отечественного, так и международного признания), мы увидим образы патриархального, наполненного «горілчанам теплом» и мистическим запустением мира, который неизвестно чем, но странно и неотвратно притягивает к себе. Причем притягивает не только украинцев, но и благополучных иностранцев, как в романе «Двенадцать обручей» (снискавшем общеевропейское признание и в 2006 г. награжденном Лейпцигской литературной премией европейского взаимопонимания). Вряд ли Андруховичу можно приписать ностальгию в отношении, скажем, советских времен, это нечто другое. Нечто глубинно-патриархальное – тяга к руинам, вечным и непобедимым, неподвластным никаким наступлениям перемалывающей все и вся глобализации. Отвлекаясь от украинских реалий, могу отослать читателя к фрагментам из эссе Анджея Стасюка «Корабельный дневник», в которых автор рассказывает о том, как в некоем ностальгическом пафосе ежегодно отмечает день рождения императора Франца-Иосифа. При этом, признается автор, ему глубоко безразлично, что великий кайзер говорил по-немецки [7, с. 52]. Что поляку Стасюку Франц-Иосиф? Может быть, это поиски той же подернутой мифологическим флером патриархальной целостности? Я намеренно отсылаю к авторам, которых ценю и люблю, дабы не впасть в противопоставления и поиски «единственно правильной позиции».

Оттеняя «мужскую» позицию, надо заметить, что понятие Другого, Чужого также признается здесь принципиально важным, будучи направленным, однако, не «вовне», не в мировой город, но в творение своего рода региональной идентичности, некоей целостности другого порядка. Здесь на сцену выходит целостность Центральной Европы, принадлежность к которой смутно ощущает обширный пограничный регион, включающий и Украину, и Польшу, и Литву (может быть, символично, что каждое из этих государств имеет на своей карте

географический центр Европы, определенный независимым западноевропейским экспертом). Осмысление содержания локальной идентичности создает в данном случае интересный вариант дискурса Чужого в процессе самоопределения – вариант восприятия Чужого как зеркала нашей самости, зеркала, в которое мы чаще всего смотримся вместе. Значимо, на мой взгляд, то, что именно это «зеркало взаимных отражений региона» дает возможность каждой культуре взглянуть на собственное прошлое (и настоящее) без стыдливого умолчания болезненных моментов и без ура-патриотической мифологии. Совместный взгляд культур региона на собственное бытие в истории просто не дает возможности «поправить макияж» – мы слишком много друг о друге знаем, мы слишком долго входили в общие политические объединения, мы сделали друг другу слишком много зла, мы внесли в культуру друг друга слишком много значимого, того, что давно считаем сокровенно своим. Признание чуждости друг друга в данном случае дает чувство большей сродненности, чем при обращении к абстрактным общечеловеческим ценностям. Наверное, поэтому польский писатель Анджей Стасюк признается, что «если бы мы представили себя посланием в бутылке, то, безусловно, хотели бы, чтобы нас прочитал Исаак Бабель в Одессе, чем, скажем, Стринберг в своем стерильном Стокгольме» [7, с. 9]. Напомню также слова Стасюка про Центральную Европу как остров в неопределенности бытия меж многих огней. Границы политические теряются здесь в размытых контурах общей исторической судьбы, вмещающей и близкую духовную ситуацию, и уникальность отдельных составляющих. Таким образом, Другой и здесь становится основой самоопределения, но отнюдь не порождает активного стремления открыться навстречу миру. У нас уже есть та целостность исторического бытия, тот патриархальный универсум, на поверхности которого не оставят заметных следов бурные волны мультикультурализма. Здесь не ставится вопрос, как нам сохранить себя в меняющемся мире – здесь присутствует уверенность в невозможности принципиальных изменений.

Женский и мужской взгляд в описанных вариантах национального самоопределения, конечно, выделяется достаточно условно. Более того, я отдаю себе отчет в определенной хронологической диспропорции, которой отмечен выбор затронутых здесь авторов. Упомянутые работы О. Забужко и С. Павлычко были написаны в 1990-е гг., а некоторые из затронутых «мужских» произведений («Двенадцать обручей» Ю. Андруховича, «Пророк» Я. Грицака) появились уже в начале XXI ст. Для украинского национального проекта это большой срок. В данном тексте не ставилась задача создать некую целостную картину национальных проектов в гендерной интерпретации. И не моей задачей будет определять, какой из этих проектов лучше или правильнее. Важно то, что в них затронуты одни и те же проблемы, однако разрешение у них оказывается различным.

В том и другом варианте Украина (или Центральная Европа в целом) – Пограничье между цивилизационными центрами, которые и дают, и определяют

наше культурное своеобразие, и задают ориентиры притяжения и отторжения. Чужие культуры оказываются идентификаторами – в случае Забужко это мультикультуралистское многоголосие, в случае Андруховича – Стасюка – региональная общность чужих культур, намертво связанных исторической целостностью прошлого.

И в том и в другом варианте оставаться только здесь означает погибнуть, для выживания нужно выйти из внутреннего пространства. Но для Забужко – это исход в мировое гражданство для обретения собственного голоса, который и обрести и сохранить можно, только отказавшись от хуторского сознания. Интенция исхода оказывается здесь настолько сильной, что писательница получает обвинения в предательстве национального чувства, после чего вынуждена объяснять, что возмущившая общественность фраза «там, где я, там родина» не имеет ничего общего с *Ubi bene, ibi patria*. Это признание в том, что ее национальность есть столь неотъемлемая ее часть, что вне родины она просто не может оказаться, если даже в течение нескольких месяцев в году читает лекции в США. В варианте Андруховича и Грицака (присоединю к этому хору и поляка Стасюка) указанная составляющая процесса идентификации – это именно бегство как историческая судьба, неукорененность плавучего острова с общей долей.

И в том и в другом варианте смыслообразующим становится понятие глобализации. Но в женском варианте глобализация оказывается уникальным шансом – меняемся без всякого страха, и через изменчивость, через готовность увлечься другим сохраним самость. В мужском – той пеной поверхностного мелькания, которая прокатывается по нашему сознанию, не затрагивая его сущности. И у Андруховича, и у Стасюка находим образы старушек, которые смотрят несколько десятков каналов в новых телевизорах, но после щелчка кнопки выключения на пульте совершают те же действия, что и их предки сотни лет назад, видят те же сны, кланяются тем же образам.

В обоих вариантах присутствует тема провинциального и колониального сознания, также находящая различное разрешение в мужском и женском вариантах. Женский взгляд усматривает в нынешней ситуации интереса к культурам, лишенным голоса, тот шанс, за который надо ухватиться и использовать. Мужской – черпает в общем прошлом, несущем печать колониальности, ощущение целостности, освященной многовековым течением исторического бытия, лишенного западноевропейской определенности и «монолитности». Неуловимая, находящаяся в вечном движении общность, оказывающаяся более прочной, чем могучая машина власти денег, идеологии, чего бы то ни было еще.

Возможно, такой разлет гендерно ориентированных национальных проектов как раз и спровоцирован пограничным статусом украинской культуры. Ситуация странного соединения тяги к изменениям, строительству нового демократического государства и потребности в восстановлении и очищении национального идеала создала ту парадоксальную питательную почву, на которой

выросли радикальный и «патриархальный» варианты видения национальной перспективы. Причем только на первый взгляд кажется странным, что радикальный и «бесстрашный» взгляд на возможности реализации украинской идеи был создан традиционно консервативной частью социума – женщинами. Сугубо патриархальный идеал мог вызывать только отторжение в контексте существования укорененной в мире феминистической парадигмы (к которой, скажем, советская женщина также была причастна), порождая потребность в создании принципиально новой базы национального проекта, а не в «усовершенствовании» существующей. Не имея собственного активного места в патриархальном проекте, женщина должна либо согласиться на отведенную ей роль, либо пойти на риск потери гарантий безопасности, которые создает пусть несовершенный, но обжитый мир. В варианте С. Павличко и О. Забужко – риск оказался оправданным, породив необыкновенно яркий всплеск украинской культуры, заметный не только внутри отечества, но и далеко за его пределами. Наверное, неслучайным в этом контексте выглядит то, что первый украинский бестселлер (роман Оксаны Забужко «Полевые исследования украинского секса») вышел из-под пера автора-женщины.

Бессмысленно и непродуктивно выбирать наиболее перспективный вариант национального проекта. Оба затронутых здесь варианта оказываются жизнеспособными и продуктивными. В контексте умирания в мировом масштабе мультикультуралистской парадигмы оптимизм поисков мирового гражданства выглядит ныне, возможно, несколько преувеличенным. При этом трудно переоценить значимость этого проекта, высвободившего энергию национальной идентификации из замкнутых кругов романтического преклонения перед собственной патриархальной уникальностью, «шароварничества» и поисков «дороги на Сечь». Революционность здесь оказалась не разрушающей, но рождающей, творящей, дающей жизнь. Возможно, в некоем варианте переплетения двух гендерно ориентированных тенденций национальной идентификации будет формироваться новый мейнстрим украинского самоопределения.

Литература

1. Андрухович Ю. Централно-східна ревізія // Стасюк А., Андрухович Ю. Моя Європа. Два есеї про найдавнішу частину світу. Львів: Класика, 2001. С. 69–127.
2. Грицак Я. Пророк у своїй вітчизні. Франко та його спільнота. К.: Критика, 2006.
3. Забужко О. Хроніки від Фортінбраса. Вибрана есеїстика 90-х. К.: Факт, 2001.
4. Павличко С. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм. Складний світ Агатангела Кримського. К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2001.
5. Павличко С. Теорія літератури. К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002.
6. Павличко С. Фемінізм. К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002.
7. Стасюк А. Корабельний щоденник // Стасюк А., Андрухович Ю. Моя Європа. Два есеї про найдавнішу частину світу. Львів: Класика, 2001. С. 5–67.

РОЛЬ ДРУГОГО В ФОРМИРОВАНИИ СОБСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Монография Е. Грицай и М. Николко «Украина: национальная идентичность в зеркале Другого» (Вильнюс: ЕГУ, 2009) является попыткой разобраться в важнейшей для понимания сути современной украинской идентичности проблеме, а именно: какую роль играют представления о Другом в самоописании отдельных слоев украинского населения и каковы характеристики тех образов не-своего, которые создаются в процессе идентификации. Требуется определенная научная смелость, чтобы взяться за тему, несомненно, актуальную, но достаточно болезненную для нашего общества в целом. При этом авторы не могут рассчитывать на исключительно благожелательное отношение некоего «своего» читателя – нет такой социальной общности, чья «любимая мозоль» не была бы задета анализом роли Другого в формировании собственной идентичности. Кроме того, проблема продолжает находиться в динамике: политическая жизнь каждый день подбрасывает что-то новое в черты образа Другого-идентификатора, поэтому решимость авторов представить результаты своих изысканий заслуживает внимания. То, что делает проблему болезненной, делает ее и актуальной – действительно, обращение к проблеме Другого-идентификатора оказывается ныне значимым не только с общетеоретической, но и с практической точки зрения. Вдумчивый анализ образов не-своего, с помощью которых зачастую происходит манипулирование общественным сознанием, может оказаться в какой-то мере и отрезвляющим средством, позволяющим посмотреть на собственную позицию со стороны и понять, что, увы, механика построения образа политического противника оказывается общей для всех политических сил

современной Украины, направляя внимание скорее на фантомные объекты, способствующие возникновению идентификации не за счет осознания общей цели и приоритетов, а за счет отмежевания от чего-то абстрактно-негативного. Отличение себя от всего остального мира является, конечно, универсальным механизмом идентификации, однако всякий идентификационный процесс включает и иные значимые элементы. Повышение значимости отличия происходит в ситуации кризиса и неуверенности в собственной тактике. Активное педалирование образов не-своего в современном украинском политическом сознании свидетельствует о его нестабильности и кризисном состоянии. Осознание последнего момента стало основой творческой интенции авторов представленной монографии.

Неразработанность проблематики использования образов не-своего в украинском политическом сознании направляет желание авторов показать широкое методологическое поле своих изысканий. Поэтому первая часть монографии посвящена преимущественно теоретическим вопросам, связанным с описанием проблемы Другого в различных областях гуманитаристики. Далее же авторы направляют свое внимание на анализ конкретных феноменов украинского политического пространства, вводя таким образом конкретный эмпирический материал в поле теоретических изысканий. Такой подход представляется полностью оправданным, ибо позволяет избежать обвинений в спекулятивности и умозрительности: авторы показали, что их исследование базируется на мощной теоретической междисциплинарной платформе, а не является просто «полевым наблюдением», которому еще предстоит превратиться в исследование. Однако, как известно, продолжением наших достоинств оказываются недостатки – масштабность задач, поставленных перед собой авторами, обуславливает невозможность детальной проработки теоретических вопросов. В частности, обзор состояния философской проблемы Другого выглядит несколько поверхностным. Конечно, в рамках одной монографии невозможно, да и не требовалось, дать исчерпывающий анализ такого мощного теоретического направления. Возможно, продуктивнее было бы остановиться только на тех концепциях, которые рассматривают феномен Другого в сфере социального взаимодействия. Те же претензии можно предъявить и к другим разделам монографии: попытка продемонстрировать всё проблемное поле, связанное с репрезентацией Другого в идентифицирующих процедурах, приводит к конспективности изложения отдельных фрагментов исследования. Так, описание конкретных украинских политических проектов может быть оценено скорее как образчик публицистического жанра, а не научного анализа. В обращении к истокам украинской идентичности авторы упомянули почему-то только смысловые узлы, связанные с Киевской Русью, Запорожской Сечью и национальным ренессансом XIX в. Непоименованным остался такой яркий период формирования украинской политической идентичности, как первая половина XVII в., момент переломный, не-

однозначный и вследствие этого не способный уместиться в изложение формата нескольких абзацев. Да, авторы не ставили себе задачи написать историю украинской идентичности, однако упоминание исторического материала в принципе порождает дополнительные вопросы, которых можно было бы избежать, сосредоточившись на решении исключительно сегодняшних проблем. Выдвигая подобные претензии, автор этих строк отдает себе отчет в сложности (наверное, и невозможности) осуществления исследования, основанного сугубо на анализе современного материала. Вероятно, именно наша общая погруженность в проблемное поле, являющее собой сложную систему связей не только внутренних, но и внешних (как географически, так и хронологически), обрекает авторов любого исследования, на многочисленные выходы за пределы непосредственно заданного исследовательского материала.

Несомненным достоинством работы является комплексный подход, в котором представлены не только негативные образы Другого в украинских политических проектах, но и образы Другого, на которые представители различных идентификационных течений ориентируются как на эталон. Именно игра значений между образами Врага-Идентификатора и Внешнего-Образца-Идентификатора порождает специфику идентификационных процессов в современном украинском варианте. В данном контексте авторами также затронуты масштабнейшие проблемы, каждая из которых могла бы стать темой отдельного фундаментального исследования, и было бы замечательно, если бы авторы продолжили свои изыскания в этом направлении. Тема Другого как образца далеко не так проста и прямолинейна, как это может показаться при первом подходе. Как именно видится этот образец – вот по-настоящему значимая тема. Констатации факта, что тот или иной вариант идентичности фокусируется на том или ином образце, мало для исследования роли Внешнего ориентира. В качестве примера можно назвать локальное, однако очень глубокое исследование европейской ориентации украинского сознания в работах Соломии Павлычко (в частности, в анализе творчества Агатангела Крымского). Обращение к проблематике культурного и политического внешнего ориентира, повторюсь, оказывается одним из наиболее выигрышных моментов в представленном исследовании. Хотя, как представляется автору этих строк, обширные экскурсы в механику производства европейской, российской и американской идентичностей в данном тексте выглядят несколько неуместными. В связи с поставленными целями в работе ожидаешь увидеть анализ именно *образов* Другого как ориентира, а не сущности чужой идентичности. Хотя, вероятно, авторов привлекала возможность обнаружения зазора между тем, в каком виде эти образцы существуют в украинском сознании, и тем, каковы они на самом деле. Вновь я вынуждена констатировать тот факт, что недостатки неизбежно оказываются продолжением достоинств: авторы видели всю широту спектра проблем, связанных с использованием Другого как ориентира, поэтому пытались в той или

иной мере коснуться всех граней, что не может не привести к возникновению у читателя ощущения некоторой поверхностности изложения.

В качестве достоинства работы следует назвать также смелость авторов в выборе исследовательского материала. Авторы активно анализируют тот материал, который традиционно воспринимается как второстепенный, «несерьезный» и недостойный внимания ученого, а именно анекдоты, фигуры массовой культуры и т.д. Нестабильность подобного материала отпугивает исследователя невозможностью качественно отследить динамику его развития и истинный смысл. При этом эвристическая роль анализа анекдотов неоднократно подтверждалась социологическими исследованиями. Повторюсь, что использование подобного материала составляет несомненное достоинство работы. Исследователь, работающий с подобным материалом, не имеет права ни остановиться на секунду, ни упустить новые тенденции развития массового сознания – вернуться к искомому материалу будет уже невозможно из-за нестабильности этого культурного слоя. Шутки, популярные сегодня, уже не вспомнятся завтра. Представляется значимым внимание авторов к интенсивности продуцирования новых вариантов анекдота и фиксация факта торможения этого процесса в нынешней политической ситуации. Творческой удачей авторов, с моей точки зрения, является анализ образа Верки Сердючки в контексте особенностей развития украинского политического сознания. Анализ данного перформативного феномена в русле проблематики Трикстера представляется продуктивным и раскрывает перед читателем перспективы дальнейшей проработки проблемы. Популярность фигуры, не попадающей ни в один из существующих вариантов идентификации, говорит о кризисности современного украинского сознания, возможно, больше, чем все проявления лояльности или агрессии, которые мы имеем возможность наблюдать в наши дни.

Некоторые моменты исследования, однако, вызывают желание не согласиться и поспорить. Например, сомнительным представляется утверждение о не-практическом характере национальной идеи, о налете болезненности по поводу собственной «недостаточности» в сравнении с более благополучными народами. Теоретические утверждения Б. Андерсона замечательны, но национальная идея тем и сильна, что строится на убежденности в существовании подлинных и абсолютно реальных оснований, не зависящих от сознания ее (идеи) носителей. Помня о многочисленных трагедиях, связанных с реализацией национальной идеи хотя бы только в XX в., было бы странно делать вывод о не-практическом характере национальной идеи. Я бы поспорила и с утверждением о неподатливости национализму населения восточной и южной Украины. Отсутствие здесь выраженного *украинского* национализма вовсе не означает неподатливости национализму в принципе.

Здесь нет возможности останавливаться на отдельных моментах несогласия с характеристиками политических проектов, к тому же в данном случае речь

идет именно о *видении* проблемы, а не о фактах, поэтому можно эти моменты не затрагивать. Впечатление от работы портит некоторая рассогласованность текстов двух авторов. К примеру, характеристики природы национального сознания, опирающиеся на разработки Э. Геллнера и Б. Андерсона, в значительной степени перекрывают друг друга в разделах, написанных разными авторами.

Оценивая монографию в целом, позволю себе предположить, что авторы не столько представили здесь результаты своего исследования, сколько развернули перед читателем движение собственной мысли, расчертили карту пространства, в котором соприисутствуют многочисленные варианты Другого, указывающие на границы современной украинской политической идентичности. Тема работы жизненно важна для анализа современного состояния украинской политической идентификации и, что особенно важно, создает основания для дальнейшей разработки отдельных моментов исследования.

НАШИ АВТОРЫ

Довгополова Оксана – доктор философских наук, доцент кафедры философии естественных факультетов Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

Кириченко Виталий – аспирант Национального университета «Киево-Могилянская академия» по специальности «Теория и история политической науки». Исследовательские интересы: политический дискурс-анализ, методология политической науки и политическое познание, стипендиат CASE.

Миненков Григорий – кандидат философских наук, профессор, декан бакалаврской школы Европейского гуманитарного университета.

Мисиюк В. – стипендиат CASE.

Сандуца Галина – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой Теории и истории государства и права Приднестровского Государственного университета им. Т.Г. Шевченко, стипендиат CASE.

Шевелев Дмитрий – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси, стипендиат CASE.

Степанов Андрей – Академический департамент политических наук, со-директор, стипендиат CASE.

Трофимчик Анатолий – белорусский историк. Стипендиат CASE.

Володина Татьяна – доктор исторических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет. Россия, стипендиат CASE.

Богдан Сергей – белорусский политолог, обозреватель газеты «Наша Ніва». Сфера научных интересов – идеология национализма, религия и политика, стипендиат CASE.

ЦЕНТР ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (CASE) ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Центр перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE) при Европейском гуманитарном университете создан в 2003 г. при финансовой поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и административном содействии Американских Советов по международному образованию ACTR/ACCELS и Американского центра по образованию и исследованиям.

Основной целью деятельности CASE является содействие обновлению системы научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук, развитию профессионального сообщества, а также мобилизации интеллектуальных и профессиональных ресурсов для изучения процессов социальных трансформаций в Пограничье Центрально-Восточной Европы (Беларусь, Украина, Молдова).

Задачами центра являются:

- Интенсификация научных исследований в области социальных трансформаций в регионе Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Накопление и распространение информации о научных исследованиях и учебно-методических разработках в области социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- Координация научных исследований по важнейшим проблемам и направлениям, соответствующим профилю центра;
- Организация продуктивного научного диалога между исследователями и преподавателями региона по проблемам социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- Создание сети партнерских образовательных и исследователь-

ских учреждений в Беларуси, Украине, Молдове;

- Создание и развитие информационной базы для проведения исследований по проблематике центра;
- Содействие мобильности региональных и зарубежных исследователей, вовлеченных в работу центра.

Основные виды работ CASE:

- Проведение конкурсов для аспирантов и докторантов на получение стипендий для проведения исследований по проблематике CASE;
- Осуществление образовательных программ для стипендиатов CASE;
- Проведение региональных исследовательских семинаров и международных конференций;
- Издание научного ежеквартальника «Перекрестки»;
- Издание сборника работ стипендиатов CASE;
- Издание монографий по проблематике CASE;
- Создание и апробация учебных, учебно-методических материалов, а также инновационных технологий обучения стипендиатами центра;
- Создание библиотеки CASE.

Тематические приоритеты CASE:

- Теории и модели Пограничья в современных гуманитарных науках;
- Исторические и этнокультурные контексты формирования Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Трансграничная, межрегиональная и транснациональная кооперация в Пограничье;
- Политические и правовые трансформации в условиях Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Беларусь, Украина, Молдова в контексте европейской интеграции: противоречия и преимущества Пограничья;
- Пограничье и проблемы европейской безопасности;
- Национальная идентичность в условиях Пограничья;
- Социальная роль образования и культуры в условиях трансформации (Беларусь, Украина, Молдова);
- Регионы Пограничья в условиях глобализации.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
в Вильнюсе предлагает широкие возможности получения
образования европейского уровня в сфере социальных,
гуманитарных наук и искусства

Бакалаврские программы – высшее образование очной (4 года) и заочной (5 лет) формы обучения на базе полного среднего образования по направлениям:

- визуальная культура (кино, телевидение, Интернет);
- история Беларуси и культурная антропология;
- культурное наследие и туризм;
- массовые коммуникации и журналистика;
- медиа и визуальный дизайн;
- международное право;
- политология и европейские исследования;
- социальная и политическая философия;
- теория и практики современного искусства.

Магистерские программы – 2-летнее высшее образование второго уровня (принимаются лица, имеющие диплом бакалавра или специалиста) по направлениям:

- бизнес-администрирование;
- визуальные и культурные исследования;
- гендерные исследования;
- европейские исследования;
- международное право и европейское право;
- охрана и интерпретация культурного наследия;
- публичная политика;
- социальная теория и политическая философия;
- сравнительная история стран Северо-Восточной Европы.

Широкий спектр курсов дистанционного обучения.

Учеба в ЕГУ – это:

- Ведущие преподаватели из Литвы, Беларуси, России, Украины, Европы и США.
- Учеба и проживание в мультикультурной среде.
- Гибкий график обучения и возможность сочетания учебы с работой на заочных и дистанционных программах.
- Учеба без границ. Программы международного обмена Erasmus и Campus Europe.
- Профессиональное владение иностранными языками.
- Современные специальности, востребованные на локальных и международном рынках труда.

www.ehu.lt